ISSN 0135-1672

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 24

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 24

Под редакцией
академика АН УзССР *А. А. Аскарова*

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УзССР
1990

Сборник включает первичные публикации, вводящие в научный оборот материалы и статьи, которые подводят итоги исследования определенных памятников. По данным раскопок и обследований рассматриваются вопросы первобытной, античной и средневековой археологии Узбекистана. Один раздел посвящен материалам Свода памятников археологии. Освещаются достижения смежных с археологией наук.

Для археологов, историков, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов.

Рецензенты:
доктора исторических наук *Э. В. Ртвеладзе, Т. К. Ходжайов*

И $\frac{0504000000-354}{М355(04)-90}$ 19—90

© Издательство «Фан» УзССР, 1990 г.

У. И. ИСЛАМОВ, М. Х. ГОДИН, К. А. КРАХМАЛЬ

ХАЙДАРКАНСКАЯ КОТЛОВИНА В НИЖНЕЧЕТВЕРТИЧНОМ ПЕРИОДЕ

Хайдарканская внутригорная котловина в нижнечетвертичное время имела ширину 5—6 км и протяженность около 30 км и была наклонена к центру и западу под углом 1—6°. В западной оконечности имела узкий выход в долину р. Сох. В период сильных паводков и мощных селевых выносов выход загромождался грубыми наносами.

Хайдарканскую котловину окружают на юге массивные хребты Терскей и Таркел, на востоке горы Кунгурттепесырт с высотами от 2 до 3,5 тыс. м над уровнем моря, на севере горы Катранбаши с абсолютной отметкой 3,2 тыс. м над уровнем моря. Главными водными артериями были р. Аллауддин, Елькучук, Арговиан, Уру, Толбаскуль и др.

Речные потоки, вытекающие из горных ущелий и пересекающие долину, у северного борта сливались с рекой Обишир, которая, принимая потоки северных, восточных и южных рек, формировала осадки в западной оконечности Хайдарканской котловины.

На формирование осадков и биологическую среду определенное влияние оказывали подземные воды, выклинивающиеся на дневную поверхность в местах тектонически ослабленных зон в виде родников. Так, например, родник «Чашма», расположенный в центральной части Хайдарканской котловины, имеет расход воды около 4 тыс. л в сек. Многочисленные родники, расположенные вдоль северной зоны тектонического нарушения, по которой проходит р. Обишир, дают суммарный расход подземных вод хорошего качества 6—8 тыс. л в сек. Эти подземные воды в период засухи были и остаются единственными источниками питьевой воды. За счет них осуществляется водоснабжение всех населенных пунктов Хайдарканской котловины.

Южный, северный и восточный борта Хайдарканской котловины сложены карбонатными породами палеозойского возраста. На западе котловина замыкалась толщей конгломератов и валунников неогенового возраста. Нижнечетвертичные отложения в центральной части котловины залегают на размытой сильно дислоцированной поверхности неогена. В прибортовых частях залегают с угловым несогласием на отложения неогена и палеозоя. Отмечаются также литалогические и азимутальные несогласия. Так, верхненеогеновые отложения имеют общее направление движения осадочного материала с востока на запад в пре-

делах 250—270°. Конусы выноса нижнечетвертичного возраста ориентированы с юга на север 350—360°. Неогеновые отложения своим образованием обязаны мощным селевым воднокаменным и грязекаменным выносам. Неогеновые реки хотя и выносили обломочный материал, но он смешивался с селевым потоком и приобретал облик селевых фаций. Формирование нижнечетвертичных отложений происходило главным образом благодаря выносу обломочного материала многочисленными постоянно действующими реками. Однако в междуречьях такое осадконакопление происходило благодаря временно (сезонно) действующим водным потокам.

В нижнечетвертичное время вынос обломочного материала по р. Аллауддин и Елькучук прекратился вследствие резкого воздымания хребта Кунгурттепесырт. Вынос обломочного материала прекратился также с гор Назары, так как речные долины были загружены обломочным материалом р. Сох. В результате создались условия подпруживания р. Обишир, стали формироваться преимущественно мелкообломочные и мелкоземистые отложения в виде линзующихся тел. На остальных участках возникали осадки застойных фаций. Озерные и озерноболотные процессы захватывали пояс силоновых отложений северного борта Хайдарканской впадины. Благодаря относительно спокойному тектоническому режиму, полноводности рек, умеренно теплому климату, периодически чередующемуся с похолоданиями и засушливостью, накопились ритмично построенные толщи нижнечетвертичного возраста. Вскрытая мощность нижнечетвертичных отложений в полных разрезах достигает от 25—30 до 40 м. В осадках довольно четко выделяется 5—6 микроритмов, в полных разрезах до 10—11 микроритмов. Микроритмы различаются по наличию в основании более крупного обломочного материала, в конце их отмечается заметное уменьшение размерности осадочных частиц. В конце каждого микроритма преобладают осадки подвижных фаций, в конце микроритмов — осадки менее подвижных до застойных. В начале микроритмов — обломки, плохо окатанные и округленные, в конце более окатанные и отсортированные. Увеличивается крепость пород от основания к кровле каждого микроритма. В таком же направлении увеличивается карбонатность пород.

Различия обнаруживаются и в петрографическом составе обломков. В неогеновых отложениях выделяется до 10 петрографических групп. В четвертичных преобладают обломки известняков — до 95—97%. Среди конгломератов неогенового возраста часто встречаются обломки гранодиоритов, яшмы и яшмовидные разновидности, много кремневых и углеродистых пород, жильный кварц молочно-белого цвета, обломки серых и розово-серых опаловых пород.

В нижнечетвертичных отложениях эти разновидности пород встречаются редко и только в зонах размыва неогеновых конгломератов. Иногда в конусах выносов р. Уру и Арговиан встре-

чаются обломки гранитоидного состава, принесенные с высоких хребтов ледниковой зоны.

Неогеновые отложения претерпели более глубокие диагенетические процессы, чем нижнечетвертичные. Они отличаются высокой цементностью и крепостью. Четвертичные отложения, напротив, рыхлые или слабоуплотненные за счет глинистого заполнителя. В нижнечетвертичных отложениях четко выражена фациальная зональность. Так, в головных частях речных и суходольных конусов преобладают крупнообломочные валунистые галечники, вниз по потоку — более мелкие обломки. В конце конусов выносов накапливаются песчаные и гравийные отложения, но и в этих породах всегда есть включения обломков галечной размерности. Неогеновые отложения на всей площади Хайдарканской впадины представлены одной веерообломочной зоной. Валунно-галечные отложения занимают всю Сохскую долину, смешивались с речными отложениями р. Сох. Приведенная сравнительная характеристика верхненеогеновых и нижнечетвертичных отложений, где использовались устойчивые, повторяющиеся во всех разрезах геологические признаки, позволила отделить нижнечетвертичные отложения от верхненеогеновых.

Изученные закономерности формирования осадков на дневной поверхности позволили расчленить осадки пещерного типа, вскрытые на многослойной палеолитической пещерной стоянке Сельунгур.

Тектонический режим, климат и другие физико-географические условия Хайдарканской впадины прямым образом повлияли на характер и режим осадконакопления в пещере Сельунгур и Обишир. Пещерные нижнечетвертичные отложения так же, как и поверхностные наслоения, обнаруживают четко выраженную ритмичность осадконакопления. В пещерных разрезах выделяются от 3—4 до 7—8 микроритмов, выраженных более конкретно, чем поверхностные. В основании каждого микроритма залегают грубые угловатые обломки обвально-осыпного пещерного типа, сцементированные мелкоземистым глинисто-известковистым материалом. Наслоения обвального типа перекрываются отложениями пещерного аллювия, пролювия, культурными слоями палеолитической эпохи. Примечательным признаком пещерных отложений является то, что ритмы поверхностных разрезов совпадают с ритмами пещерных отложений. Синхронность ритмических чередований объясняется то усилением, то ослаблением тектонической активности всего региона, а также колебаниями климата: чередующимися потеплениями и похолоданиями, повышенными увлажнениями и засушливыми периодами. Анализ ритмичности осадконакопления, а также фациально-литологической последовательности и палеогеографического режима позволяет сделать заключение о том, что послеиеогеновый, предчетвертичный период характеризовался интенсивной перестройкой рельефа, которая вызвана переориентацией течения палеорек с северо-восточного на западное — юго-западное на-

правление, обусловленной ростом горного обрамления Хайдарканской котловины. К концу нижнечетвертичного времени усилились тектоническая активность всего региона и аридизация климата, интенсивный рост горного обрамления. Террасовые платообразные неогеновые комплексы, сохранившиеся вдоль южного борта Хайдарканской впадины, в начале нижнечетвертичного периода покрывались наносами, но в связи с ростом горного обрамления они также вовлекались в поднятие.

Выровненные древние поверхности использовались палеолитическими обитателями. На террасе, сложенной неогеновыми конгломератами бактрийской свиты, покрытыми аллювиальными отложениями толщиной 40—50 см, были обнаружены скопления каменных орудий, отщепы, отходы производства. Основная масса каменных изделий находится на пологой поверхности. Необходимый для изготовления орудий материал древние обитатели собирали в конусах выноса из русл горных потоков. В результате эрозионной деятельности основного русла р. Обишир и ее притоков терраса оказалась отрезанной от коренных берегов. Эти физико-географические особенности дают основание считать, что находки выявлены в непереотложенном состоянии.

Каменный инвентарь местонахождения Чашма, расположенного в 2 км к югу от одноименного кишлака, представлен многочисленными изделиями из галек кремнистых яшмовидных пород, грубых рубящих форм типа чопперов и чоппонгов, а также грубыми аморфными заготовками и отходами производства.

В коллекции имеются рубящие орудия из плоских галек округлой формы, рабочие края с выступающими лезвиями. Лезвия оформлены двусторонними мелкими и крупными фасетками. Размеры одного из изделий — 14,5×13,5×8 см. Другое орудие рубящей формы изготовлено из плоской гальки яшмовидного кремня округлой формы и оформлено серией сколов от края к центру. Рабочая часть подправлена ступенчатой ретушью, размеры 13×11×6,5 см (рис. 1, *2*).

Другой тип груборубящих форм представлен плоской галькой округлой конфигурации, рабочее лезвие обработано почти по всей окружности двусторонними мелкими фасетками с притупляющей ретушью. Размеры 12×10×3,4 см. Орудие, изготовленное из плоской гальки удлиненной формы (рис. 1, *1*), выполнено двусторонними массивными сколами с пологими гранями, создающими острые режущие края, которые подработаны ретушью. Размеры изделия 13,5×8,3×3,6 см.

Среди находок имеется обработанный дисковидный отщеп, снятый боковым сколом с нуклеуса. Ударная площадка изделия сглажена вторичной оббивкой. Одна из сторон отщепа имеет несколько следов сколов, направленных от края к центру. Другая имеет одну крупную плоскую и три мелкие фасетки. Рабочий край этого изделия зигзагообразный, в профиль подправлен мелкой ступенчатой ретушью, размеры 6×8×3 см.

Необходимо отметить орудие, изготовленное на отщепе галь-

ки, размеры которого 4×7×1,3 см (рис. 1, *3*). Острый режущий край оформлен односторонней частой ретушью.

Комплексные исследования Хайдарканской впадины позволяют разработать схему древнейших периодов развития мате-

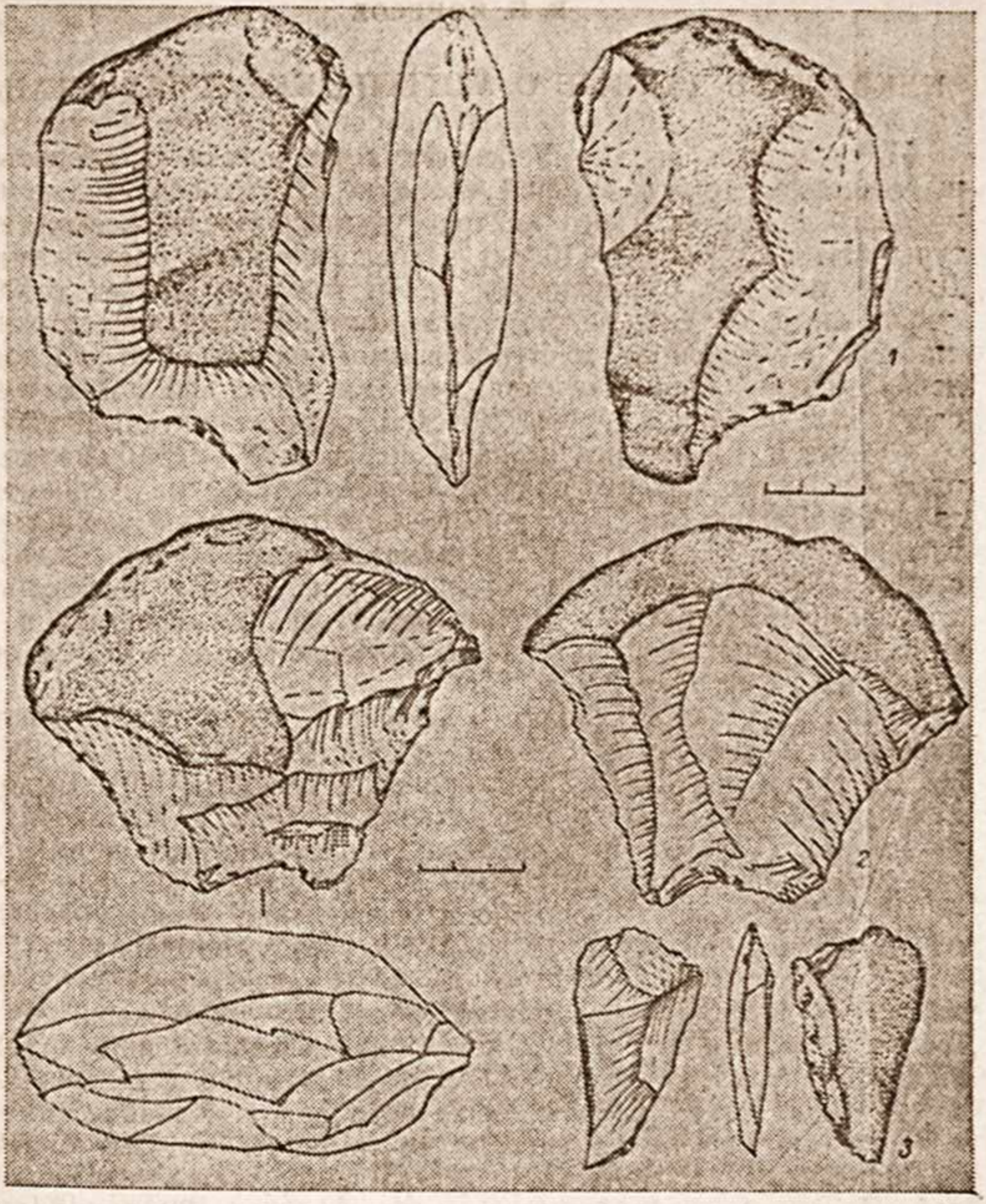

Рис. 1. Каменные орудия из местонахождения Чашма.

риальной культуры, этапы заселения и обживания Ферганского региона и Средней Азии в целом. Результаты данных исследований свидетельствуют о том, что древнепалеолитические обита-

тели долины р. Обишир обживали не только пещеры и скальные навесы, но расселялись и на открытых пространствах.

В. И. ИОНЕСОВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О МОГИЛЬНИКЕ ДЖАРКУТАН-4В

Исследования на юге Узбекистана позволили установить существование здесь во второй половине II тысячелетия до н. э. крупного протогородского центра древнеземледельческой культуры (1). За последние 10 лет археологическими раскопками на Джаркутане под руководством А. А. Аскарова были открыты уникальные объекты — храмовый комплекс, цитадель, жилой массив, ремесленные мастерские, могильники. Это предопределило возможность изучения места и роли каждой из этих составных в единой протогородской организации Джаркутана.

Объектом наших исследований в составе Шерабадского отряда Института археологии АН УзССР был холм, условно названный Джаркутан-4В, который является самым южным могильником в пределах Джаркутана. Раскопки его начались осенью 1982 г., были возобновлены весной 1985 г. В результате археологических работ к осени 1986 г. удалось вскрыть и изучить 128 захоронений, материалы большинства из которых опубликованы.

Настоящая статья вводит в научный оборот новые данные раскопок двух полевых сезонов — осени 1986 г. и весны 1987 г. За это время раскопано 62 захоронения (№ 129—190). Было заложено три раскопа — в центральной, южной и восточной частях холма. Раскопы представляли собой вытянутые прямоугольные полосы размерами 32×5 м (С—Ю), 21×5 м (В—З), 20×5 м (С—Ю). По степени сохранности погребения можно разделить на три группы — неограбленные (17 могил), ограбленные (45 могил) и потревоженные (11 могил). В 24 погребениях зафиксирована подбойная конструкция погребальных сооружений, в 8 — ямная. В остальных случаях погребальные сооружения не сохранились. Как правило, входная яма располагалась с северной стороны погребальной камеры, реже с западной. Характерная особенность могил — их ориентация по линии В—З. Она отмечена в 36 погребениях. В 42 погребениях обнаружены скелеты людей. Из числа антропологически определенных 28 принадлежат взрослым, 3 — подросткам и 2 — младенцам. Основная масса погребенных уложена в могилы в скорченном положении, на боку: женские костяки на левом, мужские на правом. Ориентировка умерших различна. Преобладает западная с отклонением на юг. Значительную группу погребений составляют кенотафы.

Археологический материал раскопанных могил представлен прежде всего керамикой, состоящей из 170 археологически це-

лых сосудов. Большинство сосудов изготовлено на гончарном круге, из хорошо отмученной глины. Обжиг качественный, равномерный, поверхность гладкая. На многих сосудах имелись следы ангоба и лощения. По форме и функциональному назначению керамика довольно разнообразна. Выделяются вазы, горшки, кувшины, миски, кринки, большая часть которых использовалась в качестве парадно-бытовой посуды. В 8 погребениях найдено 23 бронзовых предмета. Обычно это вотивные орудия труда и оружие — ножи, топоры, наконечники, бритвы и пр. Каменные орудия и поделки присутствовали в 9 могилах в количестве 12 экз. К ним относятся пряслица, шлифованные гальки, бусины, кремневые пластины, зернотерка и пр.

Характерная черта погребального ритуала — наличие в могиле отдельных костей жертвенного животного (молодого барана). Подобный ритуал наблюдался в 17 погребениях. В 18 могилах отмечено скопление золы, угля. В 5 погребениях под скелетом зафиксированы остатки темно-коричневого тлена.

Приведенные данные показывают общие археологические при-

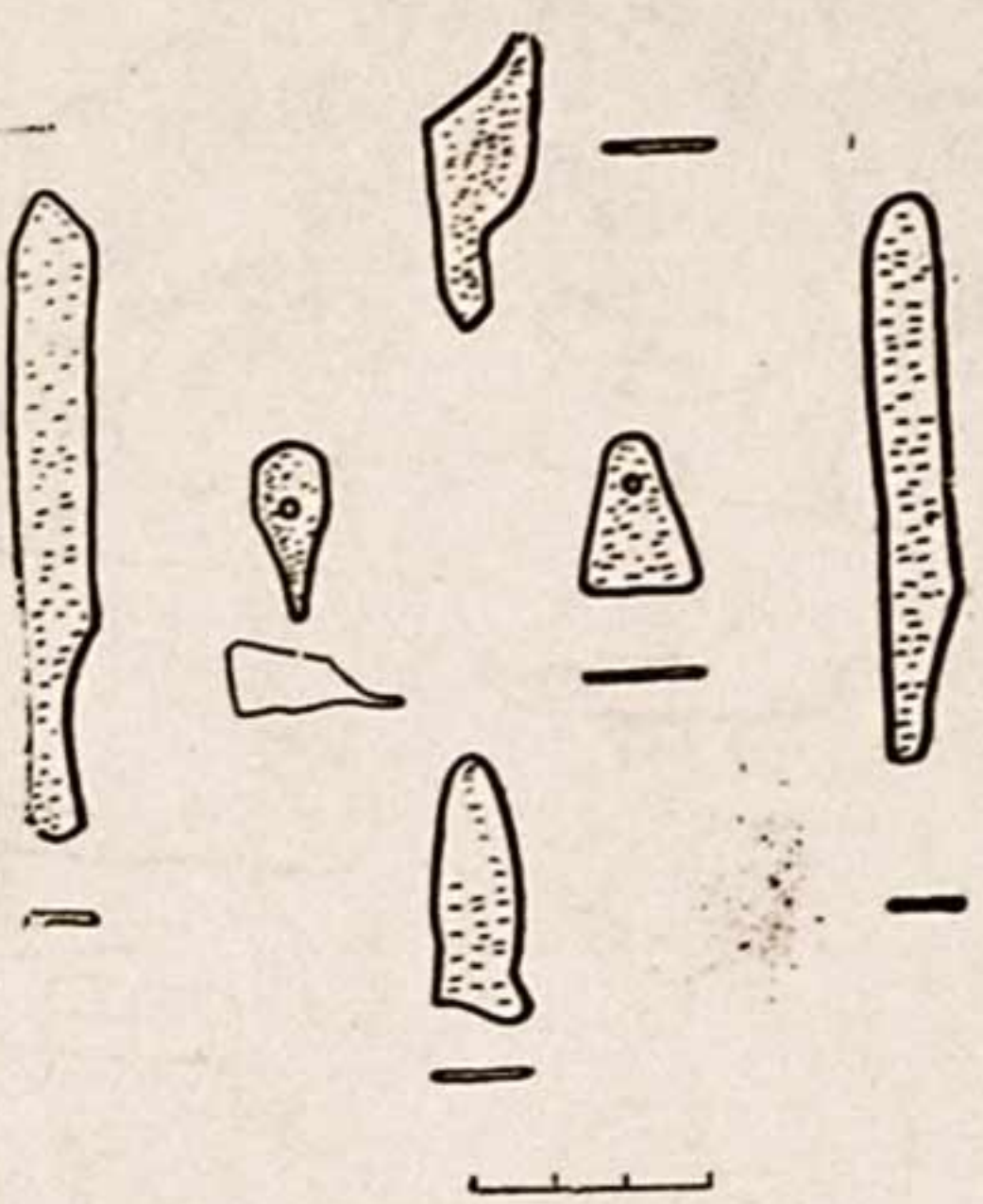

Рис. 1. Набор бронзовых вотивных предметов из кенотафа 152 (бустанская стадия моллалинского этапа).

знаки для всего комплекса раскопанных погребений. Устойчивые совокупности ритуальных признаков, общих для всех этапов в течение более 500 лет, объясняются, в первую очередь, глубокими корнями этнокультурного единства их носителей. Вместе с тем развитие общества, стоящего на пороге раннеклассовой организации, не могло происходить без противоборства и инноваций. Длительное культурное единство не столько заслоняло их, сколько придавало им более зримые очертания. Это отчетливо отразилось в материалах раскопанных погребений. Наибольший интерес представляют два захоронения молодых баранов (№ 130, 180) и кенотаф (№ 152) с редким по сохранности и комплектованию набором бронзовых вотивных изделий (рис. 1). Интерес к этим погребениям возник не случайно. Вотивные предметы получили широкое распространение на Джаркутане. К сожалению, они сохраняются чрезвычайно плохо. В погребениях, как правило, они представлены фрагментарными или единичными находками, что не всегда позволяет рассматривать в комплексе их ритуальное назначение. Присутствие в могиле вотив-

ных предметов как части сложной погребальной атрибутики имеет большое значение.

В кенотафе № 152 (рис. 2) (бустанская стадия моллалинского этапа) погребальный инвентарь состоял из 7 глиняных сосудов и оригинального набора из 6 бронзовых вотивных орудий труда и оружия (рис. 1). Сосуды стояли в ряд вдоль северной стенки могилы. Все они или слабо обожжены, или высушены на солнце, что нехарактерно для керамики Джаркутана. На одном из горшков с округлым туловом под сильно отогнутым наружу

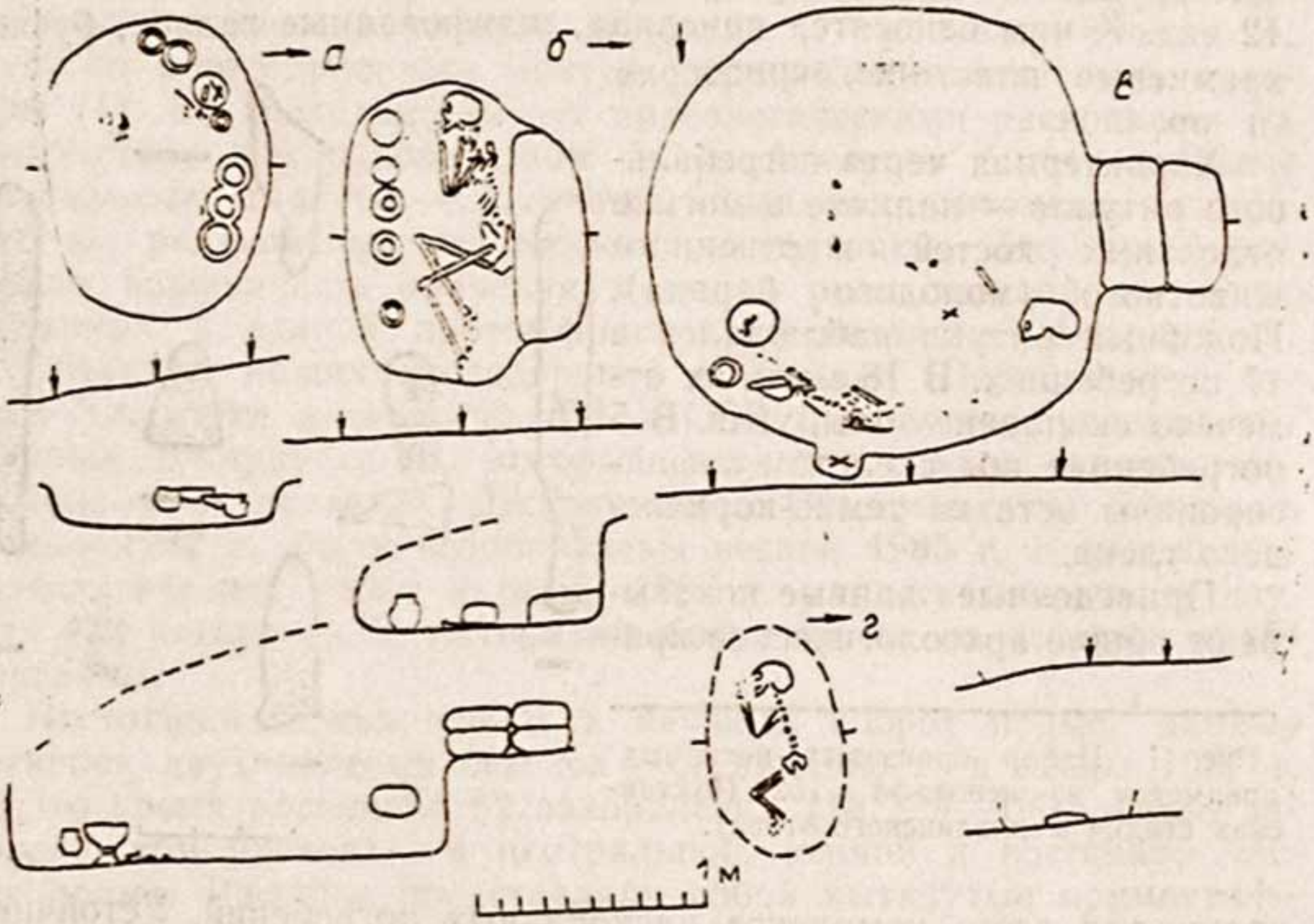

Рис. 2. Планы и разрезы погребений:

а, б—№ 152, 159 (бустанская стадия моллалинского этапа); *в, г*—№ 161, 180 (моллалинский этап).

венчиком процарапан орнамент в виде треугольных линий. В миске находились ребра барана и угольки, рядом с ней еще несколько костей животного. На них лежал бронзовый вотивный однолезвийный нож с четко выраженной рукояткой (длина 8 см). Рядом с сосудами найдены бронзовые вотивные изделия — однолезвийный нож с небольшим черешком (длина 7 см). проушный, вислообушный топорик со сквозным отверстием в центре для деревянного топорища (длина 2,3 см) и кетмень со сквозным круглым отверстием и отпечатком клейма на одной из сторон (длина 2 см). На дне горшка с треугольным орнаментом находился вотивный бронзовый топорик (типа топора-секача) с плоским черешком и массивным полуовальным лезвием (длина

3,7 см). Аналогичные топорики вместе с костями животных имелись в кенотафах № 105 и 158 этого же могильника. Соседство топориков или ножей с костями животных, видимо, не случайно. Не исключено, что они обозначают орудие, предназначенное для убоя скота, и имитируют ритуальный акт жертвоприноше-

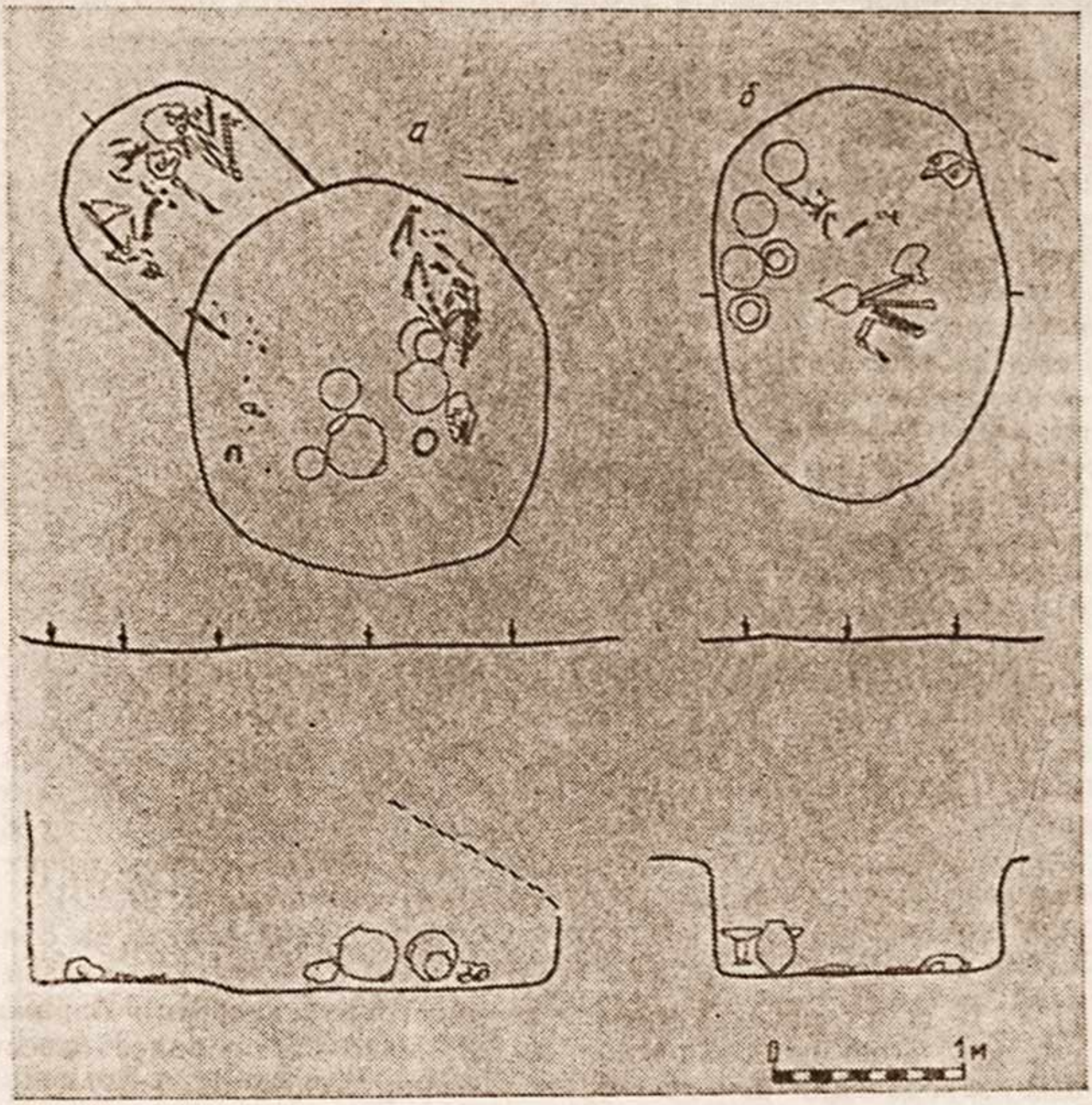

Рис. 3. Планы и разрезы погребений:
а — № 130 (моллалинский этап); *б* — № 132 (кузалинский этап).

ния. Правда, возможны и другие трактовки подобного явления (2, с. 48). Вотивные предметы, находящиеся под сосудами, вероятно, символизируют рабочие инструменты ремесленника, которому был посвящен данный кенотаф. Похожие вотивные орудия известны в погребении строителя-плотника (№ 85) на Сапаллитепа (3, с. 72, 195).

Что касается захоронений животных, то они в погребальной практике сапаллинской культуры явление нехарактерное, хотя жертвоприношения их отдельных костей использовались достаточно часто. До настоящего времени в могильниках Джаркутана и Бустана было известно лишь 2 захоронения животных (№ 473, 627 — Дж-4А) из более чем 1000 погребений. На Сапаллитепа их раскопано несколько больше (№ 7, 44, 59, 90, 99,

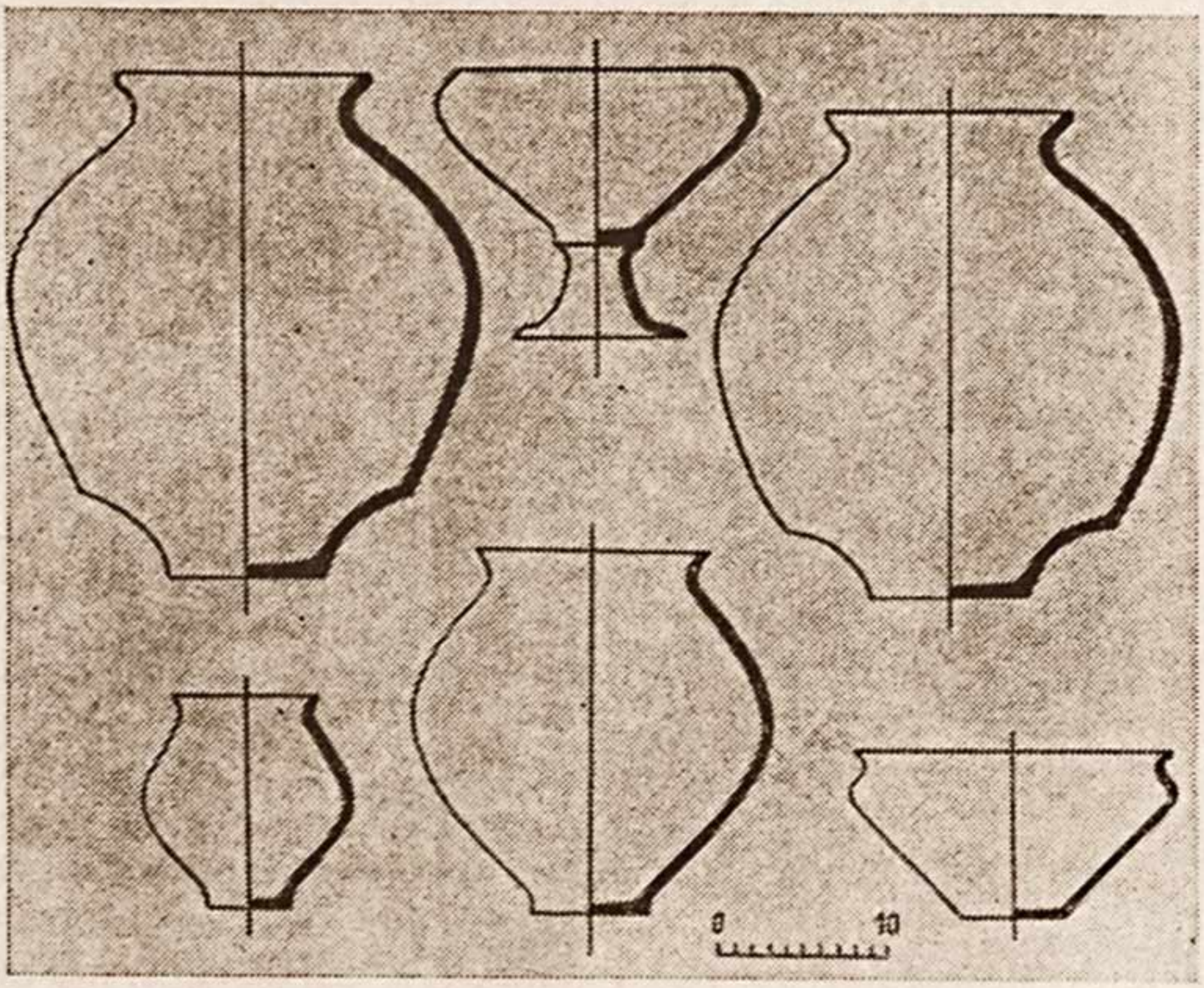

Рис. 4. Керамика из погребения № 130.

115). В двух других погребениях вместе со скелетами баранов имелись и останки человека, что отличает их от ранее известных захоронений животных на Джаркутане.

В погребении № 130 (рис. 3) (моллалинский этап) скелет молодого барана (10—12 мес.) лежал в северо-западной части камеры в скорченном положении, головой на восток. Череп барана, отделенный от костяка, покоился на правой лицевой части, а остальная часть скелета на левом боку. В центре камеры — 6 глиняных сосудов (рис. 4). В южной части — скопление угольков. Здесь же находились отдельные кости человека (нижняя челюсть, лучевая кость). Кости попали в камеру из входной ямы могилы, где лежал скелет взрослого мужчины в беспорядке.

Скелет мужчины покоился в скорченном положении на правом боку. Череп лежал рядом с тазовыми костями и нижними конечностями. На нем сохранились следы серебристого вещества (такие же следы имелись и на черепе мужчины из погребения № 60). В некоторых местах под костяком — темно-коричневый тлен. Сопровождающий инвентарь отсутствует. Баран, возможно, был своего рода заменителем умершего до тех пор, пока его тело не было найдено и предано земле в предназначавшейся для него могиле.

Совместное захоронение ягненка (до 3 мес.) и взрослого мужчины имело место в погребении № 180 (рис. 2) (моллалинский этап). Скелет ягненка лежал ничком (на груди) с поджатыми конечностями, головой на восток, вдоль северной стенки камеры. К северу от скелета в небольшом углублении на темно-коричневом тлене находилось несколько обгоревших костей другого животного. Перед черепом ягненка стояли горшок и ваза, в резервуаре которой находилось несколько костей барана. Череп мужчины лежал в 15 см к С—В от входной ямы на правой лицевой части, теменем на юг. Между черепом человека и скелетом ягненка — бронзовый вотивный однолезвийный нож с черешком для насадки на деревянную рукоять (длина 4,5 см). Остальная часть могилы пустовала.

По хронологической принадлежности все могилы делятся на четыре группы: джаркутанскую (1500—1350 гг. до н. э.), кузалинскую (1350—1200 гг. до н. э.), моллалинскую (1200—1050 гг. до н. э.), бустанскую (1050—950 гг. до н. э.)*.

Джаркутанский этап представлен в раскопанном комплексе единственным погребением № 165. Могила диаметром 180 см, потревожена. В центральной части — скелет женщины (?) на левом боку, в скорченном положении, головой на север. С ним 5 глиняных сосудов. Северная ориентация умерших является характерной для данного этапа.

Из 12 кузалинских погребений 4 ограблено, 5 потревожено и 3 не ограблено. В них выделяется несколько устойчивых признаков — подбойная конструкция погребальных сооружений (№ 137, 154, 156, 162, 176, 178, 186, 190); ориентация могил по линии В—З (№ 137, 156, 158, 162, 176, 178, 186, 190); расположение входной ямы с северной стороны камеры (№ 156, 162, 186, 190); одиночные погребения человека (№ 132, 137, 154, 156, 162, 176, 186, 190); западная ориентация умерших (№ 132, 156, 162, 186); присутствие в могиле отдельных костей молодого барана (№ 132, 137, 158, 178, 186, 190); наличие в погребальной камере следов огня (уголь, зола) (№ 156, 158, 178, 186, 190); присутствие в качестве погребального инвентаря (помимо сосудов) бронзовых вотивных предметов (10 экз.) (№ 132, 137, 158, 186); кенотафные захоронения (№ 158, 178).

---

* Используется периодизация, предложенная на основе новейших исследований керамических комплексов сапаллинской культуры У. Рахмановым.

Наиболее многочисленна группа погребений моллалинского этапа — 36 могил. Хронологически она подразделяется на два уровня — собственно моллалинский и бустанский. К моллалинскому относится 21 погребение, 13 из которых ограблено, 4 потревожено и 4 не ограблено. В погребениях этого времени нашло отражение поступательное развитие многих кузалинских признаков: ориентация могилы по линии В—З; кенотафные захоронения; следы огня в погребальной камере; наличие в могиле отдельных костей барана; присутствие бронзовых вотивных предметов. Вместе с тем, отчетливо обозначились и новые явления, нехарактерные для предыдущего этапа. К ним следует отнести расположение входной ямы (наряду с северной) с за-

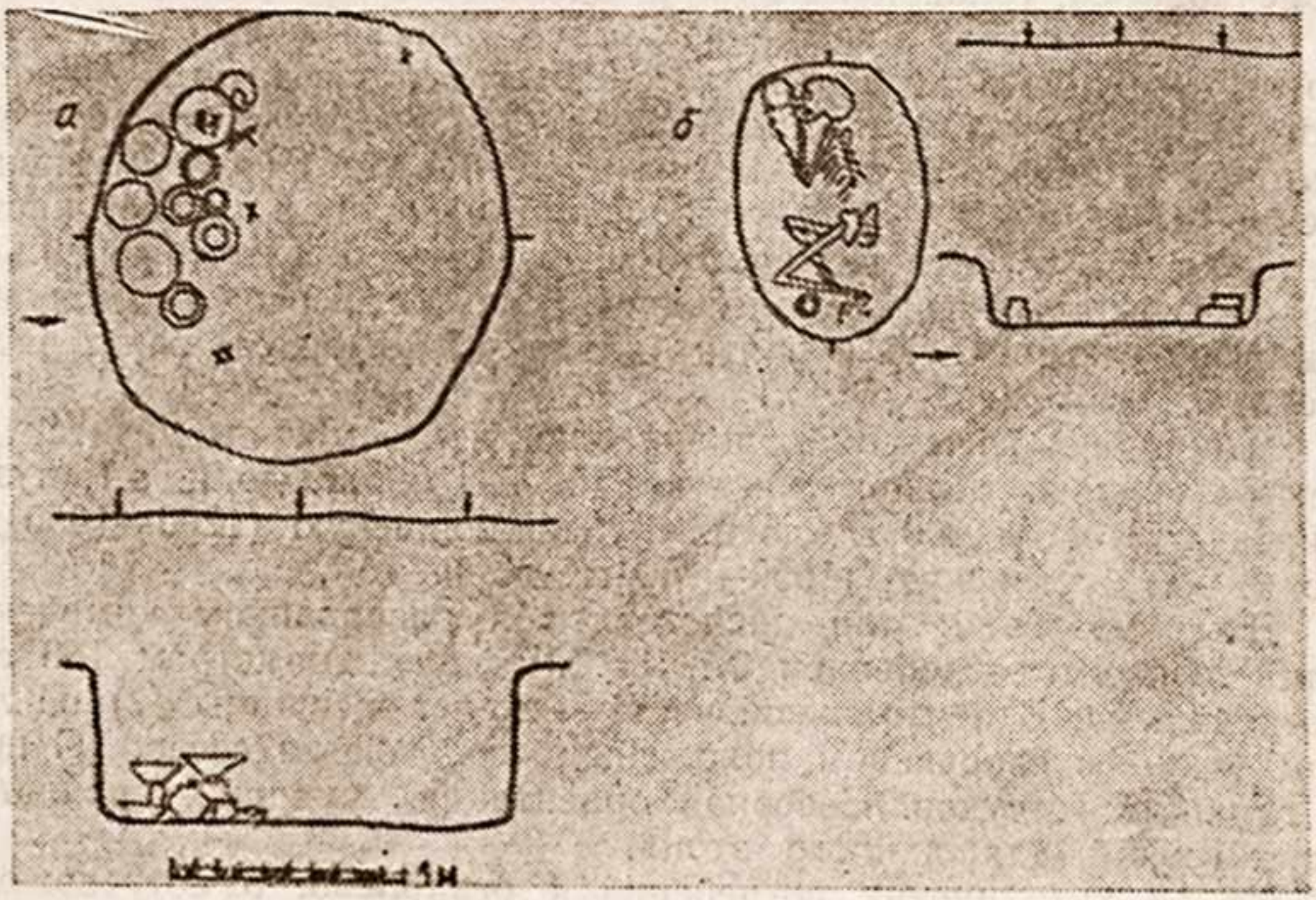

Рис. 5. Планы и разрезы погребений:
а — № 158; *б* — № 162 (кузалинский этап).

падной стороны погребальной камеры (№ 171, 172, 177, 180); совместное захоронение человека и барана (№ 130, 180); наличие следов огня как в камере, так и во входной яме (№ 143, 177, 180); присутствие в могиле речных галек (№ 163, 177, 180).

К бустанской стадии моллалинского этапа принадлежит 15 погребений. Из них 4 ограблено, 1 потревожено и 10 не ограблено. Археологические материалы свидетельствуют о том, что в бустанское время в основном сохраняются общие традиции моллалинского этапа, однако некоторые из них приобретают прогрессирующий характер. Это относится в первую очередь к разнообразным фактам использования в погребальном обряде огня

(скопления угля, золы, обожженная земля, сосуды со следами нагара и пр.) (№ 139, 152, 157, 159, 181, 189) и к практике ритуального жертвоприношения животных (кости в камере, во входной яме, в заполнении, в сосудах) (№ 134, 150, 151, 152, 159, 169, 189). Причем в подавляющем большинстве кости животного размещаются в сосудах. миске или кринке. Возрастает доля кенотафов (№ 135, 139, 150, 152, 169, 181). Чаще практикуются захоронения в ямах (№ 134, 139, 152, 181). Имеются и специфические для бустанской стадии признаки. Особо заметно они проявились в керамике. Меняется конфигурация ваз, кувшинов, горшков, мисок. Так, горшки оказываются самым популярным атрибутом погребальной посуды. Уменьшаются их размеры, донце становится плоским с округлыми стенками. Напротив, вазы приобретают массивную форму с глубоким резервуаром и овально загнутым внутрь венчиком или вытянутую конфигурацию на удлиненной ножке с мелким резервуаром и с плоским, выпирающим наружу краем венчика. Появляются и сосуды, отражающие черты степных скотоводческих культур (№ 152, 157).

Учитывая вышесказанное и обобщая опыт последующих раскопок, можно выделить некоторые закономерности в развитии погребальной практики джаркутанцев. В могильнике Джаркутан-4В доля погребений джаркутанского этапа незначительна — 12 могил, или 6,8% общего числа погребений, — в отличие от близлежащего могильного холма Джаркутан-4А, где джаркутанскому этапу принадлежат 350 погребений, или 47,8%. Вместе с тем на Джаркутане-4В резко возрастает доля погребений моллалинско-бустанского времени — 67,2% против 30% на Джаркутане-4А. Это свидетельствует о том, что холм Джаркутан-4В стал наиболее интенсивно использоваться как могильник начиная с середины кузалинского этапа, когда площади могильника Джаркутан-4А оказалось недостаточно.

На кузалинском этапе резко возрастает и число кенотафов. Если в джаркутанское время их доля равнялась 8,7%* (в синхронных памятниках Дашли 1 и Дашли 3 — 9,7%), то в кузалинское она увеличивается до 35% (т. е. более чем в 4 раза). Одновременно происходят изменения в составе погребального инвентаря. Бронзовые предметы натуральной величины заменяются вотивными, символическими, изготовленными специально для погребения. В связи с этим логично предположить, что именно на кузалинском этапе начинается обособление части ремесленников, специализирующихся на производстве ритуальных атрибутов для погребения. В этом убеждают недавние раскопки храмового комплекса Джаркутана, одна из частей которого предназначалась для производственной деятельности (мастерские для изготовления религиозной атрибутики) (4). По поводу выяснения причин появления бронзовых вотивных пред-

* От общей суммы всех раскопанных погребений могильников Дж-4А, Дж-4В, Дж-4В¹, Бустан-3, Бустан-5.

метов в погребальном обряде джаркутанцев имеется несколько мнений. Одни исследователи связывают использование вотивных предметов с экономным использованием сырья для изготовления орудий труда (2, с. 24). Другие не согласны с такой трактовкой и предлагают искать в качестве причины чисто религиозные мотивы (5, с. 19). Думается, однако, что употребление вотивных предметов в ритуальной практике джаркутанцев вызвано экономическими соображениями. Вероятно, не случайно их массовое появление связано с кузалинским этапом. Резко возросшее число кенотафов (причины этого явления еще предстоит выяснить) потребовало от общинников добровольно складывать материальные блага по существу в пустую яму. И несмотря на то, что джаркутанцы не считали кенотафы пустыми (в них они, вероятно, видели пристанище души и пр.), развитие социально-экономических отношений заставляло их учитывать производственные нужды. Кенотафы, в которых имитировался обряд погребения человека, стали наиболее удобным местом для практики новых имитаций. Одна имитация породила другую. Разумеется, экономическая обусловленность появления вотивных предметов не исключает возможности их ритуально-культового осмысления. Напротив, такой подход позволяет понять смену ритуальных установок не как первопричину, а как активное следствие развития материальной основы жизни. Бесспорно, погребальная направленность вотивных предметов не могла не быть освящена ритуально, ибо всякий атрибут погребального инвентаря несет в себе определенную ритуальную нагрузку. В этом смысле уместно искать в вотивных предметах и религиозное содержание. Но не это главное. Гораздо существеннее видеть в вотивных предметах своеобразную попытку найти компромиссное решение внутриобщинных экономических противоречий.

Ни один кенотаф начиная с кузалинского этапа и в последующие периоды сапаллинской культуры не содержит натуральных бронзовых изделий, в то время как в погребениях людей такие случаи известны. Это в какой-то мере может свидетельствовать о том, что именно резкое увеличение количества кенотафов обусловило появление бронзовых вотивных предметов, практика использования которых стала применяться и в остальных (некенотафных) погребениях. Разумеется, тема вотивных предметов этим не исчерпывается. В ней остается немало неизвестного. Окончательно не установлена и ритуальная роль кенотафов, без выяснения которой невозможно полноценное решение проблемы.

Другой тенденцией, отчетливо выделившейся на кузалинском этапе, является участившаяся практика ритуальных жертвоприношений животных. Так, кости животных (главным образом, молодого барана) в качестве ритуальных приношений присутствуют в 40% погребений могильника Джаркутан-4В, что значительно выше, чем на предыдущем этапе.

Привлекает внимание и ритуал использования огня в процессе погребения. Доля погребений со следами такого ритуала в кузалинское время достигает 15,5%.

Наиболее полное оформление указанные тенденции получили в моллалинско-бустанское время. В это время кенотафы составляют 35,8% (в синхронных моллалинскому этапу сумбарских могильниках доля кенотафов не превышает 8%, кстати, и вотивные предметы там не получили распространения). В могильнике Джаркутан-4В ритуальные жертвоприношения молодых баранов засвидетельствованы в 41% моллалинских и бустанских погребений. Вместе с практикой помещения в могилу нескольких костей животного появляются и отдельные захоронения баранов, что могло произойти только с расширением экономических возможностей общины. Заметно усиливается в погребальном обряде и роль огня, особенно на бустанской стадии моллалинского этапа. Культ огня выявлен в 26% бустанских погребений (по Джаркутану-4В). Кстати, если на джаркутанском и кузалинском этапах огонь, как правило, использовался внутри камеры, то в моллалинско-бустанское время следы огня присутствуют во входной яме, в заполнении, в сосудах и даже над погребениями. Над некоторыми могилами имелись зольно-угольные прослойки и кострища. Есть основания предположить, что усиление культа огня и ритуальных жертвоприношений на завершающих этапах сапаллинской культуры, вероятно, связано с участившимися контактами с населением северных и восточных регионов, где к тому времени аналогичные элементы погребальной практики выражены очень четко. Проявление культа огня характерно для каждой из могил бишкенской культуры (6, с. 54). На рубеже I—II тысячелетий вероятность таких контактов стала очевидной. Археологическими подтверждениями этого могут служить также и другие атрибуты материальной культуры — глиняная посуда и металлические изделия, многие из которых несут на себе явно привнесенные степные традиции.

Таким образом, данные археологических исследований позволяют констатировать, что на завершающих этапах древнеземледельческой культуры юга Узбекистана в целом оформляются основные мировоззренческие элементы раннеклассовой идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскаров А. А. Южноузбекистанский очаг древнебактрийской цивилизации//Древние цивилизации Востока (материалы 2 советско-американского симпозиума). Ташкент, 1986.
2. Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.
3. Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
4. Аскаров А. А., Ширинов Т. Ш. Раскопки монументального храма на Джаркутане//Тезисы докладов научной конференции «Творческое

Q.C.P. - N.Ver

наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». Ташкент, 1985.
5. Аванесова Н. А. Отчет об итогах археологической практики за 1986 г. СамГУ им. А. Навои. Архив ИА АН УзССР. № 254. Ч. 2.
6. Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Бактрии (о Вахшской и Бишкентской культурах)//Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982.

Т. ШИРИНОВ

«ВИНОДЕЛЬНЯ» ДЖАРКУТАНА — ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮГА УЗБЕКИСТАНА

В последние годы интенсивно исследуются памятники эпохи бронзы Узбекистана, в особенности его южных областей (1; 2; 3; 4; 5). В настоящее время характерные черты материальной культуры эпохи бронзы юга Узбекистана, ее место в пространстве и во времени общеизвестны. Сапаллинская культура, относящаяся к намазгинской культурной общности, была довольно широко распространена в Южном Узбекистане, Таджикистане и Северном Афганистане (1; 6; 7; 8).

Одним из раннегородских памятников является Джаркутан, расположенный в центре Шерабадского ирригационно-земледельческого оазиса. Он занимает площадь более 100 га, расположен на берегу высохшего русла Бустансая, на территории совхоза «Гулистан».

В последние годы на этом памятнике сосредоточены стационарные раскопки. Изучено более 1000 погребений (2), вскрыто целое патриархально-родовое поселение, а также уникальный по своему научному значению общественно-культовый центр — храм огня (9).

Не вникая в структуру планировки храма, остановимся на изучении двух помещений так называемой «винодельни», вызвавшей интерес специалистов, занимающихся изучением истории материальной культуры эпохи бронзы. Хотя для этого времени известны ремесленные мастерские (такие как металлургическая, гончарная, ткаческая, камнеобрабатывающая), до сих пор еще не удавалось обнаружить мастерские по изготовлению опьяняющих напитков.

Вскрыты две мастерские по изготовлению опьяняющих напитков — в помещении № 9 и 11.

Храм в целом делится на две части: культовую и хозяйственную. Хозяйственный комплекс занимает меньшую — западную часть храма. В нем вскрыты два открытых двора, 10 помещений различных размеров и назначения, связанных общим коридором. Внутреннее убранство помещений различно. Одно из них, помещение № 9, выделяется на фоне всего ансамбля хозяйственных построек.

Помещение это сравнительно маленькое, длина его стен сос-

тавляет 4,75 м, а ширина 2,10 м, на первом строительном этапе оно имело вид айвана из-за отсутствия западной стены и служило вестибюлем для помещения № 10. На втором строительном этапе воздвигнута западная стена, вырублены два входа — южный и северный, продолжал функционировать и восточный, таким образом, данное помещение, сообщающееся с трех сторон с окружающими помещениями, полностью оформилось. Входы неширокие (0,95 м), порог слегка приподнят (8—10 см) по отношению к полу помещений. Стены сохранились на высоту до 1 м, тщательно оштукатурены.

Пол этого помещения покрыт идеально ровной гипсовой штукатуркой* и состоит из четырех слоев: первый снизу — пол

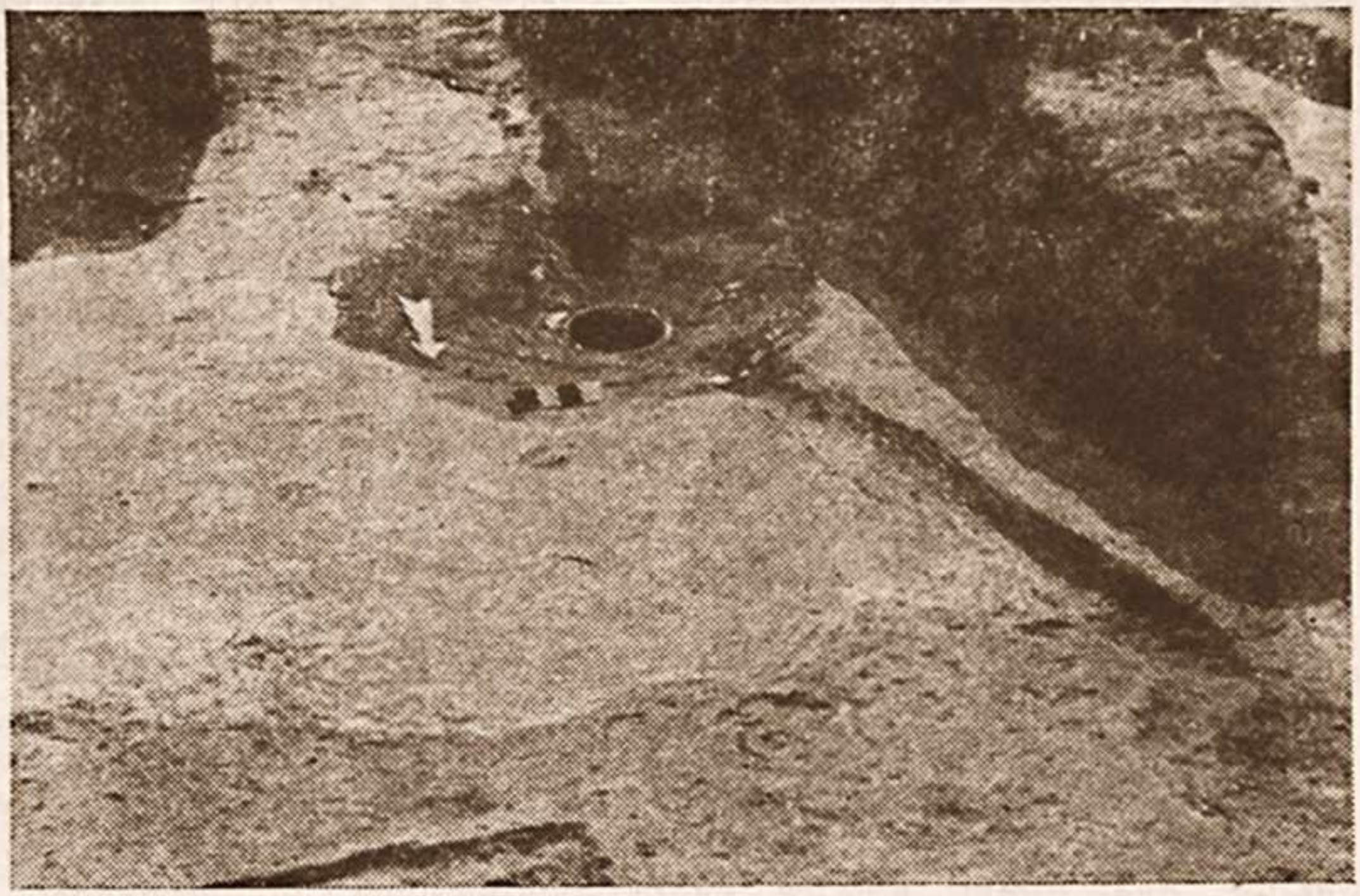
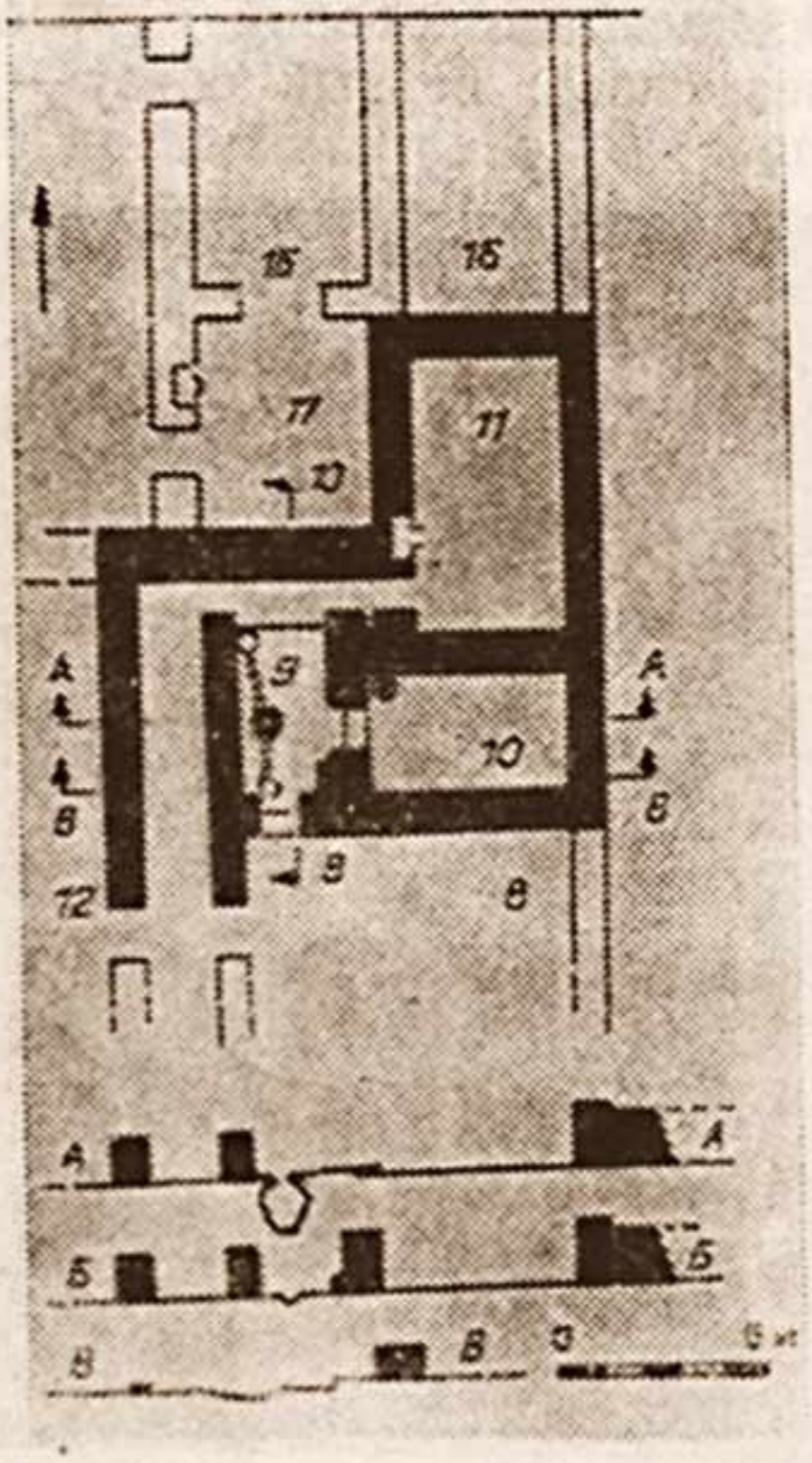

Рис. 1. Джаркутан. Храм. «Винодельня» № 1.

первого строительного этапа — хорошо утрамбован и включает фрагменты керамики, бытовые, костяные остатки, слегка прожженный грунтовой слой (8 см); второй — стерильный, штукатурка имеет саманную примесь (4 см); третий имеет тонкий, как пленка (5 мм), каолиновый слой, штукатурку болотного цвета; четвертый — верхний — гипсовый, толщиной 3—5 см. Гипсовая штукатурка, покрывающая пол помещения, при вскрытии поражала необычайной белизной и свежестью. Гипсовый пол у стены приподнят под прямым углом, как бы обра-

* Анализ состава покрытия пола в помещении № 9 произведен в химико-технологической лаборатории Института археологии АН УзССР С. Джалаловой.

зуя бортик большого резервуара, высота которого 5—8 см. Почти в центре помещения, ближе к западной стене, в пол врыт большой хум, диаметром венчика 0,28 м, высотой 0,84 м. Вокруг хума -- пол-площадка диаметром 1,2 м, плавно снижающийся к горловине хума. От горловины хума уходят два диаметрально расположенных желобка шириной 20—22 см, глубиной 6—7 см, длина северного 2,45 м, южного 1,90 м. Концы желобков закругляются чашевидным углублением-резервуаром диаметром 0,5 м. глубиной 10—12 см. Желобки также под уклоном снижа-

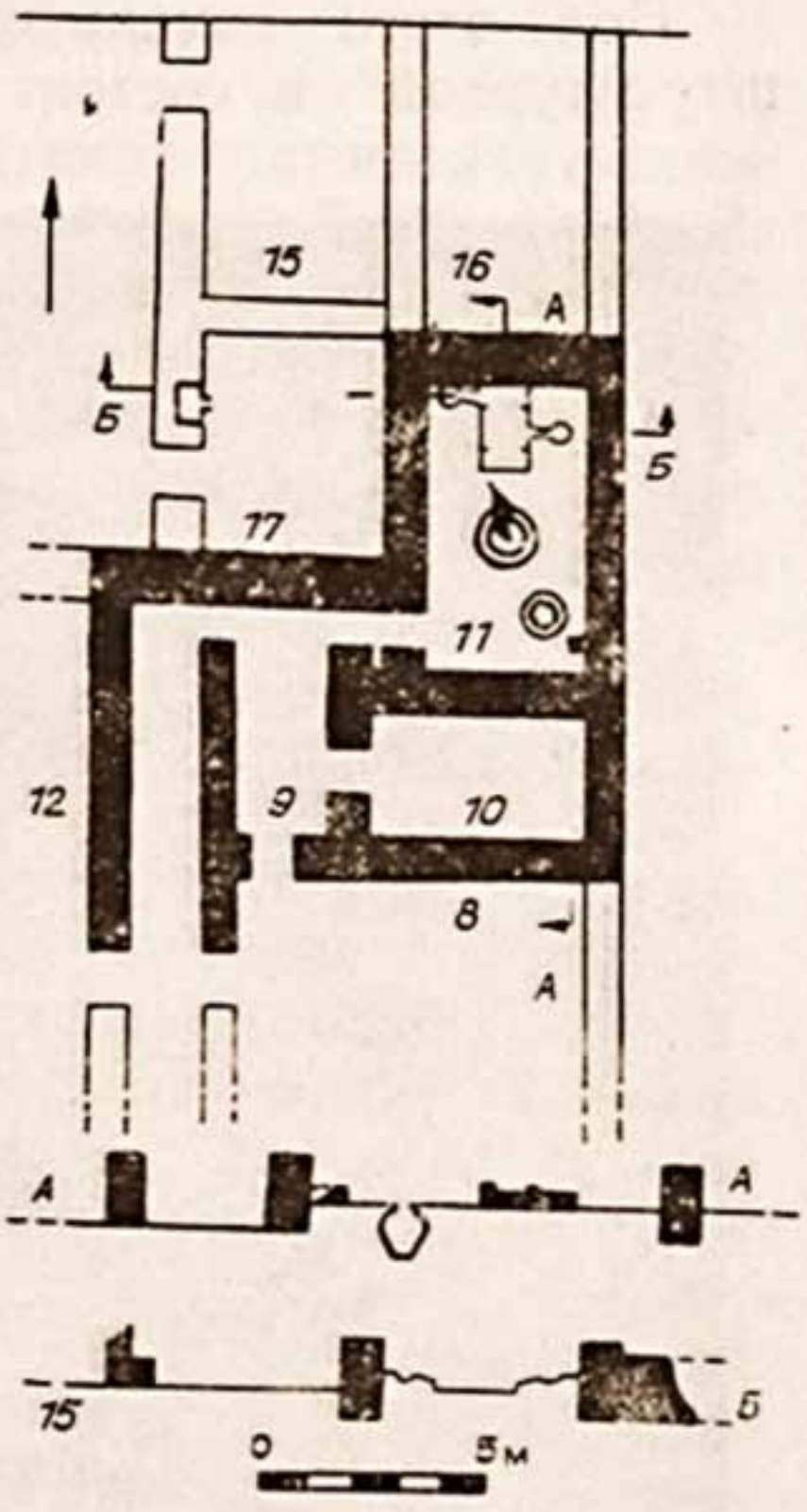

Рис. 2. Джаркутан. Храм. «Винодельня» № 1. План и разрезы. 8—12, 15—17— порядковые номера помещений храма.

Рис. 3. Джаркутан. Храм. «Винодельня» № 2. План и разрезы. 8—12, 15—17 — порядковые номера помещений храма.

ются к горловине хума (рис. 1). В юго-восточном углу имеется небольшой прямоугольный выступ 0,75—0,80 м, высотой 60 см.

Характерной чертой «винодельни» является то, что на известняковом полу лежит относительно стерильный слой — гумусированный суглинок (5 см), над ним — хорошо утрамбованный материковый слой (5 см). Это свидетельствует о том, что в третьем строительном периоде мастерская-винодельня № 1 была замурована в связи с тем, что она утратила свою первоначальную функцию.

Вследствие увеличения изготовления опьяняющих напитков винодельня вынесена в более просторное помещение № 11, где специально сооружена гипсовая конструкция для выжимки напитков. Вторая винодельня несколько отличается по конструкции от вышеописанной.

В первом строительном периоде помещение № 11 было изолировано от остальной части комплекса. Вход был обращен к дворовой части комплекса. На последующих строительных этапах перестроен двор, изменена планировка помещения № 11. Оно вскрыто на уровне третьего строительного периода*. В северной части помещения находится тщательно оштукатуренный гипсом прямоугольный резервуар размерами 1,1—1,8 м, глубиной 0,25 м. К этому резервуару спускается с двух сторон желоб, имеющий в конце маленький чашевидный резервуар. Ширина желоба 20 см, сужается к резервуару до 10 см. Резервуар имеет диаметр 50 см (рис. 3). В конструкции винодельни № 2 наблюдается некоторая общность с конструкцией винодельни № 1— та же гипсовая штукатурка, наклонно спускающийся с двух сторон желоб, круглые чашевидные маленькие резервуары и т. д., но есть и отличительная черта в конструкции — вместо резервуара-хума во второй винодельне сооружена из кирпича прямоугольная ванна-резервуар. Здесь же обнаружен крупный хум высотой 1,1 м, диаметром венчика 0,45 м, врытый в пол, но он находится в отдалении от ванны. В центре между хумом и ванной-резервуаром расчищен круглый алтарь диаметром 1,1 м, высотой бортика 8—9 см, заполнение обычное, как и в остальных алтарях, — чистая зола с небольшим количеством примеси угля.

Вызывает интерес и то, что напротив круглого алтаря на восточной стене 0,5 м от уровня пола прослеживается прожженная до красноты штукатурка на участке до 0,5 м. Недалеко от этого места, рядом с хумом имеется выступ размерами 0,36—0,46 м.

Прекращение функционирования второй винодельни, по-видимому, связано с запустением всего комплекса — храма. Но так же, как и храм, она не забрасывается и не замуровывается, о чем свидетельствует наличие относительно стерильного рыхловатого материкового слоя (20 см).

По всей вероятности, к этим двум винодельням относились прилегающие к ним помещения. Винодельня № 1 через проход сообщается с помещением № 10, где у стены были обнаружены хум небольших размеров (высотой 0,8 м, диаметром горловины 0,32 м, диаметром тулова 0,58 м) и несколько десятков фрагментов хумов. Винодельня № 2 сообщается с хозяйственным дво-

---

* Строительные периоды помещений № 9 и 11 определены вследствие тщательной зачистки полов; их взаимосвязь с архитектурными остатками скоррелирована керамическими комплексами, обнаруженными в культурных отложениях.

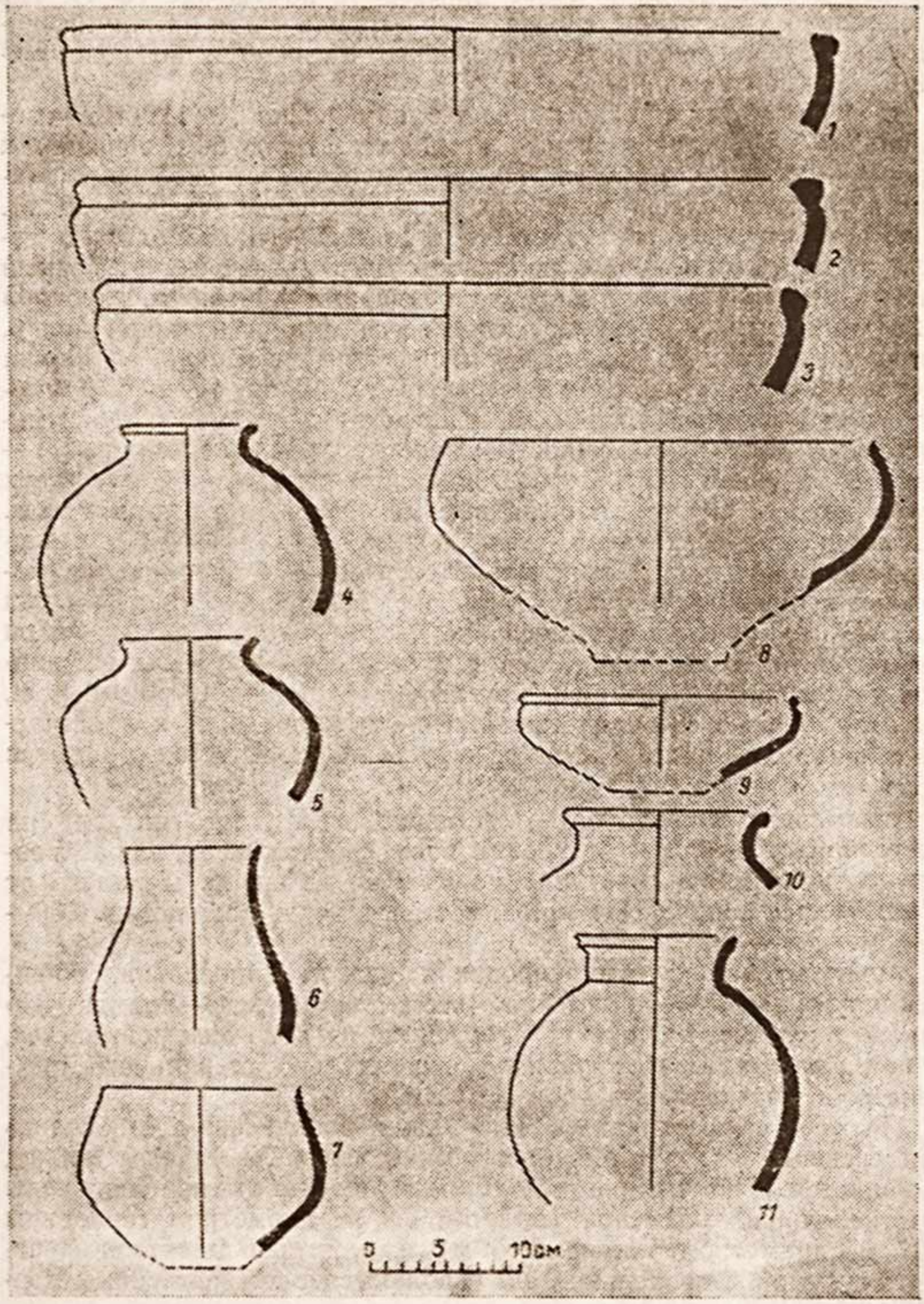

Рис. 4. Джаркутан. Храм. Керамический комплекс из помещения № 9. «Винодельня» № 1.

ром № III, вдоль стены которого были зафиксированы четыре раздавленных крупных хума. По-видимому, эти помещения с хумами являлись хранилищами.

Находки в обоих помещениях немногочисленны, но несмотря на это обнаруженный на полу керамический комплекс дает возможность определить время функционирования обеих виноделен. Хумы, врытые в пол — крупные, толстостенные, светлофонные, с хорошим обжигом, но, так как оба они являются сосудами одного типа, никак нельзя объяснить разновременность помещений.

На полу помещения № 9 были обнаружены более десяти фрагментов керамических сосудов — кувшины, горшки и банки, в целом характеризующие кузалинский этап сапаллинской культуры (рис. 4). Кувшины имеют округлое тулово, широкую отогнутую горловину, светло ангобированы, диаметр венчика 11—12 см. Такие кувшины характерны как для поселения, так и для могильника Джаркутан. Несколько фрагментов горшков со слегка отогнутым венчиком и округлым туловом, светло- и краснофонные (рис. 4, *4, 5, 11*), а также банки вытянутой формы, с заостренным венчиком (рис. 4, *6*) характерны для кузалинского этапа Сапаллинской культуры. Также были обнаружены несколько фрагментов керамики (характерной для джаркутанского времени), вероятно, попавших сюда случайно, и обломки костей.

Выявленный керамический комплекс свидетельствует о том, что винодельня № 1 в помещении № 9 функционировала в кузалинское время — 1350—1200 гг. до н. э.

Винодельня № 2 в помещении № 11 функционировала явно позднее. Уровень пола здесь выше на 40 см по сравнению с полом первого, об этом свидетельствует также керамический комплекс, найденный здесь.

Керамический комплекс, обнаруженный в помещении № 11, относится к моллалинскому (1200—1050 гг. до н. э.) и отчасти к бустанскому (1050—900 гг. до н. э.) периодам Сапаллинской культуры. Это кувшины с высоким широким горлом, прочерченными горизонтальными линиями и орнаментом на плечиках (рис. 5, *4, 5*), горшки с биконическим туловом, а также хумы с крючкообразным венчиком, банки вытянутой формы (рис. 5, *1, 2, 9, 10*) и цилиндрические сосуды. Также было найдено несколько фрагментов неопределенной формы лепных, толстостенных сосудов, изготовленных из огнеупорной глины, и бытовые отходы — кости животных, обломки ступок и пестиков.

Керамический комплекс сходен с материалами из поселения и могильника Джаркутан.

В помещении № 11 был обнаружен зооморфный сосуд в виде птицы. Сосуд толстостенный (2,0 см), крупных размеров: сохранившаяся высота 23,5 см, длина 31,7 см. Ножка, голова и хвост птицы отломаны, что затрудняет определение ее вида. Судя по форме тулова, вероятнее всего это утка, гусь или фа-

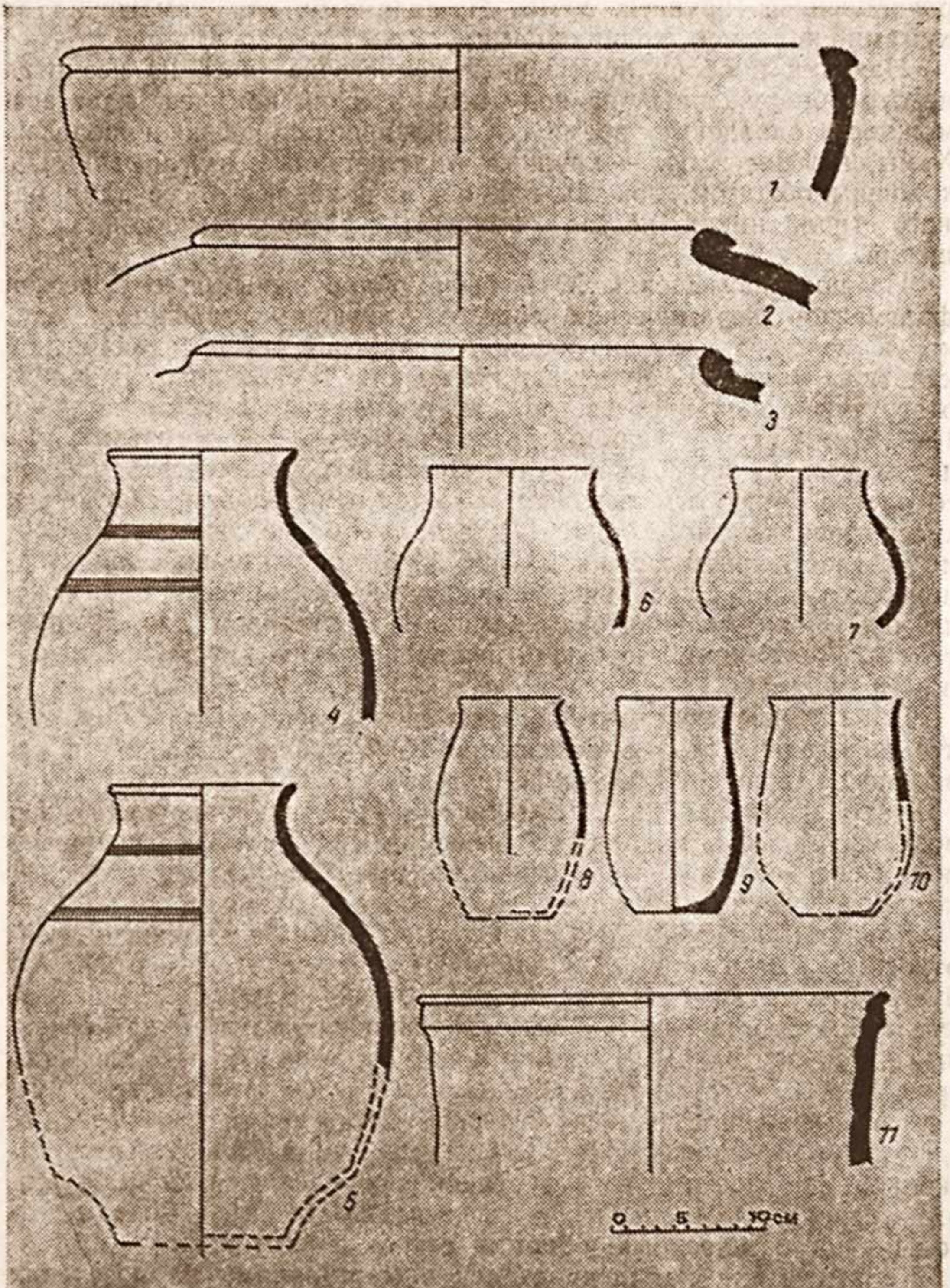

Рис. 5. Джаркутан. Храм. Керамический комплекс из помещения № 11. «Винодельня» № 2.

зан. Горловина сосуда расположена на спинке сосуда (диаметр 9,5 см, высота горловины 7,8 см), а отверстие-слив находится в шейной части сосуда-птицы. Крылья (длина 24 см) прижаты к тулову, рельефно подчеркнуты, перья очерчены процарапанными горизонтальными линиями, кое-где наблюдаются косые перпендикулярные штрихи. Сосуд богато расписан красной краской, имитирующей оперение птицы.

Зооморфный сосуд, аналогичный джаркутанскому, пока не известен в памятниках эпохи бронзы Средней Азии. Он единственный и в комплексе Сапаллинской материальной культуры. Но следует отметить, что зооморфная терракота, статуэтки обнаружены и широко известны в памятниках оседло-земледельческой культуры юга Средней Азии. Можно упомянуть о зооморфном сосуде, найденном в одном из верхних слоев Алтындепе (10, табл. XX, *3*). От этого сосуда сохранились только шея и головная часть, использованные в качестве слива; вид его определить невозможно.

Довольно широко распространились зооморфные сосуды во второй половине II—I тысячелетии до н. э. в Закавказье, Иране, Анатолии (11, с. 96—99, табл. XX). Некоторое сходство с джаркутанским зооморфным сосудом имеет сосуд-птица из могильника Хурвин (11, табл. XX, *1, 2*) и Мингечаур (11, табл. XX, *4*). Сосуды-птицы — металлические — известны также и в сасанидское время (12, рис. 80, 81).

Керамический комплекс характерен только для оседло-земледельческих культур юга.

Планировка, тип винодельни имеют больше аналогов, чем керамический комплекс.

Как отмечалось выше, в памятниках эпохи бронзы Средней Азии конструкции, подобные помещению джаркутанской винодельни, пока не обнаружены. В Бактрии винодельня известна для кушанского времени, в Дальверзине вскрыта винодельня, некоторыми чертами напоминающая раннюю джаркутанскую. Алебастровый наклонный пол, врытые в пол хумы-резервуары присутствуют в обеих винодельнях (13, с. 171—175, рис. 117).

Винодельня, аналогичная дальверзинской, вскрыта в Южной Бактрии кушанского времени — в Дильберджине (13, с. 171, 175). Винодельня Паттатепа, памятника раннесредневекового времени в Северной Бактрии (14, с. 70, 71, рис. 16, *3*), по конструкции и технике строительства принципиально не отличается от джаркутанских, дальверзинских и дильберджинских, что свидетельствует об их генетической общности. Все вышеперечисленные винодельни имеют прямоугольную или квадратную форму, небольшие размеры, гипсовый пол, наклоненный в сторону, где врыт в пол хум-резервуар (кроме паттатепинской). Правда, в джаркутанской винодельне имеется два желобка, соединенных с резервуаром-хумом. Такой же желоб, соединенный наклонно с резервуаром-хумом, имеется в винодельне древнего Хорезма в Аяз Кала III (15, с. 38, 39, рис. 17), где желоб сделан из битой

керамики, скреплен алебастром, в отличие от джаркутанского, который врыт в пол и покрыт гипсом.

В Согде винодельня вскрыта в пригороде древнего Пенджикента, относящаяся к VII—VIII вв. н. э., но по конструкции несколько отличающаяся от джаркутанских (16, с. 187, 188, рис. 24—26). Несмотря на то, что имеется общность в конструкции, здесь отсутствует хум-резервуар, вместо него — прямоугольная ванна, такая же, как и во второй винодельне Джаркутана.

В Уструшане, в Кингиртепе, открыта винодельня более развитой конструкции, чем пенджикентская, где вместо желобков-стоков, врытых в пол, использованы станковые обожженные кубуры, соединяющиеся с хумом-резервуаром (17, с. 210—215, рис. 2).

Винодельня предарабского времени известна также в Ташкенте — в Актепе Юнусабадском (18, с. 112, рис. 13).

Некоторое сходство имеет вторая винодельня Джаркутана с киркидонской винодельней южной Ферганы, датирующейся III в. н. э., где прямоугольная ванна-резервуар покрыта алебастром, а отходящий от нее желоб соединяется с хумом-резервуаром, врытым в пол (19, с. 54, 68, рис. 11).

Хотя между рассмотренными винодельнями Средней Азии и Джаркутана имеется огромный хронологический разрыв, тем не менее прослеживается некоторая общность в деталях их конструкций: наличие давильной площадки из влагонепроницаемого строительного материала — гипса, алебастра, ганча, известняка и т. д.*, наклонности пола, врытых в пол хумов-резервуаров, узкого желоба, соединяющего давильные площадки с резервуаром-отстойником, местонахождение винодельни, наличие складских помещений — хумхана.

Проведенная параллель не вызывает сомнений в функциональном назначении виноделен. На основе этнографических сведений вычислена их производительность, а в одном случае установлен даже сорт винограда, который использовался для выжимки сока (20, с. 67).

Винодельни, подобные джаркутанским, в других памятниках эпохи бронзы не обнаружены. Следовательно, не было и винодельного производства? Если это так, значит функциональным назначением джаркутанских «виноделен» было приготовление не вина, а чего-то другого? Вышеперечисленные параллели в деталях конструкций виноделен джаркутанских и поздних времен (назначение которых является бесспорным), свидетельствуют о том, что в «винодельнях» Джаркутана изготовлялось если не вино, то близкий к нему напиток. Да и найденный керамический комплекс (хумы, хумчи, горшки, банки и др.) свидетельствует об этом.

Ранее в Сапаллитепа были обнаружены семена винограда

---

* Не исключено, что разные названия одного и того же материала были связаны с уровнем знаний исследователей.

и косточки джиды, в одном случае они оказались вместе с отрубями пшеницы на дне кувшина (1, с. 118, 137, 151). На основе этих находок А. Аскаров допускает возможность изготовления «какого-то напитка — типа бузы» в сапаллинском обществе (1, с. 151).

В древних обществах Востока были широко распространены различные культовые напитки — хаома-сома в индо-арийском (22, с. 113—122), валхи в хеттском обществе и т. д. «Ни одна праздничная церемония, ни один обряд и богослужение не обходилось без священного напитка хаомы»; «Ее пили жрецы во время ритуальных церемоний и жертвоприношений, возливали в жертвенный огонь, приносили в жертву различным богам» (22, с. 113—115). Согласно «Ригведе» и «Авесте», в древности существовал культ божества сома* (22, с. 113—129).

Состав хаомы пока не известен. Многие исследователи считают, что этот напиток изготовлялся из сока эфедры и граната и смешивался с молоком. По мнению других, состав напитка был более разнообразем и зависел от конкретной географической среды, так как «предки авестийских иранцев и индийских арийцев расселялись по обширным территориям с различными географическими условиями, климатом, растительностью» (22, с. 116). Главным свойством культового напитка было его «эйфорическое воздействие» на человека.

Не исключено, что в «винодельнях» храма огня Джаркутана изготавливались культовые напитки типа сома-хаома. Кустарники эфедры, гранатовые деревья, а также злаки, упомянутые в «Авесте», растут в горах Кугитангтау недалеко от Джаркутана. Хотя и в малом количестве, но все же найдены обломки ступок и пестиков, вероятно, ими пользовались при измельчении ягод эфедры или других растений — ячменя, пшеницы, конопли и др. Гранаты выжимались руками, не исключено, что чашевидные углубления в «винодельнях», от которых уходит желоб в хум-резервуар, служили для этих целей.

Несколько проясняет вопрос и тот факт, что в помещении № 11 рядом с «винодельней» обнаружен сосуд-птица. Согласно мифам, приведенным в «Авесте» и «Ригведе», напиток бессмертия, изготовленный богами, находился на «высочайшей вершине, там, где само небо». Оттуда его похитила «быстролетная птица» для богов, жрецов, людей (22, с. 122—129). В дальнейшем в эпосах народов Востока эта легенда заняла одно из центральных мест, абстрактная птица превратилась в конкретную — гаруда, саена, симург и т. д. (22, с. 122—129).

Конечно, мы далеки от мысли отождествлять зооморфный сосуд Джаркутана с мифической птицей, отраженной в «Авесте»

---

* Соме посвящена одна из глав «Ригведы» и некоторые гимны других книг. Слово «сома» — иранское, «хаума» образовано от глагола «су» («ху») — «выжимать, приготовлять сок» (24, с. 113). В «Авесте» хаома названа «непобедимой», дающей «силу всему телу», приносящей «исцеление и победу над врагом» (27, с. 74).

и «Ригведе». Время сложения указанных литературных памятников на многие столетия более раннее, чем время бытования «винодельни». Мифы и легенды слагались намного раньше, до того, как они литературно оформлялись, и корнями своими они уходят в глубь тысячелетий, к недрам первобытно-общинного строя.

Культовый напиток, находящийся в зооморфных сосудах (подобных найденному в Джаркутане), несомненно нес определенную смысловую нагрузку, хотя прямого отношения к вышеупомянутой легенде не имеет. Конечно, космогонию зооморфных сосудов можно использовать очень разнообразно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
2. Аскаров А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983.
3. Итина М. А. История степных племен южного Приаралья//Труды ХАДД, М., 1977. № 3.
4. Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1978.
5. Дуке Х. Туябугузские поселения Бургулюкской культуры Ташкент, 1982.
6. Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
7. Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е. Контакты степных земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы//Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
8. Пьянкова Л. Т. Керамика из могильника Тигровая Балка (бронзовый век)//Материальная культура Таджикистана. Вып. 3. Душанбе, 1978.
9. Аскаров А., Ширинов Т. Раскопки монументального храма на Джаркутане//Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». Ташкент. 1985.
10. Массон В. И. Алтин-депе//Тр. ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л., 1984.
11. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
12. Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.—Л., 1935.
13. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В., Тургунов Б. А. и др. Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
14. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах. М., 1983.
15. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.
16. Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента//МИА. 66. М.— Л., 1958.
17. Бердимурадов А. Винодельная мастерская в Северо-Западной Усрушане//СА. 1986. № 4.
18. Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
19. Горбунова Н. Г. Памятники каркидонской группы в Южной Фергане//АС. 26. Л., 1985.
20. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От скифии до Индии. М., 1983.
21. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
22. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982.

М. ХУЖАНАЗАРОВ

КОЛЕСНИЦЫ КАРАКИЯСАЯ

Ущелье Каракия расположено на южном склоне Каржантау Бостанлыкского района Ташкентской области. По дну ущелья протекает ручей и впадает в р. Чирчик. Ущелье весьма живописное. Оно имеет форму каньона, глубина которого свыше 50 м. Берега ручья состоят из темно-коричневого гранита, известняка, песчаника и конгломерата. По обоим берегам Каракиясая встречаются отдельные выбитые наскальные рисунки. Основная часть петроглифов находится на левом берегу, в верховьях Каракиясая, в 20—25 км к северу от г. Газалкента (1, с. 80—82; 2, с. 543). В этом же районе находятся многочисленные скалы и глыбы горных пород разных размеров, покрытых пустынным загаром. На гладкой поверхности этих скал и глыб выбиты многочисленные рисунки, тоже покрытые пустынным загаром, местами столь плотным, что петроглифы сливаются с фоном и поэтому трудно различимы. В отдельных случаях зафиксированы рисунки, поверхность которых покрыта зеленовато-серым налетом лишайников.

В этом районе зафиксировано 90 каменных глыб с рисунками. Состав и сюжет петроглифов Каракиясая весьма разнообразны. Среди этих рисунков наибольший интерес представляют изображения колесниц (рис. 1).

На территории Средней Азии и Казахстана известно более 140 наскальных изображений колесниц и повозок. В основном они сгруппированы на двух крупных памятниках: Саймалы-Таш (около 70) и Каратау (около 50). На других памятниках такие рисунки встречаются реже и поодиночке.

На территории Узбекистана подобные сюжеты не были известны. Открытые петроглифы с рисунками колесниц в Каракиясае являются пока единственными в данном регионе.

Среди изображений колесниц Каракиясая нет абсолютных копий, их малое количество не дает возможности выделить какие-либо группы. Объединяет их единая манера передачи — все они изображены «в плане», будто бы колесница разобрана на части и колеса лежат по обеим сторонам кузова, а упряжные животные показаны как бы лежащими спинами друг к другу. Почти у всех колесниц показана грузовая площадка, ось с колесами на концах, дышло, заканчивающееся поперечным брусом (ярмо). Сохраняя сюжетное единство, изображения различаются в деталях.

Упряжные животные отмечены на рис. 1, *1—4,* на рис. 1, *5* они отсутствуют, а ярмо показано в виде овала. По всей вероятности, древний художник намеревался показать ярмо (брус) и его дополнительные крепления (это могли быть ременные петли или деревянные рейки). Иные формы таких креплений можно увидеть и на других изображениях колесниц (рис. 1, *1, 3).* На

одной колеснице (рис. 1, *3*) они показаны двумя линиями, идущими от середины дышла к ярму, на другой (рис. 1, *1*) — двумя линиями, идущими от дышла к шее лошади. На изображении колесницы (рис. 1, *2*) — обычный поперечный брус, который соединяется с шеями или головами животных, а на другом рисунке (рис. 1, *4*) ярмо вообще отсутствует.

Подобные изображения ярма встречаются на памятниках Казахстана, Сибири, Монголии и других местах (3, рис. 101, *1, 6;* 4, рис. 8, *5, 7, 11;* 5, с. 197, рис. 109, *4, 11;* 6, с. 197; 7, рис. 24, раздел «Монголия»).

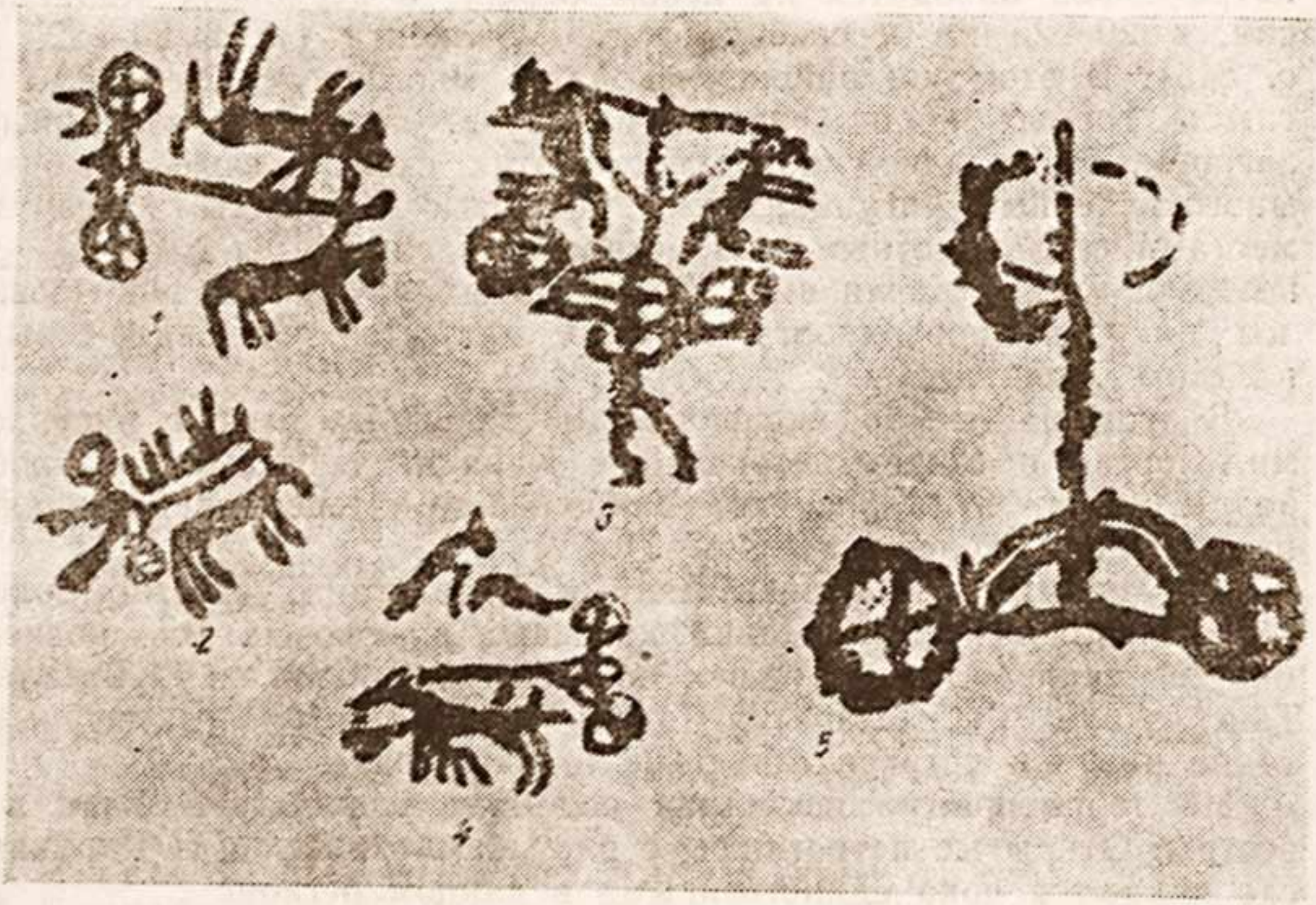

Рис. 1. Каракиясай. Изображения колесниц.

Существенные различия наблюдаются в изображении грузовой площадки. Почти у всех колесниц она показана в виде полуовала, выдвинутого вперед по отношению к оси. В одном случае (рис. 1, *4)* грузовая площадка округлой формы расположена прямо на оси и разделена двумя линиями на четыре сектора. Полуовальные кузова обозначены двумя параллельными линиями (рис. 1, *5*) либо одной (рис. 1, *3*). В последнем случае грузовая площадка разделена на две части одной линией, параллельной оси. Колесницы с такими грузовыми площадками известны на Саймалы-Таше (8, рис. 9, *4, 5*), Каратау (3, рис. 100, *4*; 101, *1* ;102, *1*), Памире (9, с. 540—541), в Сибири (10, рис. 8, *2, 7*), Монголии (7, рис. 24, раздел «Монголия») и других местах.

Изучавший известную колесницу из Амударьинского клада А. Д. Калмыков придавал особое значение различиям между боевыми колесницами и грузовыми повозками. Он пришел к выводу, что у боевых колесниц грузовая площадка должна быть выдвинута вперед по отношению к оси между колесами. По мнению исследователей Каратауских петроглифов М. К. Кадырбаева и А. Н. Марьяшева, «в наскальном искусстве этому признаку не придавалось особого значения» (3. с. 164). Колесницы Каракиясая различаются и по форме колеса. На рис. 1, *2* одно колесо показано небольшим кругом, а другое разделено линией на две части. На другом изображении колесо также разделено на две части (рис. 1, *4*). У остальных колесниц (рис. 1, *1, 3, 5*) колеса показаны с четырьмя спицами.

Колесо, показанное в виде круга, было сплошным диском, изготовленным из бруска бревна. Такая повозка, в которую впрягались быки, появилась в Шумере примерно в V тыс. до н. э. (11, с. 358). Эволюция колеса шла от сплошного диска к составному и к колесу с поперечными планками, а затем появилось колесо со спицами. Возникает вопрос, можно ли считать количество спиц в колесах на наскальных рисунках датирующим признаком? По мнению одних исследователей, количество спиц в колесах имеет решающее значение при датировке изображений колесниц и повозок (12. с. 36; с. 166 и др.), по мнению других — не имеет.

В этой связи Б. Б. Пиотровский пишет: «Число спиц в колесе (четыре) можно отнести за счет схематичности рисунка» (13, с. 152—153). А. Я. Шер, изучая изображения колесниц Средней и Центральной Азии, пришел к выводу, что «когда речь идет об изучении остатков самих колес со спицами, найденных при раскопках, количество спиц способно служить датирующим признаком (однако не ведущим), но когда изучаются изображения повозок..., невозможно предусмотреть степень схематизации рисунка, и потому число спиц на рисунке может не соответствовать таковому на оригинале» (6, с. 201).

Сопоставив наши данные с литературными, мы пришли к выводу, что количество спиц в колесах может играть определенную роль при датировке изображений колесниц только в сочетании с другими хронологическими признаками.

Заслуживают внимания и некоторые особенности упряжных животных — лошадей (?). По манере исполнения между ними наблюдаются некоторые различия (рис. 1, *1—4*). На двух изображениях колесниц (рис. 1, *1, 2*) — по две лошади, как бы лежащие спинами друг к другу. На другом (рис. 1, *3*) запряженные животные показаны столь схематично, что определить их вид трудно. На четвертом изображении колесницы (рис. 1, *4*) — одна фигура лошади, как бы бегущей влево. Вторая фигура лошади, по-видимому, не выбивалась. Это можно объяснить тем, что древний художник ограничился показом одной лошади или место второй лошади было уже занято другими рисунками.

Последнее предположение можно признать более вероятным, так как другие рисунки сходны с изображением колесницы по степени пустынного загара, технике нанесения и манере исполнения. Единство изобразительных приемов вышеназванных рисунков позволяет прийти к выводу, что они относятся к одной эпохе.

Аналогичные изображения конных колесниц широко распространены по всей территории Евразии (14, с. 208, 210—211; 12, с. 35—42; 8, рис. 24; 11, с. 540—541; 3, с. 166—167; 6, с. 195—197, рис. 107, 109; 12, с. 25, рис. 8, и др.). Исследователи датируют их II — началом I тыс. до н. э.

На описываемых изображениях колесниц возница показан всего лишь в одном случае (рис. 1, *3*). Он передан весьма реалистично: головой и широко раскинутыми руками упирается в кузов, длинные ноги расставлены. Среди многочисленных изображений колесниц Саймалы-Таша, Тувы, Монголии, Памира, Казахстана, Алтая и др. такие возницы встречаются только в двух случаях: на Памире (11, с. 540—541; 6, с. 84—85, рис. 20) и Саймалы-Таше (6, с. 195, рис. 107, *8*; 10, с. 18—25, рис. 9, *1*).

Все вышеперечисленные особенности изображений колесниц Каракиясая дают возможность связывать их с изображениями колесниц, найденными среди других комплексов петроглифов, где они датируются второй половиной II — началом I тыс. до н. э.

Особый интерес для хронологии колесниц представляют археологические находки. Пока мы, к сожалению, не располагаем вещественными остатками древнейших повозок и колесниц, найденными на территории Средней Азии. Однако на археологических памятниках встречаются модели повозок и остатки колесниц, которые датируются эпохой бронзы (15, с. 164; 16, с. 144—147; 7, с. 206).

Опираясь на вышеизложенные аналогии, можно считать, что каракиясайские изображения колесниц относятся ко второй половине II — началу I тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агзамходжаев Т. Наскальные изображения в Бостондикском районе Ташкентской области//Науч. работы и сообщ. Отделения обществ. наук АН УзССР. 1960. Кн. 1.
2. Хужаназаров М. Петроглифы Каракиясая//АО 1983 г. М., 1985.
3. Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата. 1977.
4. Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.
5. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.,. 1980.
6. Новгородова Э. А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии//СА. 1978. № 4.
7. Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
8. Шер Я. А., Голендухин Ю. Н. Колесницы Саймалы-Таша//По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.
9. Жуков В. А., Ранов В. А. Петроглифы на р. Северная Акджилга (Восточный Памир)//АО 1971 г. М., 1972.
10. Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982.

11. Чайлд, Гордон. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1970.
12. Кожин П. М. Гобийская квадрига//СА. 1968. № 3.
13. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
14. Окладников А. П. Олень — золотые рога. Л. — М., 1964.
15. Массон В. М. (ред.). Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.
16. Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И. Могильник эпохи бронзы на р. Синташта//АО 1974 г. М., 1975.

Ю. П. МАНЫЛОВ

МОГИЛЬНИК ДЖУЗКУДУК-2 РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОРАХ БУКАНТАУ

В северо-восточных предгорьях Букантау, горного массива в Центральных Кызылкумах, в 1985 г. открыт и частично раскопан могильник Джузкудук-2. В 1986 г. его раскопки были завершены.

Курганный могильник расположен в 1,5 км восточнее поселка животноводов Джузкудук на вершине плоской возвышенности высотой 20—25 м, вытянутой с северо-востока на юго-запад. Курганная группа состоит из девяти курганов и занимает в основном юго-западную оконечность возвышенности.

Данная статья посвящена анализу погребального обряда и инвентаря курганов 2, 4—6, 8—9, относящихся к одной исторической эпохе. Курганы 1, 3, 7 будут рассмотрены отдельно.

Курган 2, диаметром насыпи около 12 м и высотой 0,32 м, расположен в 220 м юго-западнее кургана 1. Могильная яма размерами 2,1×0,66 м и глубиной 0,37 м имеет форму неправильного овала. На дне лежали частично потревоженные кости скелета мальчика 10—13 лет, ориентированного головой на юго-запад (азимут 249°). Мы судим об этом по положению костей черепа, бедренных костей и большой берцовой кости правой ноги. В середине юго-восточной стенки ямы имеется ниша высотой 0,2 м и длиной 0,3 м. Ее дно на 5—7 см ниже дна могильной ямы. Рядом с костями черепа найдены два бронзовых наконечника стрел (рис. 1, *11—12*).

Курган 4 расположен в 28 м северо-восточнее кургана 3. После снятия насыпи высотой 0,3 м была выявлена могильная яма размерами 2,0×0,76 м и глубиной 0,95 м. На ее дне, посередине которого проходит узкое понижение, лежала погребенная в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад (азимут 297°). Локтевая кость левой руки лежит на груди, а локтевая кость правой направлена к стенке ямы. Отдельные кости смещены. Погребальный инвентарь отсутствует.

Курган 5 диаметром насыпи 12 м и высотой до 0,3 м расположен в 30 м к югу от кургана 3. В могильной яме глубиной 0,8 м и размерами 2,2×0,78 м лежала погребенная

в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад (азимут 242°). У юго-восточной стенки могильной ямы в 26 см от черепа стоял кувшин (рис. 1, *1*). В южном углу ямы сделана ниша длиной около 0,4 м и глубиной 0,14 м, в которой найдена булавка (рис. 1, *9*).

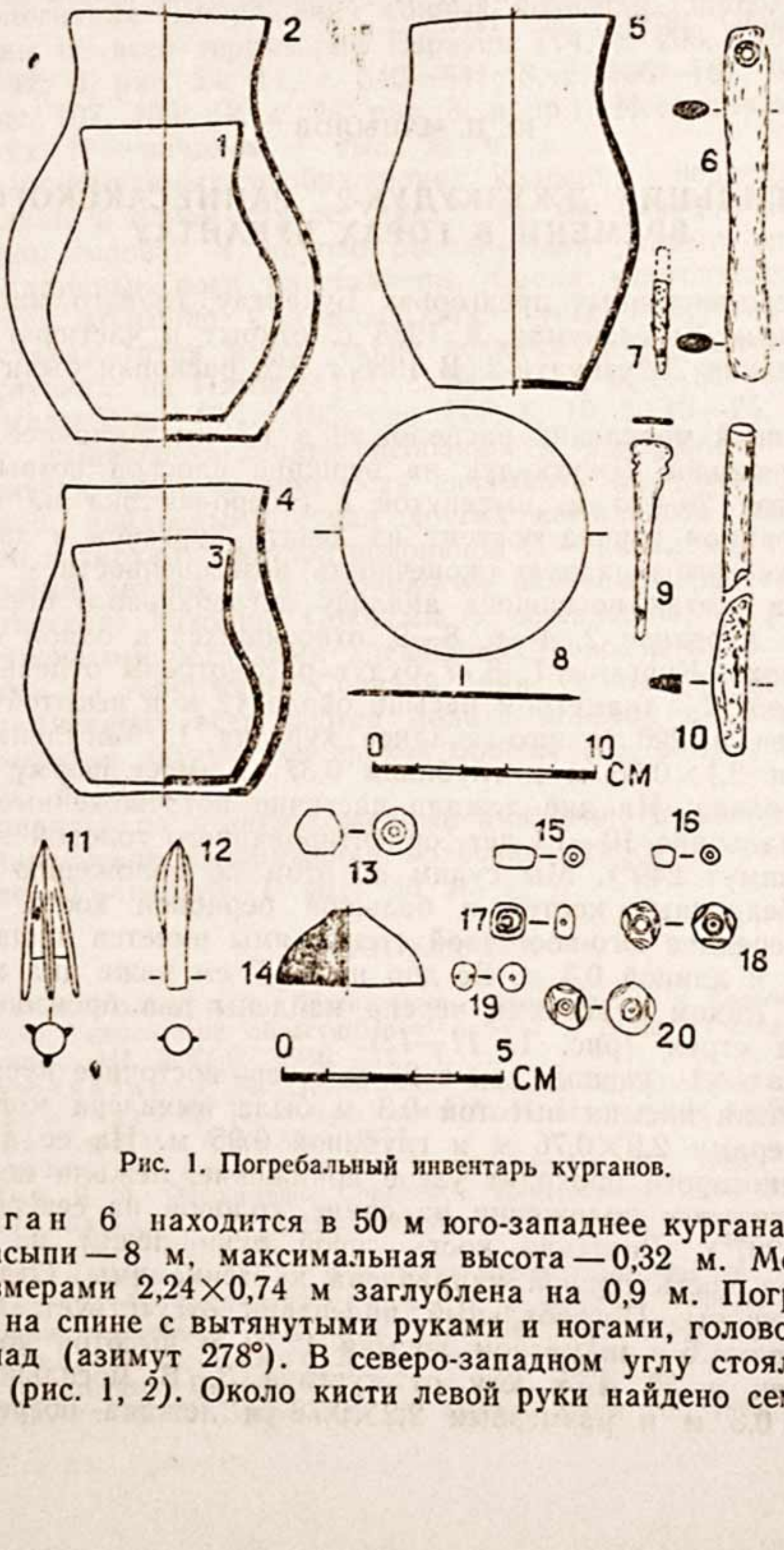

Рис. 1. Погребальный инвентарь курганов.

Курган 6 находится в 50 м юго-западнее кургана 5. Диаметр насыпи — 8 м, максимальная высота — 0,32 м. Могильная яма размерами 2,24×0,74 м заглублена на 0,9 м. Погребенная лежала на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на северо-запад (азимут 278°). В северо-западном углу стоял лепной кувшин (рис. 1, *2*). Около кисти левой руки найдено семь бусин

(рис. 1, *13, 15—20*). У кисти правой руки положен железный нож с костяной рукоятью (рис. 1, *10*).

Курган 8 отстоит западнее от вышеописанного на 34 м. Диаметр насыпи — 7 м, высота — 0,28 м. Могильная яма размерами 2,56×0,86 м имеет глубину 0,61 м. Погребенный лежал головой на юго-запад (азимут 247°) на спине, с вытянутыми руками и ногами. Лучевая и локтевая кости левой руки и фаланги пальцев отсутствуют. В западном углу могильной ямы стоял лепной кувшин (рис. 1, *5*). В 10 см от колена правой ноги лежал оселок (рис. 1, *6*).

Курган 9 диаметром 7 м и высотой насыпи 0,2—0,3 м занимает в группе крайнее юго-западное положение. В могильной яме размерами 1,78×0,88 м на глубине 0,68 м лежала погребенная головой на юго-запад (азимут 258°), на спине, с вытянутыми руками и ногами. К северу от черепа на дне ямы лежало бронзовое зеркало с железной иголкой (?) (рис. 1, *7—8*). Рядом в небольшой нишке, закрытой вертикально поставленной плиткой сланца, стоял лепной кувшинчик (рис. 1, *3*). Его горловина закрыта плиткой сланца. Рядом с сосудом находилось глиняное пряслице. (рис. 1, *14*). Около ниши на дне могильной ямы лежал панцирь черепахи. Рядом с кистью правой руки стоял еще один кувшин (рис. 1, *4*). Здесь же лежали ребра барана и железный ножичек. Ребро барана и фаланги пальцев ног находились в юго-западном углу ямы.

Курганы весьма незначительно отличаются по размерам. Высота курганов почти одинакова и равна 0,20—0,32 м. Диаметр насыпей колеблется также от 7 до 12 м. Все погребенные имеют устойчивую западную ориентацию с отклонениями в юго-западную и северо-западную стороны в пределах 242—297°.

Перейдем к анализу погребального инвентаря.

Предметы вооружения представлены двумя бронзовыми наконечниками стрел. Один из них, двухлопастный, длиной 3,3 см, с плохо выраженными лопастями, которые выступают из втулки на 1,5—2 мм. Наружный диаметр втулки равен 6 мм. В ней сохранился обломок древка. Лопасти асимметричны (рис. 1, *12*).

По классификации бронзовых наконечников стрел, разработанной К. Ф. Смирновым, данный наконечник относится к 3 типу I отдела (2, с. 41, табл. 1, *5*, рис. 19Б, 51; 3, с. 45—46, рис. 14, *1а*). По мнению исследователя, втульчатые наконечники стрел ланцетовидного типа характерны для Заволжья, Казахстана и Южной Сибири.

Наиболее близкие аналоги происходят из Соболевского кургана (Оренбургская область) и датируются началом V в. до н. э. (2, с. 41).

Второй наконечник, по К. Ф. Смирнову, относится к 13 типу II отдела наконечников стрел с внутренней втулкой и опущенными ниже втулки шипами и треугольной головкой. Его высота — 3,6 см, шипы опускаются ниже втулки на 1 см, ширина лопастей — 1,3 см (рис. 1, *11*). Аналогичные наконечники могут

быть отнесены к концу VI — началу V в. до н. э. (2, с. 50, рис. 21 *Б*, 36; 3, с. 328, рис. 35а, *4*).

Зеркало из кургана 9 диаметром 11,2—11,3 см и толщиной в средней части около 2—3 мм имеет заостренный край (рис. 1, *8*). Признаков орнамента на его плоскостях не прослеживается, не видно и следов отломанной ручки или отверстий для ее крепления. Аналогии этому зеркалу нам пока неизвестны.

Бусины найдены в кургане 6 в количестве 7 экз., в том числе бирюзовая, лазуритовая, из черного камня, стеклянная (?), 3 сердоликовые.

Бусина удлиненной формы (длина 9 мм, максимальный диаметр 5 мм) из зеленоватой бирюзы имеет продольный канал (рис. 1, *15*). Бирюзовые бусины аналогичных форм и размеров известны по материалам архаического поселения VI—V вв. до н. э. Дингильдже (4, с. 186, рис. 55, *20*), городища VI в. до н. э. Кюзелигыр (5, с. 534; 6, с. 78), городища Койкрылган-кала. С. А. Трудновская отмечает, что «бусина принадлежит к группе очень распространенных в Хорезме в архаический период (VI—V вв. до н. э.) бирюзовых бус» (7, с. 151, табл. XVII, *8*).

Подобные бусы найдены в курганах Султануиздага VI—V вв. до н. э. (8, с. 82), Уйгарака VII—V вв. до н. э. (9, с. 82—83, табл. X, *4—8*). В наборе бирюзовых бус с поселения VII—VI вв. до н. э. Куюсай-2 найдены тождественные бусины. Б. И. Вайнберг указывает, что «позднее (VI—V вв. до н. э.) в Хорезме, несмотря на залежи бирюзы в горах Султануиздага, они неизвестны» (10, с. 18, 44, табл. XIa, *44*).

Бусина из бирюзы близкой формы найдена в одном из ранних курганов Тузгыра. С. А. Трудновская подчеркивает, что «подобные бусы широко распространены в памятниках архаической культуры Хорезма (Кюзелигыр, Дингильдже) и исчезают одновременно с ней, как и бирюза вообще» (11, с. 109).

В связи с анализом ареала бирюзовых бус и временем их максимального распространения необходимо сказать, что в горах Букантау (Внутренние Кызылкумы) на месторождении Аякащи-2 происходила разработка бирюзы именно в VI—V вв. до н. э. (1). Расстояние от этого месторождения до могильников Тагискен и Уйгарак составляет около 190 км. Анализируемые курганы отстоят от данного месторождения на 15—20 км.

В других районах Средней Азии находки бирюзовых бус единичны. К примеру, бусы аналогичной формы обнаружены на городище Афрасиаб в слоях VI—IV вв. до н. э. (12, с. 52—53).

На территории Центрального Казахстана бирюзовые бусы подобных форм найдены в Карагандинской области в могильнике Жиланды VII—V вв. до н. э. (13, с. 41, 45, рис. 10).

Бусина из лазурита имеет цилиндрическую (бочковидную) форму, длина и диаметр — 4 мм (рис. 1, *16*).

Лазуритовые бусы наиболее близкие аналогии находят в материалах могильника Уйгарак (9, с. 82—83, табл. X, *1—3*), курганов Султануиздага (8, с. 82), поселения Куюсай-2 (10,

с. 18, табл. XIа; 53, с. 45), ранних курганов Тузгыра (11, с. 109, рис. 4, *21*), поселения Дингильдже (4, с. 186, рис. 55, *6*).

А. С. Трудновская отмечает, что «в Хорезме находки лазуритовых бус очень редки и исчезают они с концом архаической эпохи» (V в. до н. э.) (11, с. 108).

Заманчиво было бы установить бадахшанское или прибайкальское происхождение лазурита. Однако это могут подтвердить соответствующие анализы.

Аналогии бирюзовым и лазуритовым бусам происходят из надежно датированных комплексов VII—V вв. до н. э. Во всех вышеуказанных комплексах бирюзовые бусы найдены в сочетании с лазуритовыми.

Сердоликовые бусы неправильной сферической формы диаметром 10 мм изготовлены из просвечивающего сердолика золотисто-оранжевого цвета и украшены белым, протравленным содой орнаментом (рис. 1, *17—18, 20*).

Одна бусина (рис. 1, *17*) дисковидной формы со сглаженными краями и слегка выпуклыми лицевыми гранями украшена двумя вписанными квадратами (по Б. А. Литвинскому, — мотив 8) (14, с. 81, табл. 28). Сферические бусины украшены кружковым орнаментом — две окружности расположены вокруг отверстий и три занимают остальное пространство (рис. 1, *18, 20*).

С. А. Трудновская, анализируя бусы из фондов Хорезмской экспедиции, считает, что «бусы из розовато-оранжевого сердолика с белым, протравленным содой орнаментом «характерны» для памятников архаической культуры Хорезма (Кюзелигыр, VI—V вв. до н. э., Дингильдже, вторая половина V в. до н. э.)» (11, с. 108).

Аналогичные бусы встречаются в савроматских захоронениях рубежа VI—V вв. до н. э. К. Ф. Смирнов высказал предположение, что «такие бусы попадали сюда (в Приаралье.—*Ю. М.*) с юга — через Среднюю Азию, вероятно, Хорезм» (3, с. 148—149).

Б. А. Литвинский убедительно доказал индийское происхождение многих сердоликовых бус с белым гравированным орнаментом. Неясно, из каких конкретно районов Индии поступали на Памир те или иные бусы и какими путями достигали савроматов Приуралья (14, с. 78—82).

Иголка происходит из кургана 8. Этот железный предмет длиной 5,9 см и диаметром около 4 мм с заостренным концом прилип к одной из сторон зеркала (рис. 1, *7*).

Оселок длиной 15,8 см из мелкозернистого песчаника (рис. 1, *6*) и небольшой железный ножичек (рис. 1, *10*) из курганов соответственно 8 и 6 не являются датирующим материалом.

Булавка (рис. 1, *9*) длиной 9,4 см, в нижней части круглая в сечении. Верхняя часть плоская, имеет на боковых сторонах две небольшие выемки. Верх булавки обломан. Изготовлена из серебра с незначительной примесью меди*.

* Спектральный анализ произведен в Центральной химлаборатории Кокпатасской ПГРЭ ПГО «Кызылкумгеология».

Керамика. Кувшин из кургана 6 высотой 19 см с плоским дном диаметром 8,4 см и туловом, максимальный диаметр которого равен 14,2 см, несколько асимметричен. Его плечики переходят в горловину диаметром 8 см. Диаметр устья — 9,2 см (рис. 1, *2*). Аналогичный кувшин, но меньших размеров, происходит из кургана 5 (рис. 1, *1*). Его высота — 12,8—13,8 см, диаметр дна — 5,4 см, устья — 7,7—7,9 см, горловина — 6,6 см.

Три сосуда из курганов 8 и 9 отличаются от вышеописанных менее выраженными горловинами и округлостью тулова. Все они асимметричны. Диаметры дна равны 6.5—7,8 см, устья — 7,6—9,4 см, высота — 10,8—16,4 см (рис. 1, *3—5*).

Наружная поверхность сосудов приобрела при обжиге неоднородный цвет: от темно-серого до черного. В отдельных случаях она светло-кремовая или с красноватым оттенком. В изломе черепок темно-серый, черный или с темной полосой посередине. Наружная поверхность кувшинов из курганов 5 и 6 заглажена.

Территориально наиболее близкие аналогии происходят из могильников Уйгарак (9, с. 75—76, табл. XXII, *22—25*) и Тагискен (15, с. 159, рис. 6, *1—2*).

С. П. Толстов и М. А. Итина отмечают, что прототипом лепной посуды из сакских захоронений являются сосуды из древнего Тагискена (мавзолей 5б) (15, с. 159).

Таким образом, древнейшую часть курганного могильника можно отнести к концу VI — началу V в. до н. э.

Положение погребенных на спине в вытянутом положении, ориентированных на запад с незначительными отклонениями к северу и югу — характерная особенность уйгаракского и тагискенского могильников (9, с. 64; 15, с. 152).

Рассмотренные захоронения с их относительно бедным погребальным инвентарем во многом отличаются от уйгаракских по составу инвентаря и погребальному обряду.

Изучение курганных могильников центральных Кызылкумов только начинается. В силу некоторых специфических черт центральной части среднеазиатского междуречья, обусловленных экстремальными природными условиями и способствовавших отсутствию в этом регионе оседлого населения, одна из проблем в исследовании кочевнических комплексов состоит в определении их этнокультурной принадлежности. По мере накопления материала появится возможность перейти к решению таких важных исторических вопросов, как характер и направления контактов скотоводов центральных Кызылкумов и их роль в этногенетических процессах среднеазиатского междуречья не только для VI—V вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манылов Ю. П. Разведки в Кызылкумах//АО 1985 г. М., 1987.
2. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов//МИА. 101. М., 1961.

3. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
4. Воробьев М. Г. Дингильдже — усадьба середины I тыс. до н. э. в Хорезме//МХЭ. Вып. 9. М., 1975.
5. Вишневская О. А. Раскопки на городище Кюзелигыр//АО 1971 г. М., 1972.
6. Воробьева М. Г. Археологические памятники Хорезма античного периода как источник для реконструкции социально-экономических процессов//КСИА. Вып. 122. 1970.
7. Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.//ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967.
8. Манылов Ю. П. Курганы VI—V вв. до н. э. в Хорезме//ОНУ. 1975. № 3.
9. Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.//ТХАЭЭ. Т. VII. М., 1973.
10. Вайнберг Б. И. Памятники куюсайской культуры//ТХАЭЭ. Т. XI. М., 1979.
11. Трудновская С. А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильников Туз-гыр//ТХАЭЭ. Т. XI. М., 1979.
12. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент, 1973.
13. Кадырбаев М. К. Могильник Жиланды на реке Нуре//В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
14. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
15. Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сырдарьи//СА. 1966. № 2.

М. И. ФИЛАНОВИЧ, Х. ДУКЕ

О ДРЕВНЕЙШЕМ ПОСЕЛЕНИИ НА ШАШТЕПЕ В ТАШКЕНТЕ

От былой территории Шаштепа — городища, расположенного в южной части города на протоке Джун, — сохранилась до настоящего времени «вышка» — цитадель с частью окружающего ее первого поселения на левом берегу канала (площадью около 1,8 га) и часть второго поселения на правом берегу с почти уничтоженным бульдозером культурным слоем. На цитадели, где сосредоточены основные раскопки, к настоящему времени выявлены две трети планировки древнего (II в. до н. э.) архитектурного сооружения, основанного на солярном принципе — крест, вписанный в круг.

Помимо полного выявления плана здания, его строительно-архитектурной периодизации стоит задача стратиграфического исследования подстилающего его нижнего культурного горизонта на территории цитадели. Как было выяснено в процессе раскопок предыдущих лет, в нижних слоях залегают остатки первоначального поселения древних земледельцев с комплексом материальной культуры, отнесенным ко второму этапу бургулюкской культуры и датированным VI—IV вв. до н. э. Следы этого поселения были четко зафиксированы в юго-восточной части холма на площади 84 кв. м (1, с. 91 и сл.; 2, с. 38 и сл.).

Обнаружено несколько углубленных в лесс жилищ полузем-

литочного типа с очагами и находками керамики и бытовых предметов: зернотерок и терочников. Здесь же был выявлен следующий этап жизни поселения, который отличался от первоначального только некоторым изменением керамического набора, включавшего кроме типично бургулюкских сосудов чужеродные формы, которые по аналогиям были отнесены к импорту из Ферганы или центральных районов Согда, а также из ареала джетыасарской культуры и низовьев Сырдарьи (бассейна Жанадарьи). Комплекс был датирован по стратиграфии III — началом II в. до н. э. и трактован как переходный, на основе которого эволюционировал более поздний комплекс Каунчи I. Ввиду неполноты и малочисленности этого переходного комплекса, а также неопределенности в вопросе его датировки (специа-

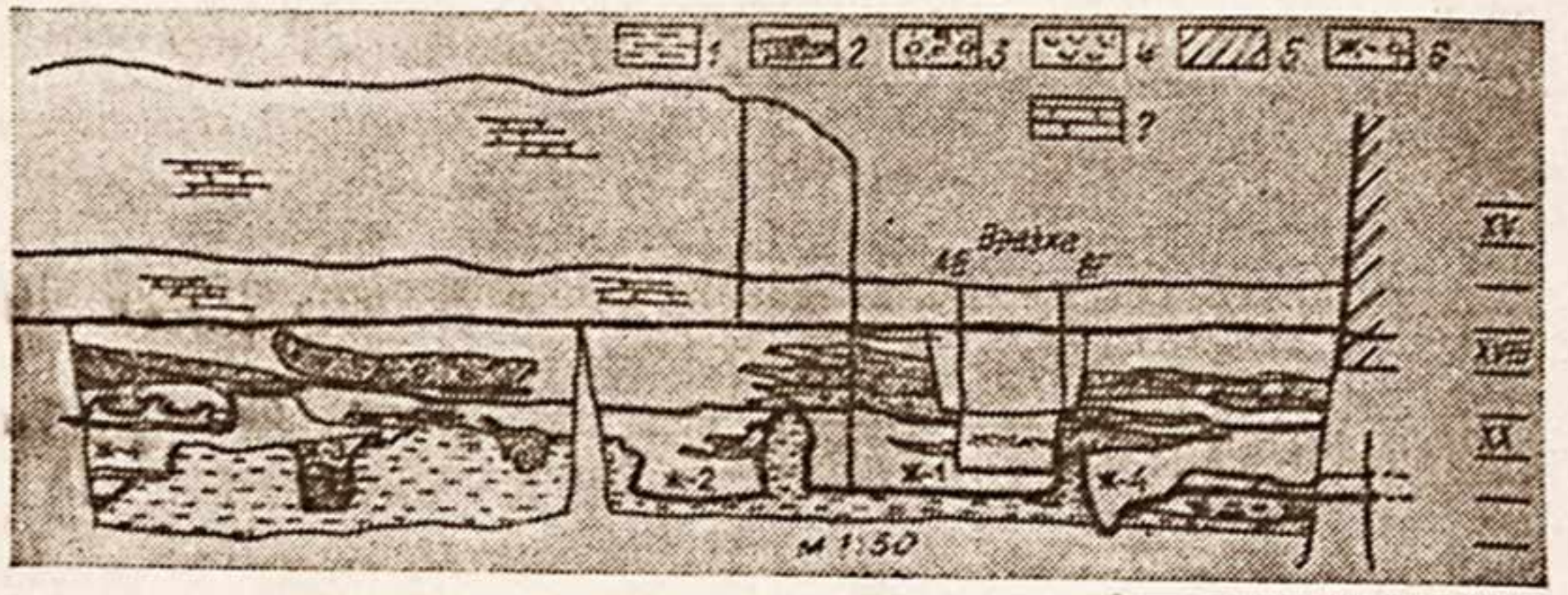

Рис. 1. Развертка стратиграфического раскопа (*Р*-3):

1 — материковый лесс; *2* — зольные прослойки; *3* — гальки в золе; *4* — гумус; *5* — разрез кольцевой стены; *6* — жилище; *7* — фасад кирпичной кладки крестообразной постройки.

листы Хорезмской экспедиции посчитали ее слишком заглубленной) целесообразно продолжить накопление археологического материала из нижних отложений объекта.

Для достижения нижнего горизонта памятника в южном секторе двора крестообразного здания был заложен шурф размерами 4×4 м и раскоп площадью около 40 м² (раскоп 3, площадка 2). Контур последнего определился на юге дугой обводной стены двора, а на северо-западе и северо-востоке стенами крестообразного здания и поздними стеночками, некогда делившими двор на отсеки (рис. 1). И шурф, и раскоп опущены с поверхности двора времени существования крестообразной постройки. С этого уровня и до середины XVII яруса вся масса наслоений оказалась довольно однородной: грунт средней плотности светло-коричневого цвета, местами более рыхлый с включением песчанистых вставок и зольного заполнения (рис. 2). Характер слоя типичен для накопления на полах крестообразного здания.

Уровень подошвы этого здания, как и подошвы кольцевой стены, хорошо читается по всей площади и периметру раскопа в конце XVII — начале XVIII яруса. Поскольку шурф и раскоп заложены во дворе этого здания, здесь выявлена та же картина, что в юго-восточном секторе, т. е. поверхность двора выстлана несколькими рядами сырцовой кирпичной кладки (до трех рядов), положенной на прослойку камыша. Материал из слоя над вымосткой носит смешанный характер. Это фрагменты керамики: хумов, котлов, горшков, кувшинов и мисок. Примерно

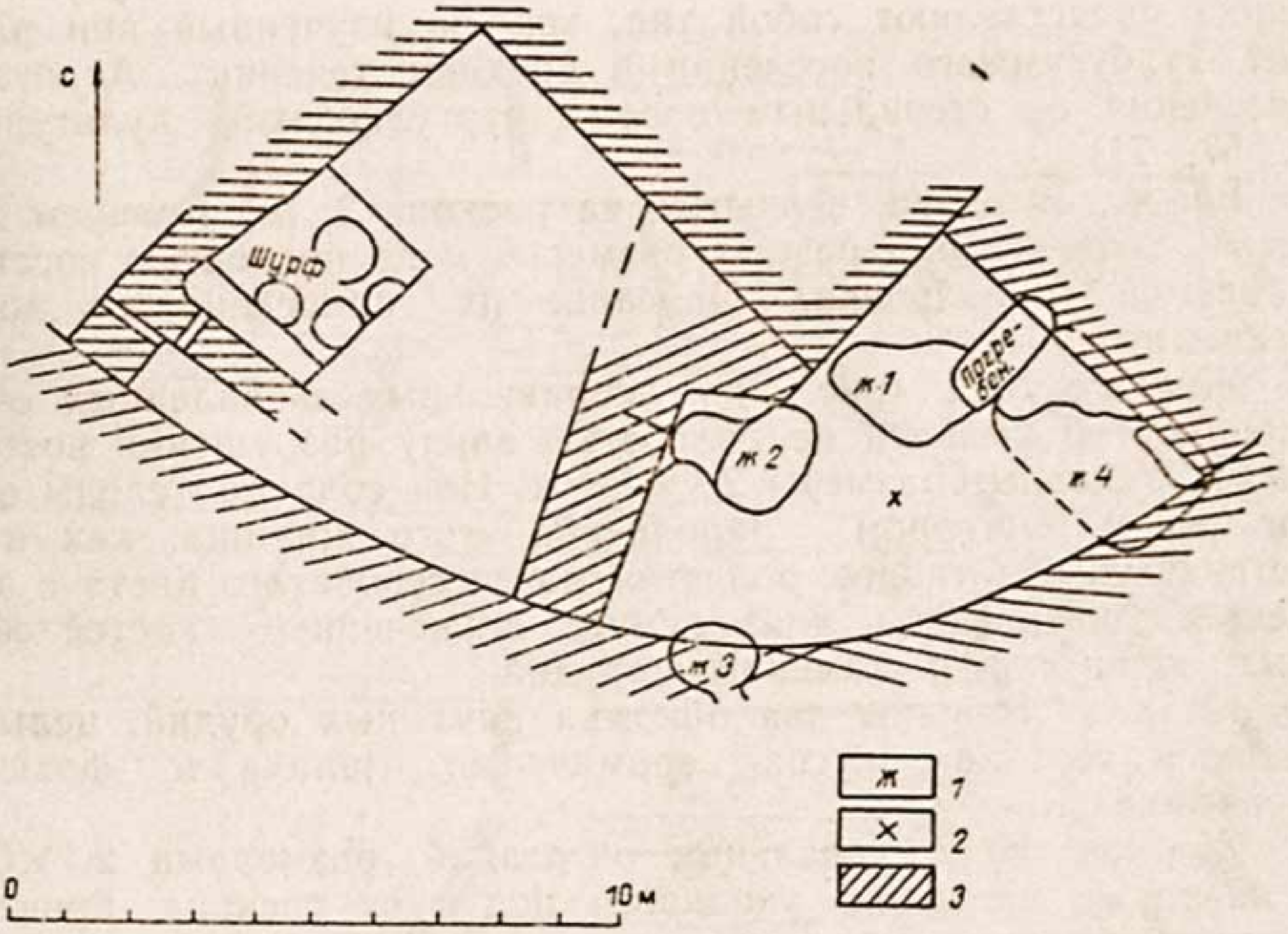

Рис. 2. План по горизонту древнего бургулюкского поселка Шаштепа.

1 — жилище; *2* — место обнаружения набора, состоящего из жаровен, очажной подставки и зернотерки; *3* — стены верхнего здания II в. до н. э.

половина всего материала — формы, свойственные Каунчи I (хумы, кувшины с раздутым туловом на плоском поддоне, с ручкой, украшенные темно-коричневыми потеками или рядами процарапанных линий, миски). Меньшая часть керамики — бургулюкского типа: котлы, горшки, миски с простой закраиной. Это круглодонная керамика с пористым или плотным черепком, вылепленная вручную. Покрытие светло-бурое или кирпично-розовое. Горшки — со следами монолитных горизонтальных ручек. Вся нижележащая свита слоев кольцевой стены и здания до лессового материка образована за счет жизнедеятельности первичного поселения, пережившего, как выяснилось, и здесь два этапа жизни, закончившейся запустением.

Выявляется два горизонта поселка, хотя стратиграфия слоев, сложившаяся в процессе очень длительного обживания, включает больше уровней жизни. Нижний горизонт образован отложениями самого раннего поселка, занимающими XXI—XXII ярусы. Его древняя поверхность фиксируется примерно на грани XX и XXI ярусов, откуда спущены котлованы полуземляночных жилищ (рис. 2). Их емкости вырыты в лессе на глубину 0,8—1 м. В пределах площади раскопа удалось зафиксировать по крайней мере четыре полуземлянки, довольно тесно сгрудившиеся в южной части поселка. Еще три полуземляночных жилища были открыты в 1979 г. в юго-восточной части бугра. Землянки представляют собой тип, хорошо изученный при раскопках Туябугузского поселения в среднем течении Ахангарана, поселения со стерильным слоем бургулюкской культуры (3, с. 57, 71).

Все 4 котлована, вскрытые на раскопе 2, мы именуем жилищами, хотя все они разных размеров и не полностью восстанавливаемой планировки. Описание их приведено в порядке вскрытия.

Жилище № 1 (рис. 2) — неправильных заовальненных очертаний, контур выявлен не полностью ввиду разрушения восточной части. Условные размеры 2,1×1,8 м. Пол сохранил следы обмазки белым раствором. Заполнение этого жилища, как и всех остальных, однотипное: золистая масса сероватого цвета с вкраплением зеленоватых линз гумуса, включением костей животных, керамики и каменных орудий.

На полу собраны два обломка каменных орудий, целый каменный терочник, кусок керамического шлака и фрагменты керамики.

Жилище № 2 — овальных очертаний, размерами 2,1×0,8 м, с широким проходом, уходящим под срез раскопа, причем в проходе отмечены две лессовые ступеньки или небольшие суфы 0,15 и 0,22 м высотой, обмазанные белым раствором (ганчем). Пол камеры сохранил тонкий слой камышового тлена, оставшегося, видимо, от растительной подстилки. Здесь обнаружены кроме костей животных и керамики два обломка зернотерок и фрагмент очажной подставки.

Камеру № 3 также условно можно отнести к жилищу, хотя ее малые размеры 1,5×1 м противоречат такой интерпретации. Однако четко расчищенный проход шириной 0,7 м, уводящий вглубь под срез раскопа, не позволяет считать ее хозяйственной ямой. Остается предполагать, что это вторая, малая камера сдвоенной землянки, объединявшейся этим проходом; большая же часть ее оставалась под стенкой раскопа.

В камере выявлен фрагмент очажной подставки, оформленной двумя бороздками, в форме сектора окружности, а также куски керамического шлака.

Жилище № 4 — самое крупное и сложное по оформлению «интерьера». И хотя его полный контур восстановить не удалось

из-за нарушения стратиграфии в древности, размеры его устанавливаются в пределах 3,3×2 м, а абрис приближается к прямоугольному с заоваленными углами. Вход, видимо, находился в северо-западной части, ныне разрушенной. Об этом свидетельствует наличие суфы в юго-западной части, которая скорее всего располагалась в противоположной от входа стороне; вся ее поверхность тщательно промазана глиной и покрыта белым раствором ганча. На этом покрытии сохранился слой растительного тлена, видимо, от циновки. На полу у суфы обнаружены куски глиносаманной массы типа борта очага и скопление уг-

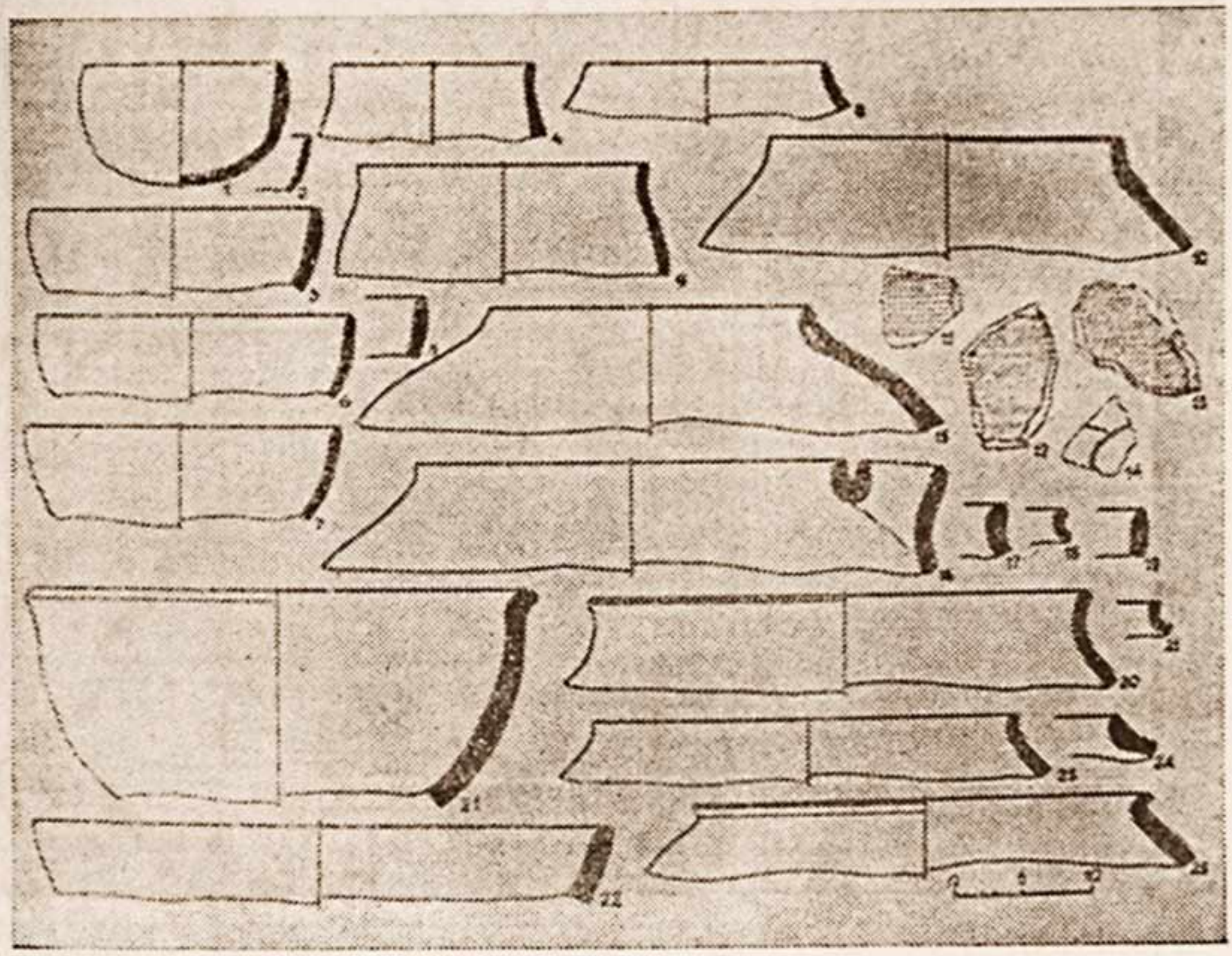

Рис. 3. Комплекс керамики Шаш I.

лей. В заполнении землянки найден бронзовый стержень (шило) прямоугольного сечения.

В центре скопления землянок, между ними был обнаружен набор предметов, сохранившихся в нетронутом виде in situ на уровне конца XXI яруса. Здесь как бы нарочито сведены в комплекс большая жаровня озальных очертаний из толстого пористого теста, трапециевидный кирпич (очажная подставка), располагавшийся по одну сторону от нее, зернотерка с лежащим на ней курантом — по другую. Не удалось выявить следов землян-

ки или иного вместилища этого комплекса, хотя, несомненно, они здесь были. Возможно, он находился в специальном хозяйственном отсеке жилища. Трудно определить назначение этого набора, он мог иметь и ритуальное назначение, а расположение его в центре окружавших его землянок, возможно, отмечало некое культовое место.

Земляночные жилища Шаштепа идентичны землянкам туябугузских поселений, но имеют значительно меньшие размеры. Размеры туябугузских землянок — от 6,35×3,5 м до 2,3×1,7 м, причем преобладают крупные жилища. В Шаштепинском поселке в

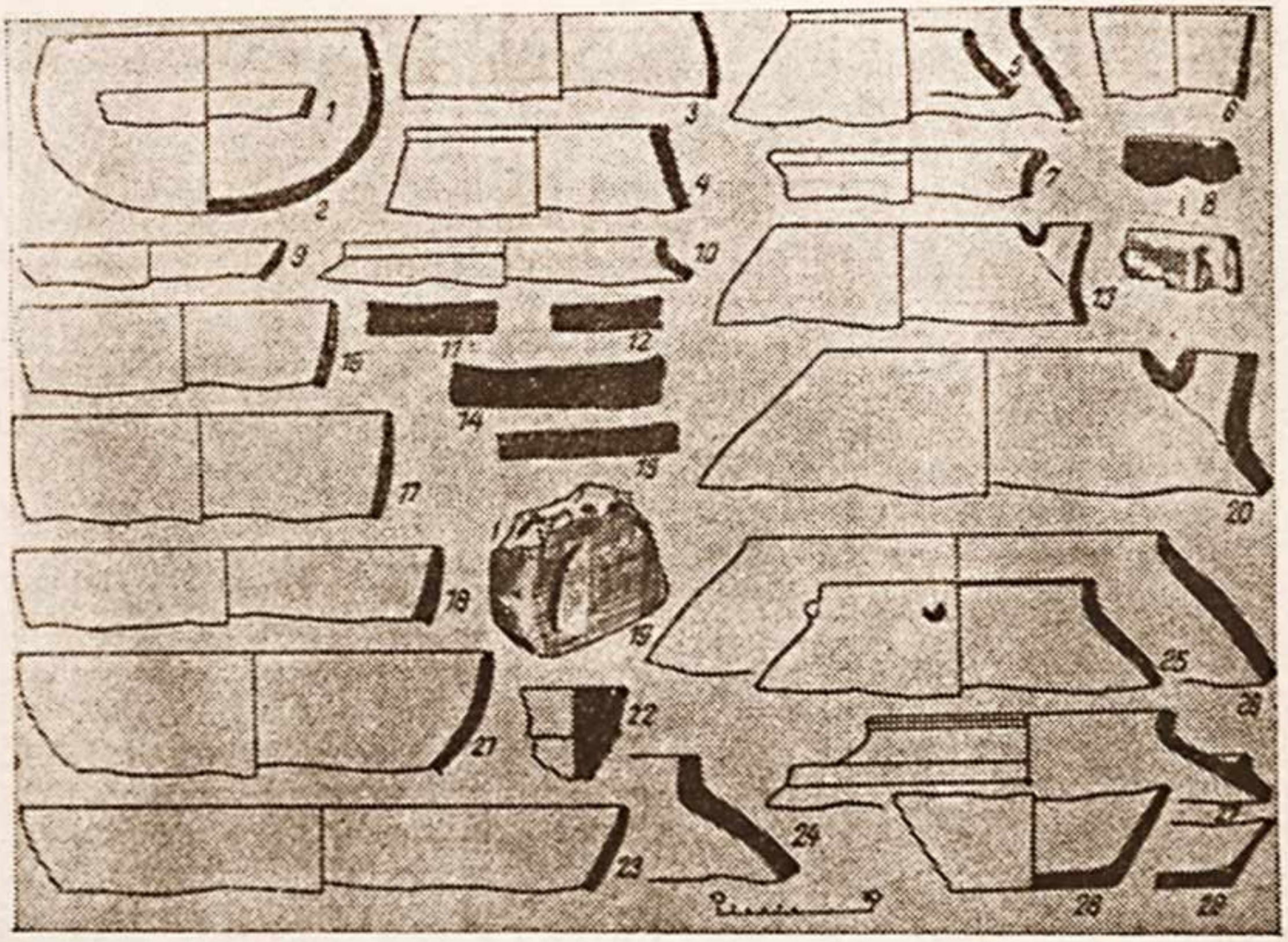

Рис. 4. Комплекс керамики Шаш II.

раскопе 3 наиболее крупное жилище № 4 соответствует размерам малых туябугузских. остальные мы считаем дополнительными камерами сложных землянок. Тем не менее заметна тенденция к уменьшению размеров жилищ, что, видимо, можно считать стадиальным признакам.

Комплекс керамики, полученный в трех полуземлянках раскопа, по набору форм и технологии изготовления и обжига — чисто бургулюкского типа. Вся посуда — круглодонная, изготовленная вручную на матерчатом шаблоне ленточным способом. В изломе черепок кирпичного цвета либо двухцветный от неровного обжига (с серой полосой внутри). Характерный керамиче-

ский набор — горшки, котлы, миски, чаши, крышки, а также жаровни и очажные подставки (рис. 3, 4). У всех сосудов простые венчики, прямые или слегка заостренные, закругленные, прогнутые. Разница форм лишь в степени открытости устья. Котлы снабжены сливом под венчиком и ручками в виде монолитных выступов. Есть, однако, ярко выраженные стадиальные отличия, которые определяют весь комплекс как относящийся к более позднему времени. Изменилась форма открытой чаши, она стала почти конусовидной. Появилась чаша-бокал конусовидной формы с небольшим диаметром (т. е. высота больше диаметра устья (рис. 4, *6*). Появилась форма горшка с уступом на плечиках или украшением налепными шишечками (рис. 4, *25, 27*). Внешнее покрытие — розовато-сероватый или буроватый ангоб, реже — легко смазывающийся красный, не встречено ни одного фрагмента с росписью. Подтверждается прежнее наблюдение о стандартизации форм и уменьшении вариантности. Ручки котлов только одного типа. Крышки также в отличие от туябугузских дают только одну форму ручек — уплощенный цилиндрик. Примечательна новизна в форме очажной подставки: наряду с выделенной ранее в переходном комплексе Шаш-II формой трапециевидного кирпичика появилась подставка в виде четверти диска с канавкой, идущей вдоль дуги (рис. 4, *19*).

Как свидетельствует однородный материал трех землянок, нижний горизонт жилищ относится ко времени бытования позднебургулюкского комплекса, выделенного в колонке Шаштепа как Шаш-I и датированного VI—IV вв. до н. э. Заполнение жилища 2 содержит примесь форм переходного комплекса Шаш-II, оно образовалось в последующий период, с которым связан верхний горизонт поселка. Остатки землянок нижнего уровня перекрыты культурным слоем золисто-органического характера с прослоями золы, в который врезается дно вышележащей землянки верхнего горизонта поселка. Это жилище № 5 с суфой и остатками двух маленьких сильно прогоревших очагов с прокаленными докрасна краями. Не исключено, что они были связаны с литейным производством (рис. 2).

Керамический комплекс из этого слоя в основе бургулюкский, но включает отдельные фрагменты чужеродных форм, характерных для комплекса Шаш-II. Прежде всего это фрагменты широкогорлых кувшинов с отогнутым наружу венчиком, покрытые светло-серым ангобом, которые, видимо, были импортированы из левобережья Сырдарьи, и горшочки с отогнутым краем (рис. 4, *7, 28, 29*).

Участок поселка, обнаруженный в раскопе 3, резко отличается от участка, расположенного к западу и прозондированного шурфом. Здесь не удалось зафиксировать жилищ (правда, площадь шурфа небольшая), но обнаружились углубленные в лессовый материк четыре ямы, спущенные с уровня конца XIX яруса. Они расположены группой, что наводит на мысль о сущест-

вовании утраченной ныне землянки, в полу которой они могли быть вырыты. Дело в том, что весь лежащий над ними слой — перемешанная масса средней плотности, включавшая золу, угли, обломки бортов обгоревших докрасна очагов, очажных подставок, перегнивших кухонных остатков в виде вкраплений гумуса с большим числом костей животных. Таково же заполнение самих ям. Уровень залегания ям, если они были выкопаны в полу несохранившегося жилища, отличен от уровня первичного поселка и их следует относить ко второму этапу его жизни. Если предположить, что ямы располагались вне жилища, они могли относиться к первому периоду жизни. Жилая поверхность западного участка тогда будет несколько выше, чем поверхность на соседнем участке. Обустройство жилищ ямами характерно для туябугузских поселений эпохи раннего железа (3, с. 26). Размеры ям также совпадают: диаметр в среднем 1,1—1,4 м, глубина до 1 м. Заполнение ям мусором не отражает их первоначального назначения. Их поверхность тщательно обмазана слоем штукатурки толщиной в 1 см, что характерно для зернохранилищ бургулюкских поселений Ахангарана и Чустской культуры Ферганы. Следовательно, первоначально ямы предназначались для хранения зерна.

Характер стратиграфии в шурфе свидетельствует о больших перепланировочных работах на этом участке, связанных с последующим обживанием, что привело к перемешиванию отложений обоих этапов жизни поселка. Бургулюкский набор керамики был выявлен здесь не в чистом виде, но сильно разбавленный формами переходного периода. Это — фрагменты широкогорлых светло-розовых кувшинов на плоском дне, украшенных волнистым процарапанным орнаментом, импортного происхождения. К комплексу Шаш-II относится и несколько фрагментов серо-черной керамики (горшок с широким горлом и лощеной поверхностью). Наряду с керамикой для комплекса характерны изделия из камня: терки, терочники, песты и др., типичные для всех ареалов раннеземледельческих культур.

Металлические орудия представлены в нижних слоях только находкой в жилище № 2 бронзового стержня типа шила, прямоугольного в сечении, с одним заостренным концом и другим округлым (длина 9,7 см, ширина 0,7 см). Бронзовые шилья прямоугольного сечения — характерное орудие бургулюкцев ахангаранских поселков (3, с. 54). Близкие аналогии они находят и в других раннеземледельческих центрах: Яз-Депе I в Южном Туркменистане (4, с. 45), Кучуктепа в Южном Узбекистане (5, с. 43), Ак-Танги в Таджикистане (6, с. 210), памятниках Чустской культуры Ферганы (7, с. 37) и датируются X—VII вв. до н. э. Находка на Шаштепа указывает на бытование бронзовых шильев в VI—IV вв. до н. э. в оседло-земледельческом бургулюкском комплексе на II этапе его развития, который не выявлен в туябугузском очаге этой культуры, но присутствует в стратиграфической колонке Шаштепа.

Таким образом, работы в раскопе 3 и шурфе в южной части цитадельного бугра Шаштепа подтвердили стратиграфическую колонку нижнего горизонта, выявленную ранее на юго-востоке бугра:

Шаш-I — нижний земляночный поселок с характерным комплексом материала бургулюкской культуры;

Шаш-II — верхний земляночный поселок с комплексом материала бургулюкского типа с примесью привнесенных форм керамики.

Оба комплекса значительно обогатились материалом. Исследование этого участка дало существенные новые факты к характеристике обживания поселения и истории всего региона. Момент новизны — обнаружение захоронений, врезаных в свиту культурных слоев верхнего и нижнего поселка. Погребения, впущенные одно в другое и ориентированные — первое на северо-восток, второе на север, были осуществлены с дневной поверхности холма с отложениями на глубину 2 м. Погребения —2 в простых ямах, которые прорезали жилища № 1 и 4. Обряд захоронения: покойники лежат на спине на камышовых подстилках, прикрытые такими же камышовыми матами. Сопровождающий инвентарь: грубая лепная керамика серо-черного черепка на плоском поддоне, бронзовые дисковидные зеркала (одно с боковой ручкой-штырем). В могилах положена заупокойная пища в виде передней ноги барана с лопаткой. Весь комплекс инвентаря резко отличается от бургулюкского. Однако серо-черные сосуды однотипны с теми, что встречены в комплексе Шаш-II во фрагментах. Целые же сосуды, ранее полученные на юго-восточном участке, очевидно, также происходят из погребений. Таким образом, эта серо-черная керамика принадлежит племенам, с которыми ранее контактировали бургулюкцы и которые затем в массе пришли на среднюю Сырдарью, превратив руины оставленного бургулюкским населением поселка в свой могильник. Керамика, ранний тип зеркал, обряд ямного погребения уходят в мир савромато-сарматских племен, обитавших от Волги до Приаралья в VI—III вв. до н. э., и позволяют события, связанные с оставлением поселка и приходом новых кочевых племен, отнести, видимо, ко второй половине III в. до н. э.

Являя несомненное родство с материальной культурой круга раннеземледельческих племен восточных и южных районов Средней Азии как в типе полуземляночных жилищ, так и в керамическом материале и металле, северный комплекс раннеземледельческой культуры, который представляет ранний поселок Шаштепа, отличается рядом черт.

В южных районах сложение культуры поздней расписной керамики было несомненным регрессом в условиях существования здесь до этого очагов довольно высокоразвитых цивилизаций эпохи бронзы (Намазга, Сапалли) с их традициями сырцового строительства и началами градообразования, металлообработки, применения гончарного круга в керамическом производст-

ве. Преодолев период упадка, южные общества, получившие новый культурный имплус в составе ахеменидской державы, сделали скачок в развитии цивилизации и государственности. Иное дело на севере, на правобережье Яксарта. Здесь, в стихии кочевнических племен, появление первых очагов оседлости и формирование культур расписной керамики стали явным прогрессом в их развитии. Переход к земледелию и новым формам скотоводства способствовал росту производительных сил, совершенствованию ремесла и, вероятно, оживлению торгового обмена, подготовил общество к восприятию прогрессивных инноваций, распространяющихся с юга и из низовий рек Окса и Яксарта. О наличии и укреплении таких связей свидетельствуют находки в культурном горизонте Шаш-II керамики привозного происхождения. Они подтверждают связи с ареалом джетыасарской общности, а также оседлыми центрами левобережья Яксарта. Здесь, как известно из письменных источников (Арриан, Квинт Курций Руф), сложился ряд оседлых пунктов, обнесенных стенами и поэтому названных в источниках городами. В их числе Кирополь, Газа и др. В процессе археологических исследований в этом регионе были открыты культурные остатки на поселениях, синхронные бургулюкским (древний Ходжент, Нуртепа (8, с. 74—77; 9, с. 23, 26—27), Хантепа (10, с. 116)).

Расселение в этом регионе шло большими оазисами, центрами которых и становились крупные населенные пункты с цитаделями, оформившиеся к середине I тыс. до н. э. в города. Обмен между этими центрами и бургулюкским ареалом стал особенно ощутим с IV в. до н. э. Целый ряд керамических форм комплекса Шаш-II находит аналоги в материале Нуртепа, Ходжента, Хантепа. Прежде всего это касается круговой керамики, получая которую бургулюкцы на стадии Шаш-II, возможно, и сами познакомились с навыками использования гончарного круга.

Наиболее близкие аналоги прослеживаются в формах широкогорлых кувшинов, горшочков с отогнутым краем, которые присутствуют в комплексе керамики Нуртепа, датированном авторами VI—IV вв. до н. э. (отметим, что нижняя дата представляется нам заниженной) (9, рис. 4), а также в комплексе из того же памятника, датированном III—II вв. до н. э. (9, рис. 3). Между этими ареалами устанавливается и обратная связь, о чем свидетельствует, например, факт сочетания в керамике древнего комплекса Ходжента приемов круговой выделки, пришедших из южных очагов цивилизации, а также формовки и обработки, заимствованных из бургулюкского и эйлатанского регионов. Те же взаимопроникновение и синтез приемов наблюдаются в древней керамике Хантепа.

Возвращаясь к своеобразию северного бургулюкского ареала, следует отметить следующее:

во-первых, по́зднее относительно южных регионов сложение здесь культуры ранних земледельцев. Второй этап бургулюкской

культуры, выделенный нами только на Шаштепа, но, видимо, свойственный и другим пунктам ареала, датирован VI—IV вв. до н. э.— это островок оседлой культуры, существовавший в окружении кочевников;

во-вторых, поступательный импульс из более развитых районов юга достигал его в затухающей стадии в опосредованном через регион Уструшаны виде. В последней четверти IV в. до н. э. в связи с разгромом городов левобережья Яксарта Александром Македонским, его воздействие на некоторое время ослабло, как, видимо, ослабли и связи. Основным каналом связей и движения новаций остался коридор вдоль Яксарта из низовий на среднее течение через джетыасарский ареал. Видимо, осложнившаяся ситуация и кочевое окружение затормозили дальнейшее движение по пути развития от оседлых поселений к городам;

в-третьих, начавшийся в середине III в. до н. э. натиск кочевых племен предвозвестил «великие переселения» следующего столетия. Первые признаки его — присутствие серо-черной керамики в комплексе Шаш-II. Возможно, усилившийся натиск привел к запустению бургулюкского поселения на Шаштепа. Апогея он достиг во второй половине III в. до н. э., о чем свидетельствует наличие могильника на заброшенном поселении, оставленного пришельцами на их пути к югу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филанович М. И. Шаштепа — древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента//У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
2. Филанович М. И. Ташкент, зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
3. Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
4. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА. 73. М.—Л., 1959.
5. Аскаров А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
6. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962.
7. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы// МИА. 118. М.—Л., 1962.
8. Негматов Н. Н., Беляева Т. В. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа — Нуртепа//Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982.
9. Негматов Н. Н., Беляева Т. В. Исследования Нуртепа в 1981 г.// Археологические работы в Таджикистане. XXI. 1982. Душанбе, 1988.
10. Грицина А. А., Сверчков Л. М. Археологические исследования в Сырдарьинской области//ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.

Ш. Р. ПИДАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ ХОЛМЕ ЗАРТЕПА

В 1977 г. с целью выяснения архитектурно-планировочной структуры отдельно стоящего холма, расположенного в юго-восточном углу городища Зартепа, был заложен раскоп. Холм с восточной и южной сторон окружен обводной стеной, а с северной и западной отделен от остальной части городища широким и глубоким рвом. Размеры холма приблизительно — 45×45 м. Северная, восточная и особенно южная стороны холма более возвышенные, они постепенно понижаются к центру холма. Раскопки проводились на всей площади холма на уровне верхнего строительного горизонта. В результате проведенных археологических работ в южной части холма были вскрыты остатки 7 помещений, в северной — 3 и в западной — 2 (рис. 1).

Помещение 1 расположено в юго-западной части холма. Ширина помещения 2,23 м. Наибольшая высота сохранившихся стен от уровня пола 1,5 м. Стены возведены из квадратных сырцовых кирпичей (32×32×10 см). Поверхность стены покрыта тремя слоями глиняной штукатурки. Уровень пола зафиксирован на глубине 45 см III яруса. В заполнении — строительный завал. В юго-западном углу найдены фрагменты настенных росписей, выполненных черной, синей и розовой красками. Росписью была украшена западная стена помещения. Судя по характеру залегания,— лицевая сторона стены, украшенная росписью, оказалась лежащей изображением вниз, — она была разрушена еще в древности. В настоящее время все сохранившиеся остатки с росписями зачищены и закреплены, однако полностью еще не обработаны. Тем не менее сюжет живописи можно установить: огромная птица, видимо, Гаруда, держащая в лапах полуобнаженную богиню*.

В помещении, за исключением отдельных фрагментов невыразительной керамики и одной монеты, ничего не найдено. Монета обнаружена в северной части помещения, в оплыве.

Помещение 2 расположено к востоку от помещения 1. Его размеры — 9,10×4 м. Вход находится в центре северной стены. Ширина входа 1,25 м. В южной стене расположен проход во внутреннее помещение 8. Стены комнаты тщательно обмазаны глиняной штукатуркой с саманом.

Пол обнаружен в начале III яруса. Он также обмазан. Помещение было заполнено в южной части лесом с обломками кирпичей, а в северной — натечным слоем на уровне пола, места-

---

* Не будем останавливаться на описании, характеристике и интерпретации росписи, выявленной на этой стене, так как нами планируется отдельная статья, посвященная живописи Зартепа.

ми зафиксирована зольная прослойка. Керамический материал, представленный здесь, весьма невыразительный и однообразный. Под полом помещения, в его южной части, обнаружена сердоликовая гемма. На полу найдены две монеты.

Помещение 3 расположено к востоку от помещения 2. Толщина стены между ними составляет 2,25 м. Размеры комнаты 8×2,75 м. Вход расположен в центре северной стены. Ширина его 1,15 м. Наибольшая сохранившаяся высота стен 95 см. Стены обмазаны двумя слоями глины. Поверх обмазки — побелка. Уровень пола обнаружен на глубине 43 см II яруса. Уровень пола на всей площади помещения выложен из сырцовых квадратных кирпичей (33—34×33—34×9—10 см). Под полом — рыхлая

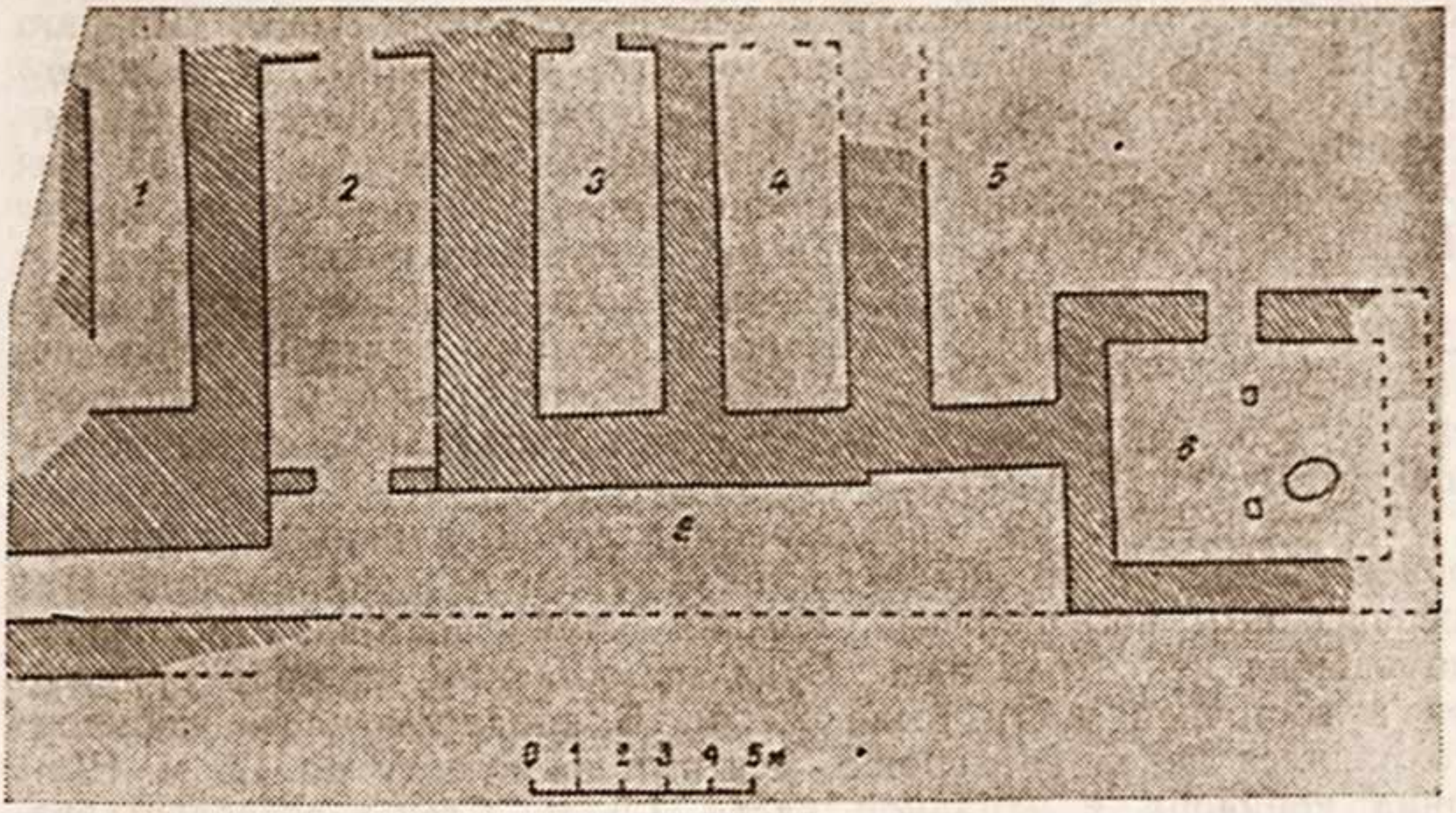

Рис. 1. План раскопа.

земля с зольными прослойками. Найдены единичные фрагменты кубкообразных чаш и одна монета.

Помещение 4 расположено к востоку от помещения 3. Толщина стены между ними 1,37 м. Стена возведена из сырцовых квадратных кирпичей (34×34×10 см). Размеры комнаты 8×2,85 м. Сохранившаяся высота стен различная, в частности южная стена сохранилась на высоту 93 см, западная — 45 см. Уровень пола зафиксирован на глубине 43 см II яруса в южной части помещения. Пол обмазан тонким слоем глины. Под полом — темно-коричневая земля средней плотности. На полу, в отдельных местах, зафиксированы зольные прослойки. За исключением терракотовой статуэтки лошади, одной монеты, обнаруженной под полом, и единичных фрагментов керамики ничего не найдено.

Помещение 5 расположено к востоку от помещения 4. Се-

верная часть его не сохранилась и поэтому трудно судить, каким оно было в плане. Видимо, так же, как и другие помещения, имело в плане прямоугольные очертания, проход в северной стене. Уровень пола зафиксирован на глубине 40 см II яруса. Он был выложен из сырцовых кирпичей (34×34×10 см). Под полом найдены две монеты. Судя по размеру и весу, они принадлежат группе монет, известных под названием кушано-сасанидских. В южной части, в слое, были обнаружены терракотовая статуэтка всадника и фрагмент стекла.

Помещение 6 расположено к юго-востоку от помещения 5 и является угловым в этом комплексе. Размеры помещения 6,5×5 м. Кирпичи прямоугольные (50×28×10 см). Стены стоят на пахсовой платформе толщиной 50 см. Пол выложен кирпичом. Вход расположен в центре северной стены. Ширина его 1,20 м. В центре зачищены остатки деревянных колонн, основания которых опущены на 10 см ниже пола. Судя по ямам, куда были опущены колонны, они имели размеры 30×35 см. Рядом с южной колонной расчищена яма глубиной 47 см. Керамика, обнаруженная в помещении, невыразительна.

Помещение 7 расположено в юго-восточном углу холма. Стены его сохранились частично и поэтому контуры точно не установлены. Оно связано со вторым строительным горизонтом сверху, так как часть западной стены уходит под стены помещения 6.

Помещение 8 представляет собой длинный коридор, ориентированный по линии восток — запад, перпендикулярно вышеописанным помещениям. Южная стена восточной половины помещения не сохранилась. Судя по остаткам, ширина коридора в восточной части была 2,7 м. В западной части коридор сохранился довольно хорошо, местами на высоту до 1,5 м. Ширина коридора в западной части 1,5 м. Стены возведены из пахсовых блоков и тщательно обмазаны глиной. Данный коридор, как упоминалось выше, связан с остальными помещениями комплекса только через проход, расположенный в помещении 2. Судя по всему, коридор был внутристенным. Однако, был ли он глухим или нет, говорить трудно. На сохранившемся участке южной стены бойниц не обнаружено. В помещении найдена одна крышка с нарезным орнаментом на лицевой стороне, пять монет и ручка кружки в виде свиньи.

Помещение 9 расположено на северной стороне холма. Сохранилось частично. Ширина его 4,2 м. Стены возведены из сырцовых квадратных кирпичей и оштукатурены ганчем поверх глиняной обмазки.

Помещение 10 расположено к востоку от помещения 9. Первоначально оно имело размеры 9,5×2,5 м. Проход располагался в юго-западном углу. Ширина прохода 85 см. Стены выложены из сырцовых квадратных кирпичей (35—36×35—36×11), сохранились на высоту 75—80 см. Оштукатурены очень тщательно. Зафиксировано четыре слоя штукатурки. Два нижних —

глиняные, верхние — ганчевые. Общая толщина штукатурки около 10 см. В центре, в северной стене помещения была расчищена ниша, обмазанная ганчевой штукатуркой. Ширина ниши 40 см, длина 70 см. Пол помещения оштукатурен тонким слоем ганча поверх глины. Вторая ниша находилась в южной стене, ближе к восточной. Она также оштукатурена ганчем. Длина ниши 1,2 м, глубина — 25 см, высота — 30 см. Основание стены расположено на высоте 27 см от уровня пола. В последний период помещение было разделено на две половины, в результате чего здесь образовалось две комнаты с проходом в северной части. Ширина прохода 80 см.

Раскопки, проведенные в западной части холма, показали, что здесь имеются остатки стен. Однако из-за плохой сохранности помещений установить их контуры не представлялось возможным.

Шурф, заложенный с внутренней стороны восточной обводной стены городища, размерами 5×2,50 м, глубиной 2 м, показал, что восточная половина холма, вдоль стены не была застроена по крайней мере в период двух последних строительных периодов. Также было установлено, что ширина обводной стены в последний период ее существования достигла 3,9 м. Она сохранилась на высоту 55 см. Ширина стены нижнего горизонта 5,3 м. Стена верхнего периода возведена из сырцовых квадратных кирпичей (32×32×9 см). Глина болотистая. Стена второго (сверху) горизонта возведена из сырцовых квадратных кирпичей (36×36×10 см, 40×40×12 см). Глина кирпича коричневого цвета. На уровне верхнего строительного горизонта найдена одна монета. В северной части восточного фаса зачищена полукруглая башня с прямоугольным внутренним помещением. Размер последнего 3,2×2,15 м. В центре расположен проход внутрибашенного помещения, ширина которого 73 см.

Центральная часть холма, как показали раскопки, не была застроена.

Таким образом, перед нами предстает архитектурный комплекс с очень интересной планировкой. Ядром его, бесспорно, был большой двор, расположенный в центре холма.

Перекрытия всех вскрытых помещений, судя по ширине помещений, были плоскими.

Основным строительным материалом, как указывалось выше, был сырцовый кирпич квадратного формата, реже пахса и сырцовый прямоугольный кирпич. Последний использовался в самый последний период в строительно-ремонтных работах. Часто кирпичи этого строительного горизонта изготовлены из глины болотистого цвета. Толщина шва равна 2—3 см. Сырцовые квадратные кирпичи, использованные при строительстве нижних строительных горизонтов, имеют бо́льшие размеры (36×36×10 см, 40×40×12 см), а при возведении стен самого строительного горизонта в основном применялся кирпич меньших размеров (32×32×10 см), т. е. шло постепенное уменьшение форматов квад-

ратных кирпичей. Время обживания верхнего строительного горизонта данного комплекса может быть определено на основании аналогий керамическому материалу, найденному здесь.

Керамический материал с раскопа, как упоминалось выше, представлен в небольшом количестве. Это венчики и донца хумов, столовые тагора и кувшины, кубкообразные чаши, полусферические чаши. Столовая посуда изготовлена на гончарном круге из хорошо отмученной глины, обжиг равномерный, черепок в изломе имеет розовый цвет. Керамика покрыта различными оттенками красного ангоба. Кубкообразные чаши встречались чаще других форм сосудов. Они имеют ножку с конусообразным выемом; стенки плавно расширяются вверх с перегибом, образуя цилиндро-коническую форму. Край венчика немного загибается внутрь. На трех фрагментах отмечено полосчатое лощение выше перегиба с наружной стороны. Чаши имеют полусферическую форму. Стенки их плавно расширяются кверху, венчик слегка загнут внутрь. Маленькие кувшины имеют обычно грушевидную форму с одной ручкой на горловине. Встречен один кувшин с двумя ручками (рис. 2). Относительно формы крупных кувшинов трудно что-либо сказать, так как они представлены в очень фрагментарном виде. Столовые тагора имеют сложно-профилированные бортики с налепами у венчика. С внутренней стороно орнаментированы концентрическими полосками, волнистыми линиями и штампами в виде листьев и геометрических фигур (рис. 3, *7*). Особого внимания заслуживает фрагмент крышки, найденной в помещении 8 (рис. 3, *8*). Крышка изготовлена из хорошо отмученной глины, черепок в изломе розовый, обжиг равномерный. На лицевой стороне ее имеется нарезной орнамент, напоминающий по конфигурации «мальтийский крест» с двумя рельефными контурами. Часть, заключенная рамками рельефов, выщерблена углублениями. Орнамент вырезан по окружности диаметром 12 см, которая является выступающей частью всей площади крышки. Имеется выступающая ручка в виде усеченного конуса. Крышка по характеру орнамента не находит аналогов в керамике Северной Бактрии кушанского времени. Судя по качеству керамики и своеобразной декорировке, она могла принадлежать к разряду сосудов культового назначения. Керамический материал с раскопа находит аналогии в первую очередь в материалах Зартепа (1, с. 55—57), Аккургана (2, с. 64—71), Дальверзинтепа (3, с. 156—161). Аналогии ряду форм выявляются на городищах Яван (4), Дильберджин (5, с. 84—97), Джигатепа (6, с. 81—87) и других памятниках. Слои, в которых они найдены, датируются III—IV вв. н. э.

Монеты с раскопа еще не обработаны. Судя по размеру и весу, большинство из них относится к группе монет, известных под названием кушано-сасанидских. Встречены также монеты, чеканенные по типу монет Васудевы, а на северном склоне — чеканенные по типу тетрадрахмы Гелиокла и монеты Вимы Кадфиза.

Для датировки вскрытого комплекса наиболее характерны монеты кушано-сасанидской группы. Однако они обычно плохой

Рис. 2. Керамика.

сохранности, поэтому определить, к чекану какого правителя они относятся, представляется весьма трудным. Лишь на одной монете видно изображение. На лицевой стороне ее изображен

погрудный портрет правителя в короне Д[1] (Хормизд, по Луконину) (7, с. 135—138). На обратной стороне изображен на алтаре бюст божества с трезубцем в левой руке. Время выпуска

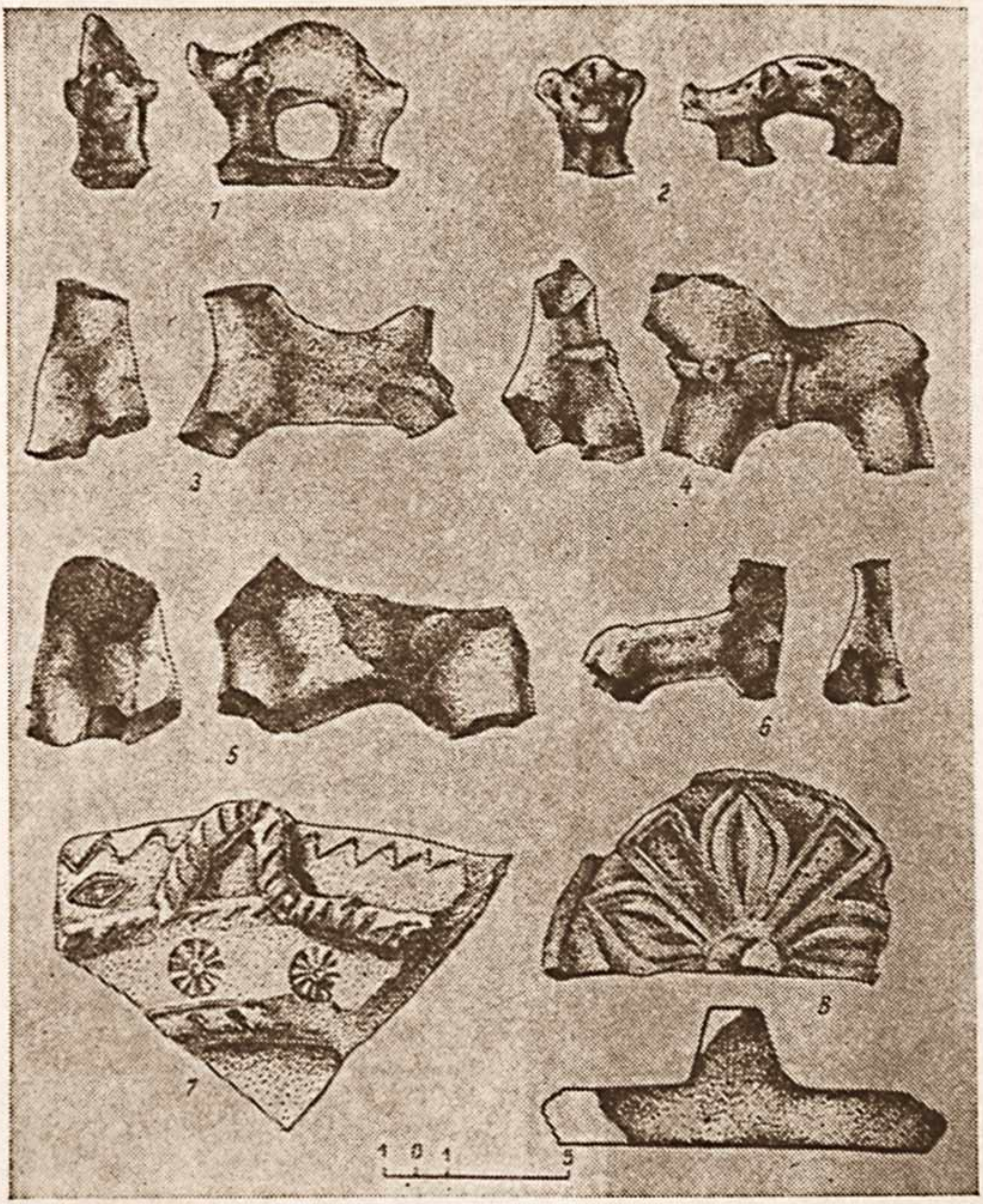

Рис. 3. Терракота и керамика.

этих монет определяется одними авторами III—IV вв., другими— IV—V вв. До настоящего времени вопрос о времени обращения кушано-сасанидских монет остается открытым. Г. А. Пугаченко-

ва на основании стратиграфических данных и монетного состава из Джигатепа считает, что керамика, аналогичная зартепинской, относится к III—IV вв. н. э. (6, с. 81).

Среди находок наиболее интересной представляется сердоликовая гемма овальной формы, диаметром 16,5 мм (рис. 4). На выпуклой стороне ее изображена Афина. Черты лица переданы схематично. Нос в виде крупного треугольника. На голове у нее головной убор, напоминающий панаму. В правой руке на уровне груди Афина держит щит. В левой, опущенной руке, длинное копье. Панцирная броня в виде прямоугольных пластин на гемме передана вертикальными линиями. Это изображение не находит аналогов в глиптике Сред-
ней Азии и за ее пределами. Она выполнена в традициях эллинистической глиптики, но отличается техникой выполнения. Слой, в котором найдена гемма, датируется IV в. н. э. «Штриховая» резьба, которой выполнено изображение на гемме, особенно характерна для сасанидского периода.

Рис. 4. Сердоликовая гемма.

Особое место среди находок занимают терракотовые фигурки лошадей и барана. Статуэтки лошадей на раскопе представлены как со всадником, так и без него. Всего их найдено 8 экземпляров. Все они изготовлены вручную из хорошо отмученной глины. Черепок в изломе имеет красно-розовый оттенок. Фигурки покрыты красно-коричневым и светлым ангобом. К сожалению, все они фрагментарны (рис. 3, *4, 5. 6, 7*).

Все статуэтки лошадей выполнены очень примитивно, говорить об экспрессии не приходится. Ареал распространения терракотовых статуэток лошадей и всадников довольно широк. Они встречаются на всех памятниках как на территории Бактрии (8, с. 176—185; 9), так и в Согде (10), и т. д. Однако самые близкие аналоги их выявляются все же на территории Северной Бактрии: на Дальверзинтепа (11, с. 125—127; 12, с. 164—165), в Старом Термезе (13, с. 36—37), Аккургане (2, с. 77—79), Зартепа (1, с. 53), Мирзакултепа (14. с. 59—63) и во многих других памятниках. Семантика изображений лошадей и всадников подробно рассмотрена в работах Г. А. Пугаченковой, В. А. Мешкерис, Х. Ю. Мухитдинова.

Одним экземпляром на раскопе представлена терракотовая

статуэтка барана с двумя головами, обращенными в противоположные стороны (рис. 5). Образ барана широко распространен в коропластике Средней Азии. Обычно он передается в движении, реалистично. Однако баран с двумя головами, расположенными рядом, с одной стороны, в коропластике Средней Азии встречается впервые. Судя по следу, одна из голов барана прикреплена к другой. Место прикрепления хорошо сглажено.

Заслуживают внимания и зооморфные терракотовые головки, которыми оформлены ручки небольших кувшинов и кружек. На раскопе их обнаружено два экземпляра. Оба они, видимо,

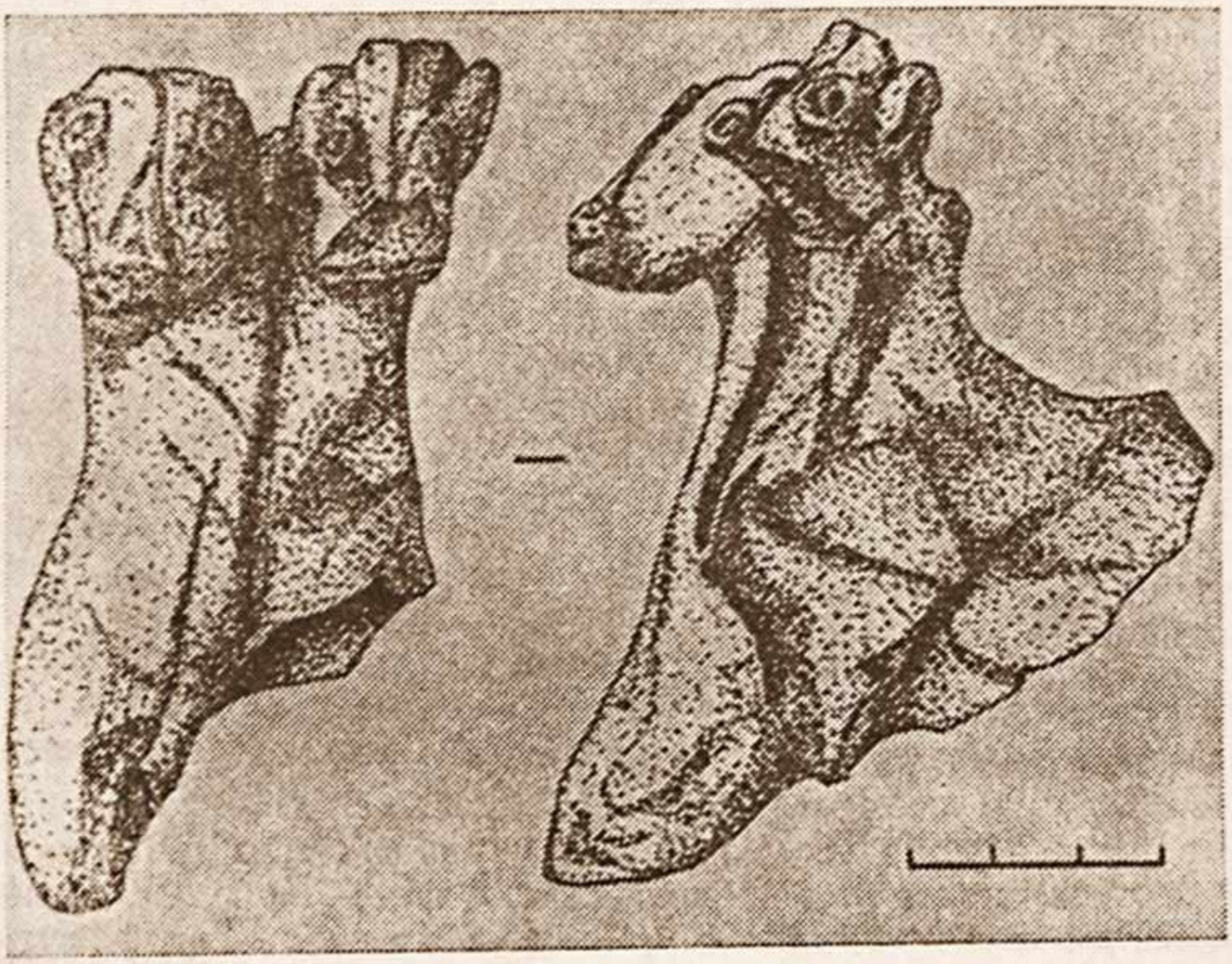

Рис. 5. Терракотовая статуэтка барана.

являются головами ежей (рис. 3, *1, 2*). Аналогичные зооморфные терракотовые изображения в Северной Бактрии встречаются, но не очень часто. Однако, на Зартепа они известны довольно в большом количестве. Отдельные исследователи считают их головами козлов, с чем трудно согласиться (1, с. 57, рис. 32).

Вопрос, связанный с научной интерпретацией раскопанных сооружений и всего юго-восточного холма Зартепа, намного сложнее. Общее архитектурно-планировочное решение исследованного холма находит определенное сходство с остатками здания греко-бактрийского времени Айртама, которое интерпретируется Г. А. Пугаченковой как оборонительный форпост (II, с. 94).

Здесь, как и на Зартепа, архитектурным ядром является большой зал или двор, вокруг которого были расположены длинные коридорообразные помещения. Нечто общее он находит с фортом парфянского времени на Эркkале в Мерве (15, с. 36). Эркалинский форт имеет небольшой квадратный зал, который с трех сторон окружен коридорами и помещениями-казематами. Один из коридоров, как на Зартепа, связан через проход с внутренней галереей. Такое же планировочное решение прослеживается на городище Кухнаканала в Южном Таджикистане (16, с. 39—55) и в ряде других памятников этого времени. Всех их объединяет единое планировочное решение, наличие центрального двора или зала, обводных коридоров и казарм. Раскопки юго-восточного холма Зартепа еще раз подтверждают положение Г. А. Пугаченковой о том, что при сооружении фортов единого стандарта не было (11, с. 97). Например, здесь впервые встречается связь двора прямо с внутрибашенным помещением. Такого случая ни в одном из известных нам фортов не было.

Таким образом можно предположить, что отдельно стоящий юго-восточный холм Зартепа также является местом расположения военного форта. Он занимает выгодное стратегическое положение, господствуя как цитадель над всем городом и служа отличным наблюдательным пунктом. Находки небольшого количества керамики также указывают на особое назначение раскопанных помещений, т. е. казарм. Видимо, не случайно найдена здесь и сердоликовая гемма с изображением Афины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепа в 1973 г.//Бактрийские древности. Л., 1976.
2. Пидаев Ш. Р. Поселение кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
3. Некрасова Е. К., Пугаченкова Г. А. Керамика Дальверзинтепа// Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
4. Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. дис. ... к. и. н. Л., 1960.
5. Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974.
6. Пугаченкова Г. А. Жига-тепа//Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979.
7. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
8. Пугаченкова Г. А. Материалы по коропластике Бактрии — Тохаристана//Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.
9. Мухитдинов Х. Ю. Терракоты Саксонохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Автореф. канд. дис... Душанбе, 1973.
10. Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962; Она же. Коропластика Согда. Душанбе, 1977.
11. Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
12. Исхакова Е. А., Исхаков М. Х. Терракоты Дальверзинтепа//Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
13. Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза//Бактрийские древности. Л., 1976.
14. Пидаев Ш. Р. Кушанская терракота Мирзакультепа//ОНУ. 1975. № 8.
15. Усманова З. И. Эрк-кала//Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.

16. Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда (Таджикской археологической экспедиции) на территории Вахшской долины в 1953 г.//ДАН ТаджССР. Вып. 11. Сталинабад, 1954.

К. АБДУЛЛАЕВ

ОБ ОДНОМ БУДДИЙСКОМ ОБРАЗЕ В КОРОПЛАСТИКЕ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА

Открытия на юге Узбекистана памятников буддийского культового характера (Айртам, Каратепа, Фаязтепе, Дальверзинтепа) свидетельствуют о становлении и развитии буддийской доктрины как одной из ведущих религий, распространенных на данной территории. Буддизм проявляется здесь не только в наличии многочисленных культовых объектов с присущим им архитектурным убранством, но и в проникновении буддийских изобразительных традиций в художественную культуру города. Обилие сюжетов и разнообразие иконографических типов буддийского толка в терракотовой скульптуре Бактрии — Тохаристана подкрепляет этот тезис. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать группу терракотовых фигурок, найденных в разное время и на разных археологических памятниках Сурхандарьинской области и юга Таджикистана и связанных непосредственно с тематикой буддийского искусства.

Первая статуэтка, определенная впоследствии как «танцовщица», была найдена Л. И. Альбаумом на городище Зартепа (1, с. 32, рис. 17). Терракота представляет собой обнаженную женскую фигуру с тонкой талией, узкими бедрами, охваченными набедренным поясом в виде параллельных линий. Косыми рельефными линиями ленты сходятся в центре, образуя рисунок листка или узла. Ноги удлиненных пропорций. Опущенные вдоль тела и чуть разведенные в стороны руки переданы в грубоватой обобщенности. На предплечьях проступают рельефы браслетов. Между слабовыраженными округлостями грудей спадает нагрудное ожерелье в виде ленты с полукруглым медальоном. На левом плече скол прямоугольных очертаний. Фигурка оттиснута на глиняной лепешке овальной формы. Черепок плотный, без примесей, излом розового цвета, обжиг равномерный. Тыльная сторона плоской, чуть закругленной формы, бока подправлены инструментом. Сохранившиеся размеры: 8,5×5,5×2,5 см. Фрагментарность фигурки не позволяет воссоздать образ в целом; судить о нем можно при сравнительном анализе с более сохранившимися экземплярами. Терракота хранится в Сурхандарьинском краеведческом музее.

Аналогами зартепинской терракоте являются две статуэтки из Бараттепе (рис. 1, *1, 2*), опубликованные Г. А. Пугаченковой (2, с. 106). Одна из них была найдена в слое с монетой «Сотер Мегаса», другая — подъемная. Иконографически они повторяют

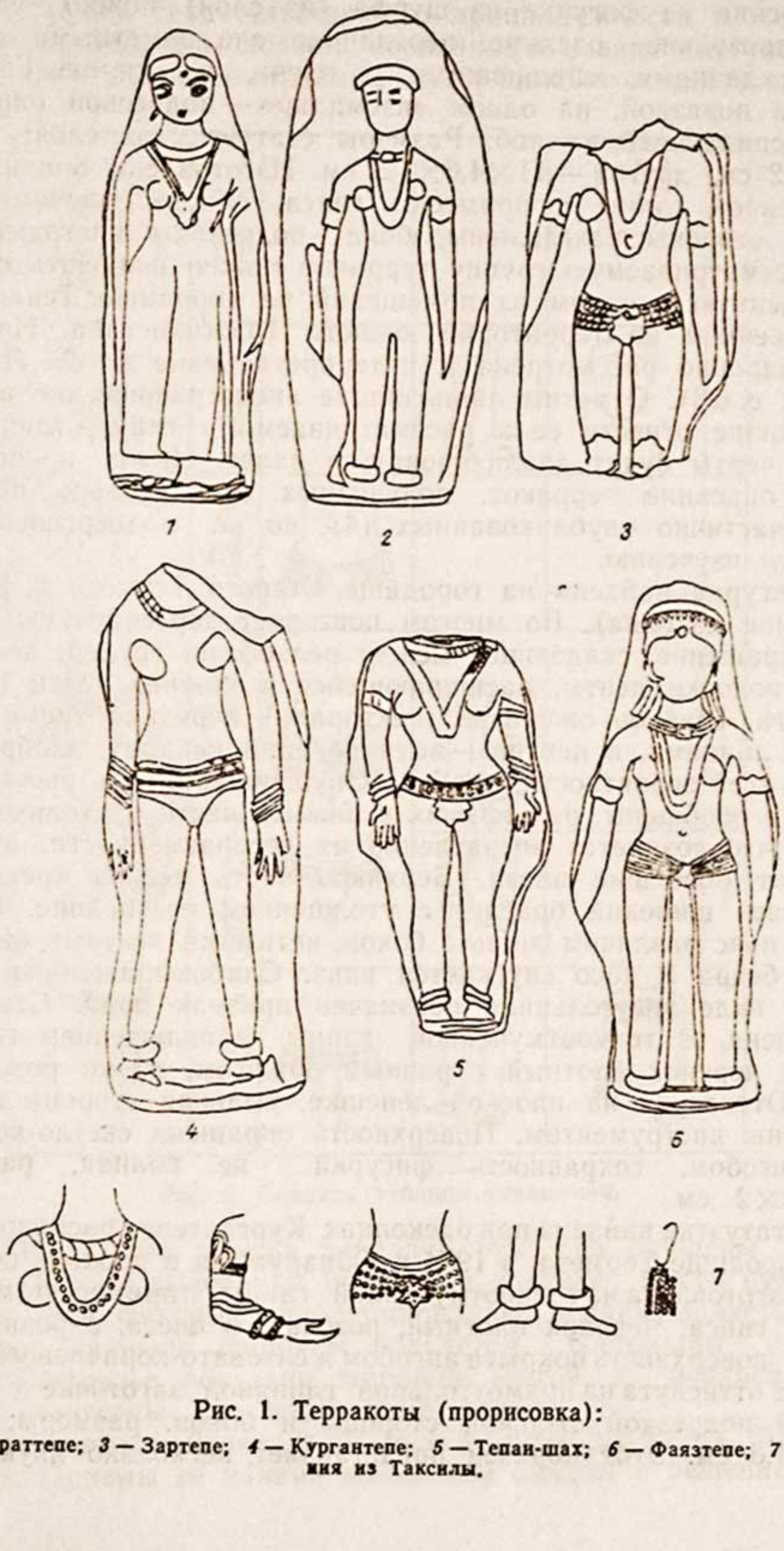

Рис. 1. Терракоты (прорисовка):

1, 2 — Бараттепе; *3* — Зартепе; *4* — Кургантепе; *5* — Тепаи-шах; *6* — Фаязтепе; *7* — украшения из Таксилы.

вышеописанный экземпляр. Отличительной чертой их является иная манера обработки после оттиска в матрице. При пристальном рассмотрении на фигурке из шурфа (из слоя) можно увидеть тонкое прозрачное одеяние, переданное еле заметными струящимися складками, спадающими с плеча, на талию. Головка украшена повязкой, на одном экземпляре — подвеской округлой формы, спадающей на лоб. Размеры статуэток из слоя: 10,6× ×3,2×2,2 см; другой — 11×4,6×1,3 см. Изготовлены они из тонкоотмученной глины с примесью гипса, обжиг равномерный, тыльные стороны разглажены, бока подрезаны инструментом.

В рассматриваемую группу терракот можно включить фигурку, найденную в одном из помещений на городище Тепаи-шах, расположенном на территории южного Таджикистана. Находка была подробно рассмотрена и интерпретирована Б. А. Литвинским (3, с. 23). Отметим лишь общие иконографические истоки, позволяющие отнести ее к рассматриваемому типу, отличительные же черты будут анализироваться далее. Ниже приводится полное описание терракот, полученных сравнительно недавно и хотя частично опубликованных (4), но не подвергшихся детальному изучению.

1. Фигурка найдена на городище Старого Термеза в 1979 г. (случайная находка). Во многом повторяет зартепинскую терракоту; украшение, спадающее между рельефами грудей, показано в виде полоски ленты, расширяющейся в нижней части в виде полукруга. Шейное ожерелье (пекторaль) передано тремя рельефными линиями, в центре — выступающий квадрат, изображающий, по всей вероятности, пряжку. Опущенные и чуть расставленные руки обобщены, рельефы их в нижней части настолько утончаются, что создается впечатление их несоразмерности; они напоминают обвисшие плети. Верхнюю часть левого предплечья охватывает широкий браслет с утолщением посередине. Набедренный пояс различим лишь с боков, четырьмя лентами он опоясывает бедра и косо спускается вниз. Слабовыраженным рельефом в виде треугольника обозначен признак пола. Статуэтка изготовлена из тонкоотмученной глины с включением гипса и шамота, черепок плотный с ровным обжигом, излом розоватого цвета. Оттиснута на плоской лепешке, тыльная сторона и бока подрезаны инструментом. Поверхность окрашена светло-коричневым ангобом, сохранность фигурки не полная, размеры: 8,7×5.2×2 см.

2. Статуэтка найдена при раскопках Кургантепе, расположенного на городище Термеза, в 1974 г. Обнаружена в проходе помещения 1. Изготовлена из тонкоотмученной глины с примесью мелкого песка и гипса. Черепок плотный, розоватого цвета, с ровным обжигом, поверхность покрыта ангобом желтовато-коричневого цвета. Фигурка оттиснута на прямоугольной глиняной заготовке с последующей подрезкой тыльной стороны и боков, размеры: 11,5× ×5,2×1,8 см. Этот образец представляет несколько иную трак-

товку обнаженного тела. Широкие плечи, узкие бедра придают облику некоторую мужественность, однако, сильно выступающие рельефы грудей свидетельствуют о принадлежности к женскому полу. Бедра охвачены поясом, переданным в виде выступающего треугольника. Длинные стройные ноги у щиколоток охвачены брас-

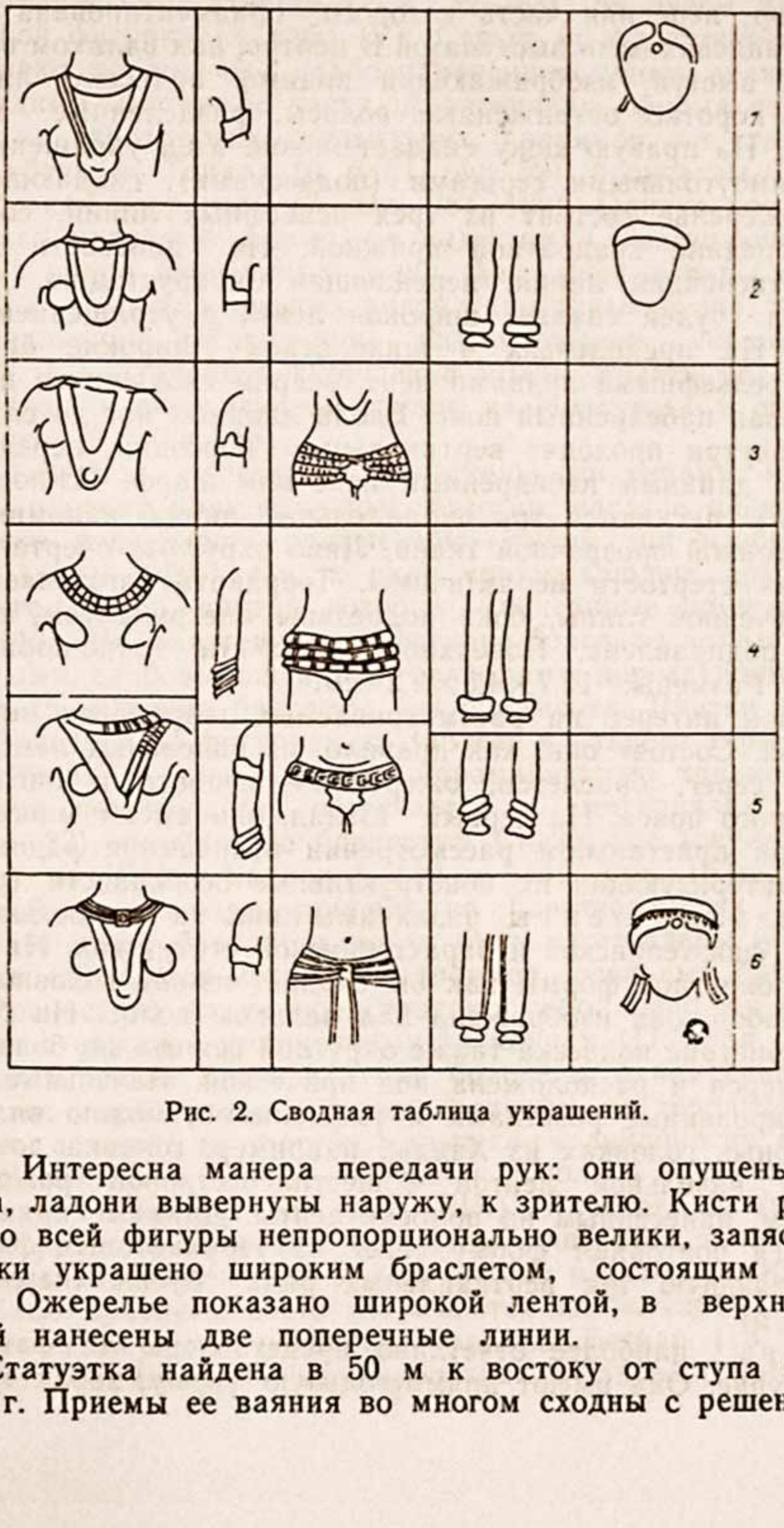

Рис. 2. Сводная таблица украшений.

летами. Интересна манера передачи рук: они опущены вдоль корпуса, ладони вывернуты наружу, к зрителю. Кисти рук относительно всей фигуры непропорционально велики, запястье правой руки украшено широким браслетом, состоящим из пяти витков. Ожерелье показано широкой лентой, в верхней части которой нанесены две поперечные линии.

3. Статуэтка найдена в 50 м к востоку от ступа Фаязтепе в 1981 г. Приемы ее ваяния во многом сходны с решением тер-

ракоты из Старого Термеза. Так, например, аналогична трактовка рук в виде рельефных валиков, подрезанных в нижней части. Несмотря на статичность позы, фигура не лишена изящества. Мастер прибегнул к детализации при передаче отдельных частей статуэтки. Так, небольшое углубление посередине живота означает пупок, четко переданы украшения. На голове невысокий убор, передняя часть которого орнаментирована в виде ленты с каплевидными выступами. В центре, над валиком волос, — округлый выступ, изображающий видимо, подвеску, лицо обрамляют коротко остриженные волосы, разделенные прямым пробором. На правую щеку спадает локон. Уши украшены длинными прямоугольными серьгами (подвесками), спадающими на плечи. Ожерелье состоит из трех рельефных линий, соединенных посередине квадратной пряжкой. На плоскости пряжки имеется тисненная линия, передающая инкрустацию. Между рельефами грудей спадает широкая лента с утолщением у основания. На предплечьях и щиколотках — широкие браслеты. Тонкими рельефными линиями лент, веером сходящихся на чреслах, показан набедренный пояс. Вдоль длинных ног до самой подошвы изнутри проходят вертикальные бороздки, передающие, возможно, длинный набедренный пояс или шарф. Из-под левой кисти вниз спускаются три параллельные линии, напоминающие складки тонкой прозрачной ткани. Лицо округлых очертаний, детали из-за стертости неразличимы. Терракота изготовлена из тонкоотмученной глины, бока подрезаны инструментом, тыльная сторона подправлена. Поверхность покрыта темно-коричневым ангобом. Размеры: 12,7×4,5×2,2 см.

Большой интерес на рассматриваемых терракотах вызывают украшения. Состоят они, как правило, из начельных лент с подвесками, серег, браслетов, ожерелий — шейного и нагрудного, набедренного пояса. На первый взгляд, они имеют много общего, но при пристальном рассмотрении отличаются рядом деталей, характеризующих их конструктивные особенности (рис. 2).

Начельные ленты различимы лишь на полностью сохранившихся фаязтепинской и бараттепинской статуэтках. На первой подвеска округлой формы как бы спадает из-под головного убора на пробор, она изображена над валиком волос. На бараттепинской фигурке подвеска также округлой формы, но более крупных размеров и расположена под прической. Начельные ленты, орнаментированные розетками и рифлениями, можно видеть на скульптурных головках из Хадды; например, головка донатрисы украшена начельной лентой с шестилепестковой розеткой и рифлением, нанесенным на полоску ленты. Длинные прямоугольные серьги повторяют форму серег на терракотовых фигурках, представляющую три вертикальных ряда бусин (перлов) (5, табл. 44, *а*).

Серьги наиболее отчетливо представлены на фаязтепинской фигурке. Они имеют прямоугольную форму, характеризуют-

ся массивностью и удлиненными размерами, буквально опускаются на плечи. Подобная форма серег отмечена и на бараттепинской статуэтке из шурфа (2, с. 106). В связи с этим возникает предположение, что прямоугольные сколы на плечах аналогичных статуэток, трактуемые порой как часть прически, на самом деле являются контурами отколотых серег. Подобные сколы имеются на зартепинской статуэтке (1, с. 32—33), на левом плече тепаи-шахской фигурки (3, табл. IV). Серьги на фаязтепинской статуэтке имеют продольные, слабо намеченные линии, делящие их на три, видимо, составные части. Аналогичная форма серег встречается на гандхарских скульптурах, например, на статуях Панчики-Куберы из Такала (6, с. 61, рис. 59), бодисатвы Сидхардхи, на фигурках адоранток (7, илл. 284, 189). Однако они передают несколько отличную форму — в виде четко выступающих вертикальных рядов нанизанных бусин. Аналогичные типы серег, состоящих из трех или четырех рядов нанизанных бусин, приводятся в исследовании, посвященном индо-греческим украшениям (8, рис. 16, 17). Подобное украшение можно видеть на одном из персонажей в скульптурной группе из Матхуры — в сцене «Вакханалии» (9, илл. 18).

Браслеты представлены несколькими типами: изготовленные из плоских прямоугольных пластин, часто с нанесенным на внешнюю поверхность орнаментом — такой тип изображен на тепаишахской терракоте, в виде «примыкающих друг к другу прямоугольников, внутри которых — вписанные прямоугольники» (3, с. 146). На фаязтепинской фигурке браслеты показаны прямоугольными, слабовыраженными рельефами, передающими, по всей видимости, плоские браслеты без орнамента. Близки по очертаниям браслеты на фигурках из Зартепе и Старого Термеза. Внешняя сторона их имеет форму, напоминающую трилистник, аналогичная конструкция встречается в материалах Таксилы (8, рис. 33), на фигурке бодисатвы Сидхардхи (скульптура происходит из Шахри-Бахлола) (10, с. 141, рис. 103). Браслеты округлой формы представлены на бараттепинских статуэтках. Подобные типы браслетов могли быть изготовлены в различной технике обработки металла. Например, реальные браслеты из дальверзинского клада представляют собой овал из круглого в сечении стержня с утолщениями на концах (11, табл. 73). Наряду с этим имели место и дутые браслеты, о чем свидетельствуют более выраженные округлые рельефы на терракоте из Кургантепе, а также на фигуре мальчика-гирляндоносца из Халчаяна (12, илл. 10). Дутые браслеты довольно многочисленны в материалах Таксилы (8, табл. XIX). Браслет на кургантепинской терракоте выявляет еще один тип, представляющий ряд спаянных или скрученных колец, высоко охватывающих запястье. Подобные браслеты часто встречаются на костяных пластинках, найденных во время раскопок городища Беграм (13, табл. XLI, *88*; LX, *188*). Браслеты на щиколотках в данной группе терракот

представлены единым типом — в виде округлых массивных колец, за исключением тепаи-шахской фигурки, ноги которой украшены двойными браслетами.

Небезынтересно отметить манеру ношения браслетов. На терракотах с условно трактованными нижними частями рук браслетами охвачены предплечья, на зартепинской фигурке они чуть приспущены. На тепаи-шахской терракоте браслеты украшают как предплечья, так и запястья, причем на последних они переданы в виде трех косых рельефов. Браслеты были, видимо, раздельные, надетые один за другим.

На всех терракотах, помимо кургантепинской, представлено сочетание двух видов ожерелий: шейного, типа колье или пекторали, и длинного нагрудного, часто показанного в виде широкой ленты. Детали и форму украшений можно частично различить лишь на фигурках из Тепаи-шах и Фаязтепе. Шейное ожерелье на фаязтепинской статуэтке полностью повторяет очертания пекторали из дальверзинского клада, датируемой второй половиной I в. н. э. Пектораль представляет собой разделенные на две части три дутых обруча, спаянные между собой. В середине они крепятся квадратной пряжкой, в рамку которой вписан широкий овал оправы, заключающей инталию из сердолика с изображением бородатого мужчины. По мнению Г. А. Пугаченковой, пектораль относится к кушано-бактрийскому типу ювелирного изделия, не характерному для Индии (11, табл. 78, 79). На шее тепаи-шахской фигурки ожерелье иного типа, состоящее «из двух параллельных полосок, пространство между которыми заполнено кружками» (3, с. 146), передающими, видимо, бусы. Подобные ожерелья широко представлены на гандхарских скульптурах (7). Бусы или пластины со штампованным орнаментом часто встречаются среди находок с городища Сиркап (Таксила) (14, табл. VI). Нагрудное ожерелье на фаязтепинской терракоте представляет широкую ленту с небольшим утолщением у основания, похожим на медальон. Привлекает внимание продольная линия, делящая ленту на две равные части. В материалах дальверзинского клада имеется ожерелье, аналогичное изображенным на терракотах. Оно состоит из шнуров, сплетенных из золотых проволочек. Количество шнуров могло быть различным. Концы их крепились к полым инкрустированным цилиндрикам, соединенным между собой петельками (11, табл. 75). Возможно, ожерелье данного типа и изображено на фаязтепинской статуэтке. Нагрудное ожерелье на тепаи-шахской терракоте, — по описанию, «широкая гладкая внешняя полоска, к которой с внутренней стороны примыкает узкая полоска с частым поперечным рифлением» (3, с. 146), — по конструкции имеет некоторые отличия, хотя форма основания повторяет вышеописанные экземпляры. Близкими к нему являются ожерелья из Таксилы, состоящие из небольших пластин всевозможных конфигураций, подогнанных друг к другу и нанизанных на нить (8, табл. XIV—XVI). Ана-

логичные украшения можно видеть и на скульптурах Хатры, например, на изображении принцессы Вашвари, дочери царя Санатрука (II в. н. э.) (15, с. 95, рис. 106).

Первый тип ожерелья довольно часто встречается на скульптурных памятниках буддийского искусства, особенно на изображениях бодисатв Матрейи и Сидхардхи (7, рис. 299, 297, 300, 284, 287), второй тип встречается реже (6, илл. 95). К ожерелью, состоящему из орнаментированных пластин, можно отнести шейное украшение на кургантепинской терракоте.

Набедренные пояса служили не только прикрытием наготы, но представляли и предмет художественного ремесла, являясь порой образцами ювелирного искусства. На терракотовых статуэтках можно выделить три типа поясов. На зартепинской фигурке пояс передан четырьмя тонкими полосками лент по обоим бокам, расходящимися веером. Плохая сохранность статуэтки не дает возможности судить о манере ношения. Судя по контурам, это узел, завязанный бантом (или лист?). Аналогичная опояска изображена на фигурке из Старого Термеза.

Бедра фаязтепинской фигурки охвачены аналогичным способом — лентами, сходящимися на чреслах, далее вниз с внутренней стороны следуют линии до самых щиколоток. Здесь, видимо, изображен длинный пояс, изготовленный из прозрачной ткани и слегка прикрывающий ноги, или набедренный шарф, как на плитке из Бараттепе (2, с. 121, рис. 37). Набедренные пояса такого типа довольно часто изображаются на каменных скульптурах Индии (16, с. 28) и терракотовых статуэтках (17, с. 123, табл. XXV, XXVII).

К третьему типу можно отнести пояс на тепаи-шахской фигурке, представляющий «опояску в виде двух лент, пространство между которыми заполнено квадратиками. В центре от нее свешивается листок, прикрывающий лобок» (3, с. 146). Подобные пояса, но с четырьмя цепочками и листочком, прикрывающим лобок, отмечены среди украшений Таксилы (8, рис. 36). Набедренные пояса различных форм широко представлены на костяных пластинках из Беграма (13, табл. LII, рис. 146; LXVIII, рис. 212; LX, рис. 182).

Рассмотренные терракотовые статуэтки составляют единый иконографический тип с различиями в деталях. Анализ реалий уводит к индийским скульптурным произведениям, к образам, запечатленным как в монументальном искусстве: скульптуре, декоративных оформлениях таран ступа, культовых и дворцовых сооружениях (18, рис. 57, 58, 60), так и коропластике, в частности, в материалах Коушанби (19).

В археологических материалах близлежащих историко-культурных регионов терракотовые фигурки, имеющие иконографическую близость к описанным в данной статье, были найдены при исследовании холма Дабар-кот (Западный Пакистан). Фраг-

менты статуэток передают женский торс с округлыми рельефами грудей, тонкой талией. Руки согнуты в локтях. Различимы украшения в виде ожерелья, спадающего между грудей. Другая фигурка украшена браслетами на предплечьях, шейное ожерелье передано в виде рельефной полоски (20, с. 311, рис. 33).

Наиболее близкую аналогию к данной группе терракот дает фигурка, найденная французскими археологами при раскопках городища Шахру-Бану (Афганистан) (21, табл. V, *15*). На сводчатой терракотовой плиточке изображена женская фигура с парным украшением, руки неразличимы, щиколотки охвачены двойными браслетами, набедренный пояс изображен в виде рельефного жгута, украшенного выступающими кружочками. Фигура напоминает тепан-шахскую скульптуру (случайная находка).

Включив данный иконографический тип в пункты Южной Бактрии и Гандхары, мы несколько расширяем границы распространения данного образа. Спорным остается вопрос идентификации и места ее в системе религиозного мировоззрения древнего населения.

Впервые описанная Л. И. Альбаумом терракота из Зартепе была интерпретирована как образ танцовщицы дионисийского круга (1, с. 32). Отметим, что во время, которым автор датирует статуэтку из Зартепе, т. е. в первые века н. э., в изобразительном искусстве Бактрии образы индо-буддийского религиозного пантеона ничуть не уступают в популярности образам дионисийского круга. Идентификация рассматриваемых нами терракот затрудняется и тем, что реалии, представленные на них, имея бесспорно индийский характер, свойственны широкому кругу персонажей индо-буддийского изобразительного комплекса. Изображения с аналогичным набором украшений популярны как в монументальном искусстве, так и в коропластике Индии (19).

Изображения на бактрийских терракотах отличаются статичностью, даже некоторой оцепенелостью поз, между тем как для фигурок с индийских городищ характерна экспрессия, гармония движения, непринужденность в передаче разнообразных поз и ракурсов (17).

Сравнивая памятники монументального искусства с образцами искусства малых форм применительно к рассматриваемому иконографическому типу, можно отметить, что подобные образы в монументальной скульптуре Бактрии античной эпохи встретить трудно. В композициях айртамского рельефа на погрудных изображениях можно найти некоторые аналогии украшениям — сочетание шейного и нагрудного ожерелий, они отсутствуют на скульптурах Халчаяна, но уже появляются в художественных произведениях Дальверзинтепе — на памятнике, где элементы буддийского искусства проступают более явственно и выразительно. Украшения, показанные на терракотах, во многом повторяют свои типы на скульптурных изображениях Санчи, Матхуры, Карли (22, табл. XXXVIII; XLI), восходя истоками в индо-буддийскую среду.

Образы танцовщиц в искусстве древней Индии ассоциируются с апсарами — полубожественными женскими существами ведийской и индуистской мифологии, меняющими свой облик. Как правило, они изображаются в виде прекрасных женщин, украшенных драгоценностями и цветами. В индуистской мифологии апсары, являясь спутницами гандхарвов — божественных музыкантов, приобретают функции небесных куртизанок и танцовщиц. По одной версии, апсары произошли при пахтанье океана богами и асурами («Рамаяна»), по другой, — десять наиболее почитаемых апсар произошли из воображения Брахмы, а остальные были дочерьми Дакши («Хариванша», «Ваю-пурана»). В пуранах число их колеблется от двух-трех до сотен тысяч (23, с. 96). Неудивительно, что образы эти часто служили сюжетами в скульптурных оформлениях культовых или дворцовых зданий.

Другой наиболее близкой аналогией к терракотам по набору украшений являются изображения якшинь. Б. А. Литвинский, трактуя образ на терракоте из Тепаи-шах, возвращается к некогда выдвинутому предположению Г. А. Кошеленко, связывающего маргианские параллели данного сюжета с божеством Атаргатис. Хотя популярность этого божества на эллинистическом востоке была достаточно велика, предпочтительным, по мнению Б. А. Литвинского, является замечание Г. А. Кошеленко, который не исключает возможность видеть в обнаженных фигурах образы якшинь (3, с. 25). Наряду с широко распространенными образами танцовщиц не менее популярными в индо-буддийском искусстве являются изображения якшинь. Скульптурные воплощения они получают в эпоху династии Маурьев, однако дальнейшее иконографическое развитие происходит в последующие периоды. Яркие образцы этих скульптурных изображений были найдены около Матхуры (Паркхам, Борода), Гвалиоре (Беснагар, Павайя) и в Бихаре (Лоханипур, Дидаргандж, Патна) (24, табл. 7, 8). По поводу датировки данной группы каменных изваяний единого мнения нет. Хронологические рамки колеблются от IV в. до н. э. до I в. н. э. (18, с. 44).

Мифические образы якшинь, наделенные функцией стражей, часто используются при оформлении городских ворот и культовых сооружений. Так, например, изображения якшинь можно видеть в скульптурном декоре северных ворот ступа № 1 в Санчи (25, табл. XXII). Нижний скульптурный ряд представлен фигурами, украшенными парными ожерельями, как и на наших терракотах. Аналогичные изображения встречаются в скульптуре Матхуры (II в. н. э.), в оформлениях ступа из Бхархута: каменная фигура якшини-салабанджики с восточной тараны, куртизанки-салабанджики на горельефе ограды ступа (25, табл. XLVI).

Культы эти проникают в Бактрию, по всей видимости, в кушанский период — время наиболее интенсивного культурного взаимодействия. Обретая синкретический характер, они получают новое образное воплощение в памятниках изобразительного

искусства в соответствии со сложившимися художественными традициями, присущими для региона.

Отличительной чертой некоторых изображений является тяжеловесность, порой грубоватая обобщенность — признаки, не всегда означающие хронологическую раздробленность. Курган-тепинская статуэтка была расчищена в слоях, датируемых III—IV вв. н. э. Фигурка из Зартепе датируется предварительно первыми веками н. э., тепаи-шахская — II—III вв. н. э. Гандхарские рельефы с фигурами, украшенными на манер наших терракот, объединены в группу III, которая датируется IV в. н. э. Украшения из дальверзинского клада относят к I—II вв. н. э. II в. н. э датируются рельефы Айртама, на которых изображены схожие украшения. Несколько расширив хронологические рамки данной группы терракот — II—IV вв. н. э., можно сказать, что наибольшее распространение они получают в III—IV вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.
2. Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
3. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. М., 1983.
4. Абдуллаев К., Шейко К. Новые поступления терракотовых статуэток в Термезский краеведческий музей//ОНУ. 1985. № 7.
5. Barthoux J. Les fouilles de Hadda. Paris, 1930.
6. Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М., 1982.
7. Ingholt H. Gandharan Art of Pakistan. New-York, 1957.
8. Chandra R. G. Indo-greek jewellery. New-Delhi, 1979.
9. Vera Horvath. Az indiai müvészet évezredei. Budapest, 1980.
10. Marshall J. The Buddhist Art of Gandhara. Cambridge, 1960.
11. Пугаченкова Г. А. Художественные сокровища из Дальверзинтепе. Л., 1978.
12. Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
13. Hachin J. Nouwelles recherches archeologiques a Begram. Paris, 1954.
14. Marshall J. A Guide to Taxila. Cambridge, 1960.
15. Ghirshman R. Parthes and sasanids. London, 1962.
16. Гусева Н. Р. Художественные ремесла Индии. М., 1982.
17. Kala S. C. Terracotta Figurines from Kausambi. Allahabad, 1950.
18. Сидорова В. С. Скульптура Древней Индии. М., 1971.
19. Kala S. C. Terracota in the Allahabad museum. New-Delhi, 1980.
20. Valter A. Archeological surveys in the Zhob and Loralai Districts. West Pakistan, New-York, 1959.
21. Hachin J., Carl J. ,Meunie J. Diverses recherches archeologiques ea Afghanistan. Paris, 1959.
22. Marshall J. Archeological survey of India. Calcutta, 1922—1923.
23. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.
24. Kramrish S. Indiche Kunst. London, 1956.
25. A comprehensive History of India. Vol. II. Bombay, Calcutta, Madras, 1956.
26. Meunie J. Shotorak. Paris, 1942.

А. А. АНАРБАЕВ, О. Н. ИНЕВАТКИНА

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ШАХРИСТАНА I ГОРОДИЩА ЭСКИ АХСИ

В 1979—1980 гг. на шахристане I городища Эски Ахси (Ахси-1А)* расширен шурф 1976 г. (раскоп-VIII)** с целью уточнения залегания слоев и соответствующих им керамических комплексов. В результате исследования выявлено 25 культурных слоев мощностью 7,5 м (рис. 1). В каждом культурном слое зафиксировано от двух до пяти, иногда более десяти микрослоев. В стратиграфическом отношении они залегают последовательно, один за другим. Нижние слои не нарушены поздними участками Ахси-1А, в каждом из которых выделяется несколько этапов (1).

Слои с 21 по 6, мощностью 4—4,5 м, выделены в первый период и датируются I в. до н. э. — I в. н. э. Внутри этого периода выявлено три этапа. Первый этап охватывает самые нижние слои — 21, 20, 18а, 18 и 18б, где обнаружено большое количество керамики, кости крупного и мелкого рогатого скота, пропитанные гумусом. Поверхность материка неровная, изрезанная естественными оврагами. Слой 21 толщиной 50—52 см покоится на предматериковой надувной песочно-лессовой прослойке толщиной 4—5 см: гумусный, зеленого цвета с редкими комочками глины и лесса, тлена органики. Внизу слой пылевидный, вверху он уплотняется от воды, встречаются ноздреватые ржавые комочки глины. Его перекрывает резко отличающийся по структуре слой 18а толщиной 25—30 см, рыжевато-коричневого оттенка, состоящий из тончайших горизонтальных наслоений мелкого растительного тлена (типа камышовых циновок), в нижней части перемежающихся тонкими прослойками гумуса.

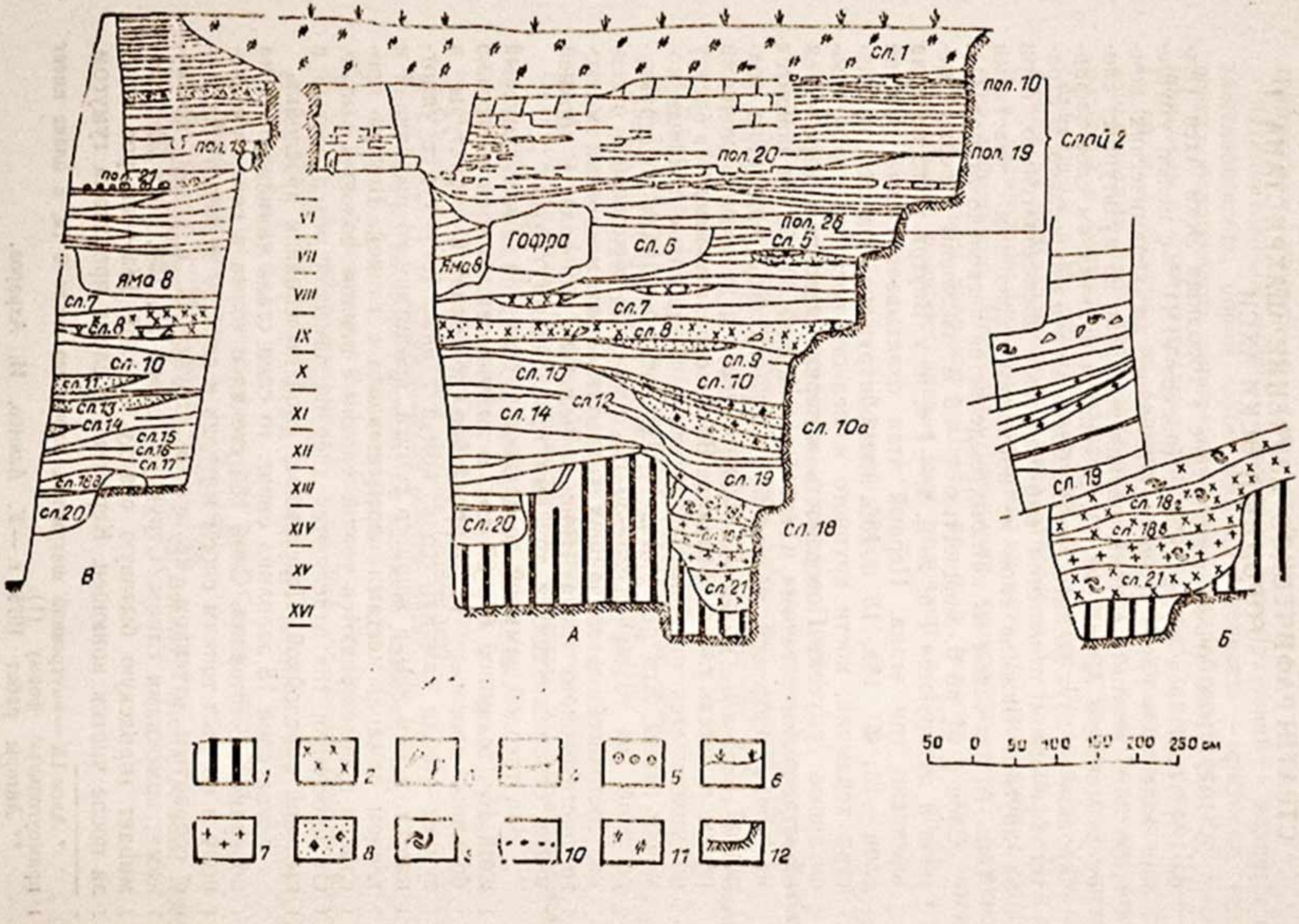
Над твердой замытой поверхностью слоя 18а лежит гумусный слой 18 (толщиной 67—97 см), в котором выделяется несколько больших прослоек; 18в — прослойка ноздреватой структуры, в гумусе стебли самана, уголь, комья глины; 18г — гумус уплотняется, в нем комки жирного гумуса, пропитанного ржавчиной и тленом самана, местами перемешанного с глиной. Внутри прослойки прослеживаются тонкие уровни с пеплом, золою и пылью. От прослойки 18в отделяются твердой замытой поверхностью и пыльной прослойкой. Перекрывает слой пылевидная прослойка.

Когда слой 18 заполнил овраг, то слои стали скапливаться на поверхности материка. Слой 18б стекал с холма в северную сторону и покрыл тонким слоем материк и слой 20 зеленого цвета — с сероватым оттенком, крупчатой структурой, с углем, косточками, комочками глины. Структура слоев 18, 18б, 20 и 21 напоминает городскую бытовую свалку, а слой 18а — выброс навоза после чистки конюшен. Керамика в слоях пропитана гумусом.

---

* Ахси-1А — внутренний шахристан, площадью около 8 га, в плане имеет прямоугольную форму (1).

** Авторы работ 1976 г. — У. Алимов, И. Ахраров.

пол. 10
пол. 19
слой 2
пол. 20
пол. 26
сл. 5
сл. 6
гофра
ямa 8
сл. 7
сл. 8
сл. 9
сл. 10
сл. 11
сл. 12
сл. 13
сл. 14
сл. 10а
сл. 15
сл. 16
сл. 17
сл. 18а
сл. 19
сл. 18
сл. 20
сл. 21
сл. 18б
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
А
Б
В
50 0 50 100 150 200 250 см

Керамика первого этапа первого периода, слой 21. Миски, кувшин, покрытые красным ангобом, без лощения и с лощением (рис. *2, 1, 2, 9*). В слое 18 обнаружено большое количество керамики (рис. *2, 3, 11, 23*).

Кухонная посуда сформована из серо-черной массы, в которую добавлены белые ганчевые вкрапления либо дресва (рис. 2, *34*, рис. 3, *53, 55—58*).

В слое 20 обнаружена миска конической формы, край слегка загнут внутрь, в сечении овальная, светло-коричневый ангоб, слабое сплошное лощение, диаметр 20 см (рис. 2. *1*).

Хумы из красножгущейся глины, поверхности розоватые, гладкие, с одной стороны фрагмент подпилен и зашлифован, вероятно, для вторичного использования (рис. 3, *68*).

Ко второму этапу относятся слои 19, 17—13. Они возникли в результате постепенного накопления остатков бытового мусора и надувного грунта. Сыпучий от серого песка слой 19 перекрывает овраг. В верхней части он более грязный и пестрый от угля и гумуса, толщиной 20—50 см. Слои просели над оврагом и имеют резкий перепад с севера на юг. Над слоем 18б в северной части раскопа успела скопиться рыжая ноздреватая от воды прослойка со следами растительного тлена, прежде чем его перекрыл слой 17, который, как и слой 18б, наползает на верхушку лессового холма. Слой 17 очень плотный, приближается к структуре лесса, насыщен углем, керамикой, в северной части шурфа менее плотный, насыщен золой и гумусом. В северо-восточном углу слой перекрывает яму 9 с плотным глиняным заполнением, гумусом (яма полностью не вскрывалась). Слой 17 перекрыт слоями 16 и 15, близкими по структуре, отделяющимися зольными прослойками с чешуйками натеков. Толщина слоя 16—15—20 см, слоя 15 — 12—36 см. Слой 15 мелкокрупчатый, средней плотности: тлен крупного камыша и глина с золой. В слое имеются пепельные прослойки (1—2 см), которые чередуются с тончайшими уровнями тлена мелкорубленого самана. Они перекрывают довольно рыхлую пыльную почву. На восточной стене шурфа слой 15 в широкой части более однороден — меньше зольных прослоек, а в самой узкой части, над лессовым холмом, вновь уплотняется прослойками золы, тлена, появляется гумус. Верхняя часть слоя 15 — пылевидной структуры, которая завершается натоптанной прослойкой с угольками, комочками прокаленной земли. Эта прослойка является нижней границей слоя 14.

Слой 14 — толщиной 20—46 см, довольно плотный, на восточной стене шурфа имеет крупчатую структуру с большим количеством угольков, мелких косточек, запекшихся комочков глины с саманом. На северной стене с запада в него вклинивается небольшой зольник. Верхняя часть слоя 14 состоит из мелко-

Рис. 1. Стратиграфический раскоп VIII. Разрез северной стенки шурфа:

А — восточная стенка; *Б* — южная стенка; *В* — северная стенка; *1* — материк; *2* — гумус и гумусированный грунт; *3* — кости животных; *4* — пол; *5* — булыжник; *6* — дери; *7* — рыжевато-коричневый грунт с гумусом; *8* — зольник с угольками; *9* — керамика; *10* — галька; *11* — рыхлый перемешанный грунт; *12* — край раскопа.

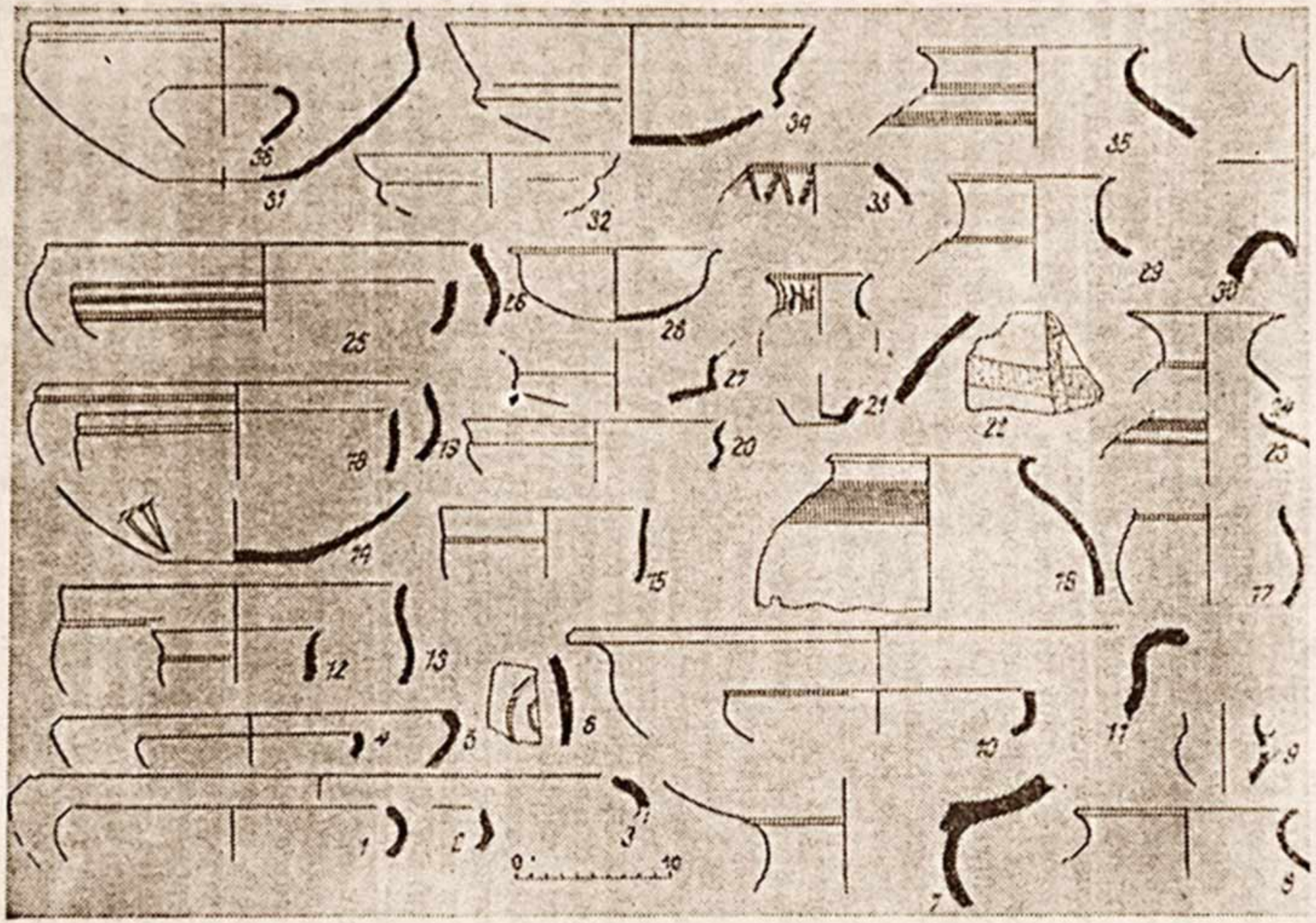

Рис. 2. Керамика нижних слоев.

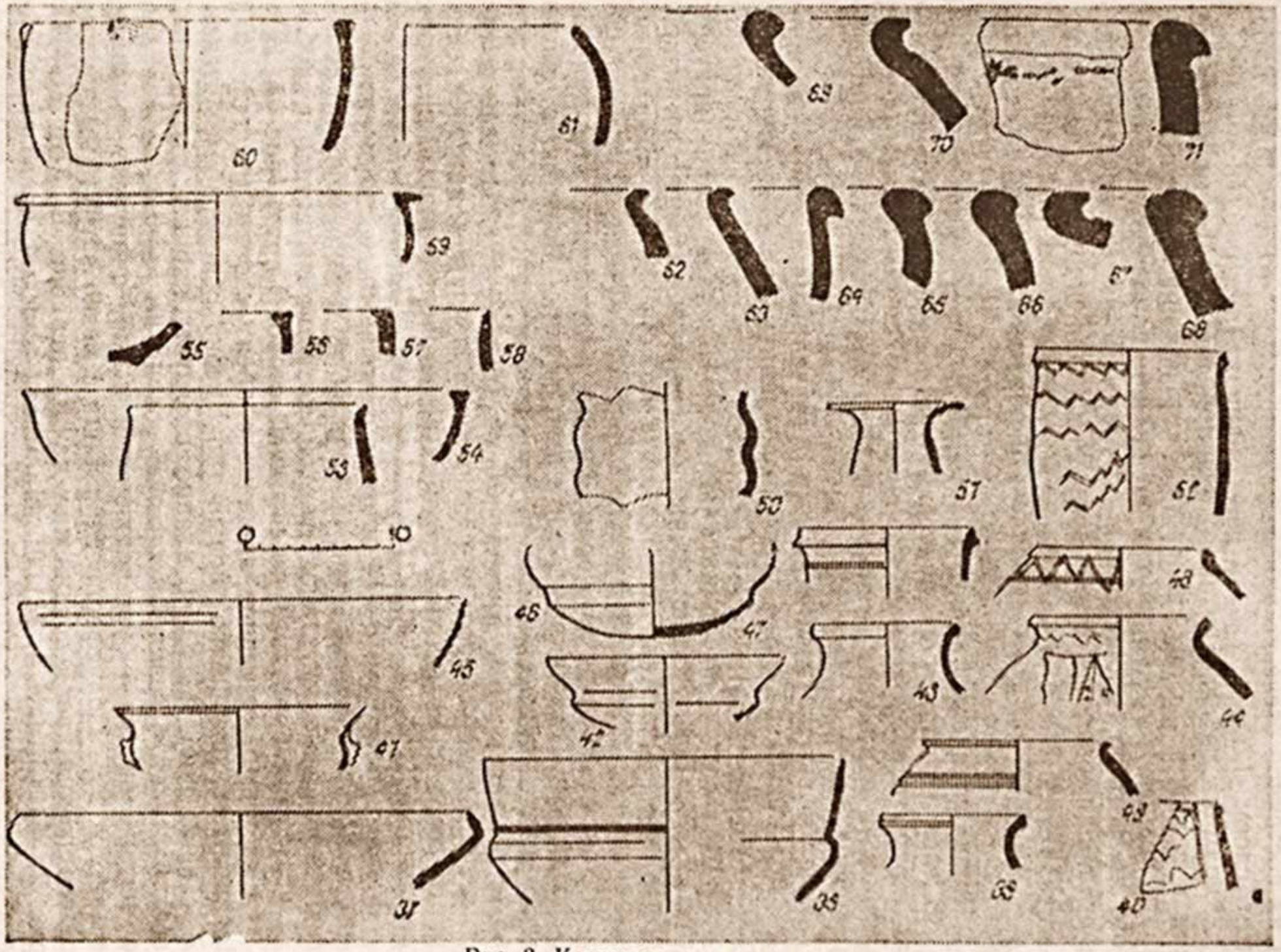

Рис. 3. Керамика нижних слоев.

комковатой глины с пылью, мелкими угольками и соломинками. С севера его перекрывает слой 13, состоящий из золы серого цвета с тонкими пылевидными прослойками, угольками, мелкими комками глины. Выклинивается к северо-восточному углу шурфа и на восточной стене не прослеживается. Все это перекрыто плотным слоем 12.

Керамика из слоев второго этапа. Слой 19. Миски такие же, как и в нижних слоях, только на них появляется темно-серый, почти черный ангоб, а внутри по краю — дополнительная полоса того же ангоба, с лощением и без него. Донца мисок плоские, иногда шлифованные, ангоб только внутри, снаружи отсутствует.

Кувшины такие же, как и в нижнем слое.

Хумы представлены венчиком Т-образной формы в сечении. Котлы из темно-серой глины.

Чаши конической формы (рис. 2, *4*).

В слое 15 наряду с коническими и полусферическими мисками, покрытыми красным, коричневым и темным задымленным ангобом, в единичном экземпляре встречается миска с полусферическим туловом (рис. 2, *13*).

Чашу с вытянутыми стенками, утонченным краем и нешироким кольцевым валиком можно определить как относящуюся к типу кубков (?) (рис. 2, *12*).

Часть сосудов имеет высокий полый поддон типа кратера (рис. 2, *7*). Преобладают кувшины средних размеров с низкой горловиной, с валиком на плечиках, покрытые темно-красным, разбавленным красным ангобом (рис. 2, *24*).

Кухонная керамика. Котлы имеют полусферическое тулово, к устью чуть суженное, Г-образный венчик. Черепок в сколе серого цвета, примесь ганча и тонкоизмельченной органики, поверхности заглажены. Диаметр 25 см (рис. 3, *59*). Наряду с хумами яйцевидной формы и утолщенным венчиком встречен венчик от хума с невысоким горлом, резко переходящим в широкое тулово (рис. 3, *67*).

Впервые в слоях 13—14 наряду с привычным типом конической и полусферической миски появляется разновидность полусферической, отличительной чертой которой является неглубокая кольцевая бороздка по внешней стороне края (рис. 2, *19*). Красный ангоб, сплошное лощение с обеих сторон (рис. 2, *15*). Появляется совершенно новый тип мисок с перегибами стенок (2, с. 112, рис. 1). Края плавно отогнуты наружу, утончены, перегиб стенок в верхней половине сосуда не резкий, но довольно четкий, внутри — буро-коричневый ангоб, снаружи — осыпался (рис. 2, *20*). Полусферическая чаша с резко загнутыми внутрь краями напоминает согдийские чаши периода В Афр II—III (рис. 2, *36*) (3, рис. 4, *13*). Донца мисок плоские, часто снаружи не ангобированные, с прочерченными знаками внизу у стенки или на дне (рис. 2, *14*).

Кувшины в принципе не изменились. Они имеют высокую гор-

ловину и кольцевой валик у основания горловины, красный жидкий ангоб нанесен ниже валика по плечику (рис. 2, *29*). Отогнутый венчик фляги прикрепляется к горловине вручную, видны следы крепления, ангоб отсутствует, без лощения (рис. 2, *30*).

Котлы таких же типов, как и в предыдущих слоях, только у лепного с тонкими стенками отмечается Т-образный венчик.

У хумов венчики подтреугольных и овальных очертаний. Отмечена горловина хума, у которого под овальным в сечении венчиком и заостренной закраиной отпечатались следы веревочного жгута, стягивавшего толстые стенки (рис. 3, *71*).

Третий этап начинается с 12 слоя и охватывает слой 7 включительно. Слой 12 толщиной 8 см, состоящий из плотно слежавшихся и истлевших камышовых циновок, перекрывает рыхлые, зольные слои второго этапа. Непосредственно под циновками скопился большой слой 10, толщиной 50—125 см, включая 57 см слоя 10а. В целом он состоит из рыхлой и сухой глины с мусором: угольками, комочками гумуса с тонкими прослойками пепла, слоем золы толщиной 1—2 см, чешуйками, рыжеватыми от воды, толщиной 3—4 см. С северной стороны в слой вклинивается зольник слоя 11 с разломом стенок тандыра. Слой 10а, состоящий из золы, заполнил понижения в рельефе над ранним оврагом, восточный край которого уходит под стенку раскопа. Нижняя насыпь слоя 10а толщиной 13 см состоит из размолотого в пыль угля, перемешанного с глиной и пропитанного водой, углем кустарников. Над ним — пылевидная розовая прослойка толщиной 10—13 см с мелкой галькой и пеплом, выше — серо-зеленая прослойка утоптанного пепла толщиной 7—15 см, еще выше — прослойка угля толщиной 10 см и розового пепла. Вся эта рыхлая летучая пыль была покрыта камышом, а затем плотно утоптанной прослойкой натечной глины рыжевато-зеленого цвета толщиной 5 см. Над ней прослеживается тонкий белый пепельный уровень, перекрывающий всю поверхность слоя 10. Последний накапливался медленно, в нем наблюдаются чистые надувные пыльные линзочки без резких границ, переходящие в структуру собственно слоя.

Слой 9 толщиной 30 см состоит из рыхлой глины с тремя тонкими зольными прослойками. В средней части скопился зольник толщиной 7 см, длиной 40 см.

Слой 8 толщиной 30—45 см резко отличается от предыдущих. Он пестрый, в западной части сильно насыщен золой, в восточной — гумусом. Внутри слоя много гумусных и угольных прослоек, перекрытых тонким надувным уровнем. В слое много керамики, костей животных.

Слой 7 состоит из мелких комочков глины с углем. В середине слоя проходит прокаленный до розового цвета уровень, на котором вновь встречаются прослойки тонкодисперсного ярко-желтого «песочка», толщиной 5 см. Верхней границей слоя 7 является тонкая угольная прослойка, перекрытая пеплом.

Керамика третьего этапа первого периода. В слое 12 продолжают бытовать полусферические, конические миски, с загнутым внутрь краем, с красным ангобом, лощенные с обеих сторон, а также изнутри (рис. 2, *27*).

Кувшины — с темно-серым и светло-красным ангобом (рис. 2, *35*). Впервые в этом слое появляются горшки с процарапанным орнаментом. Тулово округлое, венчик плавно отогнут, профилирован мелким уступом, горловина отсутствует (рис. 2, *33*).

В слое 11 бытуют конические миски, встречена чаша (рис. 2, *25*).

Кувшины такие же, как и в предыдущих слоях: с низкой и высокой горловиной, с валиком по основанию горловины, красным ангобом, лощением.

Слой 10 дал самый многочисленный и разнообразный керамический материал. Здесь преобладают полусферические миски с вертикальным краем и бороздкой с внешней стороны (рис. 2, *31*). Другой ведущей формой является серия мисок с перегибом (рис. 2, *34*). Следует отметить чашу, у которой тонкие вертикальные стенки, край изящно отогнут наружу, утолщен, в сечении овальный, красный ангоб, сплошное лощение, включая плоское дно (рис. 2, *28*). Единичным экземпляром, правда, близким по форме чашам из слоя 15 (рис. 2, *15*), представлена чаша с вертикальными вытянутыми стенками, край слегка утолщен, в сечении прямоугольный, посередине стенок — кольцевой валик, плотный красный ангоб, сплошное горизонтальное лощение.

В слое 10 обнаружены узкогорлые кувшины (диаметр 10 см) с высокой горловиной (4—5 см), красно-коричневым ангобом, без лощения, с потеками ангоба внутри. Имеются также кувшины с невысокой горловиной, край которой отделан круглым валиком либо профилирован неглубокой бороздкой (рис. 3, *39*). Миски (диаметр 24 см) — с почти вертикальными стенками, перегиб посередине, выделен валиком, выпуклое место перегиба подправлено ножом, что напоминает согдийские цилиндрические кружки (рис. 3, *38*). Малые изящные миски с тонким звонким черепком, перегиб четкий, волнообразный, верхняя часть полусферическая, край тонкий, загнут внутрь, красный ангоб, сплошное лощение. Это так называемые миски с двойным перегибом (рис. 2, *32*).

Кувшин с невысокой горловиной, оттянутый наружу край, венчик профилирован небольшим уступом, тонкий бурый ангоб, слабое лощение (рис. 2, *29*). В этом слое впервые встречается кувшин с процарапанным орнаментом на неангобированной поверхности (рис. 3, *44*).

Горшки с резко наклонными стенками, венчик утолщен валиком, под венчиком процарапанный зигзагообразный орнамент, диаметр 12 см, на плечиках кольцевой валик (рис. 3, *48*).

Полусферические и конические миски продолжают встречаться в слое 8, имеют плотный красный и красно-коричневый ангоб, сплошное лощение (рис. 3, *37*). Многочисленными и определяю-

щими являются миски с перегибом средних размеров, со слегка загнутым внутрь тонким краем, напоминающие тип мисок с четким двойным перегибом, с красным, светло-красным, местами прозрачным ангобом, сплошным тщательным лощением (рис. 3, *42*).

Встречаются кувшины средних размеров, высота горловины 4—5 см, диаметр 12 см, края плавно отогнуты наружу и оформлены круглым валиком (рис. 3, *43*) либо клювовидные с валиком на стенках выгнутой горловины (рис. 3, *47*), черным ангобом без лощения, на остальных ангоб шелушащийся, коричневый со слабым лощением. Впервые отмечается появление кувшина с высокой сужающейся горловиной, край сильно оттянут наружу, образует горизонтальную площадку, имеет красный ангоб с лощением, высота горловины 6 см, внутренний диаметр 5 см, внешний 9 см (рис. 3, *51*). Продолжают бытовать кувшины с низкой широкой горловиной.

В слое 7 преобладающую часть керамики составляют миски с перегибом в нижней части, на плоском дне, с густым красным ангобом, сплошным лощением. Появляются миски с двойным перегибом стенок на слегка выпуклом неустойчивом дне, подправленным ножом. Они имеют красный ангоб с лощением (рис. 3, *46*).

Горшки типа банок с вертикальными стенками и горшки с волнистым туловом, край слегка отогнут наружу, имеют красный ангоб, процарапанный зигзагообразный орнамент (рис. 3, *52*).

Сделаем предварительный анализ керамического материала первого периода и попытаемся проследить эволюционное развитие некоторых форм. Самыми устойчивыми формами мисок являются полусферические и конические, которые появляются в нижних слоях 21, 20, 18 на первом этапе первого периода и продолжают существовать до 7 слоя включительно (конец первого периода) с вариантами загнутости края и ангобного покрытия, т. е. они бытуют не менее пяти — шести веков. Аналогичные сосуды Н. Г. Горбуновой датируются II—I вв. до н. э. Некоторые миски с коническим или полусферическим туловом имеют прямую аналогию с согдийскими формами периода Афр II—III: «чаши с венчиком, закругленным внутрь» (3, с. 61, рис. 4, *12—20*). Особенно близка к согдийским образцам маленькая чаша из слоя 14 (рис. 2, *36*), отсутствующее дно которой, скорее всего, было плоским, невыделенным.

В южном Согде, на Ергургане, чаши с вертикальным бортом, слегка наклоненным внутрь, встречаются в комплексе Б (II—I вв. до н. э.) и выпускаются без существенных изменений до IV—V вв. н. э., когда начинается смена чаш с вертикальным бортиком чашами с вытянутым коническим профилем, но еще в I в. не прекращается выпуск чаш с вертикальным бортиком (4, с .130). На Ахсикете основными формами они являются в слоях 21—13, т. е. на первом и втором этапах первого периода. Единич-

ным экземпляром отмечены варианты оформления загнутого внутрь края валиком (слой 18) и неглубокой бороздкой на резко загнутом внутрь крае (слой 18).

Как бы переходной формой от полусферических и конических мисок к мискам с перегибом стенки является миска, полусферическая в нижней части и с почти цилиндрическим верхом (рис. 2, *13*) и чаша (рис. 2, *12*), у которой утонченный край более развернут, из слоя 15. Такие миски характерны для комплекса ФII (II—I вв. до н. э.—I в. н. э.) (2, с. 137, рис. 6).

В слоях 13—14 появляется новая разновидность мисок, как больших, так и малых, с кольцевой бороздкой с внешней стороны края (конец второго этапа), и бытует вплоть до конца второго периода.

Миски с бороздкой на внешней стороне близки чашам из комплекса Еркурган VI с желобком в верхней внешней стороне сосуда, которые появляются на его первом этапе и существуют весь период с I в. н. э. по IV в. н. э. (4, рис. 31, *73—76,* 34, с. 29). Они покрыты красным, коричневым ангобом, бортик строго вертикальный или слегка вогнутый.

Б. А. Литвинский, исследуя керамику из курганов и курумов Западной Ферганы, выделяет эту форму в тип 14 и 15а. Горизонтальный желобок появляется на экземплярах типа 14, но и в сложившемся виде, с уменьшением высоты сосуда этот тип приобретает более четкий желобок по бортику. По материалам комплекса Актоба II и нижнего слоя Тудаи-калон, т. е. по среднему течению Сырдарьи и в Западной Фергане, этот тип становится ведущим в IV—V вв. н. э. (5, с. 123). В материале рассматриваемого комплекса такой закономерности не прослеживается. В слоях с 13 по 17 все типы мисок и чаш сосуществуют. Впервые это отметила Г. А. Брыкина, исследуя керамику с памятников Юго-Западной Ферганы, где также все типы чаш сосуществуют и время их бытования датируется серединой I тыс.— VII в. н. э. (6, с. 171—172).

Новый тип мисок с перегибом появляется впервые в 13—14 слое (рис. 2, *20)* и далее становится уже основным типом, наряду с мисками с кольцевой бороздкой. Наиболее массово керамика этого типа отмечается в слоях 10—7.

В слое 9 (середина третьего этапа первого периода) впервые появляется разновидность мисок с перегибом, миски с двойным перегибом стенок (рис. 3, *46*) вплоть до слоя 7 (2, с. 137, рис. 6), где перед вторым перегибом намечается кольцевой валик; ангоб красный, сплошное лощение хорошего качества. Некоторые миски с вертикальным краем большого диаметра напоминают формы цилиндрических кружек Согда (рис. 3, *38*) (слой 9).

Довольно редким типом для Ферганы, как уже отмечалось в прежних публикациях, является кубок. Здесь он тоже стал массовым, отмечается лишь в двух случаях, в слоях 14 и 10 (рис. 2, *12, 15*).

Двумя случаями отмечена находка сосуда на высоком полом поддоне: резервуар с горизонтальным бортиком (слой 18) и фрагмент высокого кольцевого поддона (слой 15). В Самаркандском Согде и Бактрии эти сосуды типа кратера отмечаются со II в. до н. э. (3, с. 61, рис. 7), в Нашхебе на Еркургане — со II в. н. э. (4, с. 36, рис. 18, *12*). Выделяется группа миниатюрных кувшинов, которые, как считает Литвинский, повторяли формы больших кувшинов, являющихся их прототипами (5, с. 142). На Еркургане миниатюрные кувшинчики с отогнутым краем и кольцевой бороздкой у основания горловины появляются на рубеже III—II вв. до н. э. (4, с. 145, табл. 60, *23*). Тогда же появляются и кувшины средних размеров с оттянутым краем и кольцевым валиком (4, с. 22). Аналогичный кувшин отмечается Н. Г. Горбуновой в комплексе ФII/1 (2, с. 137). На Ахсикете вместе с такими кувшинами сосуществуют кувшины средних размеров с широкой и низкой горловиной (высота 2—3 см, диаметр устья 7—10, 13—14 см). Они встречаются в нижних слоях 18, 19, 20. Красным ангобом покрыто большинство фрагментов, встречается и буро-коричневый ангоб; внутри — капли, потеки, сплошное лощение, но в массовом материале есть стенки без ангоба либо с полосами ангоба (рис. 2, *22*) (слой 15).

В слое 8 имеется кувшин с узким и вытянутым горлом, край резко оттянут наружу и образует горизонтальную площадку (рис. 3, *51*); красный ангоб, лощение; приближается к типу бутылочных кувшинов (2, с. 123, рис. 3). В типологии Н. Горбуновой не отмечается кувшинов с клювовидным венчиком и кольцевым валиком по вытянутой горловине (рис. 3, *47*).

Горшки с округлым туловом и процарапанным орнаментом впервые появляются в слое 12, с вертикальными стенками и клювовидным венчиком — в слое 9 (рис. 3, *40*) и широко встречаются в слое 7 (рис. 2, *52*). В самом верхнем слое встречаются банкообразные горшки с волнистыми стенками (рис. 2, *50*).

Н. Г. Горбунова допускает появление процарапанного орнамента на горшках еще в комплексе Ф II/1 и датировала их II в. до н. э. (2, с. 137). Судя по материалам Ахсикета, они появляются позже.

Второй период связан с функционированием жилых построек с очагами (тандыр, горн (?)). К нему относятся слои 5, 6, 4, 3 и нижняя часть слоя 2, т. е. уровня полов 26—25. Структура этих слоев отлична от предыдущих.

В начале второго периода на этом участке не было никаких построек. Полы слоя 5 перекрывают слой 7 и к середине разреза сходят на нет. Затем рельеф выровняли неплотным, слегка гумусированным слоем 6, с которого опущена яма 8 (глубиной около 40 см) с рыхлым заполнением, где найден фельс Аббасидов ал-Махди и Ма'бад, чеканенный в 148 г. х. (765—766 гг.) в Бухаре*.

Керамика второго периода. В слое 5 найден кувшин с небольшой высокой горловиной. Имеется горловина кувшина из прозрачного голубого стекла. Отметим упрощенный широкий венчик хума с острой закраиной (рис. 3, *70*).

В слое 6 выявляются миски с перегибом, развернутыми, наклонными стенками, непрочным темно-коричневым ангобом, сплошным лощением только внутри. Кружка с цилиндрическим туловом и устьем, с петлевидной ручкой, с валиком при переходе к сферической нижней части (рис. 4, *1*) и без него. Кувшины узкогорлые с высокой прямой горловиной, верхний край утолщен валиком, профилирован уступом, имеет высветленные поверхности.

В яме 8 из слоя 6 выделяется горшок с процарапанным неорганизованным орнаментом по красному ангобу, на полах 26 и 25 встречаются стенки фляг, фрагменты стенок кружек с петлевидной ручкой, кроме того здесь найдены две халифатские монеты (пол 26), относящиеся ко второй половине VIII в.

Третий период характеризуется постройкой производственных сооружений, с которыми связаны 23 уровня полов, толщиной 2,5 м, со следами железоделательного ремесла. Полы представляют собой плотные глинобитные уровни толщиной 5—10 см из глины с крупным саманом. Все они хорошо отделяются друг от друга по горизонтальным, иногда по бугристым натоптанным поверхностям и налегают на плоскость стены. На полах вместе с керамикой, костями животных встречаются куски железа, стенки тиглей, куски оплавленного лесса, зольники. Все это говорит о наличии производственной деятельности, связанной, по-видимому, с обработкой железа. По интенсивности следов производства можно выделить несколько этапов внутри этого периода.

Первый этап (полы 23—15) — с минимальными следами производства. Он начинается с постройки на полу 23 стены из сырцового кирпича (44×?×9 см). Через некоторое время пол 21, пропитанный гумусом, тщательно выстилают крупной галькой, а подножие стены укрепляют невысокими глиняными бугорками. Возможно, что гумусная пропитка пола связана с довольно долгим пребыванием животных и лишь последующий пол 20 — из чистой глины с саманом — перекрывает его, а пол 19, заполняя понижение, выравнивает перепад рельефа. Последующие полы налегают на плоскость стены и содержат тоже керамику, кости животных, золу, кусочки тиглей. Вероятно, что производство находилось в западной части двора. На восточной и других стенах шурфа хорошо читаются продолжение этих полов и стены из сырцового кирпича. На этом же уровне прослежива-

---

* Монеты определены Б. Д. Кочневым.

ются зольники с прокаленными докрасна пластами глины и обмазками горна.

На втором этапе (полы 14—11) производство сосредоточивается в восточной части двора. С небольшим перерывом здесь функционирует два горна. Горн 2 заглублен с 13 пола в 14, спустя некоторое время этот горн забрасывается, производство

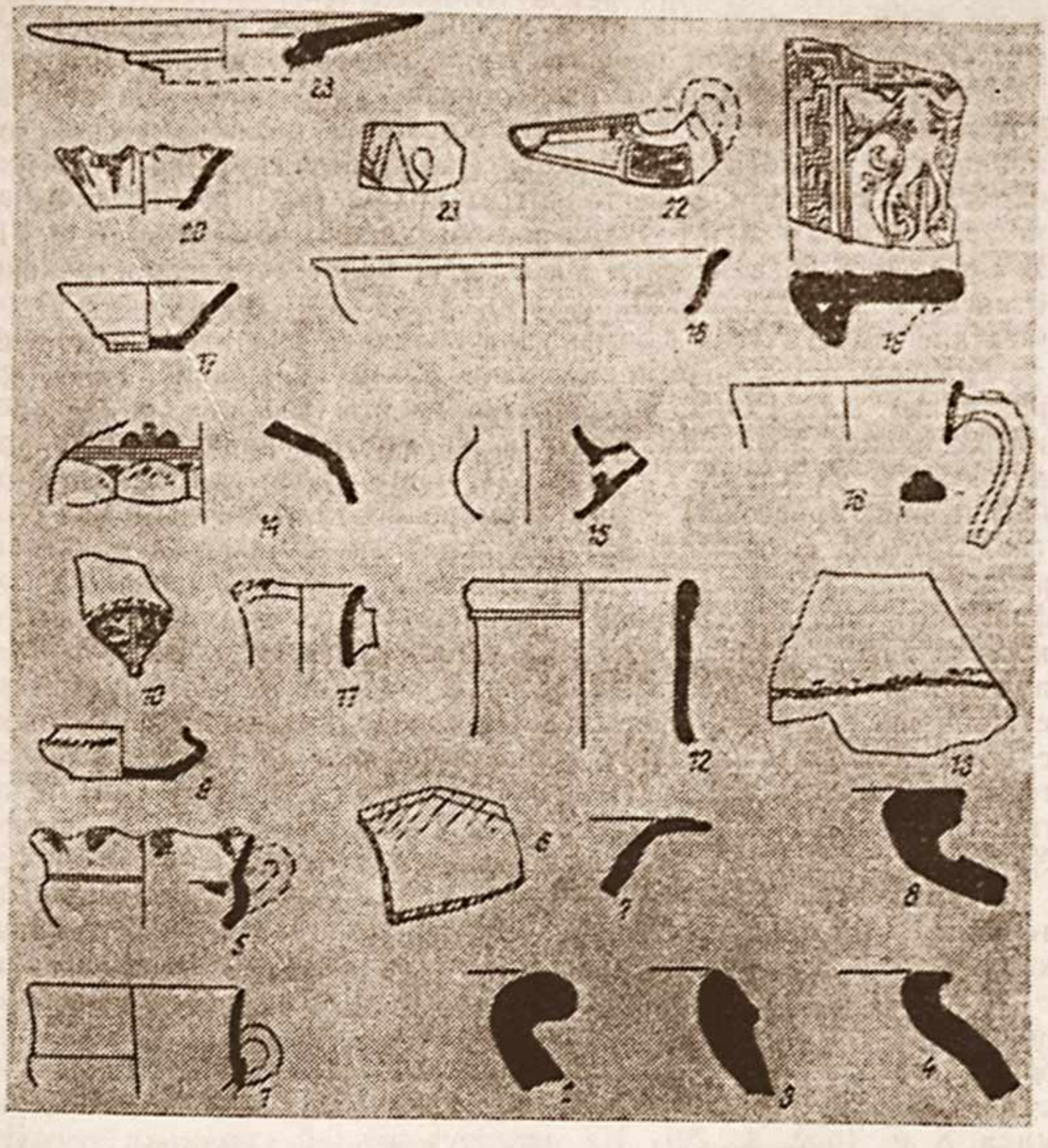

Рис. 4. Керамика верхнего слоя.

продолжается чуть севернее — в трех метрах, где с 12 пола в 13 врыта топочная камера горна I. На втором этапе этот участок двора был самым обжитым. И здесь происходит перестройка: стены облицовывают кирпичом (40×20×9 см), а с пола опущен ташнау глубиной 2,8 м. В глубине полов выявляются стенки горнов, комочки прокаленной глины и распыленные зольники.

На третьем этапе производство вновь переносится в западную часть, а в восточной выполняется вспомогательная мелкая работа. На бугристых поверхностях полов (6, 4, 3, 2) отмечаются небольшие очаги и зольники от костров диаметром 15—20 см. На полах часто встречается железный шлак, уголь и кусочки железа. Со временем толщина и количество полов увеличиваются: полы налегают на сырцовую стену, а затем перекрывают ее полностью. На этом и заканчивается деятельность ремесленной мастерской первого этапа (третьего периода).

Полы 23—15 содержат разнообразную керамику. Из неглазурованной встречаются фрагменты кружек с цилиндрической горловиной и петлевидной ручкой. Выделяется кружка с низким округлым корпусом с фестончатым краем (рис. 4, *5*). В Фергане эта форма кружки создана под согдийским влиянием (6, с. 71). В Согде она появляется в VI в., а широкое ее распространение относится к VIII в. (7, с. 180, табл. 2). Возможно, что в Фергане кружки этой формы употреблялись значительно дольше.

Глазурованная керамика полов 23—21 содержит типы, характерные для IX—X вв. Это фрагменты плоских поддонов с непрозрачной белой глазурью и бирюзовой надглазурной росписью IX — начала X в. (9, с. 42), чаши, покрытые белым ангобом и эпиграфическим орнаментом по борту, типичным для X в. (пол 23) (10, с. 54; 9, с. 55). На полах 19—20 выявляются типы, распространившиеся в Согде и Шаше в конце X—начале XI в.: фрагменты с подглазурной росписью в сочетании красного, коричневого и белого, тыльная сторона покрыта ангобом до поддона и частично глазурью (9, с. 56; 10, с. 58). Особняком стоит чаша с бортом, оформленным в виде треугольных фестонов, с бороздкой по наружному краю; прозрачная, чуть зеленоватая глазурь особенно интенсивна по борту (пол 23) (рис. 4, *6*). Этот тип получает распространение в Согде в конце X — начале XI в. (3, табл. XVI, *71*), но встречается и раньше.

Второй этап (полы 14—10). В обильном керамическом материале с полов второго этапа большинство составляют типы, характерные для конца X в., в соотношении 6:1 по сравнению с XI в. Но уже в напластовании пола 10 встречается фрагмент полусферической чаши с псевдонадписью короткой строкой по борту, столь характерной для конца XI—начала XII в. Вместе с керамикой XI — начала XII в. продолжает встречаться керамика X в. (рис. 4, *20*). Из неглазурованной керамики следует отметить фрагмент очажка со штампованным орнаментом в виде растительных побегов, заключенных в рамку из меандров (пол 4) (рис. 4, *19*).

Таким образом, на основании стратиграфии слоев было выявлено наличие здесь ремесленных мастерских, основанных в конце IX — начале X в. Расцвет производства наступает в XI — начале XII в.

Функционирование ремесленной мастерской одного профиля на протяжении почти двух столетий в пределах одного двора сви-

детельствует о довольно высоком уровне мастерства, передающегося из поколения в поколение, и об устойчивости производственных традиций города.

В четвертом периоде меняется планировка участка, выявляется открытое пространство, на котором сохранился бытовой очаг из перевернутого котла и выстилка из жженого кирпича (22×22×3,5 см; 25×?×4 см). С этого уровня опущена яма диаметром 110 см, глубиной 125 см, заполненная кухонной керамикой. В южной части раскопа яма I прорезает перекрывающие стену полы. Все это покрыто рыхлым слоем 1 с золой, углем, обломками жженых кирпичей, многочисленной разнообразной керамикой. Последний слой образовался в результате разрушения и характеризует последние годы бытования Ахсикета.

В стратиграфическом раскопе получены материалы, позволяющие проследить характер обживания Ахси IA (шахристан-1) с последних веков до н. э. до первой четверти XIII в. н. э. В этих хронологических рамках слабо выражен период VI—VII вв. н. э. Вероятно, территория Ахсикета начала обживаться не позднее конца III в. до н. э. (1). Предварительный анализ керамического материала и широкие аналогии дают возможность внести некоторые уточнения в хронологию ферганской керамики с красным ангобом.

Нижние слои Ахси-IA (первый и второй этапы первого периода) дают керамический материал, аналогичный комплексу Ф II/1 (по хронологии Горбуновой Н. Г.), и датируются II в. до н. э.—I в. н. э. Устойчивой формой этого периода являются полусферические и конические миски (чаши) со своими разновидностями. В это время нет мисок (чаш) с перегибом, не существуют сосуды с процарапанным орнаментом. Только в переходном слое 13 появляются миски с намечающимся перегибом. Существенное изменение происходит начиная с 12 слоя, т. е. увеличивается ассортимент керамической посуды, появляются совершенно новые формы.

Итак, керамика третьего этапа первого периода (слои 12—7) относится к комплексу Ф II/2 и датируется II—IV вв. н. э. В отличие от предыдущих исследователей, отметим, что миски (чаши) с намечающимся перегибом появляются не раньше рубежа I—II вв. н. э., а посуда с процарапанным орнаментом бытует, видимо, только начиная со II в. н. э.

Второй период датируется V—VII вв. Продолжают существовать прежние формы керамических сосудов. Некоторые изменения происходят только в ангобировании и лощении. В это время широко распространяются кружки. VIII в. представлен двумя уровнями полов (26, 25). В одном из них (пол 26) найдены две халифатские монеты, относящиеся ко второй половине VIII в.

Третий период датируется IX—началом XII в. и связан с железоделательным производством.

Четвертый период представляет последние этапы жизни Ахсикета.

В заключение отметим, что начиная с III—II вв. до н. э. по XIII в. н. э. культурные связи ферганцев с южным и юго-западным районами Средней Азии были очень тесными. Это хорошо прослеживается в развитии гончарного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анарбаев А. А. Ахсикент в древности и средневековье (итоги и перспективы исследования)//СА. М., 1987. № 3.
2. Горбунова Н. Г. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры//Труды Эрмитажа. Л., 1979.
3. Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба//СА. 1975. № 2.
4. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация. Ташкент, 1984.
5. Литвинский Б. А. Керамика из могильников западной Ферганы. М., 1973.
6. Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
7. Маршак Б. А. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв.//ТГЭ. Т. 5. 1961.
8. Абдулгазиева Б. А. Раскопки на городище Кургантепе//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
9. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
10. Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX—XII вв. Ташкент, 1986.

М. Х. ИСАМИДДИНОВ, С. Р. БАРАТОВ

НОВЫЕ РАСКОПКИ МУГХОНА В ГАВАСАЕ

В 1984 г. археологический отряд Института археологии АН УзССР, работавший над составлением свода археологических памятников Наманганской области в Чустском районе, по р. Гавасаю, нанес на карту археологических памятников, имеющихся в этом районе, многочисленные погребальные сооружения. Последние имеют вид каменных курганов диаметром от 6—7 до 9—10 м и сохранившейся высотой от 0,5 до 4 м.

В 1950—1951 гг. район р. Гавасай и примыкающих к нему р. Кулпаксай, Учинаурсай, Сарыкулсай и др. был обследован Памиро-Ферганской экспедицией под руководством М. Э. Воронца, при участии В. И. Спришевского. В результате работ экспедиции было насчитано свыше 300 погребальных сооружений, располагающихся группами по 7—15—30 погребений, которые разбросаны на расстоянии до 5—6 км, отстоя друг от друга внутри групп на 150—400 м. 19 из них было раскопано. Большая часть определена как мугхона, другая как курганы с ящиком из каменных плит, камни которого поставлены на уровень древней дневной поверхности (1, с. 95, 97; 2, с. 58—79).

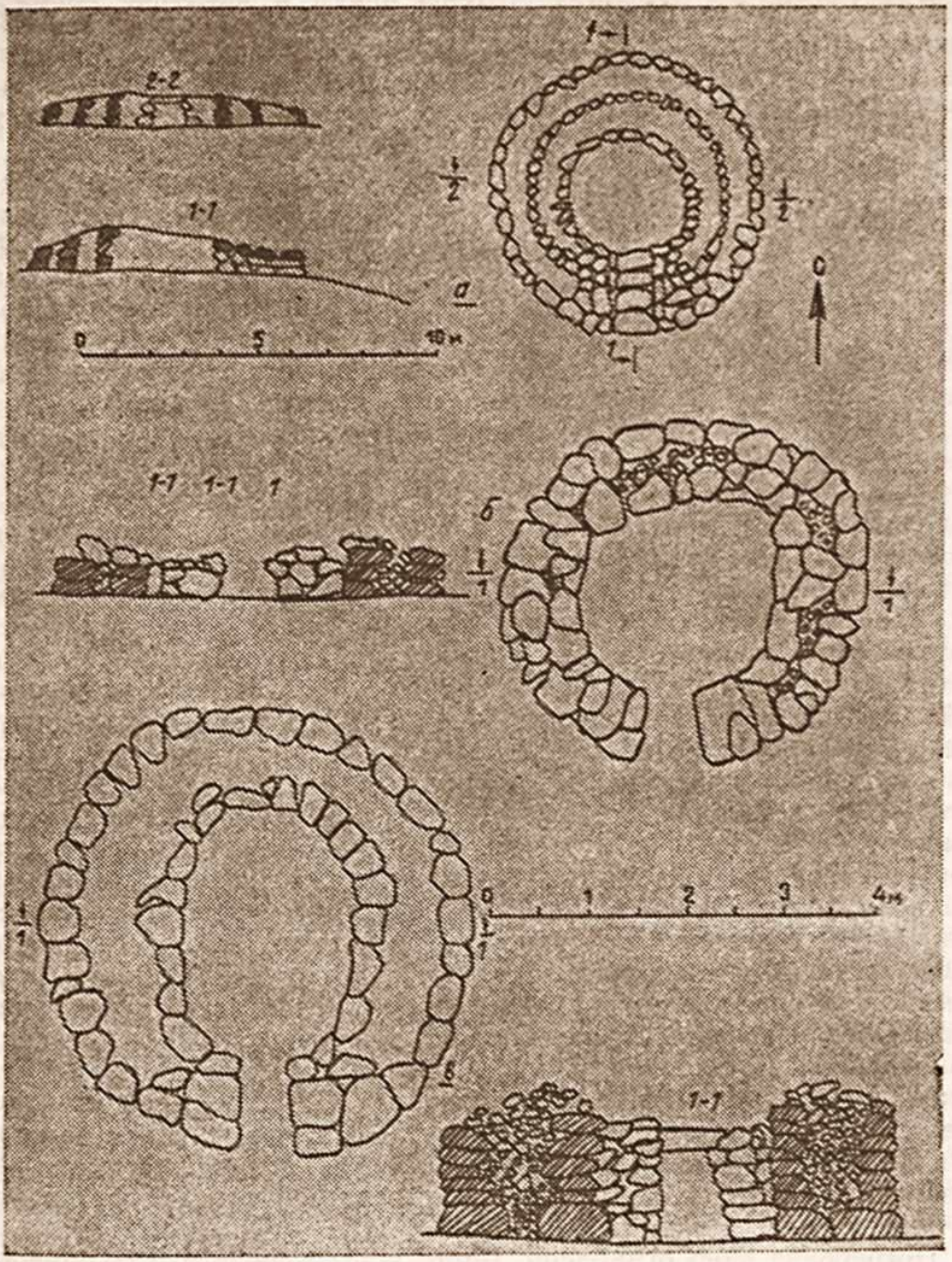

Рис. 1. Планы и разрезы мугхона в Газасае.

В целях уточнения конструкции, обряда захоронения и датировки были произведены раскопки на трех погребальных сооружениях, расположенных на левом берегу р. Гавасай напротив пионерских лагерей.

Сооружение № 1 находится на небольшой уплощенной террасе спускающегося к речке с запада на восток склона гряды. До расчисток представлял собой каменную, сильно развалившуюся насыпь из крупных камней. Однако в некоторых местах отчетливо прослеживались остатки выкладок.

В результате произведенных расчисток была выявлена кладка стены погребального сооружения, сложенная из камня размерами: 80×50×40, 80×40×30×20, 80×30×30, 50×25×20, 40×20×15 см. Стена выложена приемом краевых выкладок в связке — по периметру — с внешней и внутренней сторон. Пространство между краевыми выкладками заполнено мелким камнем вперемешку с щебнем. Диаметр сооружения 620 см, толщина стены от 135 до 150 см, сохранившаяся высота 150 см. В центре сооружения расчищена погребальная камера округлой в плане формы диаметром 340 см. Стенки камеры образованы внутренним краем выкладки стены. Цокольные камни стены погребальной камеры положены ложком таким образом, что их длинная сторона образует стенку камеры. Последующие ряды сложены из менее крупных камней длинной стороной радиально, в каждом ряду с незначительным нависанием внутрь, и образуют перекрытие типа ложного свода примитивной конструкции. Кладка сохранилась на 5 рядов. Образованное при этом нависание камней над полом камеры составило 45 см. В южной части сооружения расчищен узкий коридорообразный проход-лаз, перекрытый крупными плитами. Длина прохода составила 240 см, высота — 70 см, ширина понизу — 100 см, поверху — 60 см. К внутреннему краю стены проход несколько сужается. С внешней стороны кладка прохода выдвинута наружу на 120 см (рис. 1, *а*). На полу погребальной камеры, уровень которого совпал с уровнем древней дневной поверхности, расчищены плохо сохранившиеся остатки скелета человека, частично имеющие in situ анатомический порядок — фрагменты черепа, левая часть ребер, правая плечевая кость и левая половина тазовой кости в сочленении с бедренной и большой и малой берцовыми костями. Скелет лежал вытянувшись на спине, головой на СС-З. У левой стороны скелета in situ лежал прямой железный меч. На полу камеры в явно перемещенном положении были найдены: фрагмент железного ножа (рис. 2, *2*), железный перстень (рис. 2, *6*), наконечник стрелы (рис. 2, *3*).

Погребение явно ограблено. Часть костей скелета и сопровождающего инвентаря перемещена и разбросана в проходе и перед ним. Керамика не обнаружена.

Сооружение № 2 находится в 300 м южнее от первого. До расчисток представляло собой сильно развалениую камен-

ную насыпь округлой в плане формы диаметром 7 м и сохранившейся высотой 60—70 см.

После расчисток были выявлены остатки краевых выкладок стены округлой в плане формы. Характер кладки аналогичен вышеописанному.

Диаметр сооружения по внешнему краю стены 450 см. Толщина стены 110—120 см. Сохранившаяся высота при трех рядах кладки 65 см. Кладка сильно разобрана, в результате чего внешний край ее местами не сохранился.

В центре сооружения расчищена погребальная камера неправильно округлой в плане формы диаметром 215 см. В южной части стены имеется узкий коридорообразный проход шириной 60 см, несколько расширяющийся наружу. Камни перекрытия на месте не сохранились. Однако в заполнении завала прохода находилась плоская плита (80×60×20 см), упавшая, по-видимому, вниз (рис. 1, *б*).

На полу погребальной камеры, уровень которого совпадает с уровнем древней дневной поверхности, были расчищены плохо сохранившиеся остатки костей трех скелетов. Кости каждого из них в большей или меньшей степени сохранили in situ частичный анатомический порядок, что позволило реконструировать их позу, ориентацию и положение относительно друг друга. Все скелеты лежали, вытянувшись на спине, головой на север.

Скелет № 1 расположен у западной стенки камеры. In situ в анатомическом сочленении остались лежать целая правая бедренная с фрагментами большой и малой берцовыми и фрагменты левой бедренной с фрагментами большой и малой берцовыми костями.

Скелет № 2 расположен в центре камеры, имеет лучшую сохранность. Отсутствуют на месте лишь череп, ствол позвоночника и ребра. Остальные кости сохранили свое первоначальное местоположение в анатомическом порядке.

У скелета № 3 сохранились в непотревоженном положении лишь обе большие и малые берцовые кости. Недостающие кости скелетов были фрагментированы, перемещены и разбросаны.

Все три скелета лежат на одном уровне пола, каждый в равной степени занимает пространство пола, что позволяет предположить их единовременное групповое захоронение. Из сопровождающего инвентаря найден сурьма-таш карандашевидной формы (рис. 2, *1*). Все предметы, кроме сурьма-таша, не сохранили своего первоначального местоположения и явно перемещены при ограблении (рис. 2, *4—5, 8—15*). Керамические сосуды не найдены.

Сооружение № 3 расположено в 50 м вверх по склону гряды от мугхона № 3. Внешне было выражено как сильно разваленная каменная насыпь высотой 170 см и диаметром 6 м.

После расчисток были выявлены остатки краевых выкладок стены овальной в плане формы размерами 370×320 см, простран-

ство между которыми заполнено мелким камнем с щебнем. Толщина стены от 100 до 110 см, сохранившаяся высота 170 см.

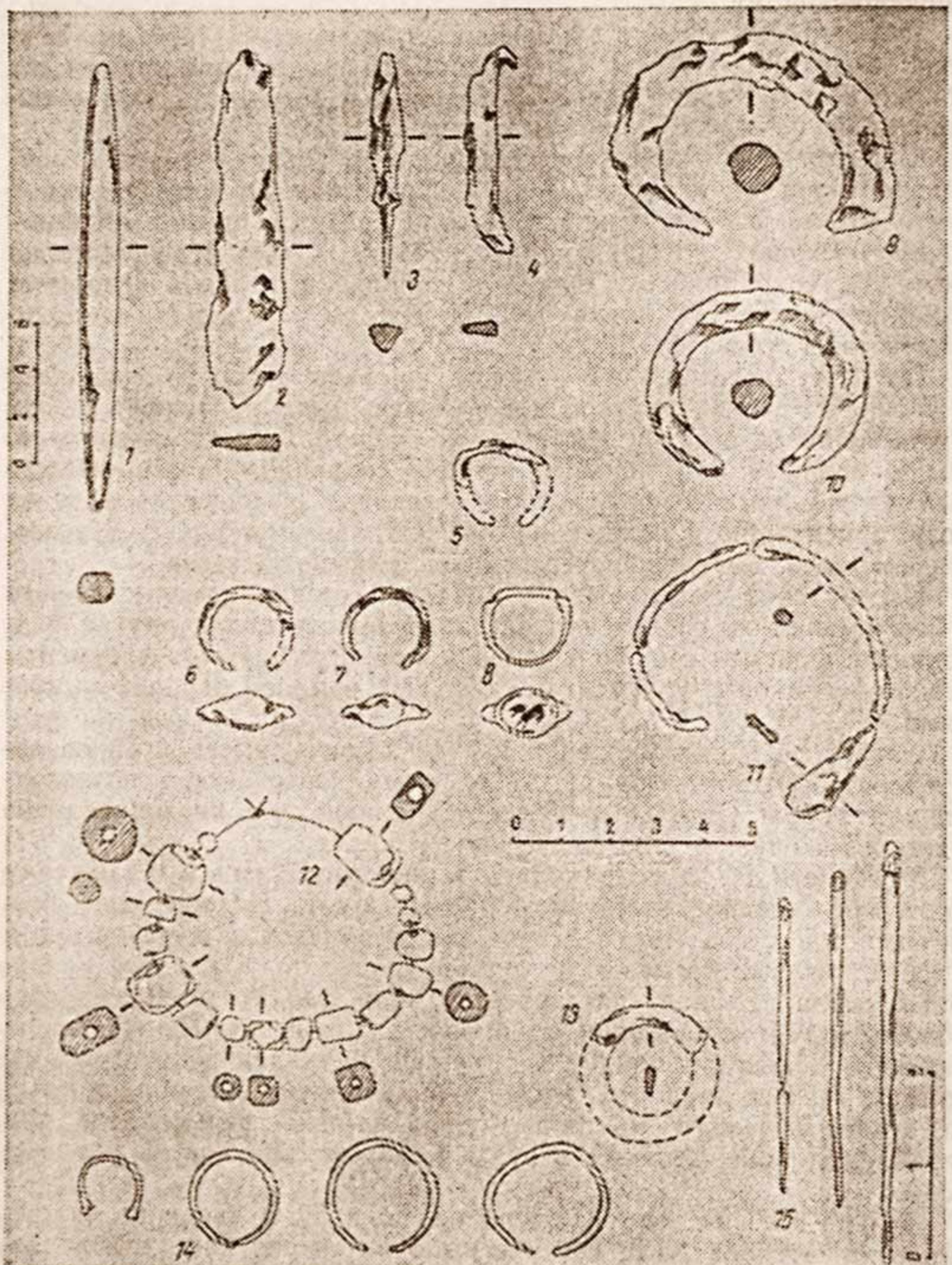

Рис. 2. Предметы сопровождающего погребального инвентаря.

Перекрытие при восьми рядах кладки составило 20 см. В южной части стены расчищен узкий коридорообразный проход, немно-

го расширяющийся к выходу. Ширина прохода 50 см, высота 105 см. Проход перекрыт большими плоскими плитами. В центре сооружения расчищена погребальная камера овальной в плане формы размерами 175×260 см (рис. 1, *в*).

На полу погребальной камеры, уровень которого совпал с уровнем древней дневной поверхности, никаких остатков захоронения не обнаружено.

Сооружения, подобные первому из вышеописанных, изучены М. Э. Воронцом и В. И. Спришевским в 1950—1951 гг., например, мугхона близ усадьбы Ширматова в Чаркисаре (3), для которой характерно сводчато-плоское перекрытие при высоте 160 см.

Аналогичные сооружения исследованы в Карамазарсае. Курум № 18 — с квадратной камерой, № 15 — с округлой, № 2 — с овальной (4, с. 179—182). В куруме № 18 высота сохранившегося свода 200 см, при этом не перекрытым осталось отверстие шириной 60 см и длиной 100 см.

Аналогичные мугхона известны в Куруксае (№ 1, 3). В мугхона № 3 Куруксая свод сохранился почти полностью. Высота камеры до сохранившегося уголка — вершины свода равна 210 см (4, с. 183—184, табл. 119—120). Подобные сооружения известны и в Аште (К-9) (4, с. 185, табл. 76).

Таким образом, раскопанные нами погребальные сооружения можно отнести к 4 типу сооружений по классификации Б. А. Литвинского — мугхона (4, с. 187).

Произведем анализ предметов погребального сопровождающего инвентаря и их датировку.

Меч, найденный в мугхона № 1, является единственной находкой такого рода в погребальных сооружениях типа курума и мугхона за всю многолетнюю историю их изучения. Общая длина его 82 см, рукояти — 13 см. Перекрестие отсутствует. Лезвие узкое — ширина у основания 3 см. К острию лезвие плавно сужается. Сечение уплощенное — битрапециевидное. Плечики покатые, с одной стороны плечико переходит в небольшой уступ.

Мечи, найденные в Ферганской долине, происходят в основном из курганных захоронений. В частности, в Карабулакском могильнике найден один двулезвийный меч. Общая длина 80 см, рукояти — 14 см. Перекрестие отсутствует. Лезвие меча плавно сужается к заостренному концу, ширина его 6 см. Сечение уплощенное, овальное. Меч найден в кургане 72. Подобные мечи найдены в курганах VI группы в Кайрагаче (5, с. 83).

Меч без перекрестия найден О. В. Обельченко в кургане № 6 Агалыксайского могильника (6. с. 15—16, 29). По мнению автора, мечи без перекрестий и наверший появляются в начале V—VI вв. н. э. (6, с. 16).

Среди пенджикентского оружия известны узкие мечи с короткими ручками, без перекрестия, которые, по мнению В. И. Расповой, напоминают серию мечей, распространенных в конце VI — начале VII в. на территории от Венгрии до Ирана (7, с. 78—79), хотя пенджикентские мечи были уже и длиннее.

В. И. Распопова считает, что длинные и узкие колющие согдийские мечи применялись и в конном бою, и в пешем, когда использовались как шпаги. Узость клинка обусловлена совершенствованием оборонительного доспеха, который трудно было разрубить, но в котором можно было найти слабое место для сильного колющего удара (7, с. 79).

Таким образом, меч, найденный в мугхона № 1, имеет широкий круг параллелей с мечами прежде всего раннесредневекового Согда, распространенными с V по VII в. н. э. и известными для этого времени в большом количестве.

Другой интересный предмет из мугхона № 1 — железный черешковый наконечник стрелы небольших размеров, пирамидальной формы, вытянутых пропорций с треугольным сечением пера. В основании пера имеется утолщение (рис. 2, *3*).

Наконечники стрел почти неизвестны в комплексах некрополей курумов и мугхона. Вообще в Фергане на поселениях, городищах и могильниках находки наконечников не отличаются изобилием.

Единственным, пожалуй, является хорошо стратифицированный комплекс из 24 наконечников с поселения Куюктепе, полученный Н. Г. Горбуновой (8, с. 141—142). Наконечники, подобные нашему, имеются во II и III периодах функционирования Куюктепе.

Аналогичные наконечники Г. А. Брыкиной отнесены к третьему варианту II типа ее классификации (5, с. 81, табл. 34, *22, 23*).

Учитывая пропорции и сравнительно небольшие размеры гавасайского наконечника, мы предполагаем его бытование в V—VI вв. н. э.

Остальные предметы из мугхона № 1 не поддаются даже относительной датировке.

Предметы сопровождающего инвентаря, полученные из мугхона № 2, мало что дают для датировки захоронения. Железные кольца, бронзовые серьги с разъемными концами, сурьма-таш имеют широкий диапазон бытования — с первых веков до VI в. н. э. Массивные железные браслеты вообще не имеют аналогов среди опубликованного материала известных комплексов.

Единственной зацепкой является бронзовый перстень-печатка с уступчато-желобчатым переходом к уплощенному щитку, на котором выгравировано в негативе изображение козла.

Появление подобных перстней Б. А. Литвинский датирует III—V вв. н. э. (9, с. 17, табл. 3, *3, 8*, табл. 4, *5, 6*). Н. Г. Горбунова время их наибольшего распространения относит к IV—V вв. н. э. (10, с. 102—103, рис. 2).

В целом изученная группа из трех мугхона может быть датирована в пределах V—VI вв. н. э. Но не исключается возможность корректировки даты до VII в. н. э.

Зафиксированный обряд захоронения является традиционным для погребальных комплексов типа курума и мугхона —

трупоположение на уровне древней дневной поверхности. В мугхона № 1 отмечается одиночное захоронение воина с мечом, в мугхона № 2 — единовременное групповое трупоположение трех человек. При этом привлекает внимание обилие женских украшений, среди которых по крайней мере два набора: два типа браслетов и две пары серег.

К сожалению из-за плохой сохранности палеоантропологического материала половозрастные определения произвести не удалось.

В целом новые раскопки мугхона в Гавасае позволили в некоторой степени расширить круг представлений о периоде функционирования здесь некрополей, состоящих из курумов и мугхона. М. Э. Воронец, первым обследовавший мугхона в Гавасае, датировал их I—II вв. н. э. (2, с. 63, 77). Впоследствии Н. И. Спришевский, продолживший его работы, установил верхнюю дату функционирования могильников Гавасая — IV в. (3, с. 70).

В результате раскопок, благодаря новому полученному комплексу предметов погребального сопровождающего инвентаря, представилась возможность определить точнее период функционирования некрополей в Гавасае: I—VI вв. н. э., может быть и VII в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронец М. Э. Археологическая рекогносцировка 1950 года по Наманганской области//Изв. АН УзССР. 1951. № 5.
2. Воронец М. Э. Археологические исследования института истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.//Тр. Музея истории Узбекской ССР. Вып. II. Ташкент, 1954.
3. Спришевский В. И. Некоторые находки из Мугхона в собрании Музея истории//Тр. Музея истории Узбекской ССР. Вып. III. Ташкент, 1956.
4. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы (раскопки, погребальный обряд в свете этнографии). М., 1972.
5. Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. М., 1982.
6. Обельченко О. В. Курганы древнего Согда. Ташкент, 1981.
7. Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда Л., 1980.
8. Горбунова Н. Г. Керамика поселений первых веков н.э.//ТГЭ. Т. 20. Л., 1959.
9. Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
10. Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы//АСГЭ. Л., 1984. № 25.

Г. И. БОГОМОЛОВ, П. И. ГЕНДЕЛЬМАН

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ С ГОРОДИЩА КАНКА

Городище Канка — один из крупнейших городских пунктов Ташкентского оазиса. Будучи крупным ремесленным центром, это

городище во многом является эталонным для памятников археологии и истории оазиса. Полученные здесь металлические изделия и керамика отражают уровень развития ремесел, взаимовлияние различных культур, рост и распространение торгово-экономических связей. Однако если керамические комплексы сравнительно хорошо изучены и представлены в ряде работ (7; 22), то металлические рассматривались от случая к случаю. До сих пор нет единой сводки материала, хотя город существовал с III в. до н. э. по XII в. н. э.

Для того, чтобы полнее представить материал, рассмотрим его по группам, выделенным согласно функциональной принадлежности. Типологический подход имеет ряд слабых сторон, однако на настоящем этапе он полнее характеризует канкинскую коллекцию металлических изделий.

Четырежды в разных частях городища встречены места обработки металла. Специфика городского ремесла требовала не первичной, а вторичной обработки. В городе отсутствовали плавильные печи, зато часты находки горнов, железистых шлаков, криц.

В шахристане I близ крепостной стены, на незанятом строителями участке в слоях III—IV вв. было обнаружено 6 расположенных рядом лунок. Земля вокруг лунок сильно прокалена. Лунки были квадратной или овальной формы. Диаметр 20—35 см, глубина 16—30 см. Рядом с ними обнаружены кольчужные кольца, некоторые из которых были цельными, другие расклепанными на концах. Дно лунок покрыто полуторасантиметровым слоем металлических капель (окалины?). Возможно, здесь производилась закалка железных предметов.

В центре шахристана I в слое III—IV вв. н. э., рядом с развалом отшлакованных стенок печи был обнаружен вкопанный в землю очаг диаметром 65 см и глубиной 35 см. С одной стороны в устье лунки был сделан слив шириной 5 см. В заполнении ее выявлены обломки крыши или куполообразного перекрытия толщиной 1,5 см. Земля вокруг лунки была красного цвета. Возможно, она служила небольшим горном, в котором до ковкового состояния доводили железные или медные полуфабрикаты.

В шахристане III в слоях VII—VIII вв. около крепостной стены тоже были выявлены следы обработки металла. Здесь в небольшом узком помещении было вскрыто сооружение, напоминающее тандыр, диаметром почти 65 см, сохранившееся на высоту 25—30 см. В его восточной стенке расположено наклонно круглое отверстие. В нем лежал керамический печной припас в виде стержня, а рядом — железистые шлаки и две крицы булкообразной формы весом 450 и 600 г, один железный прут длиной 31 см и толщиной 0,8—1 см. В 6 метрах к северу расчищен развал сильно ошлакованной печи, где вместе с ошлакованными стенками лежали куски шлака и У-образное керамическое сопло. Аналогичные керамические сопла были найдены в Пенджикенте около горна (16, с. 48, рис. 33, *4*).

К северо-востоку от караван-сарая на центральной уличной магистрали расположен невысокий холм, окруженный подковообразным сооружением. Здесь в слоях IV—V, VI—VIII вв. обнаружены следы полиметаллической обработки. К сожалению, объект остался на стадии предварительного изучения. Перед юго-восточными воротами шахристана III разведочным шурфом выявлены слои, обильно насыщенные фрагментами железных изделий. Видимо, здесь, как и в Пенджикенте, перед городскими воротами располагался базарчик, на территории которого была кузня. На этом месте обнаружены разнообразные предметы: наконечники стрел, фрагменты ножей, стержней, гвоздей, железистые шлаки и крицы.

Безусловно, указанные пункты не могут характеризовать весь объем металлообработки. Пока не выявлены места обработки металлов в рабаде, откуда происходит много железистых шлаков. Обилие последних позволило исследователям предположить существование здесь особого квартала.

Обратимся к анализу производившихся изделий.

Орудия труда представлены разнородными находками: серпами, ножами, лемехом плуга, молотом, топорами, пробойником и др. Орудия с городища Канка близки по формам к таковым предметам из Согда, Семиречья и даже более отдаленной территории — из Восточной Европы. Это объясняется не только торговыми или культурными инновациями, но и тем, что схожие типы орудий труда вырабатывались сходными условиями, а рациональность их являлась залогом длительного существования.

В слое пожара середины XI в. был обнаружен железный наконечник деревянного плуга клиновидной формы, длиной 25,5 см, шириной 8 см (вверху) и толщиной 3,5 см. В верхней части он имеет закругление.

В другом домовладении обнаружен подобный предмет, только худшей сохранности. Аналогичные находки уже отмечались в Ташкентском оазисе. Ю. Ф. Буряков выделяет два типа плугов: первый — небольшой, с остроугольным рабочим краем и обоймой, и второй — крупное орудие подтреугольной формы, длиной 30 см, больше напоминающее мотыгу, чем лемех (6, 1977, с. 77; 7, 1982, с. 98).

Отдельно отметим предмет неизвестного назначения, обнаруженный при вскрытии домовладения XI в. (шахристан I). Он представляет собой обойму прямоугольной формы: длиной 15,5 см, шириной 5 см, толщиной стенок 0,3 см и высотой — 5 см. Верхний край стенок оформлен зубцами. В конце канала обоймы имелись штыри с плоской полоской железа, насаженной на них. Скорее всего это часть какого-то станка.

Железный топор (колун) найден над полом крытой галереи здания VIII в., но, поскольку это помещение обживалось и в XI в., его датировка расплывчата. Длина топора — 18 см, округлое проушное отверстие размерами 3,5×5 см, высота —

6,5 см, обух округлый. Лезвие топора плавно расширяется книзу, сохранилось на 9 см. В отверстии — следы деревянного топорища (рис. 1, *1*). Ранее фрагмент топора был найден при раскопках квартала X—XI вв. н. э. в шахристане III (4, с. 125, 133, рис. 1, *25*). Подобное орудие было найдено в Фергане на поселении Кайрагач (IV—VI вв. н. э.) (5, с. 84, табл. XXXVIII, *2*), на городище Биляр (X—XIII вв.) (11, с. 49, табл. XV, *3, 4*). Топоры такой формы существовали длительное время и практически без изменений дошли до наших дней.

Молот, железо, проушный. Длина 17 см, подквадратный в разрезе (6×6 см), имеет округлое проушное отверстие (3,5×4 см). Применялся в кузнечном деле (рис. 1, *2*).

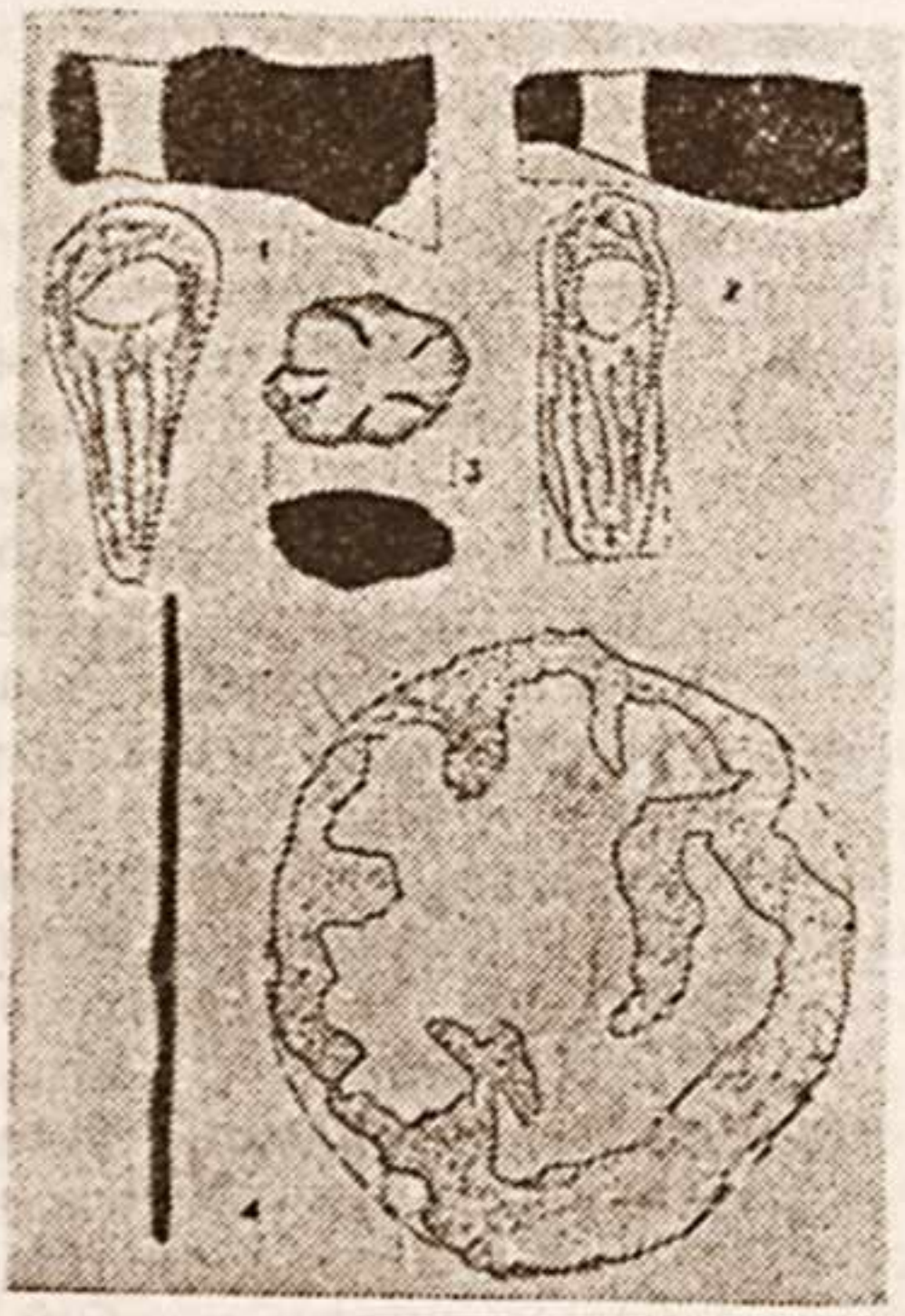

Рис. 1. Металлические изделия.

Рис. 2. Металлические изделия.

Крица, железо, округлой формы (10×7,5×4,9 см) (рис. 1, *3*). Имеются находки еще трех криц овальной булкообразной формы, длиной 10 см, шириной около 9 см, толщиной — 5 см. Вес их колеблется от 450 до 600 г. Известно, что металл с места добычи доставлялся в пункты переработки в виде криц. Но они, вероятно, были больше по размерам и массе, чем находки с городища.

Предмет неясного назначения, железо, округлой формы диаметром около 30 см, толщина 0,9 см. Возможно, это кузнечная заготовка (рис. 1, *4*).

Пробойник; железо, сохранившаяся длина 10,5 см, диаметр 3 см (рис. 2, *17*).

Предметов вооружения и воинского снаряжения найдено на городище пока немного. Следует учитывать, что воинский припас всегда берегли, а в случае выхода вещи из строя ее ремонтировали. Предметы вооружения получены в разных культурных слоях раскопов, так как городище Канка являлось мощной крепостью и было центром крупного региона, где концентрировались не только культурные достижения, но и типы военного снаряжения, характерные для кочевых и земледельческих обществ. Изображений батальных сцен, по которым можно было бы (как в Согде) характеризовать вооружение чачского воина, пока не обнаружено. Основным подспорьем в этом вопросе служит археологический материал.

Как сообщают письменные источники, Ташкентский оазис издавна славился стрелками из лука. И действительно, железные наконечники стрел в количественном отношении преобладают среди других видов оружия. Хотя их находки сопровождают могильный инвентарь погребений Ташкентского оазиса с первых веков н. э., есть они и в материалах поселений (Кендиктепе, Шаштепе, Чарвака), однако отсутствие публикаций коллекций затрудняет сравнительное районирование материала, выявление ведущих типов наконечников и линии их развития. Специальному анализу они подвергаются впервые.

Типологически наконечники стрел канкинской коллекции делятся на несколько групп.

Первая группа — черешковые трехперые, представлены из разных слоев нескольких раскопов. Размеры наконечников — от 6,5 см и больше. Наконечники имеют острый угол атаки. Длина боевой головки колеблется от 4 до 6 см. Лопасти у основания образуют прямой угол. Наконечники этой группы встречаются трех вариантов, основным из которых являются крупные, с острым углом атаки, слияние трех лопастей образует жало наконечника, сами лопасти широкие, у основания образуют тупой или прямой угол (рис. 3, *12—14*).

Два крупных трехлопастных наконечника этого варианта происходят из шурфа близ городских ворот. Сохранившаяся длина одного из них 6,9 см, лопасти широкие — 1,3 см, расположены несколько асимметрично (рис. 3, *13*). Второй вариант представлен единичным экземпляром из домовладения у западной крепостной стены шахристана III, в слое конца VI — начала VII в. Длина боевой головки 4 см, черешка — 5,6 см; лопасти шириной 0,6 см образуют тупой угол в основании. Характерной особенностью является то, что выделение лопастей начинается на некотором удалении от жала (рис. 3, *12*).

Третий вариант наконечника обнаружен в одном из помещений замка-усадьбы VI—VIII вв. Сохранившаяся длина 8 см, ширина — 1,2 см. Характерны два признака — небольшая высота перьев и их плавный переход к округлому черешку, диаметр

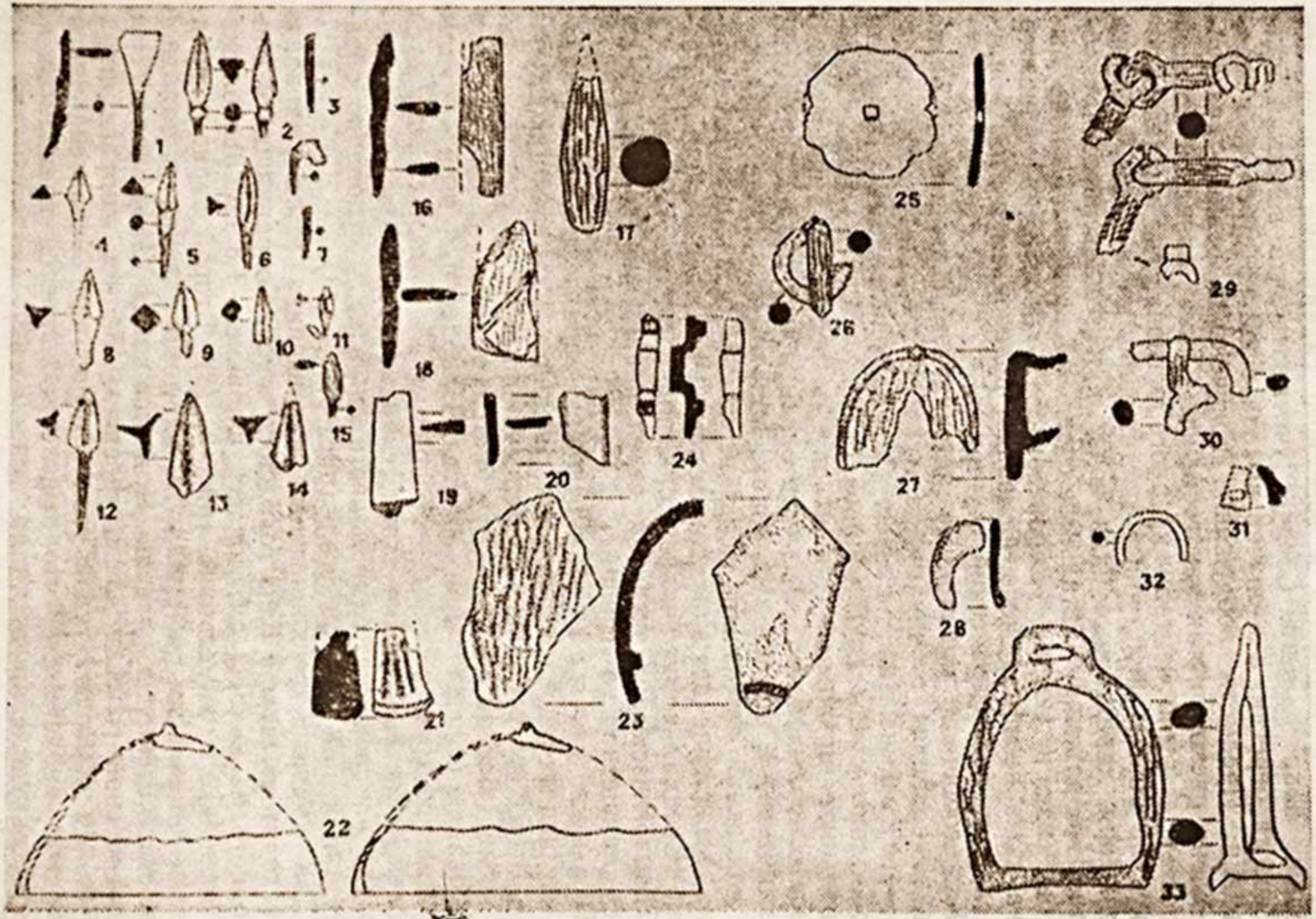

Рис. 3. Металлические изделия.

которого 1,2 см. Скорее всего он является результатом дальнейшего развития наконечников стрел основного типа. Аналогичные обнаружены в слое первой четверти VIII в. в Пенджикенте (16, рис. 44, *6—7*).

А. И. Тереножкин, основываясь на наблюдениях за находками крупных трехлопастных наконечников с традиционным сечением ребра в памятниках Каунчинской культуры, относил их появление к первым векам н. э. (21, с. 126). Б. А. Литвинский также считает этот тип более ранним и указывает на широкое бытование его с III в. до н. э. по III в. н. э. (12, с. 78—81). По мнению А. Н. Бернштама, появление этого типа наконечников было вызвано усилением оборонительного доспеха (3).

Вторая группа наиболее многочисленна. Это трехгранные наконечники стрел с округлым в сечении черешком. Длина боевой головки 2,5—4,5 см, общая длина наконечника — 8,5 см.

Основным типом является трехгранный наконечник удлиненной формы, близко примыкают к нему мелкие трехгранные. В слоях общественного здания V—VI вв. (в шахристане I) выявлен трехгранный черешковый наконечник. Длина боевой части пирамидальной формы — 2,5 см, черешок сохранился на 0,9 см.

Вариантом этого типа являются наконечники стрел с миндалевидными углублениями между гранями. Один из них найден в кострище на полу общественного здания V—VI вв. (шахристан I). Длина боевой головки 2,8 см. Наконечник близок к пирамидальной форме, но с закругленным основанием. Бронзовый трехгранный наконечник с миндалевидными углублениями из рабада имел боевую головку длиной 2 см с острым углом атаки. Грани плавно переходят в уплощенный черешок длиной 2,5 см. Возможно, он имел спортивное или ритуальное назначение.

Маленькие наконечники трехгранной формы известны по наборам стрел из курганных могильников II—IV вв. н. э. Миндалевидные углубления наконечников скорее всего — рудимент.

Еще одним вариантом крупных трехгранных наконечников пирамидальной формы являются наконечники длиной 8—8,5 см с острым углом атаки. Длина боевой головки 3,5—4 см (вариант V—VI). Характерной особенностью этой группы является порожек-муфточка в основании боевой головки. Правда, в одном случае в слое VII—VIII вв. был обнаружен наконечник с порожком цилиндрической формы, в другом — из слоя VI—VII вв. происходит наконечник с порожком шаровидной (приплюснутой) формы. Возможно, порожек служил укреплением наконечника, увеличивая его пробойную силу, шаровидный — для прикрепления к нему зажигательного снаряда.

Особняком стоит крупный наконечник из слоя VI—VII вв. Отличительными особенностями его являются порожек шаровидной формы и узкие клиновидные вдавления в основании боевой части между гранями. Последнее сближает его с мелкими наконечниками с миндалевидными углублениями. По мнению Б. А. Литвинского, наконечники с порожком-муфточкой стано-

вятся характерными для среднеазиатского региона в V—VII вв., хотя в Поволжье и Оренбургских степях такие наконечники получают распространение в III—IV вв. (12, с. 84).

В археологической литературе уже неоднократно высказывалось предположение, что усовершенствование оборонительного доспеха повлекло за собой изобретение более мощных луков и крупных наконечников, достигавших в длину 10—11 см. В Средней Азии они просуществовали до V—VIII вв. н. э. (3).

Третья группа наконечников представлена двумя несхожими по форме экземплярами, близкими по назначению и составляющими редкую группу вильчатых наконечников. Первый вариант — плоский срезень, обнаруженный на полу здания V—VI вв. в шахристане I. Длина боевой головки — 3,6 см, общая длина — 5 см (черешок сохранился не полностью). Боевая головка утолщается к округлому черешку. Интересной особенностью этого экземпляра является то, что жальца срезня тупы (округлы) и сильно отогнуты в стороны. Возможно, это наконечник не боевой, а охотничий (или спортивный). Второй вариант найден там же. Он более массивен, с округлым в сечении черешком и боевой частью в виде лопаточки со слабовыраженными, только намеченными жальцами. Длина боевой части — 3,5 см, черешка — 6 см (рис. 3, 1). Аналогом его является наконечник из Кафыркалы (14, с. 102). Вильчатые наконечники применялись для охоты на диких животных (куланов, джейранов, оленей). Они наносили широкие раны, перерубавшие, видимо, группу мышц, отчего животное не могло быстро бежать. В Сибири они бытовали вплоть до XX в. Наиболее ранние находки подобных наконечников (только с более острыми жальцами) известны из комплексов I в. н. э. (12, с. 90). Отмечено бытование их в наборах стрел IV—V вв. в Южном Таджикистане (19, с. 56—65). Интересная находка сделана В. А. Рановым в пещере Ак-тамги. Она представляет собой вильчатый наконечник с боевой головкой, отделенной от черешка уступом (12, с. 84).

Четвертая группа представлена одним экземпляром. Это пулевидный наконечник с четырехгранным черешком длиной 8,7 см, длина боевой головки — 4 см. У последней — тупой угол атаки. В начале (от острия) она имеет двухстороннюю заточку, в средней части плавно переходит в округлое тулово, которое как бы насажено на четырехгранный черешок. На последнем сохранились следы древка стрелы. Немаловажное значение имеет тот факт, что этот наконечник твердо датирован V—VI вв. Отчасти он напоминает наконечник из Шадшукуского могильника (курган 110). Правда, автор А. Г. Максимова не дает подробной датировки материала, указывая лишь его хронологические рамки — с III в. до н. э. по VI—VII вв. н. э., что делает нечетким границы его бытования. Другая параллель обнаруживается среди материалов Н. Г. Горбуновой с поселения Куюктепе (Фергана), где пулевидный наконечник датируется не ранее V в. н. э. (8, с. 141—142, рис. 8). Этой же датировки для всех пулевид-

ных наконечников придерживается Б. А. Литвинский (12, с. 83, 88, рис. *7*, *19—20*).

Пятая группа представлена двумя экземплярами. Это тоже пулевидные наконечники, четырехгранные, черешковые. Длина боевой головки — 3—3,8 см, черешок сохранился на 2 см. Головка выделена выступом (рис. 3, *9—10*). В. А. Распопова относит подобные наконечники к середине — третьей четверти VIII в. (16, с. 70, рис. 47, *7—10*).

Шестую группу составляют два экземпляра, обнаруженные в домовладении конца X — середины XI в. Наконечник стрелы — плоской, листовидной формы, длиной вместе с черешком 7,5 см. Длина боевой головки 4 см, ширина — 1,6 см. Черешок — округлый в сечении (рис. 3, *15*). Второй экземпляр по типу напоминает первый, но отличается более узкой формой и хорошо выраженной двусторонней заточкой. На обломанном черешке сохранились следы древка стрелы. Оба они имеют аналоги в Карабулакском материале из Ферганы (5, с. 89, рис. 60, *7*), но в то же время напоминают синхронные наконечники из Саркела (20, 1959, рис. 23).

Седьмая группа представлена наконечником стрелы ромбовидной формы, трехгранным в сечении, с тупым углом атаки. Длина его с черешком 8,7 см, длина боевой части — 2,8 см, ширина боевой головки — 2,3 см. Возможно, что этот тип наконечника стрелы использовался против тяжелых доспехов, так как за счет своей массы мог пробить броню всадника. Для Ферганы более характерны плоские ромбовидные наконечники. То же можно сказать об археологическом материале Поволжья X—XII вв. (20, с. 186).

Стрелы шестой и седьмой групп относятся к одному набору, так как все они найдены рядом на полу одного помещения.

Для Средней Азии в X—XI вв. были, видимо, характерны плоские черешковые наконечники с боевой головкой ромбической (реже листовидной) формы. Боевая головка чаще имеет острый угол атаки. На рассматриваемом материале не прослеживается поясок в основании боевой части. Не исключено, что это действительно рудимент, генетически связанный с порожком-муфточкой наконечников V—VIII вв. В этот период намечается переход от трехгранных наконечников к плоским ромбическим. Некоторые исследователи связывают это с техническими причинами — легкостью их изготовления по сравнению с технологией производства трехлопастных стрел (15, с. 154).

Следующая группа предметов — это **наступательное оружие.** В Чаче в первые века н. э. были распространены мечи, овальные в разрезе, с длиной клинка от 0,8 м до 1 м, в целом напоминающие сарматские типы мечей. Каковы типы мечей последующего периода, оставалось неизвестным. В связи с этим большой интерес представляют находки с городища Канка. В слое VI—VII вв. у крепостной стены шахристана III был найден фраг-

мент однолезвийного клинка (рис. 3, *18*) шириной 4 см, толщиной 0,8 см.

С этого уровня происходит большой фрагмент навершия рукояти меча в виде цельного подпрямоугольного бруска с обломанным черенком (рис. 3, *21*). Хорошо видно, как была выкована эта рукоять из цельной полосы железа, край ее окован, создавая небольшой валик, удобный для упора руки.

Позже наряду с мечами появляются однолезвийные палаши (рис. 3, *16*). Фрагменты клинка одного из них (длиной 14 см) были найдены в слое X—XI вв. Клинок подтреугольный в сечении, шириной 3 см.

Из слоя второй половины XI в. (в слое пожара) был извлечен фрагмент сабли длиной 8,4 см. Клинок — подтреугольный в сечении. В нижней части фрагмента сохранились следы деревянной рукояти (рис. 3, 19). Судя по фрагменту, лезвие имело некоторую изогнутость и сужалось к концу клинка. Ширина лезвия — 3 см при толщине 0,7 см. Эта находка близка к железной сабле из погребения в Газалкенте, где клинок также имел подтреугольную форму шириной в 3 см, а длиной 65,5 см (кончик клинка сломан). Ближе к концу клинок имел изогнутую спинку. Черешок длиной 9,5 см местами сохранил следы деревянной рукояти.

В слое второй половины XI в. в шахристане I была обнаружена скоба для ножен. Подобные скобы часто встречаются среди предметов материальной культуры кочевников Евразии (I, с. 148, рис. 36, с. 272, рис. 74, 79). Изображения их встречаются на фресках Афрасиаба, на каменных изображениях тюрков (1, с. 127).

Оборонительное вооружение. Находки оборонительного доспеха крайне редки. В слое III—IV вв. н. э. близ крепостной стены шахристана I обнаружены железные кольца от кольчужного доспеха. Диаметр их — 1—1,3 см при толщине в 0,3 см. Нижняя часть колец имеет заклепки, но несколько штук были цельными. Видимо, как и в пенджикентских находках, несколько цельных колец скреплялись кольцом с заклепкой. О том, как выглядела кольчужная рубаха, можно судить по росписям Пенджикента. Несколько терракотовых всадников с городища Канка на груди имеют ряды колечек. Не исключено, что это символическое изображение кольчуги. Защитный доспех иного типа встречен здесь же при расчистке башни VI—VII вв. Эта часть чешуйчатого доспеха — массивная железная пластина имеет вид несколько асимметричного ромба высотой 14 см. С внутренней стороны в верхней (зауженной части) пластины имеется овальный выступ высотой 0,5 см, вероятно, шарнир, скреплявший эту подвижную пластину. Как нам кажется, это оплечье. Панцири разного времени различных регионов оставляли незащищенными плечи и руки. В каждом регионе мастера решали эту проблему

по-разному. В Пенджикенте, например, бытовали кольчужные оплечья. Рассматриваемое оплечье крепилось к доспеху на шарнире.

У некоторых воинов, изображенных на росписях Пенджикента и Варахши, доспехи ламеллярного типа, но верхняя часть тулова прикрыта оплечьями из другого металла.

В слое середины XI в. в шахристане I была найдена плоская железная бляха диаметром 9 см, толщиной 0,3 см. В центре имеется квадратное отверстие (1×1 см). Край бляхи оформлен в виде невысоких полудужий (лепестки?) (рис. 3, *25*). Не исключено, что это фалар. Последний применялся для скрепления ремней конской упряжи и воинского снаряжения. Конские фалары (из серебра) обнаружены на памятниках ранних сарматов. Правда, они выпуклые, часто с изображениями (10, с. 110—113, рис. 52). Изображения конских фаларов, близких сарматским, есть на скульптуре Халчаяна. Широко представлены фалары в рельефах гандхарской школы. Причем здесь они присутствуют не только в упряжи лошадей, но и баранов. Отличительной чертой конских фаларов является выпуклость формы, плоские же более характерны для изображения воинов (см. рельеф из Буткары). Здесь они находятся на перекрестье ремней портупеи. Кроме того воинские фалары меньше по диаметру. Изображения их имеются на половецких мужских изваяниях (XI—XII вв.). Обычно они располагались один с левой, другой с правой стороны груди (1, с. 264, рис. 87, с. 12—15, рис. 88, *1, 2, 5, 7, 14*).

Интересна находка бронзового шлема плохой сохранности, обнаруженного в погребении конца VIII—IX вв. надетым на череп. Реконструированная высота этого шлема (каскообразной формы) — 11—12 см, длина 22 см, ширина — 19 см. Купольную часть шлема венчала округлая шишечка со сквозным горизонтальным отверстием. Последнее, видимо, служило для прикрепления султана (кисточки) из конских волос. Толщина 0,4—0,6 см. Нижний край резко утолщен (до 0,8 см) по отношению к стенкам шлема (рис. 3, *22*). Прямых аналогий этому предмету найти не удалось, но можно предположить, что он играл скорее парадную роль и был составной частью войлочной или меховой шапки, так как близкие по времени шлемы, известные по росписям из Пенджикента, клепались из нескольких полос железа (16, с. 84).

В отдельную группу можно выделить **предметы конской упряжи.**

Стремя (железо) плохой сохранности было обнаружено с монетой начала XI в. в рабаде городища. Арочной формы, с подпрямоугольным ушком с прорезью. Высота — 17 см, длина подножки 9 см, ширина — 4 см. Края подножки загнуты вниз для придания стремени дополнительной жесткости. Пластина подножки выпуклой формы была приварена к прутьям петли стремени (рис. 3, *33*). Стремена подобного типа встречены на памятниках ранних болгар X в. (1, с. 167, рис. 32, 107, 108), на памятниках Восточного Казахстана.

Удила (железо), двухсоставные; с восьмеркообразными неподвижными кольцами, расположенными в одной плоскости. Типичным для среднеазиатских удил является тип с одинарным кольцом. Наша находка является редким типом удил. Единственный аналог обнаруживается на городище Биляр и датируется XI — началом XIII в. н. э. (11).

Подкова округлой формы, край обломан, ширина — 9 см, сохранившаяся длина 8 см, два шипа высотой 2,3—3 см. Края нижней стороны подковы утолщены. Обломок подковы толщиной 0,5 см, на конце утолщение высотой 0,5 см. Это не первые находки подков на городище. Еще одна найдена в подъемном материале. Подкова другого типа выявлена при раскопках квартала X — начала XI в. (4, с. 130, 14). В слое середины XI в. обнаружена половинка небольшой подковы, диаметр дуги которой 6 см. Изготовлена она из плоской утолщающейся к концу пластины, конец загнут, образуя овальный шип (рис. 3, 28). Для коня такая подкова маловата, скорее ею подковали мула или осла, который при своей выносливости и неприхотливости вполне удовлетворял мелкое хозяйство. В связи с этим интересный факт начала XX в. приводит М. И. Рогалевич: «лошадь могло содержать только крупное зажиточное хозяйство, основная же масса держала ослов». Например, в Бухарском районе в 1932 г. на одну лошадь приходилось 4 вола и 6 ослов (17, с. 142).

Широкие параллели между конскими упряжами обнаруживаются среди степных памятников Средней Азии и Восточной Европы. Своеобразие в техническом решении стремени и удил позволяет предполагать, что на городище Канка как ремесленном центре формировались новые типы конской упряжи.

Бронзовое кольцо, толщина сечения — 0,5 см, диаметр 4,5 см, применялось, вероятно, для скрепления ремней упряжи.

Крупная пряжка (железо), округлой формы, диаметр около 5 см, толщина 1,3 см. Язычок прямой, диаметром 1,4 см в сечении, металл сильно коррозирован. Пряжки подобного типа встречены на памятниках Средней Азии (13, с. 130, 14), Казахстана (1, с. 132, рис. 28), Сибири (1, с. 123, рис. 27, 28, 76), Восточной Европы (1, с. 200, табл. LXVI, *11*).

Характеристика предметов канкинской коллекции не претендует на всестороннее рассмотрение заявленных групп. В хронологическом отношении коллекция представляет предметы, которые охватывают большой промежуток времени — III—XII вв.

Тем не менее это первое типологическое описание металлических изделий Чача. Последние показывают многообразие типов орудий труда, оружия и предметов быта, использовавшихся в широкий хронологический период. Датировка металлических находок всегда представляет определенные трудности, что заставляет обращаться к эталонам сопредельной с Чачем территории, тогда как фиксация металлических предметов в археологически зажатых слоях городища позволяет использовать их в качестве датировочных эталонов для региона. Кроме того

они помогают полнее понять некоторые вопросы производства и быта.

Особенно интересны находки лемехов плуга. Последние по размерам близки к широко применявшимся в Китае (в VIII—XII вв.). Однако вопросы о том, какова была конструкция чачского плуга, был ли он, как китайские, кривогрядильным полозным или оставался прямогрядильным, пока остаются открытыми. Ничего удивительного в находках сельскохозяйственного инвентаря на городище нет. С одной стороны, это мог быть готовый товар на продажу, с другой, — часть сломанного орудия, владельцы которого жили здесь. Все это свидетельствует о занятиях городского населения. Так, письменные источники позднего времени фиксируют, что часть городского населения среднеазиатских городов занималась земледелием. Даже в таком крупном торговом и ремесленном центре XIX в., как Ташкент, в махалле Дероз (квартал литейщиков), носившем в основном промышленный характер, земледелием занималась почти четвертая часть жителей (18, с. 242—243). Более того, в черте города располагались не только сады, виноградники и огороды, но и пашни. Владельцы земельных участков кварталов Дероз и Кудукбаши (район Укчи) переезжали сюда на лето (литейщики даже перевозили несложное оборудование своих мастерских), а потом стали жить здесь постоянно (18, с. 74). Но в то же время из этого не следует, что городские центры Средней Азии имели аграрную направленность. Все это скорее говорит о том, что несмотря на бурное развитие города отделение сельских занятий от городских еще полностью не завершилось (даже в XIX в.) (18, с. 77); подобная половинчатость характерна для многих городов не только Востока, но и Западной Европы. Орудия труда, найденные на городище: топор, молот, пробойник — позволяют судить о развитии кузнечного производства и, вероятно, плотницкого дела.

Наиболее массовым оружием здесь, судя по всему, был лук. Несмотря на отсутствие находок самого лука и его частей, можно предположить, что это был сложный лук с костяными накладками.

О существовании тяжелых луков свидетельствуют и находки массивных наконечников стрел, происходящих с городища, а также защитного вооружения (кольчужные кольца, оплечье, зерцало). Анализ железных наконечников стрел позволил выявить одновременное сочетание трехлопастных, трехгранных и пулевидных наконечников, присутствие в наборах крупных и мелких наконечников V—VI, VII—VIII вв. В то же время положение В. И. Распоповой о преобладании узких (тяжелых) наконечников стрел для наборов земледельческого общества, а широких (плоских) для кочевников в связи с отсутствием у последних защитного доспеха на рассматриваемом материале не подтверждается.

Довольно широко представлены предметы быта, что позво-

ляет говорить о широком применении металла в хозяйстве горожан (рис. 2).

Все вышесказанное позволяет считать городище одним из крупных центров ремесленного производства Ташкентского оазиса, снабжавшим кочевников ремесленной продукцией. Прослеживаются крупные контакты региона от Южной Сибири до Поволжья, однако в разное время ориентация культурно-экономических связей была различной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. Л., 1981.
2. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
3. Бернштам А. Н. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции//МИА. 1950. № 14.
4. Брусенко Л. Г., Галиева З. С. Материалы раскопок квартала X—начала XI в. на городище Канка//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент. 1982.
5. Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
6. Буряков Ю. Ф. Археологические материалы с городища Кавардан// ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
7. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
8. Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических комплексов в Ферганской области//СА. 1979. № 3.
9. Горелик М. В. Сакский доспех//Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
10. Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.)//Археология, этнография и антропология Монголии. М., 1987.
11. Культура Биляра. М., 1985.
12. Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел//СА. 1965. № 2.
13. Литвинский Б. А. Орудия и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1976.
14. Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
15. Пугаченкова Г. А. Погребение монгольского времени в Халчаяне// СА. 1967. № 2.
16. Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
17. Рогалевич М. И. Карабаирская лошадь/Конские породы Средней Азии. М., 1937.
18. Рузиев М. О. О занятии земледелием жителей города Ташкента конца XIX — начала XX в.//Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.
19. Соловьев В. С. Наконечники стрел из Кафыр-Калы//Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душанбе, 1977.
20. Сорокин С. С. Железные изделия Саркела — Белой Вежи//МИА. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.—Л., 1959.
21. Тереножкин А. И. Холм Актепе близ Ташкента//Труды ИИА АН УзССР. Т. 1. Ташкент, 1948.
22. Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.

Н. Ю. НЕФЕДОВ

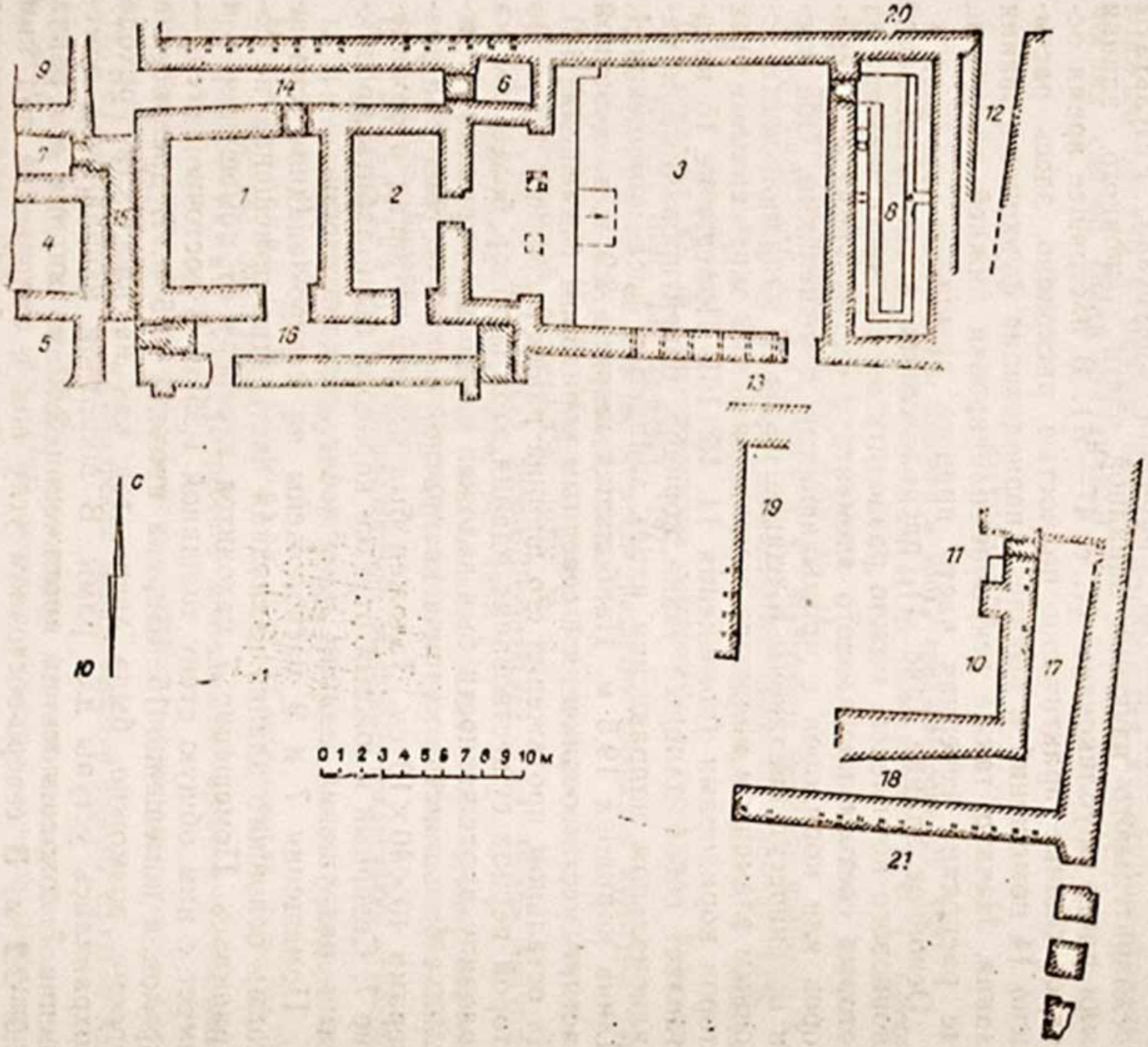
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА ЕРКУРГАНА

В последние годы продолжались работы по вскрытию архитектурных остатков дворца правителя Еркургана. Результаты предварительного изучения западной части основного здания были ранее опубликованы (1, с. 47—51). В настоящее время основное здание практически полностью раскопано, здесь расчищено 14 помещений и выявлена периодизация функционирования здания. Начато также вскрытие планировки нижней площадки, где раскопана северная часть правого крыла.

Основное здание (рис. 1), расположенное в северной части дворцового комплекса, можно разделить на две части, каждая из которых состоит из главного элемента и окружающих его коридоров или коридоров с примыкающими помещениями. Обе части органически соединены в единое целое. В западной части основным элементом являются помещения 1 и 2. окруженные с трех сторон коридорами (помещения 14, 15, 16). Помещение 15 представляет собой длинный узкий коридор, ориентированный в меридиональном направлении вдоль западного фаса помещения 1. Длина коридора 19,5 м. Наибольшая ширина 2,0 м в северной части, в месте соединения с северным коридором (помещение 14). На остальном протяжении его ширина равна в среднем 1,5 м. Во второй период существования здания этот коридор более чем на половину протяженности был заложен сырцовым кирпичом. В кладке большинство кирпича квадратной формы со средними размерами 40×40×10 см. Заложен был проход на запад в помещение 7. Северный и южный отрезки коридора были забиты продуктами разрушения здания уже после его запустения.

Помещения 7 и 9 расположены на северо-западном склоне холма основного здания. Западная часть этих помещений не сохранилась. Помещение 7 находится к северу от помещения 4 и имеет с ним общую стену толщиной 1,35 м. В восточной стене — проход в помещение 15. Ширина прохода 1,15 м. В древности в проеме, возможно, была дверь, так как на плоскости прохода сохранились уступы для рамы. В широтном направлении помещение 7 сохранилось на протяжении 2,80 м, ширина его равна 2,0—2,2 м. В северо-восточном углу пол и заполнение над ним прокалены. В прокаленном слое найдено большое количество обломков стенок котлов, в тесте которых имеется значительная примесь дресвы. В остальной части помещения заполнение над полом состояло из рыхлого грунта с обломками сырцового кирпича.

Помещение 9 находится в северо-западном углу основного здания. На юге оно имеет общую с помещением 7 стену толщиной 1,35—1,55 м, на востоке — с комнатой 15 толщиной 1,10 м. Сохранившиеся размеры помещения 9 равны 2,6×4,0 м. В северном конце восточной стены имелся проход в комнату 15, от ко-

20
9
14
6
12
7
1
2
3
8
4
15
5
16
13
19
11
10
17
18
21
C
10
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 м

торого, к сожалению, осталась только одна щека. Уровень пола данного помещения на 20—30 см ниже, чем в коридоре. На полу в юго-восточном углу найдены развалы нескольких тонкостенных котлов. По составу теста и характеру обжига они аналогичны котлам из помещения 7. Венчик оформлен в виде тонкого, плавно отогнутого наружу края. В месте находки на полу обнаружены следы огня. Заполнение помещения 9 однообразно. Оно состоит из рыхлой глины. Вероятнее всего, помещения 7 и 9 были хозяйственными.

В северной стене помещения 14 было обнаружено 16 прорезей, аналогичных ранее вскрытым в южной стене помещения 3 (1, с. 49). Ширина прорезей 10—12 см, сделаны они в среднем через каждый метр. Имитируют бойницы — их дно наклонено во внешнюю сторону на 45°. Однако для бойниц они слишком узки. Толщина стены с прорезями равна 1,50—1,60 м.

Помещение 6 обнаружено в восточном конце помещения 14. Проход между ними шириной 1,3 м был впоследствии заложен сырцовым кирпичом. Это произошло во второй период функционирования дворца. Поверхность со стороны коридора оштукатурена глиной и саманом. Помещение было заполнено рыхлой глиной с примесью редких обломков кирпича. Пол расположен на одном уровне с помещением 14. Комната прямоугольной в плане формы, размеры 2,15×3,0 м. В северной стене, общей с помещением 14, сделаны три прорези. О назначении этой комнаты трудно судить из-за отсутствия находок. Возможно, это было помещение для прислуги или стражи.

Восточная часть основного здания состояла также из центрального элемента — двора (помещение 3) и окружающих его коридорообразных помещений. В трех из них велись раскопки (комнаты 8, 12, 13), кроме того, к северу и северо-востоку от двора по микрорельефу предполагается наличие еще двух коридоров.

Помещение 3 представляло собой двор подпрямоугольной в плане формы внушительных размеров, в среднем 14,0×14,0 м. Имелось два выхода — один на юг, другой в северной части восточной стены. Позднее второй проход был заложен кирпичом-сырцом. Пол был обнаружен на глубине 1,70—1,75 м от дневной поверхности (середина VI яруса), расчищен в северо-западной четверти двора. Обмазка отсутствует, но поверхность очень ровная. В 1,0 м к югу от северной стены и в 3,75 м к востоку от западной обнаружен развал трех хумов. Все они лежали на боку, дном к северной стене. Снаружи стенки одного из хумов были покрыты очень тонким ганчем. Создается впечатление, что сосуды стояли у стены и были повалены при ее разрушении. Хумы имели отогнутый наружу валикообразный венчик. Шейка отсутствует, тулово яйцевидное, плечики довольно крутые. По-

Рис. 1. План дворцового здания.

добные хумы бытовали на городище Еркурган в VI в. н. э. (2, с. 143, рис. 60). Заполнение двора, в котором находились хумы, состояло из крупных обломков стены. Завал занимает пространство на 70—80 см над полом, а у самой стены доходит до дневной поверхности. К югу он постепенно становится тоньше и на расстоянии 3—4 м от северной стены сходит на нет. В завале очень много обломков жженого кирпича и крупных фрагментов керамики. На глубине 1,0 м от дневной поверхности вместе с жженым кирпичом отмечаются куски ганчевой штукатурки. Все эти находки перемешаны с рыхлой глиной, их перекрывает завал. В оплыве над завалом также отмечаются отдельные обломки кирпича. Совершенно иной характер носит заполнение в центре помещения 3. Оно забито от пола и до дневной поверхности оплывом, который состоял из чередующихся слоев темной глины и тонких прослоек светло-желтого песка. В целом вся пачка слоев оплыва имеет заметный уклон к востоку и перекрывает завалы западной части помещения 3. Небольшие шурфы, заложенные в его северо-восточной и юго-восточной частях, дали аналогичную стратиграфию.

Таким образом, наиболее вероятно, что помещение 3 было внутренним двором. Судя по стратиграфии, перекрыта была только его западная часть, служившая, скорее всего, айваном. Это не исключает возможности использования помещения 3 как аудиенц-зала. Пол его западной части приподнят. В западную часть ведет пандус. Об этом частично можно говорить и по связи этого помещения с остальной частью основного здания.

Помещение 8 расположено к востоку от помещения 3 и имеет с ним общую стену. Пол его лежит во второй половине VI яруса, то есть почти на одном уровне с полом восточной части помещения 3. Обмазан был коричневой глиняной штукатуркой. В середине комнаты пол местами прокален. Прокаленные пятна были отмечены и в северном углу суфы, идущей вдоль восточной стены.

Суфы были построены вдоль всех стен. Восточная, западная и южная суфы по профилю ступенчатые. По размерам они несколько отличаются друг от друга. Суфа, идущая вдоль восточной стены, имеет верхний уступ шириной 0,78 м, нижний — 0,57 м. Высота от уровня пола нижней части равна 0,17 м, верхний уступ на 0,13 м выше. Однако данные размеры можно отнести только к северной части комнаты 8. Следует отметить особенность верхней ступени суфы, которая в 6,70 м к югу от северной стены плавно увеличивает высоту и достигает 0,40 м от уровня поверхности нижней ступени. Примерно в этом же месте, в 7,0 м к югу от северной стены, на нижней ступени есть круглое углубление. Диаметр его равен 0,23 м, глубина 0,09 м. Внутри углубление было заполнено рыхлой глиной. Находок в углублении не отмечено.

Западная суфа в северной части примерно равна восточной.

На юге же она имеет следующие размеры: высота нижней ступени от пола 0,18—0,19 м, а ширина 0,52 м, высота верхней от уровня нижней 0,31 м, ширина 0,68 м. Местами на поверхности этой части суфы сохранилась саманная штукатурка в 2—3 слоя толщиной 1,5—2,0 см. Северная часть верхней ступени данной суфы была выложена из разноформатного жженого кирпича.

От южной суфы остались только отдельные фрагменты кладки из сырцового кирпича. Но они позволяют сделать вывод, что и эта суфа была аналогична по конфигурации и размерам вышеописанным.

Северная суфа по профилю совершенно иная, чем все остальные в помещении 8. Восточная часть ее в значительной степени разрушена. Здесь ее сохранившаяся высота равна 0,14 м. В целом суфа не имела двойного уступа. Она сложена из сырцового кирпича (42×41×10 см). Кладка из кирпича сделана по краю, а пространство около стены было засыпано рыхлым грунтом, в котором встречаются отдельные фрагменты керамики. Ширина суфы 0,65 м, высота 0,37. Судя по отдельным остаткам штукатурки, в древности суфа была обмазана светло-желтой глиной с саманом.

Заполнение помещения 8 однообразно по всей его площади. Дневная поверхность находилась на уровне конца IV яруса. Под тонким дерновым слоем находился рыхлый оплыв толщиной в 20—25 см, который выклинивается на западе и востоке помещения. Под оплывом прослойка светло-желтых натеков толщиной 5—6 см. Ниже до поверхности верхней ступени шла рыхлая глина с отдельными крупными комками. Под ней до поверхности пола на пространстве между суфами лежала довольно плотная глина, видимо, завал. В северной части комнаты, около прохода в помещение 3, он наиболее мощный и занимает почти все пространство от пола до дневной поверхности.

В комнате 8 было найдено большое количество фрагментов керамики. На верхней ступени западной суфы найдены два почти целых блюда. Они больших размеров, с острым краем и венчиком в виде налепленного с внешней стороны валика. Другая форма сосудов, часто встречающаяся в заполнении, — это котлы из черной глины с примесью дресвы в тесте. У этих котлов зачастую ручки прикреплены горизонтально в виде витого каната. Эти формы аналогичны керамике Еркургана VI других раскопов городища (2. с. 143—144, рис. 60).

Помещение 12 обнаружено к востоку от южной части комнаты 8. Их отделяет друг от друга общая стена толщиной 1,62 м. В помещении 12 удалось расчистить только небольшой участок западной стены. Ее поверхность не имеет следов штукатурки и довольно неровна. Стена прослежена до глубины 0,60 м от дневной поверхности. Заполнение состоит из рыхлой мягкой глины. Керамики в слое очень мало, других находок нет.

Помещение 13 — самое южное в основном здании, расположено к югу от помещения 3 и отделено от последнего стеной, в

которой имеется проход. Ширина помещения 13 равна 2,08 м. Оно ориентировано в широтном направлении и прослежено на протяжении 3,05 м. Вероятно, что на востоке оно было связано с комнатой 12, на западе с южным коридором (помещение 16). Заполнение состояло из рыхлой глины.

На нижней площади было вскрыто пять комнат. Их планировка повторяет традиционную схему, состоящую из центрального элемента и окружающих его коридоров. Правда, центральный элемент нижней площадки изучен недостаточно и потому пока не понятно, был ли это единый двор, как на востоке основного здания, или система мелких помещений, как на западе. В центральном элементе предварительно выделено три комнаты — 10, 11 и 19. Помещение 10 расположено к западу от помещения 17 и к северу от помещения 18 (Г-образный коридор). От комнаты 17 его отделяет стена толщиной 1,40 м, от комнаты 18— толщиной 2,05 м. Следует отметить, что толщина южной стены в западном конце несколько больше, чем на востоке. Полностью удалось расчистить только восточную и южную стены. Северная стена прослежена на протяжении 1,30 м от северо-восточного угла. Далее на запад начался проход в помещение 11, ширину прохода, однако, выяснить не удалось. С севера на юг помещение 10 имеет длину 5,10 м, в широтном направлении 8,20 м. Никаких особых архитектурных деталей оно не имело. Пол был обнаружен на глубине 1,20 м от дневной поверхности (середина XIII яруса). В нескольких сантиметрах от пола, на расстоянии 6,50 м от восточного угла, около южной стены найден обломок терракотовой пластинки. На ней хорошо сохранилось изображение нижней части одежды типа халата или платья. Ноги изображенного выполнены реалистично. Судя по конфигурации пластинки, скорее всего это была мужская фигурка.

Помещение 11 расположено к северу от комнаты 10. Удалось выяснить планировку только небольшого участка его восточной части. В восточной стене обнаружен проход в помещение 17 шириной 0,75 м, позднее заложенный. От прохода на юг вдоль восточной стены тянется суфа-лежанка, сложенная из квадратного сырцового кирпича. Длина суфы 1,40 м, ширина 0,75 м, высота 0,60 м. Второй проход предполагается в северной стене в сторону основного здания. В проходе уровень пола поднят на 0,65 м. Длина комнаты с севера на юг равна 2,50 м, в широтном направлении она прослежена на 3,0 м. Заполнение состояло из однообразного очень плотного завала.

Удалось расчистить западную стену и небольшой отрезок северной стены помещения 19. Длина их соответственно равна 10,5 и 1,5 м. На юге западной стены найдены четыре стреловидные прорези-бойницы. Ширина их равна в среднем 10—15 см, расположены они через 0,8—1,0 м. Стена была расчищена до основания. Пол расположен на глубине 30 см XIII яруса. Заполнение состояло из очень плотного завала, лишь под полом лежала прослойка рыхой глины толщиной 10—15 см. Наиболее

интересной находкой в данном помещении был миниатюрный сосудик в виде греческой амфоры.

Помещения 17 и 18 представляют Г-образный коридор, охватывающий центральный элемент (комнаты 10, 11) с востока и юга. Восточный отрезок коридора (помещение 17) имеет длину 13,75 м при ширине 2,0—2,3 м. Восточная стена толщиной 1,85 м расположена почти на склоне холма. Однако она вряд ли является внешней стеной дворца. В западной стене, общей с помещениями 10 и 11, обнаружено 7 прорезей, аналогичных уже описанным в основном здании и на нижней площадке. Еще две прорези найдены в северо-восточном углу помещения 17, которое было связано с комнатой 11, но в более позднее время проход между ними был заложен. Пол прохода на 0,15 м выше пола помещений.

Заполнение состояло из слоя наносной глины толщиной 20 см, лежавшего над полом. Выше шел слой плотного завала с большим количеством обломков пахсы и сырцового кирпича. Над ним, почти до дневной поверхности, располагалась забутовка из сырцового кирпича, в основном квадратного (40×30(±2 см)× ×9—11 см).

Южный отрезок коридора (помещение 18) расчищен на протяжении 16,5 м. На востоке его ширина равна 2,25 м. К западу он немного у́же — 1,4 м. Северная стена на данном участке ремонтировалась, поэтому коридор стал узким. Полностью вы-явлена южная стена помещения 18. Толщина ее равна 1,65 м. В ней обнаружены 12 прорезей, от которых сохранились только нижние части. Дно прорезей имеет уклон на юг, равный 45°. Ширина прорезей 15 см, располагаются они через каждые 0,80—0,95 м.

Пол зафиксирован на том же уровне, что и в помещении 17. Над полом лежал слой рыхлой глины толщиной от 0,5 м на юге до 1,0 м на севере. В глине имеются отдельные линзы угля и золы. Этот слой перекрывает натечная прослойка, на которой лежит пласт завала мощностью до 1,75 м. Завал очень плотный, с большим количеством обломков сырцового кирпича. Местами в завале зафиксированы линзы натеков. Таким образом, заполнение южного отрезка обводного коридора отличается от заполнения его восточной части.

Керамический материал, полученный с полов обводного коридора, характерен для периода Еркурган VI (2, с. 143—144). Наиболее часто встречающейся формой в комплексе с полов являются крупные блюда с различными вариантами налепленного с внешней стороны валика. Но в целом на полу керамики очень мало, комплекс датируется V—VI вв. н. э.

Была зачищена и южная часть правого крыла нижней площадки дворцового комплекса. Вдоль восточного фаса найдены 4 тумбы, являющиеся остатками скорее всего аркады. Тумбы расположены через 1,2 м. Полностью сохранились только две северные размерами 1,8×2,0 м и 1,7×1,75 м. От двух других

обнаружены только небольшие останцы. На остальной площади зачистки архитектурных остатков не обнаружено.

Таким образом, после нескольких сезонов раскопочных работ во дворце правителя городища Еркурган можно подвести некоторые итоги. По своей планировке он находится в одном ряду со многими дворцовыми и жилыми зданиями, изученными на территории Средней Азии. В планировочном отношении на протяжении столетий эти дворцы сохраняли традиционные приемы. Наиболее распространенным типом являлось здание с центральным основным элементом и окружающими его мелкими помещениями или коридором. Основным элементом служил либо парадный зал, либо двор. Наиболее древний вариант дворцов этого типа состоит из центрального элемента и окружающих его помещений. Так, дворец на Калалы-гыр I включал в свою структуру два внутренних двор, вокруг которых группировались около 30 помещений (3, с. 109—113). Постройка дворца относится ко времени господства в Хорезме Ахеменидов. В так называемом «большом доме» на Бабиш-мулле I (IV—II вв. до н. э.) центральное место занимают большое помещение и окружающие его небольшие и узкие помещения (3, с. 158—165). К данному типу относится и так называемый квадратный зал в группе дворцовых построек в Старой Нисе (4, с. 37, 78—96). Он построен на сплошной платформе из сырцового кирпича и окружен группой более мелких помещений. По характеру планировки он был скорее всего аудиенц-залом дворца.

В другом варианте центральный элемент, чаще всего с трех сторон, обводился коридорами. Возникновение этого типа дворца относится к концу эллинистического времени. Наиболее типичными являются дворцовые здания на Эркале в Мервском оазисе, в Айртаме и Саксанохуре в Северной Бактрии. Центральным элементом в предполагаемом дворцово-храмовом комплексе на Эркале в Старом Мерве является большой квадратный зал, окруженный с севера, запада и юга коридорами (4, с. 131; 5, с. 37—54). Далее располагалась группа из 30 больших и малых комнат различного функционального назначения. Дворец-форт на Айртаме включал в себя большой квадратный зал, окруженный с трех сторон коридорами. Строительство здания не было закончено и поэтому культурного слоя здесь не обнаружено. Однако по характеру планировки оно напоминает замок II—I вв. до н. э. (6, с. 53—54). Крупное дворцово-храмовое здание в Саксанохуре (II в. до н. э.) своим центральным элементом наиболее близко к планировке дворца Еркургана. Центральным элементом его является большой двор размерами 27,7×27,7 м с айваном, окруженный с трех сторон коридорами (6, с. 51—53; 7). С северной и восточной сторон располагались группы помещений, состоящие из 2—3 комнат. К этому же типу планировочного построения можно отнести административно-дворцовое здание III в. до н. э. в Ай-Хануме (6, с. 49—50), со сложной системой основного элемента.

Следует отметить, что подобный архитектурно-планировочный прием применялся и в жилой архитектуре. В частности, такую композиционную структуру имели дома ДТ-5, ДТ-6 на городище Дальверзин в Северной Бактрии (9, с. 263, табл. CXV) и жилой дом в Дильберджине на территории Афганистана (9, рис. 1).

Сложная планировочная композиция, включающая несколько основных элементов, отмечается во дворце III—IV вв. н. э. на Топрак-кале (3, с. 209—217; 8, с. 323, табл. CLVIII). Центральными элементами были дворы, вокруг которых группировались помещения различного функционального назначения. И наиболее поздним зданием данного типа является дворец на городище Афрасиаб, где был расчищен большой тронный зал с системой помещений, стены которых были покрыты многоцветными росписями (10, с. 11—14).

Как видно из этого краткого описания, дворец городища Еркурган в основных принципах своей планировки продолжает древние традиции зодчества Средней Азии. В его структуре также можно выделить две части. Главное здание носило, видимо, парадный характер. Здесь выделяется основной элемент, состоящий из двух помещений и окружающего их с трех сторон обводного коридора. При дальнейших перестройках значительная часть коридора была заложена. Можно предположить, что парадная часть использовалась в основном зимой, а летом для приема депутаций служил большой двор в восточной части основного здания, который аналогичен двору во дворце Саксанохура. После закладки коридоров двор использовался в хозяйственных целях, о чем свидегельствует наличие хумов на верхнем полу. В целом основная часть здания имеет массу аналогов (Эрккала, Айртам и др.).

Интересно, что и в планировочном отношении нижняя площадка также повторяет схему из дворов или больших помещений с окружающими коридорами. Необходимо отметить, что бойницы в стенах обводных коридоров дворца вряд ли могли служить для оборонительных целей. Их назначение еще предстоит выяснить. Кроме того, в раскопанном комплексе помещений дворца пока трудно выделить жилые. Скорее всего, дворец Еркурган был административным центром, как в Айртаме и Саксанохуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю. Предварительные результаты раскопок дворца Еркурган//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
2. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.
3. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
4. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//Труды ЮТАКЭ. Т. VI. М., 1958.

5. Усманова З. И. Эрк-кала//Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.
6. Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979.
7. Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю. Античное городище Сакса-иохур//СА. 1969. № 2.
8. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
9. Кругликова И. Т. Дилберджин. М., 1986.
10. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

С. Н. ВОРОБЬЕВА

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ЖЕНСКИХ ТЕРРАКОТ С ГОРОДИЩА ЕРКУРГАН

Коропластика Бактрии и Центрального Согда уже достаточно хорошо изучена и освещена в целом ряде крупных работ (1; 2, с. 176—185; 3, с. 78—128; 4; 5, с. 23—45; 6; 7), а для Южного Согда в настоящее время имеются только отдельные публикации некоторых находок (8, с. 109, рис. 8; 9, с. 170, рис. 13, 14; 10, с. 96—107, рис. 49—54). Однако работы послед-

Рис. 1. Группа женских терракот с городища Еркурган.

них лет, проводимые Институтом археологии АН УзССР на городище Еркурган и его пригороде, позволили получить интересный комплекс терракот, в основном из датированных слоев. Комплекс отличается многообразием антропоморфных терракот, среди которых преобладают, как обычно, женские, и зооморфные.

Настоящая статья посвящена группе терракот городища Еркурган, которая состоит из трех женских фигурок, близких по облику, но отличающихся размерами и деталями оформления.

Первая фигурка была найдена на раскопе 5 в 1975 г. в стратиграфическом шурфе, в слое плотной комковатой глины, образовывавшем небольшую прослойку и получившем порядковый номер 38. Этот и соседние с ним слои на основании керамического материала относятся к комплексу В Еркургана и датируются I—III вв. н. э. (11, с. 99). Терракота представляет собой небольшой фрагмент женской статуэтки. Верхняя часть туловища и ноги не сохранились. Правая рука находится под грудью, левая лежит на животе, ближе к бедру. Платье имеет выраженную двухъярусность, под грудью подпоясано лентой с расходящимися концами. Складки платья слегка расходятся в стороны, некоторые подправлены после оттиска. Рукав длинный, в верхней части — со складками, которые переданы насечками. Левую руку закрывает шарф или плащ, спадающий с плеча вертикальными складками. Кисть правой руки небольшая, выделены пальцы, кисть левой отпечатана нечетко. Размеры сохранившейся части статуэтки: высота — 6,5 см, максимальная ширина — 6,2 см, толщина — 2,3 см. Тыльная сторона примята пальцами, края обрезаны ножом. Черепок оранжевый, тесто с отдельными вкраплениями сухой глины.

Вторая фигурка найдена в 1975 г. на раскопе I Восточного холма в святилище, около скульптуры, в строительных остатках, датируемых концом IV — началом V в. н. э. (12, с. 55). Это небольшая, довольно плоская терракота. Она изображает женщину в складчатом платье с треугольным вырезом. Платье высоко подпоясано двойной лентой. Рукав длинный, с отдельными горизонтальными складками. Правая рука лежит под грудью, левая — на слегка выпуклом животе. Левая рука закрыта спадающим с плеча шарфом или плащом, причем изгибы его вертикальных складок повторяют выпуклости груди и левой руки. Кисти рук небольшие, пропорциональные. Но оттиск в целом нечеткий, в нижней части затерт. Тыльная сторона примята пальцами, края подрезаны ножом не очень аккуратно. Размеры сохранившейся части фигурки: высота — 5,4 см, максимальная ширина — 4,2 см, толщина — 1,6 см. Черепок оранжевый, с отдельными мелкими порами, тесто хорошего качества.

Третья фигурка, наиболее хорошо сохранившаяся, была найдена на раскопе 5 в 1974 г. в слое, относящемся к комплексу Д Еркургана, датированном IV—V вв. н. э. (11, с. 99). Это также изображение женщины в складчатом платье и шарфе. Платье, возможно, представляет собой двойной хитон с рукавами, подпоясанный под грудью двойной лентой. Верхняя часть платья имеет длину до колен, нижняя — до ступней ног. Вырез платья треугольный, широкий. Рукава длинные, образуют мелкие складки на плечах. Вертикальные складки плаща правильно смоделированы. Положение рук такое же, как и у ранее опи-

санных терракот. Кисти рук изображены пропорционально размерам фигурки, выделены слегка согнутые пальцы. Ступни ног вылеплены вручную, носки разведены в стороны. Голова не сохранилась. Размеры статуэтки: высота — 9 см, максимальная ширина — 5,2 см, толщина — 2,4 см. Края и тыльная сторона подрезаны ножом. Черепок коричневато-розовый, тесто с примесью мельчайших песчинок, но достаточно хорошего качества.

Все три фигурки были оттиснуты в односторонних матрицах, различающихся размерами и высотой рельефа. Но, несмотря на отличия, все они отражают один иконографический тип, определяемый по таким признакам, как поза и характер одежды.

Рассмотрим позу изображений на указанных терракотах. Эта поза — одна рука поднята к груди, другая лежит на животе — известна в коропластике многих областей Средней Азии. В коропластике Маргианы такое положение рук встречается на отдельных фигурках III—IV вв. н. э., но в руках богинь всегда находятся какие-либо предметы, чаще всего зеркала (13, с. 126, рис. 6, 7; 14, с. 124—130, рис. 5—9). Однако более характерно для образа маргианской богини положение правой руки у плеча или лежащей на груди, а левой — опущенной на бедро и придерживающей платье (13, с. 125, рис. 5, 9). Гораздо чаще встречается подобное положение рук в коропластике Центрального Согда, причем здесь, видимо, не имело значение, какая рука поднята к груди, правая или левая (7, с. 19—28, табл. XXVI). Отличительной особенностью согдийской коропластики является обязательное наличие каких-либо предметов в руках богини — граната, сосуда, цветка и т. д. (15, с. 174). В бактрийской коропластике подобная поза встречена лишь на отдельных фигурках, сходных с еркурганскими и по характеру одеяния (3, с. 108, 112, рис. 22, *а*; 28). В коропластике Хорезма подобное положение рук, правда, в зеркальном отражении, характерно для ранних изображений обнаженной богини, но рука лежит не на середине живота, как на наших фигурках, а опущена к лону (16, с. 139, рис. 1). В отдельных случаях подобная поза встречается на изображениях хорезмийской богини в сложнодрапированных одеждах (17, с. 180, табл. XXVII, *18*). Этот обзор позволяет заметить широкое распространение в коропластике Средней Азии подобной позы, но при этом наличие в каждом регионе особенностей в ее трактовке. Для рассматриваемой группы терракот Еркургана они заключаются в естественной пластической передаче жестов, четко выраженном положении руки на середине живота, пропорциональном изображении кистей рук.

Большое значение для выделения иконографического типа имеет одежда. Изображенный на терракотах Еркургана тип женской одежды не является новым в изобразительном искусстве Средней Азии. Подобный костюм находит близкие аналогии в скульптуре Халчаяна, где центральная женская фигура и расположенные сбоку одеты в складчатые платья, подпоясанные под грудью лентой-поясом. Платья имеют короткую верхнюю

юбку и длинную нижнюю. Вырез в одном случае треугольный, в двух — округлый. Рукава длинные, доходят до кистей рук и образуют мягкие складки. У сидящей женщины и одной из стоящих левое плечо и рука закрыты складками плаща или шарфа. У третьей женщины плащ закрывает обе руки (18, с. 51). Такой же костюм изображен на статуэтке с городища Зартепе, на матрице из Шортепе Анхорского района (19, с. 267, табл. CXIII, *20;* 2, с. 184, рис. 6), на терракоте из Саксанохура, изображающей богиню с сосудом в правой руке и венком в левой. Последняя датирована I—III вв. н. э. (20, с. 115, № 316).

На территории Бухарского Согда костюм этого типа запечатлен на группе из пяти однотипных терракот, найденных на Аяктепе № 2 (21, с. 142, рис. 73). Несмотря на схематичность изображения, здесь ясно различима двуслойность платья, драпированного мелкими складками на груди, плечах и юбке. Эта группа терракот передает ту же позу, что и терракоты Еркургана — правая рука под грудью, левая расположена ниже и, возможно, держит какой-то предмет. Из-под одежды видны носки обуви. Памятник в целом датируется I—III вв. н. э.

В терракоте Центрального Согда подобный костюм неизвестен.

Это один вариант костюма, представленный на группе терракот Еркургана. Второй вариант, когда платье подпоясано с узлом впереди и расходящимися концами, характерен для более раннего времени. Подобный пояс изображен на терракотах Маргианы III—I вв. до н. э. (13, с. 125, рис. 5). За пределами Средней Азии он встречается в скульптуре и терракоте III—II вв. до н. э., как, например, на статуе Никэ из Малой Азии, датируемой II в. до н. э., где двойной хитон перехвачен под грудью узкой лентой, завязанной впереди длинным бантом (22, рис. 177). Возможно, в изображении такого пояса на более ранней терракоте отразилась манера подвязывания двойного хитона в эллинистическом мире.

Рассматриваемый тип одежды находит ближайшие аналогии в костюме кушанской Бактрии, где подобные женские драпирующиеся платья и мантии Г. А. Пугаченкова выделила как один из элементов в кушанском культурном комплексе, имеющих эллинский генезис (23, с. 176). Возможно, в изображении такого платья на терракотах Еркургана отразилась не только территориальная близость Бактрии и Нахшеба, но и проникновение элементов эллинистической культуры в коропластику Нахшеба. При этом явно и следование местной традиции, которое отразилось в сохранении позы, известной в коропластике Средней Азии начиная с изображений обнаженной богини.

Таким образом, в рассмотренной группе терракот из Еркургана проявились черты, и общие для коропластики Средней Азии, и характерные только для Нахшеба. Общая иконографическая традиция в коропластике Средней Азии отразилась в изображении позы богини, в положении рук. Некоторое влияние коро-

пластики Бактрии можно видеть в близости костюмов на терракотах Еркургана с теми, что изображены в скульптуре Халчаяна, терракотах Зартепе, Шортепе, Саксанохура. Возможно, что в кушанскую эпоху Бактрия оказывала сильное влияние на граничащий с ней Нахшеб, что отразилось в коропластике и даже в таком массовом материале, как керамика (11). Но можно предположить и существование местной коропластической школы, что нашло отражение в пропорциях, передаче кистей рук, достаточно свободной и точной моделировке складок платья. Отметим длительность бытования этого иконографического типа, а, следовательно, и образа, который он запечатлевал: I—V вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979.
2. Пугаченкова Г. А. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана//Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.
3. Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
4. Абдуллаев К. Коропластика Бактрии-Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи. Автореф. канд. дис... М., 1985.
5. Заславская Ф. А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени//.ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959.
6. Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л.. 1962.
7. Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977.
8. Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе// Труды ИИА АН УзССР. Вып. II. 1950.
9. Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв.//ВДИ. 1956. № 2.
10. Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда. III—VI вв. Ташкент, 1981.
11. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. Ташкент, 1984.
12. Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Раскопки святилища храма городища Еркурган//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.
13. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня//СА. XXIX—XXX. 1959.
14. Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва//Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
15. Мешкерис В. А. Канон и проблема стиля в согдийской коропластике кушанской эпохи//Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.
16. Воробьева М. Г. Ранние терракоты Хорезма//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
17. Воробьева М. Г. Памятники искусства. Раздел 1//Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967.
18. Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
19. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
20. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
21. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
22. The Anatolian civilizations. Greek (Roman) Byzantine. Istanbul, 1983.
23. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

В. А. ПЫРИН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КВАРТАЛА МЕТАЛЛИСТОВ ЕРКУРГАНА

В 10 км к северу от современного г. Карши высятся холмы Еркургана — крупнейшего античного города Южного Согда. Исследование городища начал С. К. Кабанов с небольших разведочных работ во внутреннем городе в 1948 г. Результаты работ дали основание датировать нижние слои городища II вв. до н. э. — II в. н. э., верхние — III—IV вв. (4, с. 130, 132).

С 1973 г. здесь ведутся стационарные раскопочные работы Институтом археологии АН УзССР. В результате исследований внутри городища были выявлены политико-административные, фортификационные, ремесленные и жилые комплексы (18; 19, с. 51—60; 17, с. 60—65; 13, с. 136—147). Изучение керамического материала позволило точнее определить хронологические рамки функционирования городища (IX—VIII вв. до н. э. — VIII—IX вв. н. э.) (3, с. 5).

Между внутренними и внешними оборонительными стенами расположены невысокие бугры, которые, по предположению С. К. Кабанова, являлись руинами жилых массивов (6, с. 24). Высота холмов колеблется в пределах 3—5 м. Южная оконечность этой возвышенности представляет собой цепочку низких холмов, вытянутых в широтном направлении, отделенную от основной массы широкой ложбиной, по которой в настоящее время проходит грунтовая дорога. На одном из них, на юго-западной окраине возвышенности, примерно в 60 м к юго-востоку от юго-восточной башни внутренних крепостных стен, с целью выяснения функционального назначения был заложен разведочный шурф 1 размерами 1,8×0,8 м, глубиной 1 м. В шурфе выявлены зольно-угольные слои. Основная масса находок, представленная обломками железных шлаков, ошлакованных обломков камней, позволила предположить производственный характер исследуемого участка. Для подтверждения данного предположения шурф был расширен и превращен в раскоп (Р-16). В течение трех полевых сезонов было вскрыто 25 помещений последнего периода обживания, расположенных прослеживающейся по микрорельефу ложбины улицы, связывающей внутренний город с юго-восточной частью внешнего и уходящей за его пределы (рис. 1). Стены помещений, сложенные из кирпича-сырца и пахсы, почти везде покрыты несколькими слоями штукатурки. Из помещений был получен обильный керамический материал (рис. 2). В комплексе представлено большое количество чаш. Профиль резервуара обычно округлый, встречаются глубокие объемные экземпляры. Отмечаются тонкостенные чаши с вертикальным бортиком и коническим вытянутым профилем. У конических чаш с вытянутым профилем верхние части бортиков загнуты внутрь. Ангобное покрытие в основном плотное,

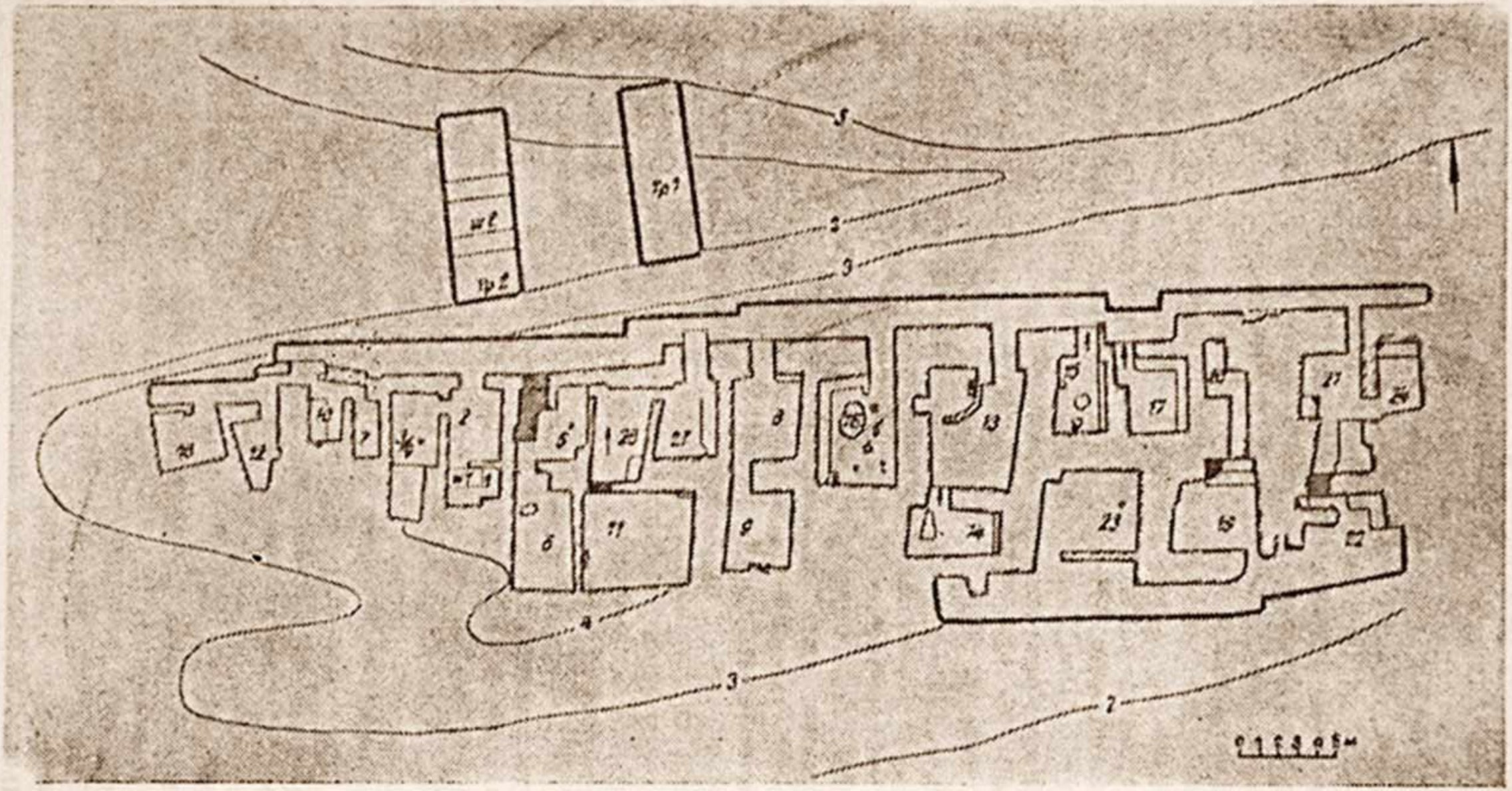

Рис. 1. План раскопа.

красного и темно-коричневого цветов. Аналогичные чаши обнаружены в раннесредневековых слоях раскопа 8 на Еркургане (3, рис. 42, *11—23*). Из крупных сосудов отмечены находки фрагментов больших широкогорлых хумов с валикообразными и заостренными венчиками диаметром от 36 до 40 см. Аналогичные формы М. Х. Исамиддинова относит к V—VI вв. н. э. (3, с. 112—113). Горшки имеют отогнутый наружу Г-образный венчик, встречаются экземпляры с уступами для крышки, с внешней стороны сосуды украшены волнистой линией. Аналогичные сосуды Еркургана датируются не ранее IV в. н. э. (3, с. 81, 99), в Бактрии аналогичные формы, но больших размеров, встречаются в слоях III — начала IV в. н. э. (10, табл. XVII, *15*).

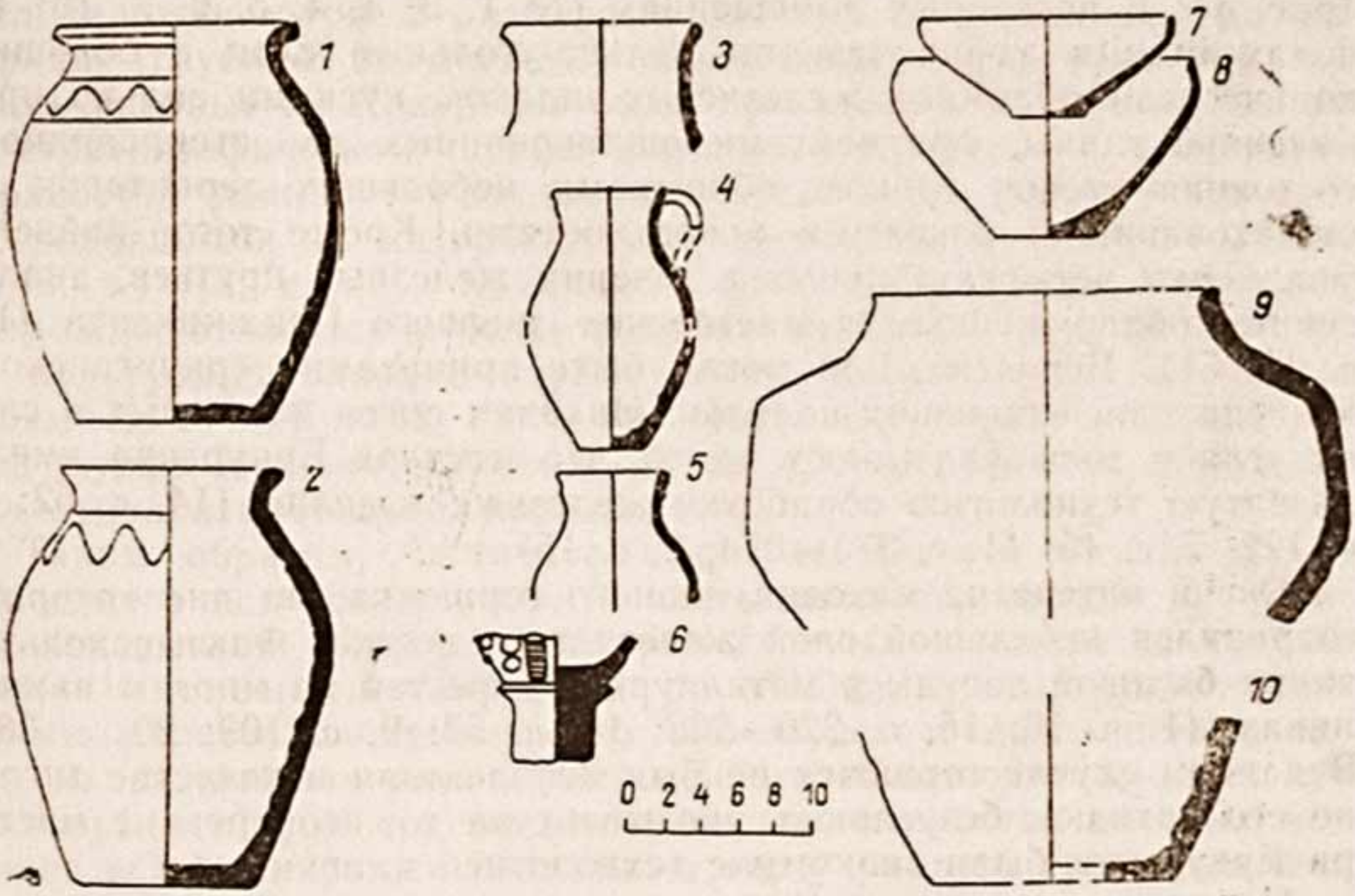

Рис. 2. Керамика.

В большом количестве в комплексе представлены миниатюрные кувшинчики с приземистым туловом и относительно узким горлом, переходящим к венчику, украшенному двумя слабовыраженными валиками, с прикрепленной к нему ручкой. Кувшинчики покрыты светло-серым ангобом. Данный тип характерен не только для Еркургана, но и для всего региона в V в. н. э. (3, с. 132). Лепная керамика представлена фрагментами котлов, жаровен, крышек, курильниц, очажных подставок. Котлы двух видов: с округлым туловом и с изломанным профилем, в тесте большое количество толченой керамики. Котел изготовлен из двух частей, в месте их соединения видна неровная вдавлен-

ность. Такие же котлы встречаются в раннесредневековых слоях Пенджикента (12, с. 91) и Еркургана (3, с. 101).

Рассмотренный керамический материал синхронен комплексам ряда объектов верхнего горизонта внутри городища (Ер-VII), датируется V—VI вв. Кроме керамического материала было обнаружено большое количество железных и бронзовых изделий, ткацких грузил различной конфигурации, ганчевых и керамических пряслиц, обломков каменных зернотерок и жерновов, каменные точильные бруски, предметы из кости, бусины, терракотовые фигурки, остеологический и нумизматический материал.

На вскрытой части раскопа была выявлена планировка семи отдельных хозяйств, включающих от двух до пяти помещений (рис. 1). В некоторых помещениях (№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10) на полах in situ зафиксированы зольно-угольные слои с большим количеством обломков железистых шлаков, кусками сильно прокаленной глины, фрагментами ошлакованных до стекловидного состояния стенок горнов, обломками небольших зернотерок с ошлакованными боковыми поверхностями. Кроме того, найдены фрагменты четырехугольных в сечении железных прутьев, аналогичные обнаруженным в мастерских древнего Пенджикента (14, с. 16, 51). Вероятно, они могли быть припасами еркургаиского кузнеца для небольших поделок. Находки рогов животных в слоях угля и золы указывают на то, что мастера Еркургана имели развитую технологию обработки железных изделий (14, с. 52; 8, с. 122; 7, с. 46; 11, с. 373—374; 2, с. 15).

Очень интересна находка лепного горшочка, на дне которого сохранился небольшой слой железистого шлака. Факт использования бытовой посуды в металлургии известен по многим памятникам (1, с. 16; 15, с. 220—222; 16, с. 57; 9, с. 109; 20, с. 38). В данном случае горшочек не был использован в качестве тигля, но его находка, безусловно, указывает на то, что древние мастера Еркургана были знакомы с технологией плавки железа.

Наряду с находками, характеризующими помещения как мастерские по обработке черного металла, в некоторых из них (пом. № 1, 5, 6, 15) были обнаружены небольшие бесформенные кусочки меди, шлаки с вкраплениями капелек меди, характерные для медиолитейного производства (14, с. 44—46).

Помимо находок, связанных с обработкой металла, в двух помещениях (№ 13 и 20) были обнаружены скопления глиняных ткацких грузил с отверстиями для подвешивания, причем в одном случае место скопления грузил было отделено от остальной части помещения стенкой. Аналогичные дисковидные грузила были обнаружены в средневековых слоях при обследовании сельской округи г. Карши (6, с. 70). В ходе работ обнаружены костяные изделия разных размеров и разной степени обработки. Наряду с готовыми, тщательно обработанными изделиями, встречались незаконченные и со следами начальной обработки.

Как показало вскрытие верхних слоев Р-16, здесь располагались

жилые и производственные помещения ремесленников-металлистов. При раскопочных работах было получено 89 медных монет, 49 монет обнаружено на полах помещений и поверхности улицы. Все монеты, за исключением единичных экземпляров, представляют собой известный тип нахшебских монет, датируемых С. К. Кабановым V—VI вв., что совпадает с датировкой по керамике (5, с. 143). Относительно большое количество монет указывает на оживленную торговлю здесь же, на месте изготовления продукции.

Одновременно велось исследование улицы, прилегающей с вернее открытого комплекса вдоль всего раскопа. Ложбина улицы шириной 7—9 м была прорезана поперек тремя стратиграфическими траншеями (тр. 1 и 2 в западной части раскопа, тр. 3 — в восточной части (на плане не указана)). В траншее 1 был заложен шурф 2 размерами 3,8×3,2 м, доведенный до материка (глубина от дневной современной поверхности 4,6 м). Здесь впервые на Еркургане были прослежены наслоения улицы. В стратиграфическом шурфе 2 удалось выявить 14 четких поверхностей улицы. Керамический материал из древнейших слоев, покоящихся на материке, синхронен слою Ер-III (V—III вв. до н. э.) (3, с. 30). Единичные фрагменты лепной керамики, возможно, относятся к более раннему времени. Выше лежит свита культурных слоев с керамическим материалом, синхронных слоям Ер-IV — Ер-VII (3, с. 42—101). При этом в стратиграфии шурфа начиная с уровня I в. до н. э. отмечаются следы металлообрабатывающего производства.

Таким образом, частичное вскрытие данного квартала, занимающего всю юго-восточную часть внешнего города Еркургана, показывает наличие здесь ремесленных комплексов, состоящих из помещений жилого и производственного назначения. Кроме железообрабатывающего производства, являющегося одним из важнейших видов ремесленного производства, здесь существовали и другие ремесла: ткачество, обработка цветных металлов и кости. Иными словами, в эпоху раннего средневековья, как это было отмечено и в древнем Пенджикенте, специализация ремесленников по обработке железа не исключала наличия и других видов ремесленного производства (14, с. 53). Хронологически обживание этой части городища, как свидетельствуют стратиграфические наблюдения, происходило, видимо, в период сложения города (с середины I тыс. до н. э.), зарождение металлообрабатывающего производства здесь относится к рубежу н. э., а вскрытые нами остатки производств — к V—VI вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскаров А. Сапаллитела. Ташкент, 1973.
2. Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. М., 1972.

3. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.
4. Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе// Тр. ИИА АН УзССР. Т. II. Ташкент, 1950.
5. Кабанов С. К. Нахшебские монеты V—VI вв.//ВДИ. 1961. № 1.
6. Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977.
7. Колчин Б. А. Опыт металлографического исследования древнерусских железных вещей//КСИИМК. Вып. 30. М.—Л., 1949.
8. Кореневский Э. Из истории инструмента//История техники. Вып. II. ОНТИ. 1934.
9. Крижевская Л. Я. Сосуд ананьинского времени для плавки металла//КСИИМК. Вып. 77. М., 1959.
10. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
11. Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.
12. Маршак Б. И. Керамика нижнего слоя Пенджикента//Известия отделения общ. наук АН ТаджССР. Вып. 14. 1957.
13. Нефедов Н. Ю. Жилая застройка Еркургана//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983.
14. Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
15. Сальников К. В. Следы древней металлургии меди в районе Свердловска//Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска. Свердловск, 1950.
16. Сальников К. В., Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954.
17. Сулейманов Р. Х., Туребеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана//ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.
18. Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю. Предварительные результаты раскопок дворца Еркургана//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
19. Туребеков М. Цитадель Еркургана//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
20. Фосс М. Е. Итоги Галичской экспедиции//КСИИМК. Вып. 26. М.—Л., 1949.

И. Д. ИВАНИЦКИЙ

ЖИЛОЙ ДОМ VIII в. В САМАРКАНДСКОМ СОГДЕ

В 1985 г. Булунгурским отрядом Института археологии АН УзССР проводились раскопки в местности Мингтепе на землях совхоза «Интернационал» Булунгурского района в 30 км к С—В от Самарканда. Городище Мингтепе состоит из более чем 50 отдельно стоящих холмов и не имеет общей оборонительной системы. Выбранный для исследования объект представлял собой круглый в плане холм диаметром 12 м и высотой 2 м. Вскрытое здание в плане имеет форму прямоугольника размерами 11×12 м с входом шириной 1,4 м с южной стороны (рис. 1). Стены сложены из пахсовых блоков высотой 1,15 м, шириной от 0,84 до 0,90 м. Вертикальные швы шириной 5 см. Сохранившаяся высота наружных стен от 0,7 до 0,95 м, фиксируемая ширина 1,5 м. Лучшей сохранности оказалась общая стена между помещениями, ее высота 1,8 м, толщина 1,7 м. У ос-

нования стена расширяется, что придает ей в сечении вид трапеции.

Помещение 1 — прямоугольной в плане формы, размерами 8,9×3,2 м. В южной стене вырезана прямоугольная ниша шириной 0,6 м, глубиной 0,4 м при высоте 1,15 м. В западной стене близ юго-западного угла сооружена еще одна ниша шириной 0,5 м, глубиной 0,3 м при сохранившейся высоте 0,8 м. В север-

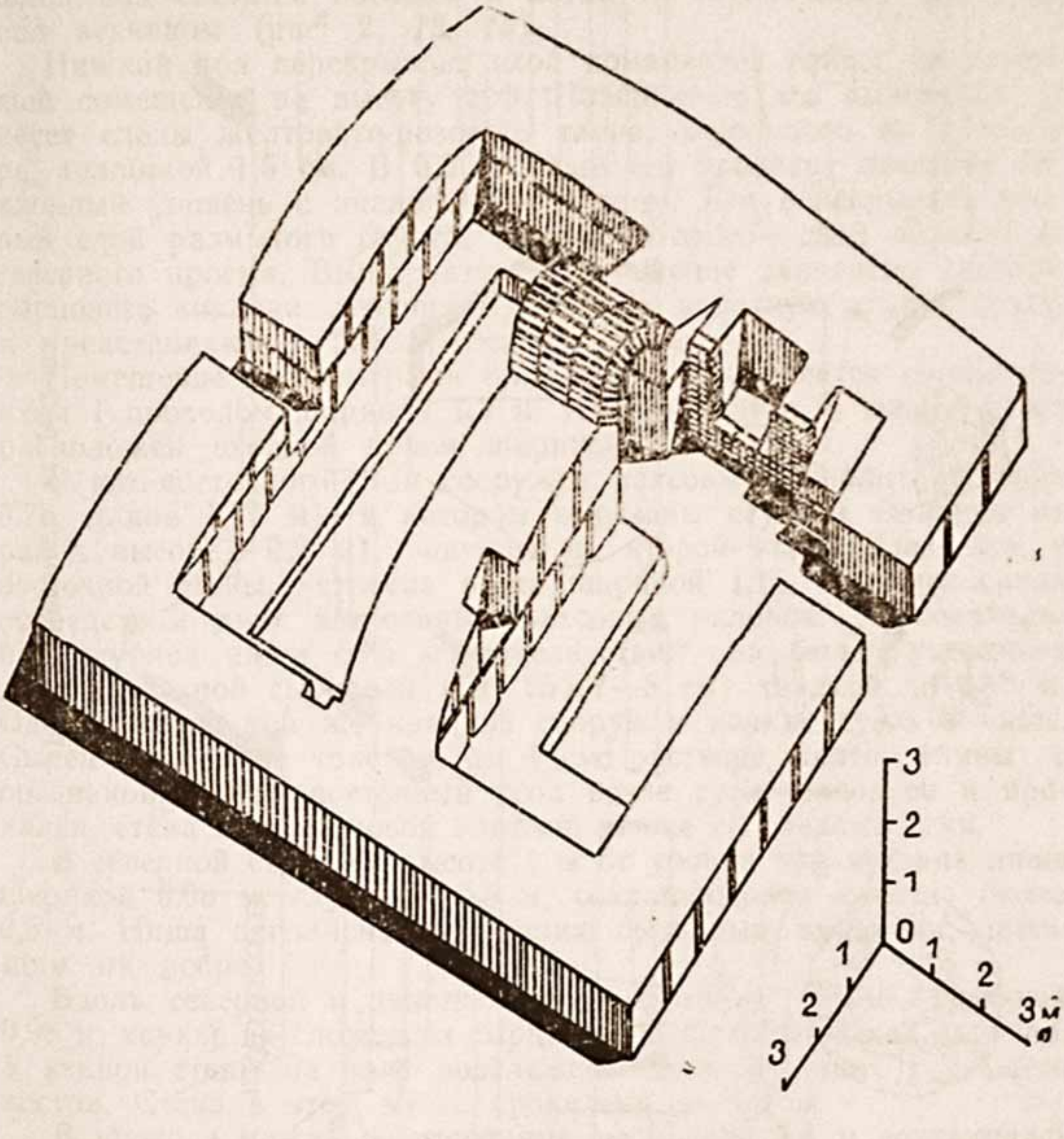

Рис. 1. Жилой дом в Мингтепе. Аксонометрия архитектора С. Фонарева.

ной стене имеется сквозной проем шириной 1 м. Его порог возвышается над суфами на 0,3 м.

По периметру помещения проходят суфы высотой 0,15—0,20 м, шириной 0,7—0,9 м.

Сырцовый кирпич, образующий каркас суф и их частичное покрытие, прямоугольного формата (47×26×6 см). Кладка вы-

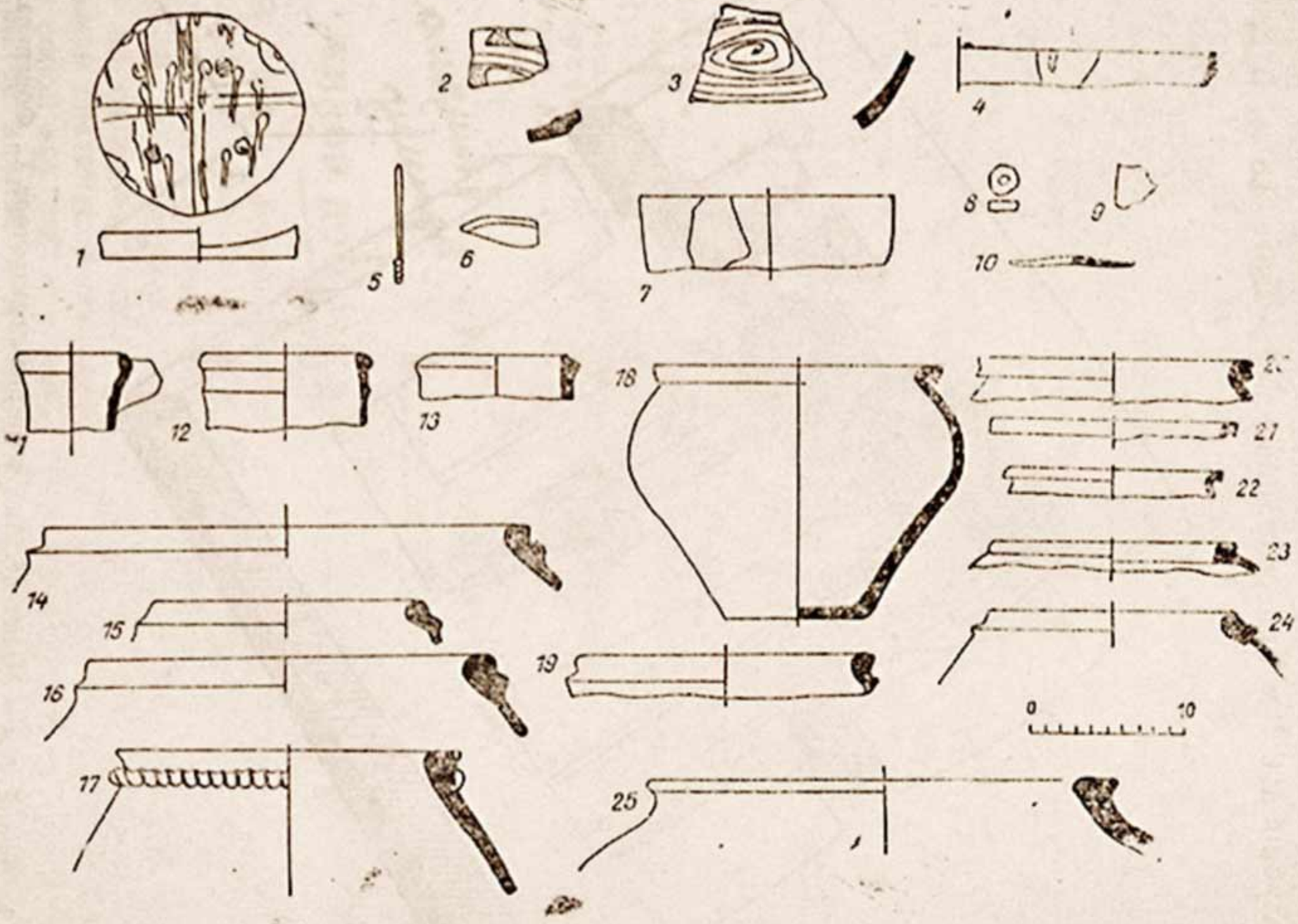

Рис. 2. Керамика из раскопа.

полнена небрежно. На суфе частично сохранилась обмазка с большим количеством самана. В помещении прослежено два уровня пола: нижний — с неровной поверхностью, выбоинами, на нем прослойка желтовато-розового органического тлена. В полу возле южной суфы, перед нишей, расположено очажное углубление неправильной формы. Стенка суфы прокалена. Зола очага преимущественно тонкая, с отдельными древесными угольками. В золе очага найдены фрагменты горловины кувшина под светлым ангобом и котла со ступенчатым выступом под венчиком (рис. 2, *12, 15*).

Нижний пол перекрывает слой комковатой глины, заполнившей помещение на высоту суф. Поверхность его выровнена и несет следы желтовато-розового тлена, мучнистого по структуре, толщиной 1,5 см. В 0,3 м выше его проходит нечеткий наклонный уровень с аналогичным тленом. Его перекрывает рыхлый слой размытого грунта, поверх которого — слой натеков из северного проема. Выше натеков помещение заполнено завалом сырцового кирпича, лежащего на ребре, вплотную друг к другу, и представляющего собой развал свода.

Помещение 2, размерами 8,7×3,25 м, соединяется с помещением 1 проходом шириной 1,3 м. Напротив него, в южной стене расположен входной проем шириной 1,4 м.

У юго-восточного угла сооружен пахсовый монолит (ширина 0,75, длина 1,75 м), в котором вырезаны ступени (ширина их равна высоте — 0,2 м), ведущие на второй этаж. Здесь же, у восточной стены, устроена ниша шириной 1,15 м, сооруженная посредством двух встроенных пахсовых пилонов. Первоначальная глубина ниши 0,85 м, впоследствии она была увеличена дополнительной сырцовой (50×25×7—8 см) кладкой до 1,15 м. Одновременно той же кладкой сооружен каркас суфы в нише. Сырец сложен на толстом, до 4 см, растворе желтой глины с органикой. Северо-восточный угол возле суфы закопчен и прокален, стена под сырцовой кладкой также со следами огня.

В северной стене на высоте 1 м от уровня суф врезана ниша шириной 0,98 м, глубиной 0,5 м, сохранившаяся высота около 0,5 м. Ниша заполнена рухнувшим сырцовым кирпичом, лежащим на ребре.

Вдоль северной и западной стен проходят суфы шириной 0,98 м, каркас их сложен из сырца (47×25×6 см) в два кирпича. У южной стены на полу прослежено пятно от долго горевшего костра. Стена в этом месте прокалена до 0,1 м.

В проходе между помещениями на высоте 1,8 м сохранилась наклонная пята в пахсовой стене западной щеки. На полу прослежено пять сменяющих друг друга обмазок зеленовато-голубой глины с остатками на каждой истлевшей органики розоватого цвета.

Заполнение помещения состояло из слоя завала сырцового кирпича (47×25×6 см, 34×25×5 см) толщиной 1,5 м. Сырец нахо-

дится преимущественно на ребре, наклонно налегая друг на друга. Между кирпичами сохранился постельный шов желтой глины с саманом.

В 0,6—0,7 м от пола прослежены скопления обожженного грунта, прокаленных сырцовых поверхностей, прослойки пепла, большое количество фрагментов закопченных котлов и крупных сосудов типа хумов и хумчей. Все это могло попасть сюда, несомненно, с полов второго этажа. В завале сырца, заполнившем проход между помещениями, обнаружен горшковидный сосуд, внутри которого лежало донце глазурованной чаши. В средней части завала найден «черный дирхем» начала IX в.

Керамический материал представлен в основном кухонной посудой. Это сосуды с приостренным ступенчатым выступом под прямоугольным венчиком (рис. 2, *14, 16*). Иногда выступ скруглен, приближаясь очертаниями к уплощенному валику (рис. 2, *24*). Есть и другие разновидности близких по очертаниям венчиков (рис. 2, *15, 18*). Черепок светло-коричневый, отощителем служит дробленый сланец, иногда встречаются зерна гипса, реже — мелкая галечка. Обжиг равномерный. Некоторые сосуды покрывались светлым ангобом (рис. 2, *14, 16*). Эти сосуды являлись котлами, хотя они не всегда имеют следы копоти.

Другая разновидность котла — с отогнутым венчиком и горизонтальной верхней площадкой — представлена в раскопе одним экземпляром. Под венчиком он орнаментирован накладной полосой с пальцевыми вмятинами (рис. 2, *17*). В тесте очень большое количество зернистого кварца, поверхность бугристая. Черепок коричневый. Диаметр 21 см. Снаружи закопчен.

Котлы, согласно диаметрам венчиков, были трех видов: большие — диаметр 26—30 см, средние — 19—21 см и малые — 16—17 см. Судя по наклону стенок, некоторые котлы имели форму тулова, приближающуюся к конической. Аналогичные по форме венчиков котлы известны на Афрасиабе, в частности из раскопа С. К. Кабанова в северо-западной части соборной мечети. Материал датирован VIII в. (1).

Тем же временем могут быть датированы горловины хозяйственных кувшинов, покрытых светлым ангобом, кувшины с разнообразными в сечении венчиками, профилированными наружу (рис. 2, *11, 12, 13*). В средней части горловины некоторых кувшинов перехвачены приостренным валиком (рис. 2, *12*). Сохранившаяся ручка одного кувшина — пластинчатая, на внешней поверхности — ложбины и валики.

В завале помещения 1 найден венчик, оттянутый наружу, с широкой верхней площадкой (рис. 2, *25*), видимо, от хумчи. Глина плотная, с незначительным добавлением дробленой гальки. Черепок светло-коричневый. Ангоб отсутствует. В области плечика — следы срезов скругленной формы.

Здесь же встречен венчик котла, в сечении подквадратный, внутри полочка для крышки. Под венчиком сквозное круглое

отверстие (рис. 2, *23*). Подобные венчики известны в материалах Пенджикента и Афрасиаба VIII в.

Горшки — все без исключения — найдены в завале второго этажа. Судя по единственной целой форме, они имели раздутое в верхней части тулово, сужающееся к плоскому дну (рис. 2, *19, 20, 21, 22, 23*). Венчики представляют варианты одного типа — отогнутого наружу, треугольного в сечении, с остроколенчатым перегибом. Диаметры венчиков 14, 16 и 18 см. Эта форма сосудов известна на Афрасиабе в IX—XII вв. (10, табл. XXV, *6*).

Очень малочисленную группу составляют фрагменты глазурованных сосудов. Один из них найден под дерновым слоем на вершине холма. Представляет собой фрагмент чаши полусферической формы под бледно-зеленой глазурью плохого качества, без ангоба. Орнамент — в виде спиралей, процарапанных по черепку. Глазурь снаружи проходит узкой полосой под несохранившимся венчиком. Судя по качеству глазури, чашу, видимо, следует отнести к позднесредневековому периоду (рис. 2, *3*).

Фрагмент плоского блюда с горизонтальным бортом (рис. 2, *2*) обнаружен в размытом завале с наружной стороны у северного прохода. Диаметр блюда 20 см. Черепок плотный, розоватого тона, сплошное покрытие белым ангобом и прозрачной глазурью обеих сторон сосуда. Рисунок в виде рамок, заполненных коричневыми крапинами, выполнен красной краской. По технологическим и стилистическим особенностям может быть датирован X в.

Как уже отмечалось, в завале второго этажа, между 1 и 2 помещениями в проходе найдена донная часть чаши, использовавшаяся в качестве крышки. Орнаментация чаши трехцветная (зеленый, коричневый, желтый), пятнистая с растеками по белому ангобу и процарапанному по ангобу растительному орнаменту (рис. 2, *1*). Диаметр плоского дисковидного поддона 12 см, желтая прозрачная глазурь покрывает сосуд изнутри и частично поддон снаружи. Тип росписи известен в материалах Афрасиаба второй половины X в.

При раскопках обнаружено небольшое количество металлических предметов. В помещении 1 в рыхлом грунте под полом найден обломок бронзового (?) стиля (?). Один конец имеет легкое утолщение, другой обломан. Возле облома — утолщение с тремя горизонтальными вырезами (рис. 2, *5*). В помещении 2 в завале второго этажа собраны фрагменты бронзовой чаши с вертикальными стенками. Высота сохранившейся части 4,5 см, диаметр устья 16 см. Здесь же найден обломок бронзовой пластины (2,5×2,5 см), а также фрагмент дисковидного вогнутого предмета диаметром 8 см. По краю вогнутой части прочерчена полоса (рис. 2, *6, 9*).

Из стеклянных предметов в завале второго помещения найден обломок донной части банкообразного сосуда. Находки

подобных фрагментов в большом количестве известны среди материалов развитого средневековья.

Датировка керамики из раскопа не опускается ниже датировки материалов верхнего Пенджикента. Вероятно, к этому времени следует отнести сооружение здания, обживание которого продолжалось до X в. включительно. Не исключено, что в этот период обживался лишь второй этаж, в завалах которого обнаружено наибольшее количество глазурованной посуды.

Раскопанный в Мингтепе дом представлял собой двухэтажное здание, о чем свидетельствует наличие ступеней, ведущих наверх. О существовании второго этажа говорят и значительная толщина стен, а также, видимо, расширение несущих конструкций к основанию, что придавало им большую устойчивость.

Зола, прокаленный грунт и обмазки в средней части завала, насыщенные хозяйственными сосудами, не только подтверждают наличие второго этажа, но и свидетельствуют о его функциональном назначении — кухня. Сохранившиеся части строений, а также структура завала позволяют судить о некоторых конструктивных особенностях. Судя по положению кирпича в завале, помещения имели сводчатые перекрытия, выложенные наклонными отрезками. Наклонная пята, сохранившаяся в проходе между помещениями, может предполагать наличие полуциркульной арки, что вообще встречается в небольших проемах. Аналогичная наклонная пята известна в Аултепе, где арка выложена параллельными рядами кирпича, в верхней части она замыкается переплетающимися рядами наклонно положенного кирпича (9, с. 236, рис. 82, *1*). Арки подобных конструкций могли быть и над нишами в помещении 2. Возведение сводчатых перекрытий применялось в городских жилых домах, замках сельских феодалов и требовало специализации мастеров (9, с. 253).

Ниша 1 во втором помещении устроена на высоте 1 м от пола, оформлена арочным перекрытием, размещение ее в парадном помещении должно было отразиться и на ее функциональном назначении. Вторая ниша в парадном помещении очень своеобразна. Образована она встроенными пилонами. Этот прием известен в одном из парадных залов Варахшинского дворца и в Тешиккале (9, с. 124). Эту деталь внутренней планировки — глубокую нишу с суфой внутри под арочным перекрытием— Е. Е. Неразик считает своеобразной конструктивной чертой раннесредневековой архитектуры Хорезма (7, с. 178). Аналогичные ниши известны в усадьбе «а» в районе Аязкалы и в замке 32, которые по нумизматическим находкам датируются концом VII—началом VIII в.

В планировочном отношении дом в Мингтепе не имеет прямых аналогий. В частично раскопанном замке 32 Беркуткалинского оазиса были выявлены двухкомнатные секции, где одно из помещений снабжено глубокой нишей. По общему плану эти секции близки мингтепинскому дому, но являются лишь составной частью замковой застройки (6, с. 23, рис. 7).

Раскопанные близ Пенджикента сельские усадьбы сочетали хозяйственно-бытовые помещения и мастерские, отражавшие производственную деятельность владельца дома. При всем разнообразии их планировки ни одно из них не дает аналогий для мингтепинского дома. Некоторая общность прослеживается в наличии второго этажа и ориентации наружного входа на юг (4, с. 75).

Расположение кухни на втором этаже дома в Мингтепе сближает его с некоторыми зданиями Пенджикента, где вторые этажи предназначались для кухонь, складов (3, с. 120) и пекарен (4, с. 200).

Для пригорода Пенджикента характерно отсутствие в домах парадных комнат. То же можно сказать и о жилище горожан среднего достатка. По наблюдениям исследователей, «...в жилых постройках рядовых... общинников отсутствуют парадные залы...» (7, с. 179). В жилом доме Мингтепе наличие парадного помещения очевидно, и в то же время отсутствуют следы какой-либо производственной деятельности. Это, вероятно, указывает на определенное социальное положение владельца дома. Неизвестно, насколько архитектура дома может быть характерной для данного поселения в целом, но она отвечает представлению о доме зажиточных слоев раннесредневекового общества. Малые размеры дома, вероятно, отражают форму семейного уклада, на что может указывать и небольшое количество очагов. В Беркуткалинском оазисе VII—VIII вв. происходит укрупнение семьи. Прежде всего укрупняются размеры жилищ, возникают замки, где обитают несколько больших семей, объединенных в крупную агнотическую группу. В нашем случае размеры и планировка дома должны предполагать наличие хозяйственно-самостоятельной малой парной семьи. Аналогичные выводы сделаны и для Пенджикента (2, с. 47).

Увеличение количества парных семей отмечается для Южного Согда в V—VI вв. (Аултепе) (6, с. 122).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабанов С. К. Отчет о раскопках в северо-западной части руин соборной мечети IX—XIII вв. на городище Афрасиаб. Архив Института археологии АН УзССР.
2. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
3. Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.)//МИА. М.—Л., 1958. № 66.
4. Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента //МИА. М.—Л., 1958. № 66.
5. Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента//МИА. М.—Л., 1958. № 66.
6. Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда (III—VI вв.). Ташкент, 1983.
7. Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.

8. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.)//ТХАЭЭ. Т. X. М., 1976.
9. Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.
10. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

Э. Ю. БУРЯКОВА, Т. И. ЛЕБЕДЕВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМКИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЫ САМАРКАНДА

Юго-западная часть Самарканда еще недавно представляла собой обработанные колхозные поля между кишлаками Ходжа Саат и арабским кишлаком с цепочкой холмов. В последние годы в связи с интенсивным освоением пригородных земель под новый строительный массив стали разрушаться оставшиеся тепе. Десять лет назад был разрушен холм Нагоратепе, пять лет спустя — большая часть Саратепе и частично Заргартепе. Они располагались вдоль мощной пахсовой стены, некогда проходившей в юго-западной части средневекового города, носившей название Ватерасп (насыпь для лошадей) и выходившей внешней стороной к глубокому саю, впадавшему в Даргом.

Сохранившийся частично холм **Саратепе** представляет собой квадратный в плане (50×50 м) феодальный замок (рис. 1, *а*), расположившийся на естественном всхолмлении больших размеров. К началу археологических работ он был наполовину снесен. В оставшейся части в результате работ было выявлено, что памятник претерпел, по крайней мере, два больших строительных периода. Над нижними помещениями, сложенными из пахсы и сырцового кирпича (42, 47—48×28, 30—31×8—10 см), на естественной платформе возведена более поздняя постройка. Помещения первого строительного периода сохранились частично и после засыпки и забутовки сырцовым кирпичом использовались как платформа под двухэтажный замок, сдвинутый на 20—30 см по сравнению со стенами первого периода. Стены здания возведены из пахсовых блоков длиной 1—1,5 м и высотой 70 см; после выемки забутовок и засыпок была выявлена их гребенчатая планировка (3, с. 70).

По предварительным данным, замок обживался в VIII—XII вв. н. э.

В архитектурном плане памятник представляет собой ряд параллельных помещений, расположенных по левую и правую стороны от центральной оси (рис. 1, *б*).

Центральное помещение № 2, ориентированное по оси С—Ю, представляет собой коридор (1,4×8 м) с метровыми проемами, ведущими в помещения с западной и восточной сторон. Помещения первого этажа носили, скорее всего, подсобно-хозяйственное значение. Это наблюдается и во многих других памятниках-замках лучшей сохранности, где нижний этаж — с амбарами для

хранения пищевых продуктов, кухнями с небольшими очагами, кладовками под пандусовыми подъемами — имеет хозяйственное назначение. С западной стороны помещение № 1 имело прямоугольную планировку. Сохранившаяся часть его (3×3 м) — отрезки западной и юго-западной стен, вход; стены оштукатурены. В проходе в эту комнату обнаружено две монеты: одна (1×1 см) очень плохой сохранности, другая с квадратным отверстием, возможно, Вархумана (657—675 гг.). Здесь же встречены фрагменты керамики X в.

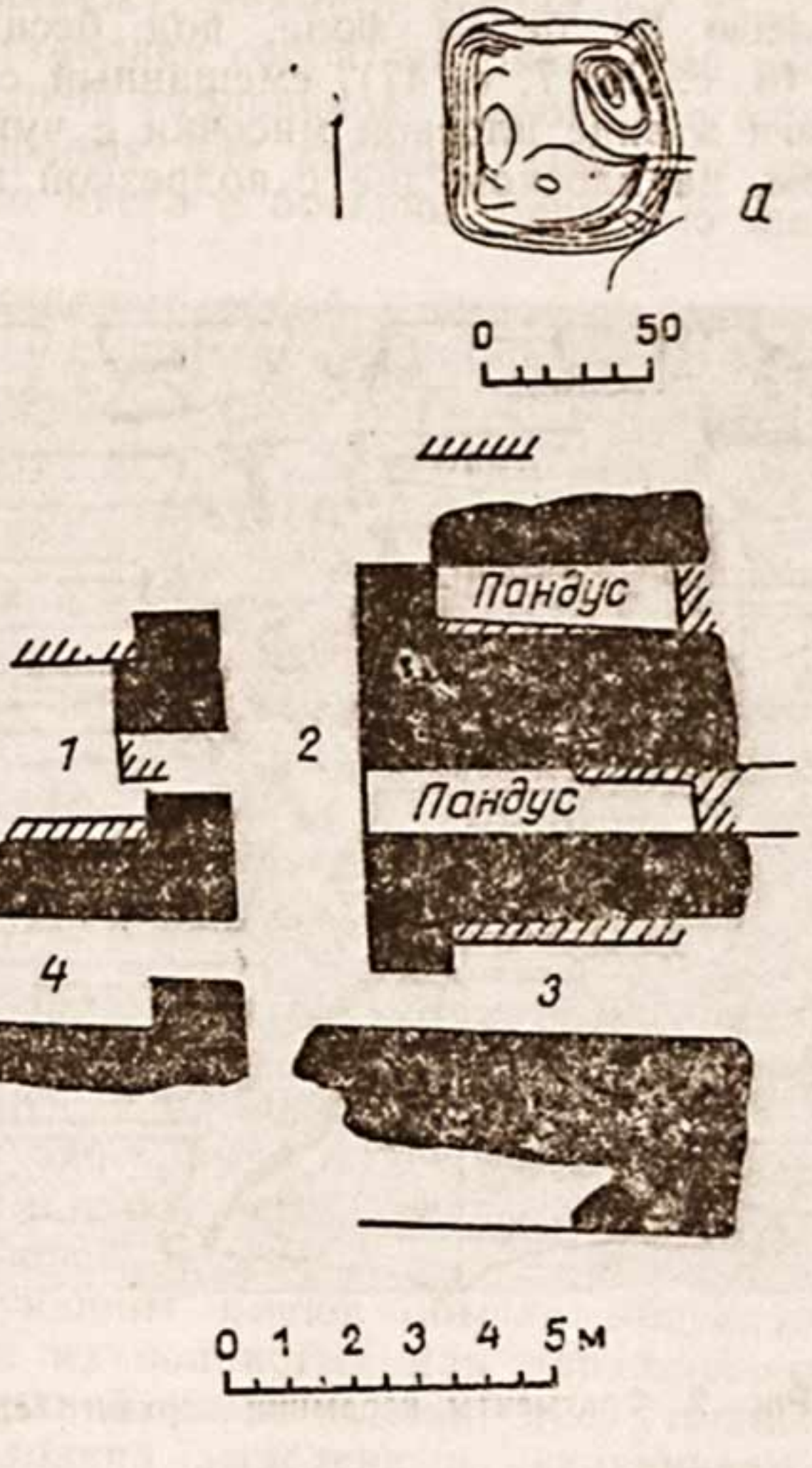

Рис. 1. Саратепе:

а — план холма; *б* — план помещений.

С юга примыкает помещение № 4, также с выходом в помещение № 2 (1,6×4 м). В комнатах № 2 и 3 вскрыто три уровня пола. В помещении № 2 на самом нижнем уровне — следы остатков циновки, в двух верхних — очажные остатки.

В восточную сторону отходят три помещения, два из которых

(4—5×0,9 м) использовались под пандус и выхода в комнату № 2 не имели.

Помещение № 3 (3×4 м) с выходом в комнату № 2 имело хозяйственное назначение. В северо-западном углу и в южной части его были обнаружены остатки очагов и масса фрагментов кухонной и столовой посуды VIII—IX вв. Это набор различных по форме и объему горшочков, хумов, котлов, тазиков, жаровен, тонкостенные изящные кувшины и кружечки.

Керамика верхнего слоя представляет собой материал X в. (тонкостенные мисочки и тарелки с чуть утолщенной закраиной, загибающейся внутрь, украшенные темно-коричневой и болотно-зеленой росписью на белом фоне, под бесцветной глазурью) (рис. 2,*1—9*) (6, с. 26; 7, с. 47), смешанный с керамикой VII—VIII вв. (чираги в виде плоской мисочки с чуть оттянутым прижатым носиком, на плоском дне с подрезкой нитью) (7, с. 38).

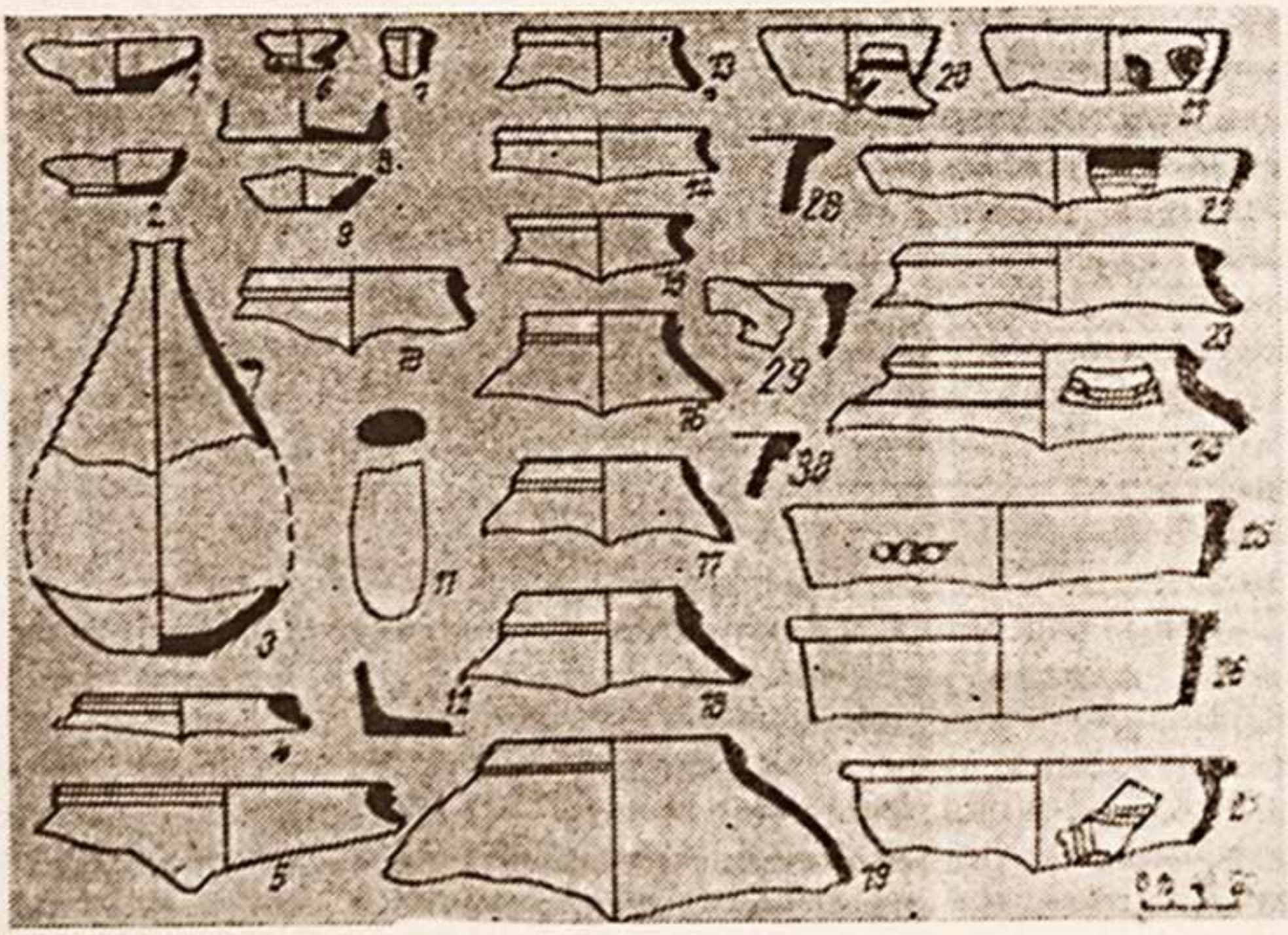

Рис. 2. Фрагменты керамики верхнего слоя.

Вся посуда, кроме жаровен и нескольких горшочков, изготовлена на гончарном круге. Это керамика ремесленная, сделанная из хорошо отмученной, промешанной светло-желтой глины, снаружи покрыта светлым ангобом, несколько предметов — мазками красного и котел — темным ангобом.

Для тонкостенной посуды глина использовалась без примеси, для более грубой в качестве примеси употреблялся мелкотолченый камень, гипс и мелкий песок.

Посуда, изготовленная на гончарном круге, четко делится по назначению на две большие группы:

хозяйственного назначения — для хранения продуктов, переноски жидкостей и приготовления пищи на огне;

столовую посуду.

Посуда хозяйственного назначения. Хумы представлены фрагментами венчиков толстостенных массивных открытых сосудов яйцевидной формы на плоском дне. В одном случае (рис. 2, 4) стенки сосуда в верхней части утолщаются, образуя валикообразную невысокую горловину — 28 см. Венчик второго хума резко отогнут наружу, диаметр его 42 см (рис. 2, *5*). Третий вид хума представляет собой широкогорлый сосуд яйцевидной формы с невысокой горловиной, имеющей с внутренней стороны ступенчатую форму для крышки. Покрыты светлым ангобом, тесто кремового цвета с большой примесью шамота, обжиг равномерный.

Тагора представляют собой открытые, конической формы глубокие тазики, где стенки в верхней части чуть уплотняются в горизонтальные закраины (рис. 2, *25—30*). Диаметр устья 26—36 см. Тесто хорошего вымеса, кремового цвета с вкраплением ганча. Один сосуд — из теста серой глины с пояском налепов-ручек (рис. 2, *25*). Два фрагмента тазиков-чаш или глубоких чаш — полусферической формы, с загибающимся внутрь устьем и горизонтально поставленной закраиной, служащей в качестве упора при переноске, причем закраина украшена глубокой резьбой в виде поперечных и горизонтальных полос (рис. 2, *27*). Снаружи покрыты красным ангобом со следами сажи и копоти. У другого тазика такой же формы сохранились остатки мощной петлеобразной ручки, прикрепленной к туловищу под закраиной (рис. 2, *29*).

Тагора первого порядка встречаются с материалами VIII—X вв. Афрасиаба и аналогичны пайкендским из замка Бад-Асия, датируемым X в. (8, с. 98—99).

Широкогорлые и узкогорлые кувшины представлены двумя видами: со сливом и без него. Сосуды со сливами относятся скорее всего к столовой посуде.

Широкогорлые кувшины имеют обычно яйцевидную форму и украшены поясами из волнистых или параллельных прямых, процарапанных в верхней части тулова, дно утолщенное, плоское, устойчивое, горловина выделена и заканчивается подтреугольной закраиной, расширяющейся к устью. В некоторых случаях от закраины на плечико тулова опускается широкая плоская ручка. Есть кувшины, где закраина горловины выделена гофрированным уступом, а внутрь опускается ситечком; использовались, вероятно, как лейки.

Горшки и банкообразные сосуды — широкогорлые, тщательно формованные, из хорошего теста. Тулово горшков — округлой формы, с невысокой уплотненной горловиной,

выделенной с наружной стороны нешироким пояском (рис. 2, *10, 13—18*). Встречены фрагменты банкообразного сосуда с вертикальными стенками и закраиной, выделенной подтреугольным утолщением. Придонная часть плавно переходит в прямое дно (рис. 2, *12*).

Некоторые горшкообразные сосуды имеют сильно отогнутый венчик с резким выступом с внутренней стороны, предназначенным для крышки. Такие сосуды встречены в верхнем слое керамики Пенджикента (10, с. 242, рис. 8): хумы с полочками для крышек и отверстиями под венчиком, датируются VII—VIII вв. Предназначалась эта посуда, очевидно, для хранения продуктов, которым необходим ограниченный доступ воздуха.

Котлы имеют шаровидное тулово с округлым дном, чуть завышенный профилированный подтреугольный или подквадратный венчик. В верхней части тулова прикреплены ушкообразные ручки. В тесте много примесей: мелкотолченой керамики, крупнозернистого песка; стенки тонкие. Изготовлены на гончарном круге.

К кухонной посуде можно отнести и вылепленные вручную жаровни с невысокими (2—4 см) стенками. Тесто их с большой примесью крупнозернистого песка и толченой керамики.

Столовая посуда. Узкогорлый кувшин имеет изящную грушевидную форму, округлое в нижней части тулово плавно переходит в устойчивое плоское дно. В верхней части тулова сохранился остаток ручки, которая соединяла его с узкой горловиной. Горловина с противоположной стороны от ручки скорее всего заканчивалась раструбом-сливом — форма; удобная для разлива жидкости (рис. 2, 3). Такие сосуды встречены в верхнем слое Пенджикента (10, с. 272, рис. 8), но более схожи они с культтепинскими (12, с. 110, рис. 2) и мервскими VII—VIII вв. (рис. 17, *23*). В афрасиабских материалах такие кувшины встречены с материалами VIII — начала X в. (14, с. 79).

Небольшие чаши с полусферическим корпусом на дисковидном поддоне украшает рисунок, расположенный на внутренней поверхности — белый и темно-коричневый, красный, под бесцветной глазурью. С внешней стороны оформлены темной неровной полоской по закраине или большими косыми мазками по красному ангобу под бесцветной глазурью (рис. 2, *20—21*). Иногда рисунок сопровождается расплывающимися зеленоватыми пятнами, что характерно для первой половины X в., как отмечает Л. Г. Брусенко, характеризуя керамику Чача IX—XII вв. (7, с. 47). Для второй половины IX — первой половины X в. характерным является преобладание двухцветной росписи красным и черным красителем по белому ангобу, иногда в сочетании с небрежно разбросанными по всему полю чаш расплывчатыми пятнами. Глазурованную керамику до начала XI в. характеризует сплошное покрытие сосуда глазурью до поддона, а иногда и нижней его плоскости (6, с. 26). В рассматриваемом комплексе наряду с фрагментами чаш, покрытых с внутренней и внешней сторон

до дна, встречаются фрагменты глубоких сферических чаш, покрытых с наружной стороны частично бесцветной глазурью или просто ангобом до дна, что обусловливается, вероятно, периферийным положением памятника или возможностью более позднего существования.

Кружки сделаны из хорошо отмученной глины, черепок тонкий, ровно обожженный, формовка сосудов очень аккуратная и тщательная. Размеры: высота 10—14 см, диаметр венчика 11—14 см, дна 5—6 см. Снаружи и внутри покрыты тонким слоем светлого ангоба.

Кружечка состоит как бы из двух частей: верхней — цилиндрической, меньшего размера, представляющей шейку, и нижней — округлой, большего диаметра. Верхняя часть соединяется с нижней небольшим валиком, который проходит вокруг всей кружки, дно из-за неровной подрезки не всегда устойчивое. Ручки, соединяющие шейку с туловом, в сечении овальной формы. И. Б. Бентович (9, с. 138; 11, с. 30) датирует их VII—VIII вв.

Особым изяществом и парадностью отличается кружечка, украшенная блестками слюды и четырьмя вдавленными медальонами в виде плодов граната. Аналогичное украшение слюдой — имитация металла — на кафыркалинской посуде (15, с. 213; 16, с 93). Кружечки с кольцевыми ручками были широко распространены в VII в. в керамике Пенджикента (9, с. 138), Кафыркалы (15, с. 213); Тали-Барзу (16, с. 93).

По предварительным данным, жизнь на памятнике характеризуется материалами VIII—XI вв.

Заргартепа — холм высотой 10—11 м, площадью 65×60 м, располагающийся в 500 м западнее памятника Саратепе, в 200 м от кишлака Ходжа Саат, — представляет собой также остатки феодального замка.

Замок построен на пятиметровой пахсовой многослойной платформе, возведенной на трехметровой лессовой возвышенности. Вход в замок с северной стороны, южная часть сильно разрушена.

Первый слой платформы, с большим количеством трещин, высотой 1 м, имеет вид сплошного монолита, положенного на тонкую пахсовую площадку толщиной 7—14 см (рис. 3). Второй слой, высотой 1 м, с южной стороны имеет ряд пахсовых «колонн», слегка расширяющихся книзу. Верхний диаметр их 1,10—1,25 м, нижний на 10 см больше. Пространство между «колоннами» забито пахсой так, что между ними и пахсой оставались щели в 1—2 см, незаполненные раствором. С восточной стороны этот слой платформы имеет в плане несколько иной вид. Во-первых, вскрыто несколько «колонн» гораздо меньшего диаметра (0,5—0,8—0,85 м), во-вторых, «колонны» идут не по всей длине платформы — на северном конце они сменяются блоками пахсы шириной 1 м. Третий, четвертый и пятый слой платформы построены аналогичным методом: с пахсовыми блоками на северной, полностью сохранившейся части платфор-

мы замка и «колоннами» в центре. Отличие слоев платформы заключается в распределении «колонн» по площади каждого слоя.

Предварительный анализ методов постройки стилобатов в Хорезме, Тохаристане, Согде не дал аналогичного рассматриваемо-

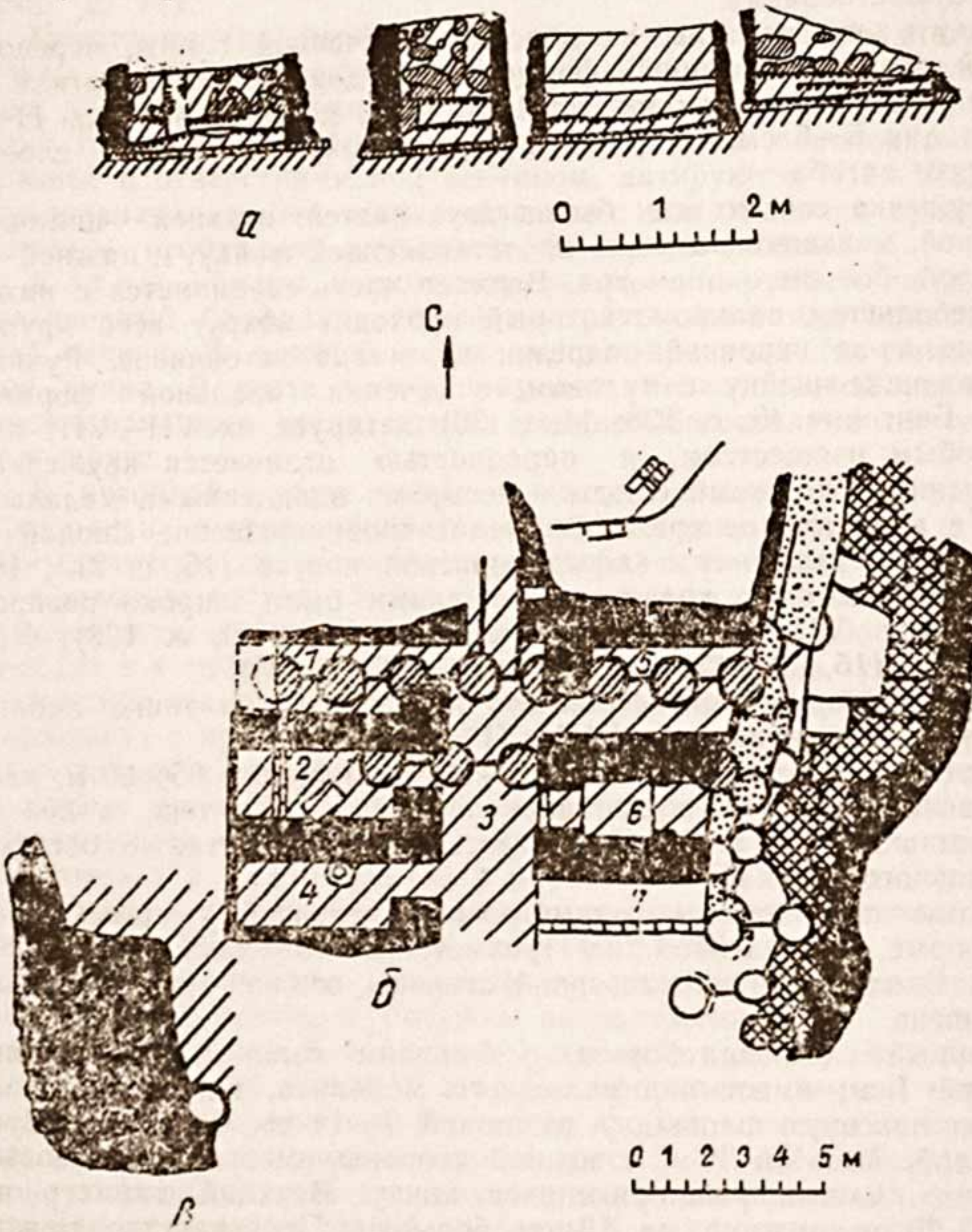

Рис. 3. Памятник Заргартепе, II период:

а — разрез помещений; *б* — план помещений; *в* — монолит пахсовой платформы.

му, хотя ему присущи общие закономерности построения стилобатов: послойность, использование пластичного строительного материала, — основной направленностью которых в Средней Азии является создание сейсмостойкости здания замка на платформе.

Высокие стилобаты для феодальных замков выкладывали из послойной пахсы в Хорезме, Ташкентском оазисе, Северном

Тохаристане (17, с. 216), Согде (8, с. 100). В Хорезме в платформах раскладка рядов пахсы в смежных слоях велась во взаимно перпендикулярных направлениях, причем каждый ряд пахсы выстраивался из отдельных блоков. В Ташкентской области наблюдается надрезка в стилобатах (18, с. 195) на квадраты. В Северном Тохаристане на блоки разбивались только внешние ряды пахсы (19, с. 114). Другой метод строительства заключался в том, что по периметру стилобат оконтуривался стенами, а внутри пространство делилось на секции, которые в зависимости от наличия местного строительного материала закладывались крупными кусками глины, чередующимися рядами сырцового кирпича и песка, камня и галечника на глиняном растворе (21, с. 20). В Согде часто делали засыпки рыхлой землей. Третий тип платформ — постройка их на основе более ранних построек, помещения которых забутовывались, как второй тип стилобатов, что их очень сближает по характеру (22, с. 143; 23, с. 126; 24, с. 106). Стилобат замка Заргартепа близок первому типу стилобатов, выполненных из пахсы, но отличается наличием пахсовых «колонн» и «полуколонн» и представляет собой, на наш взгляд, оригинальное, не имеющее пока аналогов в Средней Азии антисейсмическое устройство. Антисейсмическая прокладка имелась также между платформой и пахсовыми стенами замка. Это ряд сырцового кирпича (46×28×10 см), уложенного без раствора, что предохраняло здание от горизонтальных толчков при землетрясении (25, с. 24).

Здание замка сохранилось на высоту 1,4 м над платформой. В процессе раскопок вскрыты пять помещений и два пандусных коридора, наличие которых предполагает двухъярусный характер здания замка (рис. 3, *б*). Первый этаж здания имеет гребенчатую планировку, стены выстроены из пахсовых блоков (0,9—1—1,2—1,4—1,6×0,9—1 м). Ширина вертикальных швов 1—3 см, горизонтальные прослеживаются тонкой полосой. Коридорообразные помещения расположены по обе стороны центрального осевого помещения № 3, выстроенного по линии С—Ю и имеющего вход с северной стороны замка. Длина сохранившейся части комнаты № 3 — 8,35 м, ширина 2,5—2,6 м. С западной стороны ее сохранились три помещения одинаковых размеров (1,75× ×4,3 м) с коленчатыми входами. Все комнаты имели двери. Во всех помещениях замка прослеживаются три уровня пола (рис. 3, *а*). В юго-восточных углах комнат № 1, 2, 4 в первый период обживания имелись очаги, на что указывает прокаленность стен. В заполнении помещения № 1 между первым и вторым полом обнаружена поливная керамика IX в. с белым подглазурным ангобом и расплывчатыми голубовато-зелеными пятнами (6, с. 31—45) и переотложенная кружка VII в. (9, с. 279—282) со срезами по плечику тулова. На втором полу также зачищено очажное пятно. После второго периода обживания в помещении зафиксирован 15—20-сантиметровый слой натеков, характеризующих временный заброс помещения. Аналогичные

натеки обнаружены и в комнате № 4. В остальных помещениях их нет. Последний период обживания в комнате № 1 выявлен в виде пола над натеками. Далее, на всю сохранившуюся высоту первого этажа, шел завал из битого сырцового прямоугольного кирпича с фрагментами керамики X в.: с зеленой поливой; с орнаментом черного, белого и салатного цветов по красно-коричневому подглазурному ангобу (25, с. 31—45).

В помещении № 2 прослеживается идентичная картина обживания, отсутствуют только натечные слои. В первый период в конце комнаты были вскрыты остатки перемычки толщиной в два сырцовых кирпича (46×27×10 см), поставленных на ребро. Возможно, это остатки закрома. На втором полу зачищено очажное пятно почти в центре помещения. Над третьим полом шел завал из битого сырцового кирпича. В комнате № 4 пол первого периода обживания был выложен жженой плиткой (38×23×2,5 см), сохранившейся только в конце помещения. У северной стены в пол был врыт хум, заполнение которого состояло из рыхлой земли с битой неполивной керамикой IX в. (25, с. 26): кружка со срезами по плечику тулова и кувшин с прочерчено-процарапанным орнаментом и каплевидной формой тулова. Кружка из хума — большего размера и более грубой выделки, чем кружка из помещения № 1; четкой подрезки под горловиной не имеет.

Комната № 5, расположенная к востоку от помещения № 3, напротив комнаты № 1, несколько больше (2,7×5,5 м), чем помещения № 1, 2, 4. В ней то же стратиграфическое заполнение, что и в остальных. Три уровня пола с рыхлым заполнением между ними и бой сырцового кирпича над третьим полом, с небольшим количеством керамики X в. выявлены в центральном, осевом помещении № 3. В первый период обживания очаги располагались здесь в северо-восточном углу и у восточной стены рядом с пандусным подъемом на второй этаж. Для последующих периодов вскрыто по несколько очажных пятен, располагавшихся в основном вблизи входа в помещение № 3 и у входов в комнаты № 1 и 2. Пандусный подъем на второй этаж (коридоры 7 и 6 шириной 108 см) прослеживается слабо ввиду плохой сохранности. Здесь был склон холма, и северная стена пандусного коридора сохранилась всего лишь на высоту 10—15 см, южная полностью разрушена и ее плановый контур зафиксирован лишь по остаткам слоя сырцового кирпича, который выкладывался между платформой и пахсовыми стенами. Лучшую сохранность имел пандусный коридор № 6. В нижней части здесь была сделана рыхлая засыпка, на которую до склона пандуса был выложен сырцовый кирпич (45—46×26—27×10 см), а в той части коридора, где находилась площадка выхода на второй этаж, была закладка из пахсы, принимавшая на себя нагрузку сверху и горизонтальные нагрузки со стороны пандуса.

Анализ археологического материала, полученного в результате раскопок 1986 г., дал картину возникновения, существования и

заброса феодального замка Заргартепа. Замок возведен в необжитой части юго-западного пригорода Самарканда, у саев, несущих воду в Даргом. Строился он в неспокойное время, когда Самарканду уже угрожала опасность захвата арабами. В платформе замка была обнаружена монета Тукаспадака (696—698 гг. н. э.). Замок служил не только жильем и крепостью феодала, но и сторожевым пунктом на подступах к Самарканду.

В середине IX—середине X в. замок был разрушен и заброшен. о чем свидетельствует наличие мощного слоя натеков в 15—20 см в помещении № 1 и более узких слоев в помещении № 4. Возможно, что разрушение было частичным — лишь в западном крыле первого этажа. Третий период обживания был очень непродолжителен (не успели утрамбоваться полы), и в X в. первый этаж был засыпан сырцовым битым кирпичом с незначительным количеством поливной керамики. До настоящего времени сохранился лишь первый этаж и то на высоту 1,4 м. Вторая монета, найденная в помещении № 3, датирует время запустения и засыпку помещений битым кирпичом второй половиной X. в. Феодальных замков с аналогичной гребенчатой планировкой, характерной для средневековья, вскрыто значительное количество (8, 15, 19, 21, 24), но полностью сходен по планировке замок Заргартепе лишь с замками Саратепе, находящимися в 500 м южнее первого, и Тирмизактепе (3) в Таджикистане. Аналогию по назначению как жилой и сторожевой пункт Заргартепе находит в Саратепе (Самарканд), замке на горе Муг (21), Мунчактепе (24) и др.

Замки Заргартепе и Саратепе входили в сторожевую линию вокруг Самарканда, вдоль которй возникла оборонительная стена Девори-киямат. Необходимость таких замков назревает в раннем средневековье в период становления феодализма. Замки феодалов в это время служат внешним защитным поясом крупных городов, осуществляют охранную функцию вдоль сухопутных и водных торговых путей. В зависимости от функций замки имели различную степень укрепленности. В случае, если замок выполнял жилую и оборонительную функции с возможностью долговременной осады, он имел крупные хозяйственные помещения с большими запасами еды, толстые оборонительные стены и башни. В двух самаркандских феодальных замках нами не обнаружены крупные хозяйственные склады, хотя не исключается возможность существования их на верхнем этаже, не сохранившемся до настоящего времени. В обоих замках отсутствуют угловые башни, что указывает на жилую и сторожевую функции замков: из них при приближении врага оповещался город, но сами они долгую осаду выдержать не могли. Впоследствии, с укреплением феодальных государственных образований, налаживается оборона границ и строятся громадные по протяженности крепостные стены (как Девори-киямат), замки постепенно теряют стратегическое значение в обороне города и торговых путей

и исчезают в IX—X вв. Замок Заргартепе прекращает свое существование в X в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурякова Э. Ю. Средневековая округа Самарканда//ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
2. Рахманов Ш. А., Алимов Т. Д. Фортификация раннесредневековых замков южного Узбекистана//ОНУ. 1986. № 6.
3. Негматов Н. Н., Пулатов У. А., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизактепе. Душанбе, 1973.
4. Негматов Н., Зеймаль Т. И. Раскопки на Термизак-тепе//Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР. Вып. 1. Сталинабад, 1961.
5. Негматов Н., Зеймаль Т. И. Уструшанский замок в Шахристане// СА. М., 1959. № 2.
6. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
7. Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX—XII вв. Ташкент, 1986.
8. Шишкина Г. В. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда//ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1983.
9. Бентович И. Б. Керамика Пенджикента//МИА. М.—Л., 1953. № 37.
10. Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента VII—VIII вв.// МИА. Т. IV. М.—Л., 1964. № 124.
11. Филанович М. И. К истории сложения городских укреплений Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
12. Алимов У. Раскопки на Культ-тепе в Каршинском оазисе//ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
13. Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяуркала старого Мерва//Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
14. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1979.
15. Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
16. Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу//ТОВЗ. Т. II. Л., 1940.
17. Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.
18. Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пянджикента//МИА. М.—Л., 1950. № 15.
19. Альбаум Л. И. Балалык-тепа. Ташкент, 1960.
20. Альбаум Л. И. Расколки замка Зангтепа//ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
21. Васильев А. И. Согдийский замок на горе Муг//Согдийский сборник. Л., 1934.
22. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
23. Тереножкин А. И. Холмак-тепе близ Ташкента (раскопки (1940 г.)// ТИИА. Т. 1. Ташкент, 1948.
24. Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.//КСИИМК. XIV. М.—Л., 1947.
25. Бачинский Н. М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.—Л., 1949.
26. Пулатов У. П. Чильхуджра. Душанбе, 1975.

Д. П. ВАРХОТОВА

КЕРАМИКА VII—VIII вв. С ГОРОДИЩА КУВА

В Фергане хороший комплекс керамики предарабского времени получен впервые при раскопках городища Кува. Найден-

ными при раскопках монетами он надежно датируется VII—началом VIII в. — временем культурного и экономического расцвета Средней Азии, смены эпох, перехода к средневековью.

Керамика Кувы как наиболее массовый археологический материал четко характеризует свою эпоху. Она является исходным материалом и рубежом для понимания как более ранней, так и поздней керамики, развивавшейся на базе древнего гончарного производства и много заимствовавшей от него. Ее изучение позволяет проследить особенности развития ферганской керамики, влияние на нее других культур, ее изменения как на ранних, так и на более поздних этапах. Поэтому комплекс керамики, полученный при раскопках в Куве, имеет важное значение для изучения истории Ферганы и ее ремесленного производства.

За северной стеной городища, примерно в 50—60 м от него, расположен холм, в северной части которого был вскрыт буддийский храм (1, с. 241—250; 2), а юго-западнее — комплекс жилых и хозяйственных помещений.

При раскопках храма получено незначительное число керамики, в основном очень фрагментарной, не считая многочисленных чашек-курильниц из необожженной глины, сделанных вручную и довольно небрежно.

Большое количество посуды самых различных форм, размеров и назначения получено при раскопках жилого комплекса. Погребения очень нарушили стратиграфию верхних слоев и керамика из них маловыразительна, фрагментарна и разновременна (VII—XII вв.), поэтому следует говорить лишь о керамическом материале из жилых помещений, датированном монетами. Дата нумизматического материала — вторая половина VII — первая четверть VIII в.*

Керамика, в основном, собрана над полом из слоя пожара и разрушения. Она очень интересна и разнообразна по формам, отделке, способу изготовления, орнаментации, назначению сосудов и т. д.

Всю керамику можно разделить на три группы: столовую, хозяйственную, кухонную. Особо следует отметить курильницы, гончарный приклад (правила — таппа, сипая — трехножки и штамп), керамические пряслица и настенное декоративное блюдо.

Основная масса посуды сделана на гончарном круге. Ручная лепка характерна для кухонной посуды и маленьких светильников или курильниц. Делалась посуда, как установлено Н. С. Гражданкиной, из глин местного происхождения в сочетании с кувинским же лессом. В глину добавляли тонковолокнистый пух камыша или даже пух животного происхождения. Употребляли как добавки шамот, мелкотолченый кварц и известняк (3, с. 136—137, табл. 2).

Для некоторых форм характерен красный смывающийся ангоб, в основном без лощения, присущего керамике более ранне-

---

* Монеты определены нумизматом О. И. Смирновой.

го времени. Наряду со светлым кремовым ангобом встречается безангобная посуда с заглаженным черепком.

Хозяйственная керамика. Хумы (рис. 1, 26) — самая многочисленная группа керамики. Сделаны из розовой или желтой

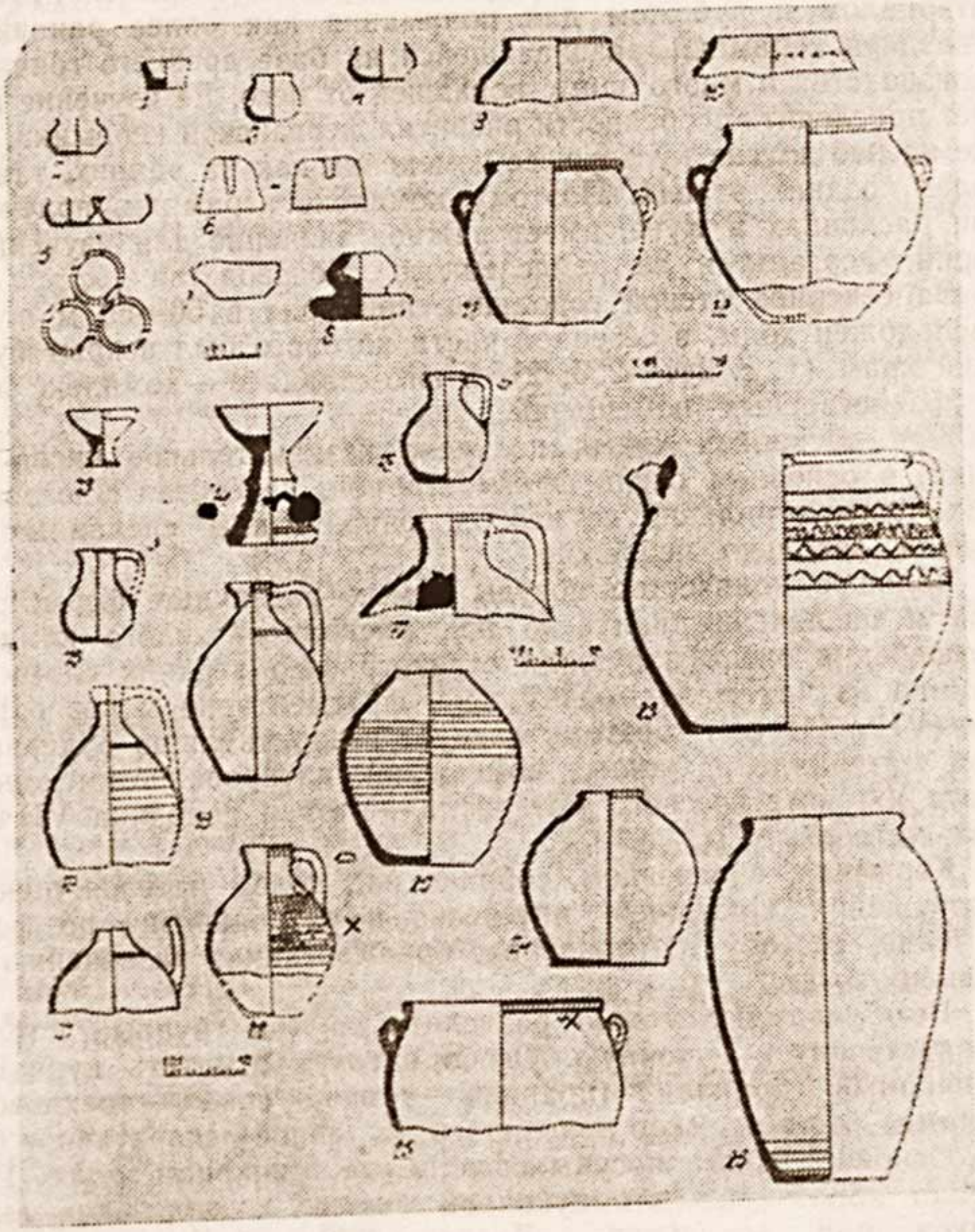

Рис. 1. Керамика VII—VIII вв. с городища Кува.

глины с примесью толченых раковин и мелких частиц известняка. Ангоб кремовый, иногда черепок заглаженный и без ангоба. Сосуды формовались с использованием гончарного круга из нескольких частей, венчик тщательно отделывался и прикреплялся в последнюю очередь. Венчики очень разнообразны по форме. Наиболее распространенные — в виде утолщенного ок-

круглого валика, часто профилированного углубленными желобками. Есть венчики сильно вытянутые, впереди уплощенные, подтреугольные или подквадратные в сечении. Тулово удлиненное, яйцевидной формы, с постепенным сужением к плоскому дну. Диаметр венчика 29—40 см, высота 70—100 см, диаметр дна — 28 см. Некоторые аналогии указанным хумам можно найти в керамике VI—VIII вв. из Согда, Шаша (Ташкента), Чуйской долины (4, с. 135; 5, с. 113; 6, с. 158).

Хумчи (рис. 1, *24, 25)* изготовлены из желтовато-серой или розовой глины с небольшой примесью мелких частиц известняка. Ангоб кремовый или поверхность гладко затертая. Имеются две разновидности хумчей:

I — с утолщенным и отогнутым наружу округлым венчиком, толстыми стенками, округлым туловом и плоским донцем. Диаметр венчика — 14—30 см, высота — 32—40 см;

II — тонкостенные, с прямыми или слегка утолщенными венчиками, изредка имеющими легкий наклон внутрь; черепок в изломе розовый или серый. Переход короткой горловины в округлое тулово плавный, часто отмечен валиком или уступом, иногда украшен фестончатым углублением. Диаметр венчика 17—28 см. Почти все хумчи имеют по плечикам орнамент в виде нескольких волнистых полос, насечек, пояса косой сетки и изредка штампованный.

Особенно часто орнаментированы хумчи II типа. Некоторые сосуды имеют под венчиком четыре сквозных отверстия, сделанных до обжига. Служили они, вероятно, для доступа воздуха в закрытый сосуд, чтобы не портились хранимые в нем продукты, или для подвешивания.

Хумчи I типа находят аналогии в согдийской керамике VI—VIII вв. (4, с. 136, табл. IX), хумчи II типа своеобразны, некоторые их разновидности характерны только для Ферганы.

Корчаги (чапьи) (рис. 1, *23*) — сосуды типа хумчи, но более мелкие: двух типов: с двумя небольшими, вертикально расположенными ручками или с тремя ручками и рожком-сливом. Глина такая же, как у хумчей; часто орнаментированы по плечикам волнистым орнаментом; слив прикреплен на уже орнаментированный сосуд; вокруг слива сделаны небольшие углубления, нарушившие орнамент. Подобные сосуды с широким горлом и смятым сливом характерны для Согда и встречаются там на многих памятниках.

Хумы, хумчи и крупные сосуды типа корчаг часто имеют на дне следы песчаной подсыпки, на которой они формовались.

Особо следует выделить сосуды для изготовления молочных продуктов. Хумчи — с широким выступающим наружу венчиком-валиком, тулово приземистое, округлое. Под венчиком до обжига проделаны четыре сквозных отверстия и по плечикам прочерчен орнамент в виде пояса косой сетки и волнистых линий. В дне много мелких отверстий, сделанных до обжига. Употреблялся сосуд, вероятно, для изготовления творога.

Маслобойка — высокий, почти цилиндрический сосуд с массивными стенками, на которых изнутри и снаружи как декоративный элемент оставлены очень рельефные концентрические следы формовки на гончарном круге. Тулово при переходе ко дну слегка расширяется. Диаметр венчика 28,5 см, высота 50 см, диаметр дна — 30 см. Подобные сосуды известны в этнографических материалах Средней Азии до сих пор (7, с. 18; 8, с. 253, рис. 71, *2*, с. 303, рис. 88, *1, 2*).

Водоносные кувшины (рис. 1, *18—22*) — двух типов:

I — тулово округлое, без ангоба, иногда имеются концентрические полосы на поверхности, горло диаметром 8—11 см; венчик выгнут наружу и профилирован, внутри имеет западину, небольшой примятый слив. Овальная в сечении ручка прикреплена к венчику и плечику, при прикреплении вдавлена пальцем;

II — тулово более вытянутое, чем у типа I, диаметр дна небольшой, ручка более широкая и плоская, изогнута почти под прямым углом. Почти все кувшины имеют при переходе горловины в тулово по две врезные горизонтальные полоски.

Кувшины I типа встречаются в Чаче, Южном Казахстане (9, с. 172, рис. 90). Кувшины II типа — в Уструшане, Чуйской долине и Согде. В Согде такие сосуды с VII в. становятся ведущей формой (6, с. 149, рис. 3, *1;* 4).

Горшки (рис. 1, *9—12*) — имеют широкое устье, венчик клиновидный в сечении или утолщенный, профилированный несколькими линиями, тулово округлое, плавно расширяющееся от широкой и очень короткой горловины, широкие венчики с желобками в середине. Эти сосуды находят аналогии в керамике Согда и Чача (4, табл. VIII; 5, с. 115—116). Употреблялись, очевидно, для хранения продуктов.

Жаровни (рис. 2, *19—20*) — формовались из хорошо промешанной глины с примесью мелкотолченого известняка и керамики. Стенки прямые, невысокие, толщиной около 1 см, черепок в изломе имеет желтоватый, розовый или серый цвета. У некоторых на дне сквозные отверстия диаметром около 1 см, сделанные до обжига. Диаметр жаровни 25—28 см, высота 4—4,5 см. Они употреблялись или как обогреватели, которые, наполнив углями, ставили на специальном возвышении посреди комнаты, или как сковородки для приготовления пищи. Глиняные сковородки известны и в этнографическом материале Средней Азии (8, с. 45). Жаровни широко известны с глубокой древности, появление их отмечается еще для рубежа н. э. (10, с. 20, рис. 7, *3*).

Светильники и курильницы Кувы очень разнообразны:

I — курильницы на высокой ножке (рис. 1, *14*) встречались в храме и жилом комплексе. Черепок в изломе розовый или желтый, ножка полая (очень редко сплошная), наверху круглая чаша. Известны они от Индии до Причерноморья; появились в Двуречье еще в III—II тыс. до н. э., а в эпоху раннего средне-

вековья широко распространились по всей Средней Азии, слегка варьируя по форме. Встречены в Термезе, Пенджикенте и других городищах Согда, в Чуйской долине (11, с. 71, 75; 4, с. 142, рис. 10; 6, с. 143—144, 154—155, рис. 5, *1*);

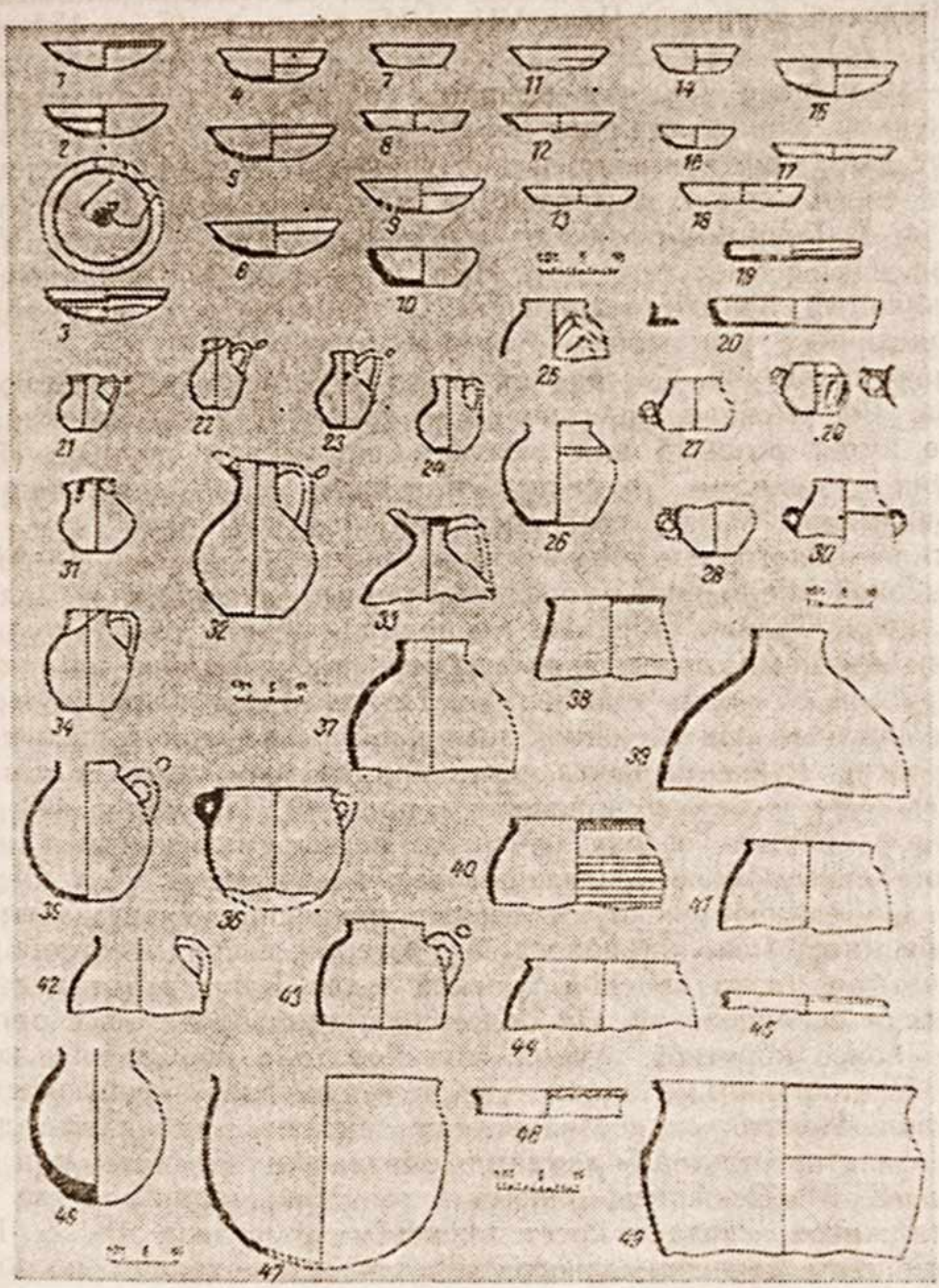

Рис. 2. Керамика VII—VIII вв. с городища Кува.

II — светильники в виде небольшой округлой чашечки с оттянутым вперед носиком, сжатым с боков (рис. 1, *7*). Также очень распространены. В эпоху средневековья эта форма светильников усложняется, у них появляются ручки, а поверхность покрывается поливой;

III — невысокая, довольно массивная чаша тщательной формовки, диаметром 10 см, глина светлая, с большой примесью шамота и крупного песка;

IV — небольшая чашечка на трех ножках, венчик подквадратный в сечении, отогнутый наружу. Такие светильники известны в Чуйской долине и Чаче VII—VIII вв. н. э. (6, с. 154—155, рис. 51, *16*).

V — маленькие чашечки из плохо обожженной, иногда не обожженной глины, сделаны вручную; стенки слегка расширяются от дна, иногда имеют легкие грани. Самая многочисленная группа светильников. Встречаются при раскопках буддийского храма в Ак-Бешиме, а также в Пенджикенте в слоях VII—VIII вв. (12, с. 212; 4, с. 45). Ими, очевидно, пользовались как курильницами при богослужении. Особенно много их найдено при раскопках кувинского буддийского храма.

Столовая посуда. Составляет около 40% всего количества керамики. Сформована на гончарном круге. Черепок тонкий, в изломе имеет розовый или желтый цвет, обжиг ровный. Представлена кувшинами, кружками, плоскими небольшими чашами, горшочками и маленькими сосудами для приправ.

I тип — узкогорлые кувшины (рис. 2, *21—24; 31—33*) — с невысокой горловиной, профилированным венчиком и маленьким сливом. Тулово стройных пропорций, иногда отделано рельефными поясками, которые получались при формовке на гончарном круге и служили орнаментом. По плечикам часто проходят по две врезные или по одной выпуклой рельефной горизонтальной полоске. Ручка изогнута почти под прямым углом и в месте прикрепления к тулову придавлена пальцем. Примерно 1/3 всех кувшинов покрыта сверху красным, легко смывающимся ангобом, остальные имеют заглаженную поверхность без ангоба. Несколько отличается от остальных расписной кувшин: плечики опоясывает красная полоса, от которой вверх крестообразно идут четыре мазка красной краской — для Кувы это единственный сосуд с раскраской. Он более приземистый, чем все остальные, с более короткой ручкой, под которой процарапан косой крест. Процарапанные знаки — не редкость для среднеазиатской керамики. Некоторые исследователи считают их буквами древних алфавитов, другие — тамгами, обозначениями меры или оберегами. Е. М. Пещерева, описывая гончарное производство горных таджиков, считает крест оберегом от сглаза (8, с. 111). Все кувшины вышеописанного типа, за исключением последнего, стандартны;

II — кувшины грушевидной формы, несколько приземистые и тяжелые, венчик профилирован, длинный носик-слив приподнят кверху. Ручка прикреплена одним концом к венчику, другим — к плечику, в сечении фасолевидная. Почти всегда покрыты красным неустойчивым ангобом, стандартны;

III — небольшие кувшинчики с прямыми или слегка профилированными венчиками, тулово округлое или грушевидное, неболь-

шие овальные, иногда округлые в сечении ручки, в месте прикрепления к тулову вдавлены пальцем. Один из кувшинов имеет на плечике сделанное после обжига сквозное отверстие, на другом процарапан знак в виде пятиконечной звезды. Некоторые из сосудов — с приземистым туловом, короткой и довольно широкой горловиной и отогнутым наружу венчиком с уступом внутри для крышки, имеют на плечике смятый рожок-слив. Почти все после формовки подправлены в нижней части ножом по сырой глине. Примерно четвертая часть кувшинчиков покрыта красным ангобом, остальные имеют заглаженную поверхность без ангоба. Эти сосуды очень разнообразны. Употреблялись для хранения воды, а небольшие, возможно, для молока или масла.

Кувшины I типа находят аналогии в керамике Чача и Пенджикента VII—VIII вв.* (5, с. 114; 4, с 138). Сосуды с длинным приподнятым носом известны в керамике Чуйской долины и Чача (13, с. 189, табл. 8), сделаны в подражание металлическим (13, с. 190, табл. 8, *9, 10, 12*). Керамические, правда, более тяжелы и приземисты по сравнению с металлическими, что объясняется спецификой материала.

Кружки (рис. 2, *27—30*) найдены на раскопе в большом количестве. Есть совсем целые формы и очень много фрагментов. Следует выделить следующие типы:

I — с невысоким горлом, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, корпус выпуклый, слегка биконический. На перегибе корпуса прикреплена петлеобразная ручка. Эти кружки сделаны из тонкоотмученной глины с небольшой добавкой толченых раковин или гипса, поверхность заглаженная, без ангоба;

II — сложной конфигурации, нарядные. Короткая и широкая горловина с отогнутым наружу венчиком, корпус приземистый, по плечикам проходит выпуклая рельефная полоска. Петлеобразная ручка прикреплена несколько выше и украшена круглым или щиткообразным налепом. 9/10 этих кружек покрыты сверху нестойким красным ангобом. Встречено несколько кружек с каннелюрованным корпусом — вмятыми пальцем ложбинками;

III — более стройных пропорций, горловина у́же и выше; поверхность покрыта легким полосчатым лощением, но черепок толще и грубее. В нижней части у дна аккуратно подрезаны ножом по сырой глине и заглажены. На одной из кружек около ручки процарапан знак в виде прямой вертикальной черты и двух коротких, отходящих от нее под углом. Самый малочисленный тип.

Кружки — очень распространенная форма керамики. Сосуды I типа появляются с первых веков н. э. на памятниках типа Каунчитепе, а остальные типы в раннее средневековье широко распространяются по всей территории Средней Азии, несколько варьируя по формам и размерам.

---

* Раскопки О. В. Обельченко на Минг-Урюке (материалы не опубликованы).

Налепы на ручках появляются в Согде, как считает В. И. Распопова, с VIII в.; встречаются на кружках Ак-Бешима (6, с. 145). Налепы в форме щитка характерны для металлических кружек, имитацией чего они являются в керамике.

Кружки с овальным вдавлением известны в Согде. По мнению Б. И. Маршака, они подражают металлическим образцам, хотя последние и не сохранились. Кружки Кувы отличаются от согдийских однообразием форм, более приземистым корпусом и короткой горловиной. Гораздо больше общего у них с кружками Чача и Чуйской долины (Ак-Бешим)* (5, с. 114; 14, рис. 69; 6, с. 145).

IV — маленькие и большие кружки с волнистым четырехлепестковым венчиком. Корпус приземистый, по плечикам проходит насечка. Сделаны из грубой глины и довольно небрежно. Маленькие кружки с одной, большие с двумя ручками. Известны для Согда и Ферганы. Отмечены А. Н. Бернштамом в Касане как одна из ведущих форм (15, с. 241). Также являются подражанием металлическим образцам.

Горшки (рис. 2, *25—26, 37—40*) сделаны из тщательно промешанной глины, черепок тонкий, хорошо обожженный. Эти сосуды — двух типов:

I — невысокая, широкая и короткая горловина с тонким, слегка отогнутым наружу венчиком, корпус округлый, донце плоское. По плечикам проходит рельефная выпуклая полоса, с двух сторон прикреплены вертикальные петлеобразные ручки с круглым налепом наверху. Покрыты нестойким красным ангобом;

II — невысокая, широкая горловина, венчик прямой или профилированный, с уступом внутри крышки. Плечики более крутые, без ручек. По плечикам две врезные полоски, реже двухрядный штампованный орнамент или процарапанные линии с круглыми налепами на изломе линий, без ангоба. Характерны, видимо, для Ферганы. В них, вероятно, держали молочные продукты.

Чаши (рис. 2, *1—18*) — довольно многочисленная группа керамики. Небольшого размера, легки и изящны по форме. Все, за редким исключением, покрыты красным ангобом, черепок тонкий, хорошего обжига. Различаются, в основном, следующие виды чаш:

I — с тонким прямым бортиком и стенками, плавно сходящими к плоскому дну. Понизу — подрезка ножом по сырой глине, которая затем заглаживалась, и поэтому переход к донцу совсем не заметен. Некоторые чаши имеют посередине или на 1/3 высоты внутри рельефный ободок. Интересна чаша, представленная всего одним экземпляром, с отштампованной в центре дна вихревой розеткой;

II — с прямыми или слегка отогнутыми венчиками и перегиб-

---

* Раскопки О. В. Обельченко на Минг-Урюке (материалы не опубликованы).

бом корпуса (перегиб посередине или на 1/3 высоты от донца);

III — чаши на ножке. Без ангоба, сделаны значительно грубее. Найдена всего одна целая чаша и несколько фрагментов, так что эта группа самая малочисленная. Чаша — полусферическая, с легким перегибом корпуса, тщательно сформована на гончарном круге; ножка сделана довольно небрежно, внутри полая. Встречались фрагменты ножек, сформованных на гончарном круге.

Чаши с округлыми стенками и рельефным ободком внутри своеобразны и не имеют прямых аналогий, но по контуру несколько похожи на чачские и пенджикентские этого же времени. В Исфаринском районе такие чаши найдены в погребениях IV—V вв.* (5, с. 115; 16, с. 26; 17, с. 78; 18, с. 77—78, табл. 2). В Фергане подобные чаши существуют с первых веков н. э.

Чаши на ножках появляются в Согде в более ранний период. Все виды чаш употреблялись для напитков, а также, возможно, для различных сладостей.

Сосуды для приправ — маленькие широкогорлые и приземистые горшочки, иногда покрытые красным ангобом; сформованы на гончарном круге, подрезаны понизу ножом. Особенно интересен сосуд, состоящий из трех совершенно одинаковых плоскодонных чашечек, соединенных вместе; поверхность слегка залощена (рис. 1, *5*).

Маленькие горшочки находят в могильниках. Возможно, некоторые из них употреблялись для косметических целей.

Кроме столовой и хозяйственной керамики при раскопках найдено несколько редких керамических изделий. В первую очередь следует отметить уникальное настенное блюдо (19, с. 312—314). Сделано из хорошей желтой глины, покрыто красным ангобом. В нижней части подрезано и тщательно заглажено. На внутренней поверхности неглубоким рельефом выгравирован солярный орнамент — в круглой розетке восьмиконечная звезда, от края розетки отходят пять пучков волнистых лучей, по четыре в каждом. Блюдо асимметрично — один край выше другого. На более высокой стороне снаружи, на треугольном возвышении укреплена петля, чтобы блюдо можно было вешать на стену. Оно явно сделано в подражание металлическим образцам, о чем свидетельствует переданная в керамике техника прикрепления ручки при помощи заклепок. Настенное блюдо — первый, неизвестный ранее образец прикладного искусства Средней Азии.

Из керамических изделий следует упомянуть «пряслица» различных форм: биконические, округлые, круглые, уплощенные, цилиндрические, профилированные уступами с одной стороны, выточенные из стенок разнообразных сосудов. Некоторые имеют лощеную поверхность, другие орнаментированы несложным

---

* Материалы О. В. Обельченко и Ю. Ф. Бурякова.

узором в виде насечек. Плоские маленькие могли использоваться как пуговицы.

Кухонная керамика в комплексе кувинской посуды составляет значительное количество. Почти вся сделана вручную из грубой огнеупорной глины с добавками дресвы и шамота, измельченных раковин. Найдено несколько небольших фрагментов, формованных на матерчатом шаблоне (архаичная техника). По форме можно выделить котлы, горшки, кувшины.

Котлы (рис. 2, *44, 47, 49*) — трех типов:

I — небольшого размера со сферическим туловом и широким прямым, слегка отогнутым венчиком;

II — крупные, с толстыми стенками, венчик по ширине равен диаметру тулова. Корпус округлый, постепенно переходящий в круглое дно;

III — широкие, с короткой горловиной, сильно отогнутым наружу венчиком и резким перегибом от плечика к тулову сосуда. Все три типа котлов — без ручек, круглодонные, первые иногда по венчику орнаментированы фестонами. Формы котлов архаичны и существовали на протяжении веков, почти не изменяясь;

IV — с фигурными, налепными, горизонтально расположенными ручками и утолщениями венчиков. Ручки украшены вмятинами, сделанными пальцем, насечками или имеют вид витого жгута. Целых форм не обнаружено. По имеющимся фрагментам восстановить форму невозможно.

Похожие по формам горшки отмечены в Южном Казахстане, Чуйской долине, Согде и Чаче, где они встречаются и в более раннее время (9, с. 23; 20, с. 24—25; 14, с. 155, 167, рис. 69, с. 24).

Горшки формовались на станке и вручную из такой же глины, с добавками дресвы и шамота, поверхность иногда покрывалась кремовым ангобом, а в большинстве случаев просто заглаживалась. Горшки разнообразны по формам:

I — с широким горлом, слегка отогнутым наружу венчиком и округлым туловом без ручек, несколько напоминают котлы, но меньших размеров, более вытянутых пропорций и с плоским дном;

II — с неширокой горловиной, прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Тулово округлое, вытянутое. Донце плоское, значительно толще стенок. На плечико прикреплена одна довольно массивная, круглая в сечении ручка. Некоторые горшки такой формы не имеют ручек;

III — небольшие, со сферическим туловом, широким отогнутым наружу венчиком и двумя петлеобразными, прикрепленными под самый венчик круглыми в сечении ручками, расположенными вертикально. Донце круглое, стенки в сечении не очень толстые.

Орнаментация керамики. Около 10% сосудов кувинского комп-

лекса раннесредневековой керамики орнаментированы. Для каждого вида посуды характерен свой орнамент.

Кружки и узкогорлые столовые кувшины украшались красным ангобом и одной или двумя врезными полосками по плечикам, иногда рельефным ободком. Ручки кружек и небольших горшочков оформлялись плоскими круглыми или щитовидными налепами. Небольшие горшочки без ручек орнаментировались простыми врезанными линиями и налепными полосками-ручками на пересечениях этих линий. Изредка такие горшочки украшались по плечикам вдавленным штампованным орнаментом в два ряда. Орнамент первого ряда — «колесо со спицами», второго — вписанный в круг крест, а между его концами в секторах — выпуклые перлы. Этот орнамент распространен на керамике раннего средневековья, встречается на керамике из Актепе под Ташкентом, на кружках Ак-Бешима в Термезе (5, с. 118, рис. 19; 6, с. 146; 11, с. 17).

Оба вида круглого штампованного орнамента продолжают существовать и в более позднее время. В средневековой керамике Ферганы подобный орнамент отмечал А. Н. Бернштам (15. с. 160—162).

Чаши орнаментировались редко. Иногда на внутренней поверхности имеется выпуклый ободок и только на одной из чаш в центре дна отштампована вихревая розетка, окруженная выпуклыми перлами. Большой интерес представляет солярный орнамент, выгравированный на внутренней поверхности упоминавшегося настенного блюда.

Особенно богата и разнообразна, хотя и не очень сложна, орнаментация хумчей (около 60% хумчей орнаментировано). Они украшались простыми врезанными линиями в один, два и несколько рядов, волнистыми и чередующимися с ними прямыми, волнистыми линиями и поясом косой сетки между ними. Линии разные — тонкие и широкие, с плавными и резкими изгибами. Прием орнаментации волнистыми линиями известен в керамике Средней Азии очень давно.

Орнаментировались кувинские хумчи и процарапанным узором в виде нескольких петельчатых линий, плетеных полос, пересеченных прямыми линиями. Реже встречается орнамент в виде «елочки».

Переход от горловины к плечикам часто оформлялся выступающим валиком, украшенным прорезными зубцами или фестонами. Иногда кроме орнамента на посуде встречаются процарапанные знаки. Кухонная посуда изредка имела волнистый венчик и витые ручки.

Следует упомянуть два слива в виде головки быка. Один из них — стилизованный, с круглым отверстием вместо рта. Второй — значительно больших размеров, видимо, от крупного сосуда. Все детали: уши, глаза, ноздри и губы — изображены реалистично. Посередине рта маленькое круглое отверстие, из кото-

рого выливалось содержимое сосуда. Головка покрыта красным ангобом.

Сосуды с носиком в виде головы быка и других животных распространены в керамике Согда. А. М. Беленицкий видит в них отголоски древнего культа, связанного с почитанием быка. Сосуды со сливами в виде головы животных существуют очень долгое время. Они встречаются в керамике даже в X—XIII вв. (21, с. 128—130; 22, с. 88).

Таким образом, в кувинской керамике различают следующие виды орнаментов: прорезной, процарапанный, рельефный, гравированный, насечки. Все они существовали и в более раннее время. С VII в. появляется штампованный орнамент, получивший широкое распространение в X—XII вв.

Предметы гончарного производства. Терракотовое правило в виде гриба из хорошо обожженной желтой глины. Ножка гриба является ручкой инструмента. Внутри — полая, для облегчения веса правила. Им пользовались для выравнивания стенок сосудов. Употребляется и в современном керамическом производстве при выделке крупной посуды — хумов, тандыров и т. д.

Сипая — встречен 1 экземпляр из светлой глины с простым отштампованным в кружочке орнаментом по центру. Для раннесредневековой керамики находка сипая — редкость. Гончарный приклад Кувы точно зажат стратиграфически и представляет собой важный материал по технологии производства VII — начала VIII в.

Рассматриваемый комплекс керамики из Кувы датируется археологическим и нумизматическим материалами второй половиной VII — началом VIII в. н. э. В период, предшествующий арабскому завоеванию, керамическое производство Ферганской долины достигло высокого уровня развития, что подтверждается как большим количеством посуды, так и технологическим совершенством и разнообразием форм. Выделяется несколько категорий посуды. Крупные емкости для хранения жидкости и сыпучих продуктов, более тонкая, легкая и изящная — столовая, грубая лепная — кухонная.

Следует отметить хорошее качество изделий — тщательно промешанная глина со специальными добавками, равномерный обжиг, лаконичное, утилитарно оправданное внешнее оформление.

В этот период продолжают существовать некоторые формы, появившиеся в более раннее время. Особенно это заметно на примере небольших тонкостенных чаш. С I по VIII в. форма их мало изменилась, иным стало лишь качество ангоба. Кухонная керамика архаична как по форме, так и по технике изготовления.

Появляются новые формы кружек, кувшинов, горшков, хумча и др. Некоторые из этих форм, несколько изменяясь, сохраняются до X—XII вв. (чираги, кувшины). Ряд сосудов является подражанием металлическим образцам.

Меняется внешнее оформление посуды. Красное лощение заменяется нестойким красным ангобом. Существующие приемы

орнаментации пополняются штампованным орнаментом. Появляется ряд новых мотивов — петельчатый, плетенка.

Комплекс раннесредневековой керамики из определенных слоев и с твердой датой получен для Ферганской долины впервые. Благодаря кувинскому комплексу меняется мнение о консервативности и архаичности ферганской раннесредневековой керамики. Сопоставляя керамический материал Кувы с керамикой этого же времени из Согда, Чача, Чуйской долины, мы находим много общего в технике изготовления, формах и орнаментации. Особенно много общего в столовой посуде. Причины этого сходства следует искать не только в наличии единичных согдийских колоний и переселении мастеров, но и в широких культурных и экономических связях разных районов Средней Азии между собой.

Керамическим материалом VII в. опровергается мнение об обособленности и отставании Ферганы. В ферганской керамике, однако, есть и локальные черты. Если столовая посуда в основном типична не только для Ферганы, но и для других областей, то хозяйственная и кухонная — своеобразна, многие ее формы характерны только для Кувы. То же можно сказать и о некоторых приемах отделки и орнаментации посуды.

Ремесленное производство Ферганы, обогащаясь в процессе культурных и экономических взаимосвязей, не теряло своих локальных особенностей. Некоторое огрубление раннесредневековой керамики по сравнению с более ранней объясняется, видимо, массовостью производства. Исчезает лощение по красному и черному ангобу, требовавшее больших затрат труда и времени. Вместо него появляется нестойкий красный ангоб без лощения, похожий на краску, видимо, поэтому же исчезает четкая тонкая орнаментация, процарапанная по ангобу после обжига.

Керамика раннего средневековья Кувы — исходный материал для понимания развития форм и орнаментации всей керамики Ферганы в целом. Это то среднее звено, без ясного представления о котором нельзя понять генезис ферганской керамики от ранних этапов развития до эпохи зрелого средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатова-Левина В. А. Буддийский храм в Куве//СА. 1961. № 3.
2. Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1973.
3. Гражданкина Н. С. Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана//ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
4. Бентович И. Б. Керамика Пянджикента//Труды Таджикско-Согдийской экспедиции//МИА. Т. II. № 37.
5. Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента//Труды Института истории и археологии. Т. 1. Ташкент, 1948.
6. Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины//Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М., 1960.
7. Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961.

8. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1969.
9. Агеева Е. И., Тереножкин А. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана//Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 5. Алма-Ата, 1958.
10. Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
11. Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.
12. Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.//Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М., 1959.
13. Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. н. э.//Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 5. Л., 1961.
14. Тереножкин А. И. Согд и Чач//КСИИМК. XXXIII. М.—Л., 1950.
15. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая//МИА. 26. М.—Л., 1952.
16. Беленицкий А. М. Предварительный отчет о работах Пянджикентского отряда в 1954 г.//Труды Таджикской археолого-этнографической экспедиции. XXXVII. Сталинабад, 1956.
17. Литвинский Б. А. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. Вып. IV. Сталинабад, 1956.
18. Горбунова Н. Г. Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики//Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1971. № 13.
19. Вархотова Д. П. Об одном керамическом блюде VII—VIII вв. из Кувы//СА. 1964. № 3.
20. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
21. Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок Древнего Пянджикента (1951—1953)//Труды Таджикской археолого-этнографической экспедиции//МИА. Т. III. 66. М.—Л., 1958.
22. Лунина С. Б. Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII — нач. XIII в. в квартале керамистов Старого Мерва//Труды ТашГУ. Ташкент, 1960.

О. А. ПАПАХРИСТУ, Л. С. БАРАТОВА

КЕРАМИКА ИЗ СТРАТИГРАФИЧЕСКОГО РАСКОПА № 9 ГОРОДИЩА ЭСКИ АСХИ (АХСИКЕТ)

Стратиграфический шурф-раскоп (Р-9) размерами 15×10 м был заложен в 1980 г. в северо-восточном углу внешнего шахристана (1, с. 8) между башнями 11 и 12 для установления функционального назначения и датировки культурных напластований данной площади городища. Работы в шурфе еще продолжаются. Выявленные материалы достаточно полно характеризуют быт и производственную деятельность населения города с XI до начала XIII в. В шурфе выделено пять периодов, связанных с хронологией объекта.

Самый ранний период представлен комплексом помещений, пристроенных к крепостной стене. Функциональное назначение их еще не установлено. После небольшого периода запустения площадь используется медниками. Слои третьего периода представляют производственные и бытовые сбросы. Их создавали на значительной площади, мощность слоев небольшая. Посколь-

ку выбросы делали на территории, ранее занятой постройками, то со временем из-за пустот в заброшенных помещениях северная половина напластований осела. Слои в разрезе прослеживаются углубленными с юга на север.

Четвертый строительный горизонт представляет уровень, связанный с производственной деятельностью мастерской ювелиров. После запустения мастерской площадь снова используется под бытовые и производственные сбросы.

Обводная стена внешнего шахристана была оградой для производственного и бытового мусора и неоднократно ремонтировалась с момента использования площади к югу от нее.

Выброс мусора на огромной площади средневекового мусульманского города — явление необычное. Свалка, зафиксированная в северо-восточном углу Ахси I Б, производилась время от времени и аккуратно пересыпалась землей. Она объединяет производственный и бытовой сброс. Судя по археологическому материалу, выброс осуществлялся с территории ближайшего квартала, включавшего не только жилые постройки, но и мастерские по железоделательному и медницкому производствам. Постоянная свалка мусора на одном месте за год или два могла дать весь объем мусора, зафиксированного в раскопе. Поэтому сброс на территории города осуществлялся лишь время от времени в исключительных случаях. Основной мусор, видимо, вывозили на специальные участки за пределы города. Сбросы, прослеженные в раскопе 9, накопились за короткий промежуток времени, следовательно, и датироваться они будут в узких интервалах.

Керамические комплексы IX — начала XIII в. представляют интерес в связи с тем, что керамика этого периода в Фергане еще мало изучена, а упомянутый материал представляет в количественном отношении значительную серию посуды. Авторы предлагаемой статьи не ставили перед собой цели всестороннего и глубокого анализа керамики, поскольку по материалам Ахсикета в настоящее время готовятся специальные работы, предполагающие такого рода исследование. Наша цель — ознакомить читателей с совершенно новыми и чрезвычайно интересными, на наш взгляд, материалами.

В материалах Р-9 выделено четыре керамических комплекса. Первый включает керамику из архитектурного комплекса раннего периода. Второй — из слоев 22—14, представляющих напластования, связанные с производственной деятельностью медников. Третий — со свалкой отходов производства металлистов и бытовых выбросов. Материал, определяющий дату функционирования ювелирной мастерской, также входит в эту группу. Керамический комплекс включает три разновременные керамические группы. Четвертый комплекс содержит керамику из напластований, образовавшихся после запустения ювелирной мастерской.

Первый комплекс — сосуды, изготовленные на гончарном круге. Черепок красножгущийся или светложгущийся. Поверх-

ность высветлена. Тесто с примесью дресвы, иногда сильно размельчено.

По функциональному назначению выделяется хозяйственная,

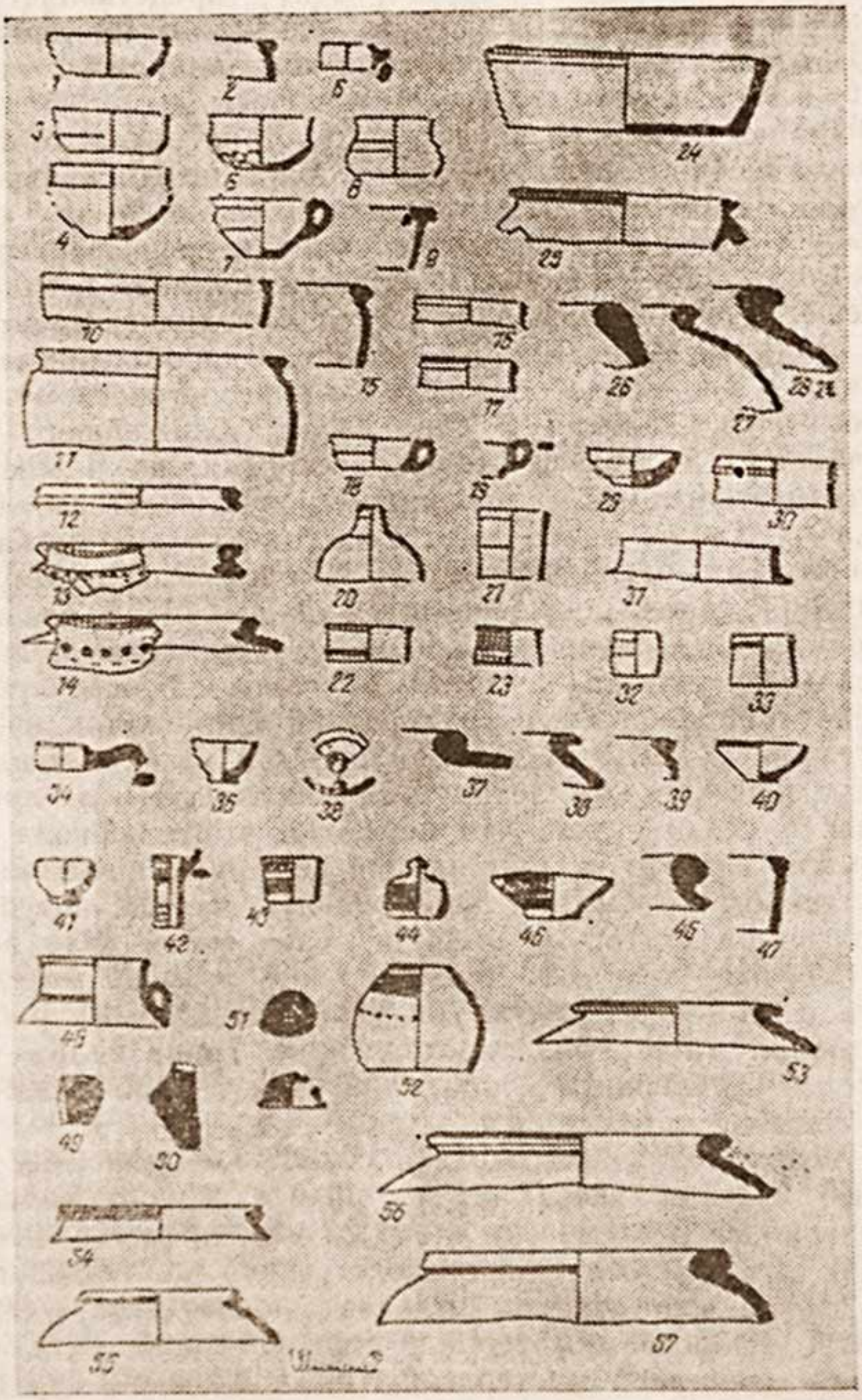

Рис. 1. Неглазурованная посуда из Р-9 городища Ахсикет.

столовая и кухонная посуда. Для последней характерен жаростойкий черепок с белыми включениями.

К хозяйственным сосудам относятся хумчи. Отмечается два типа:

с яйцевидным туловом на плоском, формованном на песчаной подсыпке донце. Венчик вогнут внутрь, закраина его утолщена в виде округлого манжета (рис. 1, *12*);

с яйцевидным туловом на плоском дне, но с прямопоставленным и выгнутым венчиком, часто с горизонтальной расширенной площадкой и обязательной полочкой для крышки. Этот тип сосудов орнаментирован с внешней стороны под венчиком полосой отдельных штампов или врезными элементами, напоминающими штамп (рис. 1, *13, 14*).

Столовая посуда: чаши, миски, кувшины. Первые почти с прямопоставленными венчиками высотой 5,5 см, которые резко переходят к широкому полусферическому тулову на плоском дне. Диаметры донец варьируют в пределах 5—9 см. Миски — полусферической формы, со слегка вогнутым венчиком с широкой горизонтальной площадкой, имеющей выемку (рис. 1, *10*). Диаметр венчика 20 см. Кувшины — широкогорлые, с утолщенными венчиками в виде манжеты с ложбинкой поверху или с выступающей закраиной манжета (рис. 1, *16, 17*). Диаметры венчиков 14 см, донец — 12 см.

Кухонная посуда. Котлы — небольших размеров, с прямопоставленным венчиком, имеющим неширокую горизонтальную площадку. Диаметр венчика 16 см. На тулове — подковообразный налеп, имитирующий ручку (рис. 2, *5*). Тагора — с подтреугольным венчиком, иногда имеющим горизонтальную площадку. Невысокие, с прямопоставленными стенками. Диаметр венчиков — 32 см, донца — 32 см, последние формованы на песчаной подсыпке (рис. 1, *11*). Крышки — плоские, дисковидные, крупные, с массивной ручкой в виде толстого стержня с утолщенным навершием в центре. Жаровня — со слегка вогнутыми невысокими стенками. Толщина стенок — 2,5 см, диаметр днища 34 см (рис. 2, *34*). Сосуды лепные, черепок жаростойкий с примесью крупной дресвы. «Дастарханы» со столешницей диаметром 45 см. Рабочая поверхность ровная, с покатыми краями. Она сохранила следы от порезов острым металлическим предметом. Закраина столешниц утолщена для придания столику устойчивости (рис. 2, *32*).

Первый керамический комплекс находит аналогии в керамике Согда и Шаша, но в общем составляет локальный вариант и имеет прямые параллели в раннесредневековой керамике Ферганы, где датируется VII—VIII вв. (17, с. 63, рис. 5, 7; 10; 11; 12).

Второй керамический комплекс мало отличается от первого и их временна́я разница небольшая. Керамика представлена столовой и кухонной посудой. Столовая: чаши, кружки, кувшины. Чаши — с прямопоставленными или слегка выгнутыми венчиками, резко переходящими в расширенное полусферическое тулово на плоском дне. Место перегиба — чуть выше средней части сосуда (рис. 1, *3, 4, 6*). Встречаются фрагменты полусферических

чаш с утолщенным, слегка вогнутым венчиком (рис. 1, *1*). Сосуды изготовлены на гончарном круге. Глины светложгущиеся, с примесью толченой дресвы. Внешняя поверхность многих сосудов высветлена. Кружки — с невысоким вытянутым наружу

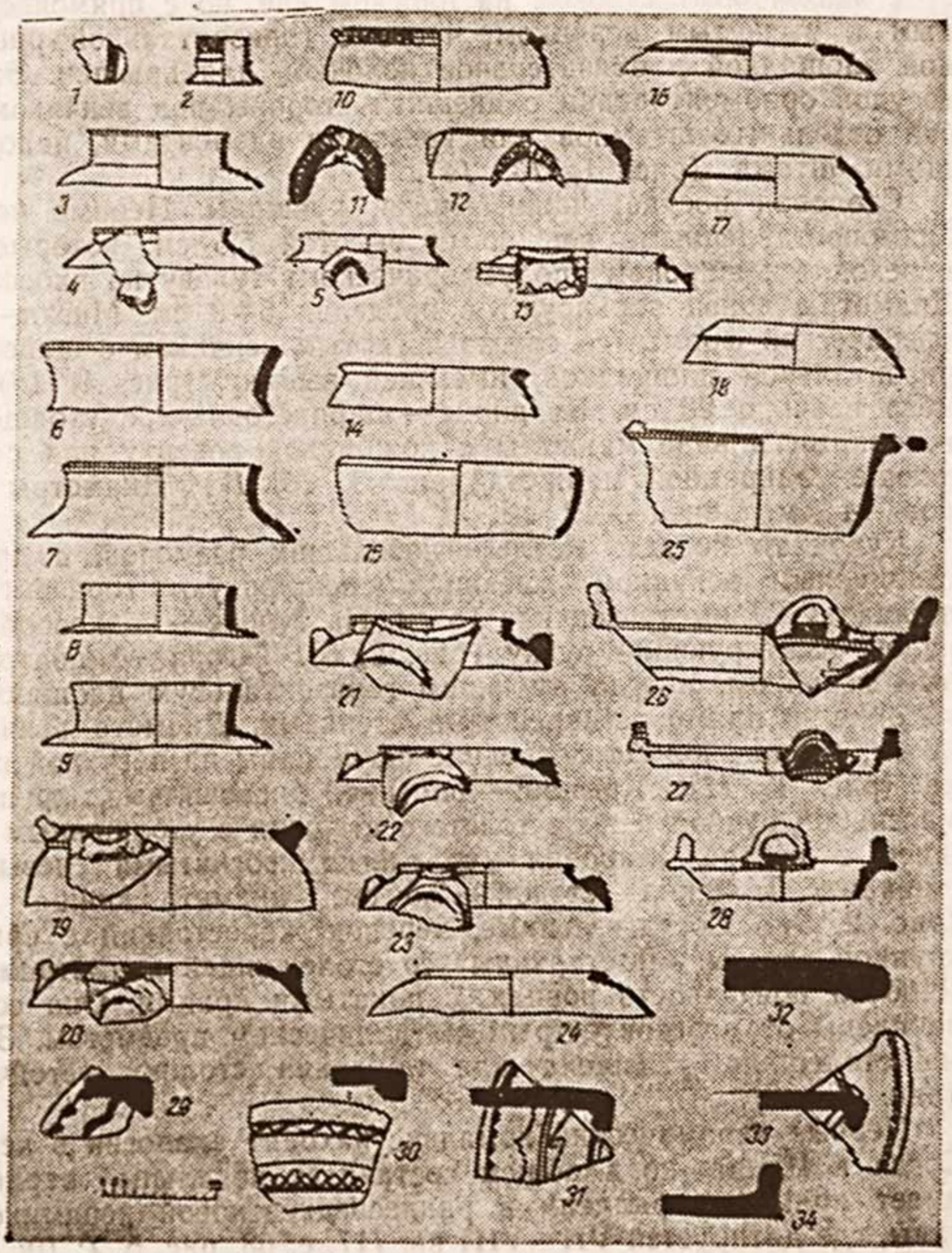

Рис. 2. Кухонная керамика из Р-9 городища Ахсикет.

венчиком, переходящим в полусферическое вытянутое тулово. Петлевидная ручка прямо под венчиком (рис. 1, *7*). Кувшины двух типов: широкогорлые, плавно переходящие в яйцевидное

тулово; с широким высоким горлом и уплощенной ручкой под венчиком.

Кухонная керамика представлена фрагментами котлов, которые имеют невысокий прямопоставленный венчик с горизонтальной площадкой, переходящей в шаровидное тулово. На стенках сосуда — налеп, имитация подковообразной ручки (рис. 2, *1, 4*).

Керамика второго комплекса также характерна для Ферганы и датируется VII—VIII вв. (11).

Третий керамический комплекс, группа 1, выделяется появлением глазурованной посуды.

Неглазурованная керамика сохраняет типы посуды предшествующих комплексов. Хозяйственная: хумы и хумча. Хумы: с яйцевидным туловом на плоском дне с вогнутым венчиком, имеющим утолщенные закраины (рис. 1, *27, 28)*; с вогнутым утолщенным венчиком, диаметр которого 44 см (рис. 1, *26*).

Столовая посуда: кружки и кувшины. Изготовлены на гончарном круге. Черепок лессово-глиняный. Поры продольные или округлые, очень мелкие. Глины светло- или красножгущиеся. Кружки — с отогнутыми венчиками, резко переходящими в полусферическое тулово на плоском дне. Место перегиба — выше средней части сосуда. Под венчиком — петлевидная ручка (рис. 1, *18, 19*). Кувшины, широкогорлые и узкогорлые, имеют множество вариантов: узкогорлые, с диаметром устья 3 см, плавно переходят в округлое тулово на плоском донце (рис. 1, *20)*; широкогорлые двух типов: с плавным переходом венчика в яйцевидное тулово на плоском дне, отличаются оформлением венчика; с прямопоставленным широким устьем с различными условными вариантами профилировки венчика (рис. 1, *21, 22, 23, 30*). Диаметры венчиков от 8 до 26 см.

Кухонная керамика: котлы, кувшины и крышки с жаростойким черепком. Котлы — сосуды горшкообразной формы с различными вариантами оформления устьев и венчиков (с прямопоставленным с заостренной закраиной венчиком, плавно переходящим в округлое тулово; с венчиком, имеющим неширокую горизонтальную площадку, резко переходящим в расширенное тулово) (рис. 2, *8)*; чашевидной формы с горизонтально выгнутым венчиком, с верхней площадки которого отходят петлевидные ручки (рис. 2, *25)*; горшкообразные, со слегка отогнутыми венчиками диаметром 16—22 см. Имеют налепные подковообразные ручки, украшенные прочерченными вертикальными отрезками. Котлы аналогичной формы предыдущего комплекса имели более заостренную подковообразную ручку (2, *11*). Кухонные кувшины аналогичны по форме широкогорлым кувшинам этого же комплекса, но имеют жаростойкий черепок и их поверхность закопчена. Крышки — дисковидные, с утолщенной закраиной, иногда их поверхность орнаментирована полоской косых или вертикальных врезных отрезков. Диаметр — 25—30 см.

Тагора — невысокие сосуды типа тазиков на плоском дне, формованном на песчаной подсыпке. Имеют несколько вариан-

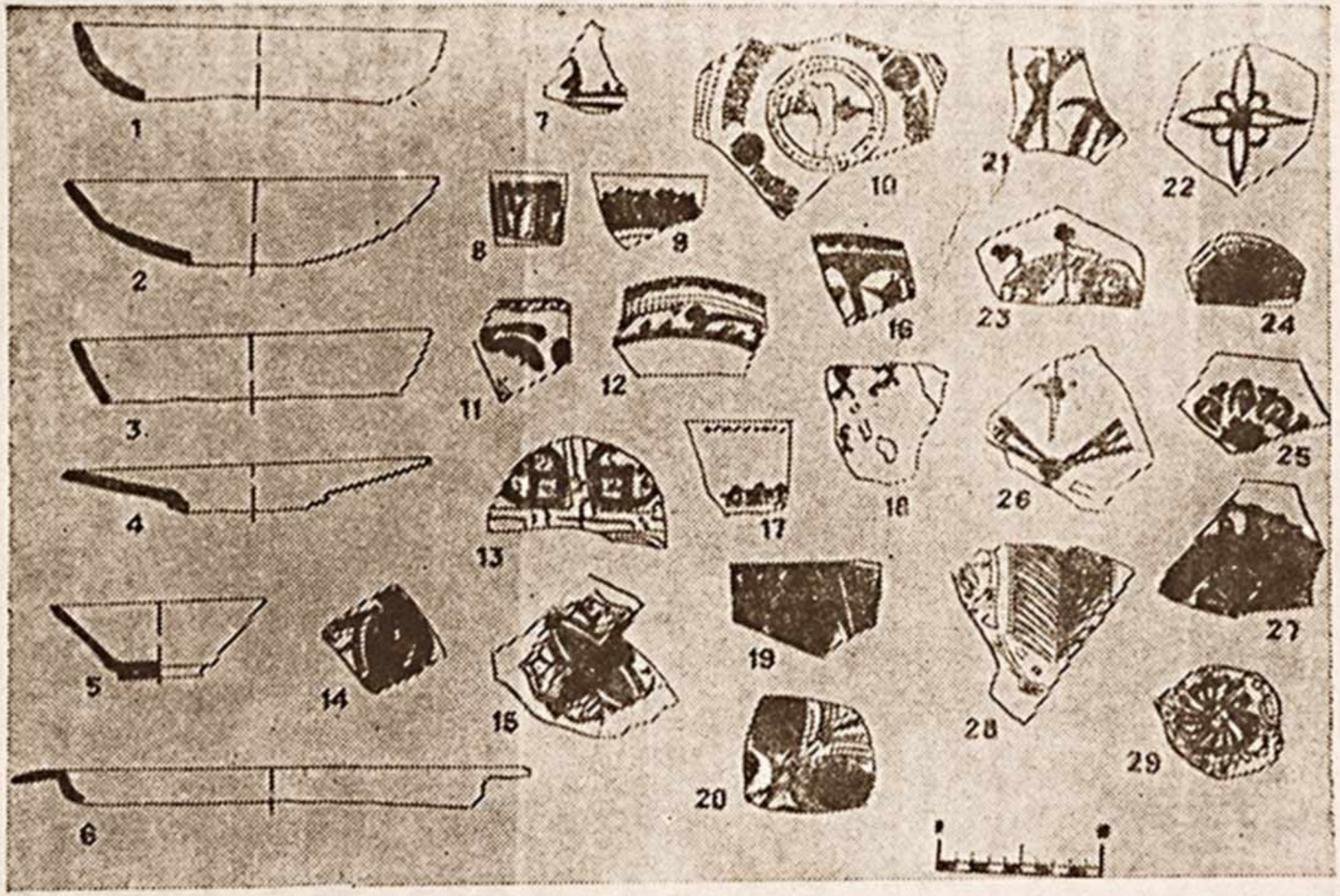

Рис. 3. Формы и виды орнаментации глазурованной посуды.

тов венчиков: прямопоставленные утолщенные подтреугольные с горизонтальной площадкой; слегка вогнутые внутрь сосуда; вытянутые наружу. Диаметр венчиков — 36—40 см (рис. 1, *24, 25*). «Дастарханы» со столешницей диаметром 45 см, с ровной рабочей поверхностью и утяжеленной закраиной. С внешней стороны орнаментированы полосой вдавлений от пальцев или волнистыми линиями (рис. 2, *29*).

Глазурованная керамика представлена изделиями открытых форм: тарелками, чашами, изредка кувшинами. Чаши — полусферической формы или с корпусом, напоминающим усеченный конус (рис. 3, *1, 2, 3*). Большую часть составляют изделия с надглазурной росписью. Последняя выполнена красителем зеленого или бирюзового оттенков, подчеркнута обычно полосой черного. Форма сосудов утяжелена. Глазурью покрыты обе стороны. На некоторых изделиях с внешней стороны у венчика наблюдается полоса потеков, выполненных красителем бирюзового цвета. Сосуды с подглазурной росписью полностью белофонные или декорированы орнаментом: эпиграфическим (рис. 3, *7, 8, 11, 12*), выполненным черной краской по белому фону под прозрачной глазурью; с секторной композицией типа «бегунка» по белому фону черным толстым контуром под прозрачной глазурью, характерного для керамики Бинкета второй половины IX — первой половины X в. (7, с. 90, рис. 25, *5*); глазчатым орнаментом вдоль венчика в виде контуров красной краски с темным пятном в центре. Узор выполнен на белом фоне под прозрачной глазурью (отмечается также зубчатый бордюр черной краской по закраине венчика).

В комплексе встречаются желтофонные сосуды с росписью зеленой краской.

Описанный комплекс по аналогии с керамикой ближайших регионов можно датировать второй половиной IX — первой половиной X в.

Третий керамический комплекс, группа II, представляет дальнейшее развитие форм неглазурованной керамики и появление новых типов в орнаментике глазурованной.

Неполивная включает хозяйственную, столовую и кухонную посуду. К хозяйственной относится хум с яйцевидным туловом на плоском донце, формованном на песчаной подсыпке. Венчик выгнут наружу, диаметр — 36 см (рис. 1, *38*). Встречаются также хумы с расширенным округлым туловом и сильно утолщенным овальным венчиком диаметром 24 см (рис. 1, *37*). Столовая посуда, в отличие от ранее рассмотренного комплекса, характеризуется отсутствием чаш и кружек. Наблюдается дальнейшее развитие форм широкогорлых кувшинов с различными вариантами усложненной профилировки венчика и высокой горловины (рис. 1, *32, 33*), с уплощенной ручкой под венчиком. Иногда на верхней площадке ручки имеется налеп в виде пуговки (рис. 1, *34*). Продолжают бытовать широкогорлые кувшины с плавным переходом венчика в расширенное яйцевидное тулово. Венчики, как правило, выгнуты наружу. Донца кувшинов плос-

кие, формованы на песчаной подсыпке. Выделяются утолщенные донца (рис. 1, *35*). Крышки — полусферической формы, с ручкой в центре в виде пуговки (рис. 1, *36*).

Кухонная посуда — горшковидные котлы с высоким горлом и слегка отогнутым венчиком (рис. 2, *8, 9*); банкообразные, с ручкой в виде подковы, украшенной процарапанными вертикальными отрезками. Венчик вогнут внутрь и имеет неширокую горизонтальную площадку (рис. 2, *12*). Все кухонные изделия с жаростойким черепком сероватого или розоватого оттенков, внешняя поверхность закопчена. Тагора аналогичны по форме таковым из предыдущего комплекса (рис. 1, *39*). Диаметры венчиков 34—46 см. «Дастархан» с покатой поверхностью столешниц диаметром 58—62 см. Закраины изделий утяжелены для придания устойчивости столику. Оборотная сторона столешниц декорирована полосами защипов и процарапанными волнистыми линиями (рис. 2, *30, 31*).

Глазурованная керамика — в основном чаши полусферической и полуконической формы, выделяются изделия с надглазурной и подглазурной росписью. Надглазурная роспись: «ишкорная» на белом фоне, бирюзовой краской с подчеркиванием контуров черной; задымленная роспись. Основная группа не орнаментирована, лишь на четырех фрагментах роспись бирюзовой краской. Орнамент растительно-геометрического характера: четырехлепестковая розетка (рис. 3, *22*), «елочка», вертикальные полосы по внутренней поверхности чаш, остатки надписи «барака» в центре донца, выполненной в стиле простого куфи. О. Г. Большаков считает, что «барака» является сокращением пространного пожелания «благословение владельцу сего», распространенного на глазурованной посуде IX—X вв. (5, с. 27).

Сосуды с подглазурной росписью на белом фоне красной, черной, коричневой и оливковой красками. Эпиграфический орнамент: простое куфи черным жирным контуром на белом фоне; псевдоэпиграфический, характеризующийся повтором определенного набора букв (рис. 3, *9, 17*), часто сочетается с точечным заполнением, которое изредка заменено заполнением косыми полосами (рис. 3, *11*) — аналогичная керамика характерна для Бинкета второй половины IX — первой половины X в. (7, рис. 25, *3*); растительный орнамент. Появляется мотив вихревой розетки, расположенной в центре чаши и сочетающейся с «цветочными букетами». Вихревая розетка — один из древнейших символов. Некоторые авторы считают, что она происходит из комплексов скифо-сарматского времени (19, с. 46—47). В средние века она являлась излюбленным мотивом орнаментации глазурованной посуды Мавераннахра и продолжает применяться до настоящего времени в прикладном искусстве (13, табл. XIV, *1*). Вихревая розетка состоит из округло изгибающихся в одну сторону лепестков в виде полос, отходящих от расположенного в центре круга (рис. 3, *24, 27*). Розетку ограничивает круговая

полоса, выполненная в контрастном цвете. Дальнейшим развитием изображения явилось видоизменение лепестков, приобретших вид запятых и отходящих от небольшого круга или пятна в центре чаши. Обрамляет такую розетку круг из завитков или пальметт (рис. 3, *25*).

Эволюцию изображения вихревой розетки рассматривали многие исследователи: С. Б. Лунина на мервском материале, Ш. С. Ташходжаев и Г. В. Шишкина на афрасиабской керамике, Л. Г. Брусенко на шашских образцах (14, с. 290; 16, с. 83; 18, с. 58; 7, с. 96). В сформировавшемся виде этот элемент отмечается в материалах конца X в., наибольшее распространение он получил в XI в. Наряду с вихревой розеткой в орнаментации широко применялись линейно-геометрические (в виде сложных плетений, волнистых линий и кругов) и растительные мотивы (завитки, побеги в форме сердечка) (рис. 3, *13, 14, 23*).

Одной из главных особенностей оформления глазурованной посуды является создание основного узла композиции, вокруг которого концентрически, секторно или свободно формировался орнамент. Завершением композиции был зубчатый или фестончатый бордюр по краю чаш.

Из новых элементов в декоре следует отметить появление зооморфного сюжета. Из-за фрагментарности изображения на ахсикетском черепке (сохранилась только часть тулова и лап) нельзя точно сказать, какая именно птица изображалась (рис. 3, *18*). Рисунок выполнен оливковой краской и оконтурен черной. По аналогии рассмотренный керамический комплекс можно датировать концом X в.

Третий керамический комплекс, группа III, относится к периоду наибольшего расцвета керамического производства городища Ахсикет.

Неглазурованные изделия включают хозяйственную, столовую и кухонную посуду. Хозяйственная посуда: хумы и хумча. Хумы — с яйцевидным туловом на плоском донце, формованном на песчаной подсыпке. Венчик расширен в виде круга и слегка выгнут (рис. 1, *46*). Хумча — с яйцевидным туловом, на плоском донце, венчик диаметром 26 см выгнут под углом. С внутренней стороны у венчика полочка для крышки.

Столовая посуда: чаши и кувшины. Чаши — полусферические, миниатюрные, на высоком плоском дне. Диаметр венчика 11 см, донца 4 см (рис. 1, *40*). Кувшины — больших, средних и малых размеров. Сосуд с круга. Глины красно-, светло- и серожгущиеся. Кувшины — нескольких видов:

широкогорлые, с высокой горловиной, резко переходящей в тулово (с высоким сложнопрофилированным венчиком, иногда орнаментированным прочерченными вертикальными или косыми отрезками (рис. 1, *43*), горловина резко переходит в округлое тулово на плоском донце; с высоким сложнопрофилированным горлышком, декорированным врезным и процарапанным орнаментом, с уплощенной ручкой под венчиком);

широкогорлые, венчик плавно переходит в яйцевидное тулово на плоском донце (с высокой горловиной и петлевидной ручкой в месте перехода от горловины к тулову (рис. 1, *48*); со слегка вогнутым венчиком, под которым орнаментированы прочерченными волнистыми линиями; сосуды, декорированные по плечикам врезными вертикальными овалами и отдельными штампами) (рис. 1, *52*);

широкогорлые, вытянутых пропорций, с выгнутым под углом заостренным или утолщенным венчиком;

широкогорлые, с банкообразным туловом, сплошь орнаментированным сеткой пересекающихся косых процарапанных линий. В центре образовавшихся ромбов — отдельные штампики в виде круга, окаймленного полосой точек (рис. 1, *42*).

узкогорлые, с уплощенной ручкой, декорированной в высшей части изгиба налепом-пуговкой;

декорированные штампом в виде сердечек. Изготовлены в специальной форме-калыбе (рис. 1, *45*). Имеется фрагмент от штампованного кувшинчика, декорированного по тулову полосой кружков. В комплексе в группе штампованных изделий выделяются материалы для производства самих калыбов (рис. 1, *51*).

Кухонная посуда представлена дальнейшим развитием форм котлов. Отмечено появление нескольких вариантов банкообразных котлов с утолщенным манжетовидным венчиком, вогнутым внутрь сосуда (рис. 2, *16, 17, 19*), а также чашевидных открытых котлов с венчиком, имеющим полочку для крышки (рис. 2, *15*). Видоизменяются котлы открытой формы с «полусферическим» туловом и выгнутым горизонтально венчиком, перпендикулярно которому расположена петлевидная ручка. С внутренней стороны сосуда у венчика оформлена полочка для крышки (рис. 2, *27*). Продолжают бытовать горшкообразные котлы, подковообразная ручка которых — в виде полумесяца (рис. 2, *21*). Тагора — низкие тазики с диаметром венчика 44 см. Закраина венчика подтреугольная, острым концом направлена внутрь сосуда. Стенки прямопоставленные, донца плоские, формованные на песчаной подсыпке (рис. 1, 47). «Дастарханы» со столешницей диаметром 45 см. Столешница покатая, рабочая поверхность гладкая, со следами порезов, оборотная сторона декорирована (рис. 2, *31*). Фрагменты очажков декорированы штампом. Орнаментика сочетает растительные элементы (побег) и геометрические (кружки, перекрестия, прямоугольники) (рис. 1, *49, 50*).

Чернильницы с вогнутым венчиком и овальным или банкообразным туловом на плоском донце (рис. 1, *41*). Формованы на гончарном круге. Сфероконусы малых и больших размеров декорированы врезными вертикальными овалами. Много деформированных сосудов.

Глазурованная посуда. Тарелки толстостенные с горизонталь-

но выгнутым венчиком. Чаши полусферической и конической форм на плоском или вогнутом поддоне. Из новых форм отмечается появление чаш малых размеров типа пиала на плоском, с чуть выступающей закраиной донце и тарелок с отогнутым наружу горизонтальным бортиком (рис. 3, *5, 6)*.

Изделия покрыты белым ангобом и бесцветной глазурью, с внешней стороны по краю венчика декорированы ровной полосой. Роспись наносилась черной, красно-коричневой, розовой и красной красками. Значительное место занимает керамика с росписью оливковой краской. Большой интерес представляют чаши с двусторонним покрытием красным ангобом и росписью геометрического характера черной и белой красками. Красные подглазурные ангобы были менее распространены, чем белые. Они характерны для керамики Афрасиаба, Маргианы и очень мало употреблялись в Хульбуке, Фергане (15, с. 86), чем и объясняется единичность находок краснофонной глазурованной керамики на городище Ахсикет.

При всем разнообразии мотивов орнаментации белофонной посуды можно выделить несколько групп:

линейно-геометрического характера — пересекающиеся линии, образующие сетку на дне сосуда; так называемый «пропеллеровидный орнамент» (рис. 3, *26)*; сложные переплетения с точечным заполнением внутри лент; ромб из двух переплетенных овалов (рис. 3, *15)*; строенные точки. Дальнейшим развитием «глазчатого» орнамента явились розетки в центре донца чаш, состоящие из расположенных по кругу глазков, обычно оливкового цвета с черной точкой внутри, розетка обрамлялась линией с перлами или меандрами. Отдельный глазок мог располагаться у края венчика и служить единственным украшением чаш;

растительный орнамент. Дальнейшее развитие получает мотив вихревой розетки, но в исполнении наблюдается некоторая небрежность, лепестки приобретают подквадратные очертания, острые углы, начинают сливаться друг с другом (рис. 3, *29)*. Наряду с вихревой розеткой применялись миндалевидные фигуры с процарапанными до белого ангоба завитками в сочетании с острыми листьями и пятнами. Часто миндалевидные листья дополнялись плетеной тесьмой, заполненной цепочкой крапин. Широко использовался мотив растительного побега и завитка, особенно в сочетании с миндалевидными фигурами и геометрической композицией (рис. 3, *19, 20)*;

эпиграфический орнамент. Надписи выполнены в стиле куфи с расщепами, большей частью нечитаемы. Надписи располагались обычно по краю венчика, остальное поле чаш оставалось свободным. Иногда короткие благопожелания располагались в центре донца (рис. 3, *10)*. Широкое распространение получило благопожелание «ал-йумн» (благополучие), совершенно вытеснившее «барака» в XI в. (5, с. 30). Большей частью надписи «ал-йумн» стилизованы, наблюдается пропуск буквы «мим». Еще большая стилизация выражается в псевдонадписях, когда

вместо букв на чаши наносились простые вертикальные черточки и точки по краю венчика под зубчатым бордюром (рис. 3, *17*).

Четвертый керамический комплекс отличается уменьшением типов и орнаментации сосудов. Возможно, это связано с ослаблением интенсивности жизни рассматриваемого участка города.

Неглазурованная керамика включает хозяйственную, столовую и кухонную посуду. Хозяйственная представлена фрагментами хумов и хумча. Хумы — закрытой формы, с яйцевидным и банкообразным туловом на плоском донце, формованном на песчаной подсыпке. Венчик вогнут, закраина его выгнута наружу (рис. 1, *33, 56, 57*). Диаметр венчика 24—40 см. Хумча — с яйцевидным туловом на плоском донце. Венчик имеет с внутренней стороны полочку для крышки. Закраина венчика утолщена и оформлена полосой защипов (рис. 1, *54, 55*). Столовая посуда — широкогорлые кувшины с яйцевидным туловом на плоском донце; с высоким горлом, резко переходящим в грушевидное тулово на плоском донце. Плечики изделий декорированы различными вариантами волнистых, горизонтальных и вертикальных процарапанных полос. Кухонная посуда — с жаростойким черепком. Продолжают бытовать котлы горшкообразной и банкообразной формы. В группе последних появляются сосуды с отогнутым невысоким венчиком с горизонтальной площадкой, имеющим с внутренней стороны полочку для крышки (рис. 2, *14*). Видоизменяются котлы с «полусферическим» туловом, теперь они ближе к форме усеченного конуса (рис. 2, *28*). «Дастарханы» аналогичны по формам и орнаментике таковым из предыдущего комплекса (рис. 2, *33*).

В глазурованной керамике не встречается в орнаментике «букет» с миндалевидными элементами, изредка наблюдается мотив вихревой розетки. Распространяется новый элемент растительного орнамента — «пальмовый» лист, выполненный оливковым цветом (рис. 3, *28*). В керамике Бинкета и Самарканда он появляется в начале XI в. (18, с. 59).

Сравнительная характеристика керамических комплексов раскопа Р-9 с керамикой среднеазиатского региона, в частности Ферганы, а также учет стратиграфии залегания напластований на рассматриваемой площади городища Ахсикет дали возможность датировать рассматриваемые комплексы:

первый керамический комплекс — VII—VIII вв.;

второй — VIII — начало IX в.;

третий: I группа — начало X в.; II группа — вторая половина X — начало XI в.; III группа — XI в.;

четвертый — начало XII в.

Материал нижних напластований (первый и второй керамические комплексы) датирован по аналогии с изученными ранее керамическими комплексами, выделенными для территории Ферганы довольно четко. Между вторым керамическим комплексом и I группой третьего комплекса чувствуется временной разрыв. Многие формы изделий и декор глазурованной посуды находят

аналогии в шашской керамике конца IX в., но присутствуют и фрагменты, датируемые началом X в.

В последние годы исследователи, отказавшись от ранних предположений (3, с. 150), пришли к мнению, что носителями производства глазурованной керамики были арабы (6, с. 275). Оно распространялось по мере арабского завоевания. Ферганская долина в силу своего географического положения оказалась одной из последних областей, подвергшихся завоеванию, и восприняла не только новую технику, но и ее преломление в ранее захваченных областях. Новая технология производства посуды попала в благоприятные условия ферганской сырьевой базы и высокого уровня мастерства ремесленников.

Прогресс гончарного производства наблюдается на материале из городища Ахсикет, представленном в III группе третьего керамического комплекса, датированного XI в. Комплекс поражает количеством керамики, разнообразием форм и орнаментики посуды. Однако отмечается ухудшение качества изделий, что может быть связано с работой на широкий рынок.

На наш взгляд, прогресс в гончарном производстве Ахсикета в XI в. являлся не только результатом интенсивного восприятия нового. Фактором, который мог повлиять на такое развитие, был контакт с обширной кочевой периферией, представляющей неограниченный рынок сбыта продукции городских ремесленников (4, II, 1, с. 123; 9, с. 8). Контакт оседлой и кочевой культур интенсивно развивался в регионе с периода раннего средневековья, когда Фергана наряду с Чачем ранее других владений на территории Средней Азии была связана с Тюркским каганатом (2, с. 19). Наивысшего развития он, видимо, достиг в период становления государства караханидов, политическая власть которого узаконила этот контакт, способствующий слиянию художественных и культурных достижений ремесла оседлого и кочевого населения. Стабильный рынок сбыта продукции был основой к расширению производства и диктовал некоторые принципы орнаментики. Наибольшие параллели керамика городища Ахсикет в это время находит в шашской керамической школе, которая тоже развивалась в зоне контакта с кочевниками.

Керамика четвертого керамического комплекса раскопа 9 не дает большого количества гончарных изделий. На глазурованной посуде наблюдается дальнейшее развитие технологических приемов и освоение нового вида орнамента, что указывает на продолжение совершенствования производства. Сокращение выпуска изделий могло быть следствием постепенной потери рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анарбаев А. А. Исследования средневековой Ферганы/по материалам Ахсикета//Культура и искусство Киргизии. Вып. 2. Тезисы докладов. Ленинград: ЛОИА АН СССР, 1983.

2. Аскаров А. А., Буряков Ю. Ф. Некоторые итоги и перспективы развития археологии в Узбекистане//Советская археология. 1978. № 2.
3. Ахраров И. А. К истории появления поливной керамики в Средней Азии//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.
4. Бартольд В. В. Соч. Т. 1—9. М., 1963—1977.
5. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв.//ЭВ. Вып. XII. 1958.
6. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековой город Средней Азии. Л., 1973.
7. Брусенко Л. Г. Керамика Бинкета//Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
8. Брусенко Л. Г. Керамика Бинкета//Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
9. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
10. Горбунова Н. Г. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы//СА. 1970. № 1.
11. Горбунова Н. Г. Керамика поселений Ферганы первых веков н. э.// ТГЭ. Вып. 20 (11). 1979.
12. Горбунова Н. Г. О раннесредневековой керамике Ферганы//УСА. Вып. 4. 1979.
13. Киргизский национальный узор. Л. — Фрунзе, 1948.
14. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве IX — начала XIII в.// Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
15. Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966.
16. Ташходжаев Ш. С. Художественно-поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967.
17. Филанович М. И. Ташкент (зарождение и развитие города и городской культуры). Ташкент, 1983.
18. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начала XIII в.). Ташкент, 1979.
19. Яценко И. В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северного Донца//КСИА. Вып. 89. 1962.

С. Р. ИЛЬЯСОВА

АХСИКЕТСКИЕ ЧИРАГИ

В результате планомерных широких раскопочных работ на городище Эски-Ахси в 1980—1984 гг. (1, с. 54, 111, 132), в которых принимала участие и автор этих строк, была собрана коллекция средневековых керамических светильников — чирагов. Изучению ее и посвящена данная статья. Основная часть представленных данных получена из раскопа-шурфа Р-9, где стратиграфически выделены материалы, характеризующие этапы жизни города с периода раннего средневековья до начала XIII в. (2). Находки чирагов с других раскопов городища позволили дополнить и уточнить общую картину развития данной формы керамики.

По форме и особенностям декора чираги можно разделить на несколько типов:

I — неполивные чираги-плошки со смятым носиком, без ручки (рис. 1, *1*);

II — неглазурованные, с округлым резервуаром, выделенной цилиндрической горловиной, вытянутым носиком и петлевидной ручкой (рис. 1, *2, 3*). Один из чирагов, с уплощенным сверху

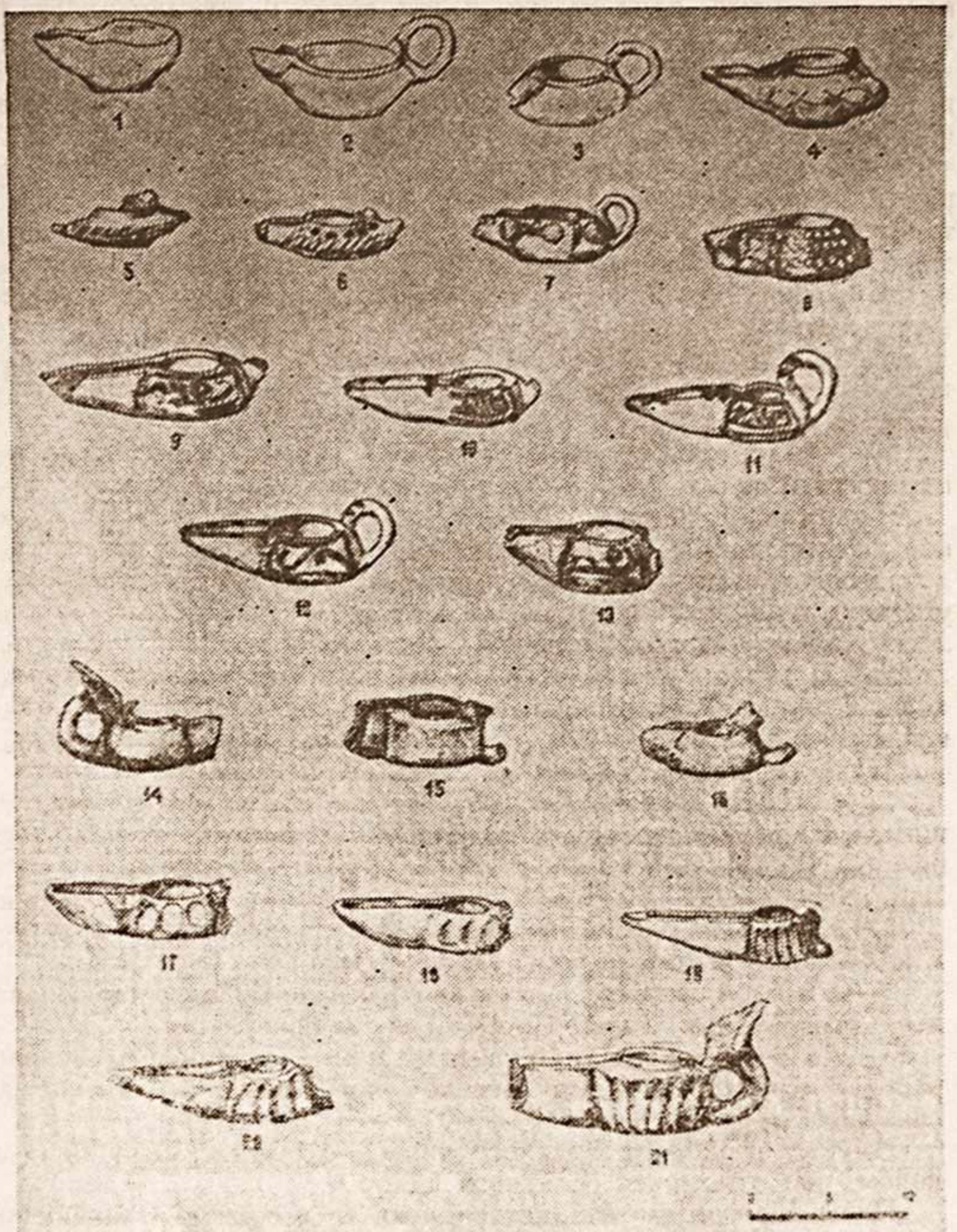

Рис. 1. Чираги IX — начала XIII в. из Ахсикета.

вниз резервуаром, украшен ромбовидными вмятинами (рис. 1, *4*);

III — с сильно уплощенным резервуаром, выделенной горловиной, вытянутым носиком и петлевидной ручкой. Полива

глухая, нанесена прямо на черепок, темно-зеленого и бирюзового цветов, один фрагмент — с зеленовато-желтой глазурью и потеками зеленой. Резервуары двух чирагов украшены наклонными насечками, один из них имеет поверху штампованные розетки (рис. 1, *5—6*);

IV — с резервуаром торовидной формы, вытянутым носиком и петлевидной ручкой, покрыты прозрачной бесцветной блестящей поливой хорошего качества. Роспись выполнена красной и черной красками по белому ангобу. Мотивы орнаментации — чередующиеся красные пятна и вертикальные черные полосы на тулове, по краю устья — черная полоса (рис. 1, *7*); косая штриховка в «елочку» черной и красной красками, заключенная в рамку из красных линий, по устью — черная полоска; мелкая изящная псевдонадпись, выполненная черной краской;

V — с резервуаром усеченно-конической формы, расширяющимся книзу, вытянутым носиком и петлевидной ручкой. Виды росписи:

1 — рядами белых крапин по коричневому ангобу под бесцветной глазурью (рис. 1, *8*) и черных крапин по белому фону;

2 — темно-коричневой краской по белому фону под бесцветной блестящей глазурью, основной мотив орнаментации — псевдоэпиграфический, по бокам резервуара, заключенный в прямоугольную или трапециевидную рамку, поперечные или косые полоски на верхней части носика, две горизонтальные — на петлевидной ручке. Варианты псевдонадписи от довольно близких к написанию арабских букв до упрощенных полос, завитков и штриховки (рис. 1, *9—13*). Имеются находки светильников с росписью красной краской без глазури;

VI — с цилиндрическим или усеченно-коническим, расширяющимся кверху резервуаром, длинным носиком и ручкой, украшенной выступом-пятой со штампованным изображением. Глазурь коричневого и зеленого цветов. Выделяются три подтипа:

1 — чираги под коричневой и зеленой глазурью, резервуар гладкий либо с вмятинами (рис. 1, *14—18*);

2 — изящной формы, под зеленой глазурью с каннелюрованным резервуаром (рис. 1, *19*);

3 — более крупные, грубо выполненные, с граненым туловом, часто с перемычкой между носиком и резервуаром, под зеленой глазурью (рис. 1, *20—21*).

Имеется фрагмент крупного чирага с резным «елочным» декором под глазурью салатного цвета.

Пяты чирагов имеют листовидную, треугольную, трапециевидную, пятиугольную формы, есть также пяты с удвоенной вершиной. Изображения, оттиснутые на них штампом, в основном растительно-геометрического характера — стилизованные виноградные листья, трилистники, пальметты и полупальметты, побеги, составляющие симметричные либо асимметричные композиции (рис. 2).

Имеется листовидная пята чирага с изображением пары птиц у древа, а также пята, на которой представлен заяц, стоящий влево на задних лапах, голова повернута назад, из пасти прорастает растительный побег (3, с. 53—54).

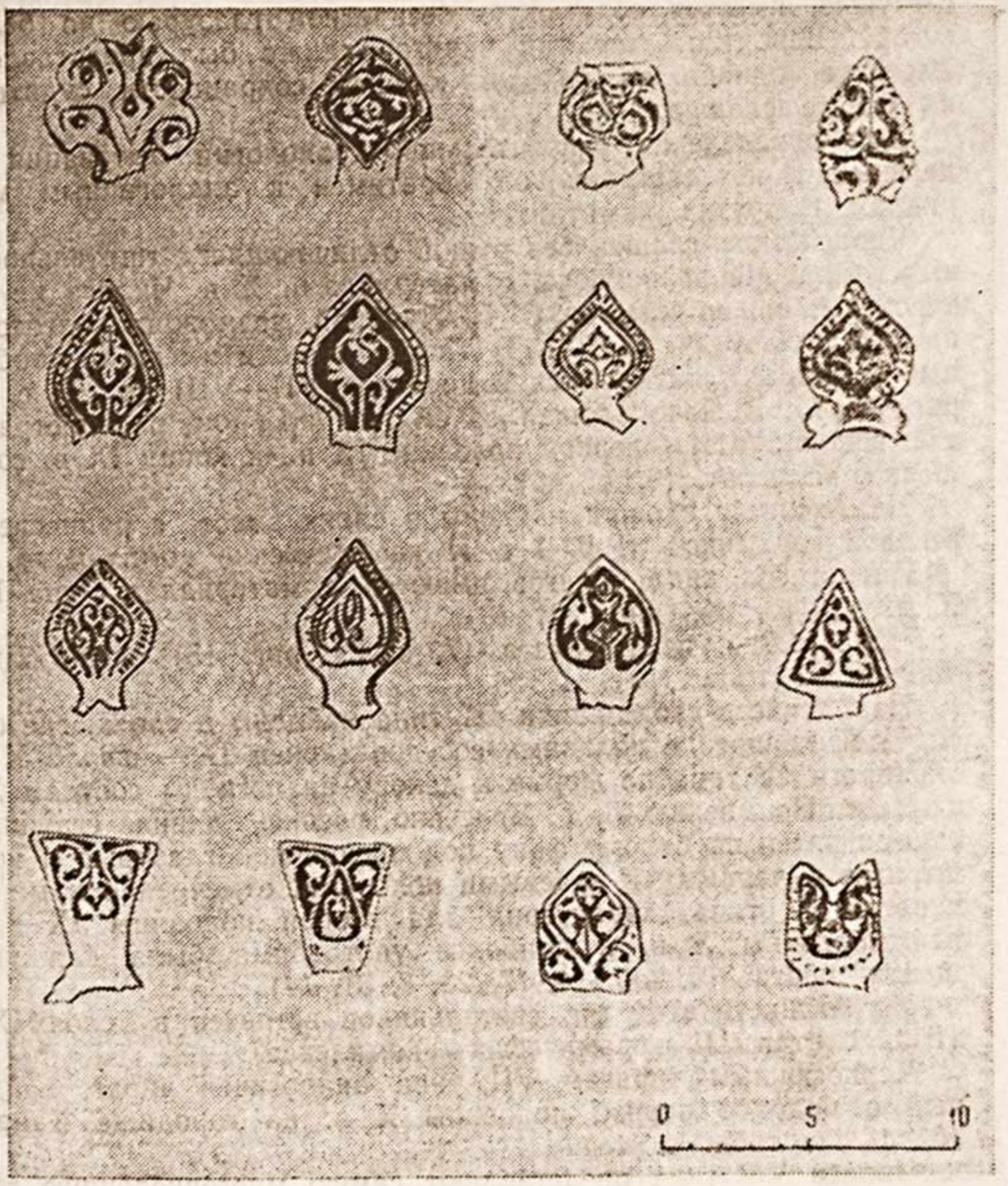

Рис. 2. Формы и орнаментация пят светильников.

Среди ахсикетских находок имеется пята листовидной формы, украшенная горизонтальными полосами темно-коричневой краски по белому фону под бесцветной глазурью. Судя по обломку, положение пяты на светильнике было близким к горизонтали, техника и цветовая гамма декора идентичны чирагам типа

V/2. Возможно, это образец перехода к изготовлению нового типа светильников — от чирагов типа V/2 (горизонтальные полосы на петлевидных ручках) к чирагам с пятами типа VI.

На городище Эски-Ахси найдено несколько фрагментов нижних частей светильников на высокой полой ножке под зеленой глазурью, имеется обломок с бесцветной глазурью по белому ангобу. Вероятно, этот тип чирагов также был представлен в Ахсикете, однако до находок лучшей сохранности судить об их форме сложно.

Для определения относительной хронологии бытования выделеных типов светильников обратимся к аналогичным материалам с других памятников.

Чираги типа плошек без ручки, отличающиеся тщательностью выделки, в Мерве найдены с материалами X в. Чираги не глазурованы, но, по мнению С. Б. Луниной, возможно, подготовлены под поливу (4, с. 232). В Таразе плошки имеют юртообразные футляры и датируются в пределах VII—VIII вв. (5, с. 216, рис. 10, *1*). В Чаче плошки со смятым носиком, распространенные в конце VIII — первой половине IX в., к концу IX в. совершенно исчезают (6, с. 46).

На Ахсикете плошки найдены в слоях вместе с раннесредневековой керамикой (Р-9, I и II керамические комплексы).

Аналоги II типа чирагов имеются в материалах Чача IX—X вв. (6, с. 46, рис. 31, *10*).

Чираг IX в. из Бенакета (7, с. 29, рис. 15) очень близок чирагу III типа (рис. 1, *5*).

На Ахсикете светильники III типа найдены в слоях, где фиксируется появление поливных сосудов (конец IX — начало X в.).

Чираги IV типа по форме и декору аналогичны сосудам X в. из Чача. По мнению Л. Г. Брусенко, роспись в виде сгруппированных пятен по белому фону под прозрачной глазурью и косая штриховка черными и красными полосами, отмеченная нами для чирагов IV типа, характерна для второй половины IX — первой половины X в. и наиболее употребима была для украшения чирагов (6, табл. 4, *17;* 23, *8;* 31, *14*).

На Ахсикете этот тип светильников встречен в слоях X в. (Р-9, 1 этап III керамического комплекса).

Чернофонным чирагам V/1 типа аналогичен чираг, найденный в бадрабе первой половины X в. на городище Ханабад (6, с. 18, табл. 4, *18*).

Чираги V/2 типа представляют самую многочисленную группу. Псевдоэпиграфический орнамент на резервуарах имеют чираги из Отрара (X—XI вв.) (8, с. 97, рис. 55, *8*); Тараза (5, рис. 10, *9*); Бинкета (9, рис. 62, *7*), с городища Канка (10, с. 132), из Согда (X в.) (11, с. 38).

На Ахсикете чираги этого типа встречаются в слоях XI—XII вв. (Р-9, 3 этап III керамического комплекса, IV керамический комплекс).

Роспись черной краской в виде рядов пятен по белому фону отмечена на чирагах из Карабулака (XII в.) (12, с. 124), Отрара (X—XI вв.) (8, с. 97, рис. 55, *5*), Тараза (X—XII вв.) (13, с. 49).

Светильники VI типа были широко распространены на других памятниках. Чираги изящной формы, покрытые темно-коричневой или зеленой поливой, корпус которых в некоторых случаях имеет каннелюры, отмечены в Таразе (5, с. 217). Чираги с поливой коричневого и зеленого цветов в Мерве отмечены в слоях X—XI вв. и первой половины XII — начала XIII в. (4, с. 243, 268, 356), на Отраре (X — XI вв.) (8, с. 97, рис. 48, *12*), в Чаче (X—XI вв.) (10, с. 132). Г. В. Шишкина появление граней на резервуарах светильников в Согде относит к XI в. (14, с. 19, табл. XVII, *1*).

Чираги более объемные, с перемычкой между носиком и резервуаром, отмечены в Таразе (XII—XIII вв.) (5, с. 219, рис. 12, *2, 4*). Тем же временем датируются крупные чираги с граненым резервуаром и листовидной пятой под зеленой глазурью в Чаче (15, с. 63, табл. 31, *5*), на Отраре (16, с. 112), в Таджикистане (17, с. 89, рис. 15, *4*), Хорезме (18, с. 92), Согде (14, табл. XVII, *1*), Фергане (21, рис. 54, *2*).

Пяты светильников со сдвоенной вершиной или в виде бантика имеются в Таразе (5, с. 218, рис. 11, 14, 15), Чаче (7, с. 167).

Парные изображения птиц по сторонам дерева известны в Таразе и Семиречье (5, с. 218, рис. 11, 14), Чаче (6, с. 70), Тохаристане (19, с. 56—57), на Варахше (20, рис. 10, 7).

Изображение бегущего зайца имеется на пяте чирага из Карабулака (21, с. 78, рис. 56, *4*).

На основе вышеприведенных аналогий с сопутствующей керамикой Ахсикета чираги I типа датируются VIII — началом IX в. К IX в. можно отнести чираги III типа с ишкорной поливой. Светильники II типа, возможно, являются переходными от ранней неполивной плошки без ручки к чирагам с ручкой, которые вскоре стали глазуровать, либо заготовками для глазури, хотя глазурованных чирагов подобной формы на Ахсикете не было. IV тип мы относим к X в., тогда же, вероятно, бытовали и чираги типа V/1, которые отмечены и для XI в. Светильники типа V/2 с псевдоэпиграфикой относятся в основном к XI в., встречаясь и в слоях XII в. Чираги типа VI/1 — к XI в., VI/2— к XI—XII вв., VI/3 — к XII — началу XIII в. Сосуществование на протяжении одного периода чирагов различных типов объясняется видимо неравномерностью в освоении новых производственных приемов. Так, безусловно, более ранний тип светильников с псевдоэпиграфикой продолжал бытовать в XII в., когда популярны стали чираги с пятами под коричневой и зеленой глазурью (22, с. 147). Возможно, это отражение некоторой консервативности и традиционизма ахсикетцев.

Предложенные типология и хронология чирагов основаны на

известных нам материалах с городища Эски-Ахси. Трудно утверждать, что эта коллекция содержит абсолютно все типы бытовавших в древности керамических осветительных приборов. Накопление нового материала позволит, вероятно, уточнить и дополнить данную классификацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет Ахсикетского отряда 1981 г. Инв. № 29, с. 132; Отчет Ахсикетского отряда 1982 г. Инв. № 90, с. 111; Отчет Ахсикетского отряда 1983 г. Инв. № 115, с. 54; Отчет Ахсикетского отряда 1984 г. Инв. № 149. Архив Института археологии АН УзССР.
2. Папахристу О. А., Баратова Л. Керамика из стратиграфического раскопа № 9 городища Эски Ахсы (Ахсикет)//ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
3. Ильясова С. Об одном мотиве в искусстве Среднего Востока//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тезисы докладов. Ташкент, 1985.
4. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в.//Труды ЮТАКЭ. XI. Ашхабад, 1962.
5. Сенигова Т. Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня//СА. М., 1968. № 1.
6. Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX—XII вв. Ташкент, 1986.
7. Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
8. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
9. Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В., Карасев В. К истории феодальной культуры Ташкента//У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
10. Брусенко Л. Г., Галиева З. С. Материалы раскопок квартала X—начала XI в. на городище Канка//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
11. Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967.
12. Брыкина Г. А. Раскопки на городище Карабулак в 1961—62 гг.//КСИА. Вып. 98. М., 1964.
13. Мерщиев М. С. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза//Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
14. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII в.). Ташкент, 1979.
15. Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте//Труды САГУ. Вып. 172. Ташкент, 1960.
16. Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
17. Давидович Е. А. Раскопки замка Калаи-Боло//Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. III. МИА. М.—Л., 1958. № 66.
18. Вактурская Н. Н. Классификация средневековой керамики Хорезма//КСИЭ. Вып. XXII. М., 1955.
19. Исхаков М. Х. Парные изображения птиц на пяточках светильников из Будрача//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тезисы докладов. Ташкент, 1985.
20. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
21. Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.
22. Ильясова С. Глазурованная керамика из верхних слоев городища Эски-Ахси//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

РАБАДЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕНАКЕТА

В составе Чач-Илака, одной из самых урбанизированных областей средневекового Мавераннахра, Бенакет принадлежал к числу крупнейших городов.

Расположенный в западной части региона близ впадения «реки Илака» (Ахангарана) в «реку Чача» (Сырдарью) он входил в группу наиболее ранних городских поселений. В период раннего средневековья через него прошла первая транзитная ветвь караванной торговли, пересекавшая оазис с юго-запада на северо-восток и подключавшая Чач к торговле по Великому шелковому пути*. Уже для этого времени в составе Чача зафиксирован монетный чекан Бенакета.

С IX—X вв., когда центр торговых связей переместился на север, ближе к степи, через Бенакет проходила известная в восточных хрониках «бенакетская дорога» (3, с. 21), часть «большой хорасанской дороги», соединявшей страны арабского халифата с районами кочевой степи и Китаем. На востоке славились вывозившиеся из Бенакета «туркестанские» ткани.

Источники отмечают значительные размеры Бенакета, который некоторыми географами приравнивался по площади к Шуркету, второму городу Чача. Основные базары его располагались в рабаде. Близ базара отмечается пятничная мечеть (7, с. 226, 295). По данным Макдиси, Бенакет не имел крепостных стен, так как население его отличалось беспокойным духом (5, с. 277). Четко выделяются территории шахристана и рабада.

В XI—XII вв. город непрерывно упоминается в источниках. В конце XII — начале XIII в. с упадком Бинкета отмечается обильный чекан Бенакета, позволивший предполагать, что при поздних караханидах он стал столицей самостоятельного удела (10, с. 30).

В 1219 г. Бенакет упоминается единственным из городов Чача, штурмовавшихся монголами на пути из Отрара в Ходженд (8, с. 101). После этого город не запустел (известны исторические деятели XIII в. из Бенакета) (7, с. 96—97; 19), но находился, вероятно, в упадке. Согласно источникам, во время похода 1392 г. Тимур, оценив стратегическую роль пункта, восстановил его, окружил крепостной стеной и превратил в крепость у переправы, дав ей имя своего сына Шахруха. Как крупный торгово-экономический и военно-стратегический пункт Восточного Мавераннахра город функционировал до начала XVIII в.

В конце прошлого столетия город был отождествлен с руинами городища Шаркия на берегу Сырдарьи в 15 км выше впа-

---

* Описание этого пути мы встречаем у Кудамы, Ибн Хордадбеха (4, р. 204; 2, с. 64), однако П. Г. Булгаков убедительно доказал, что ими использованы источники доарабского времени (21, с. 273—274).

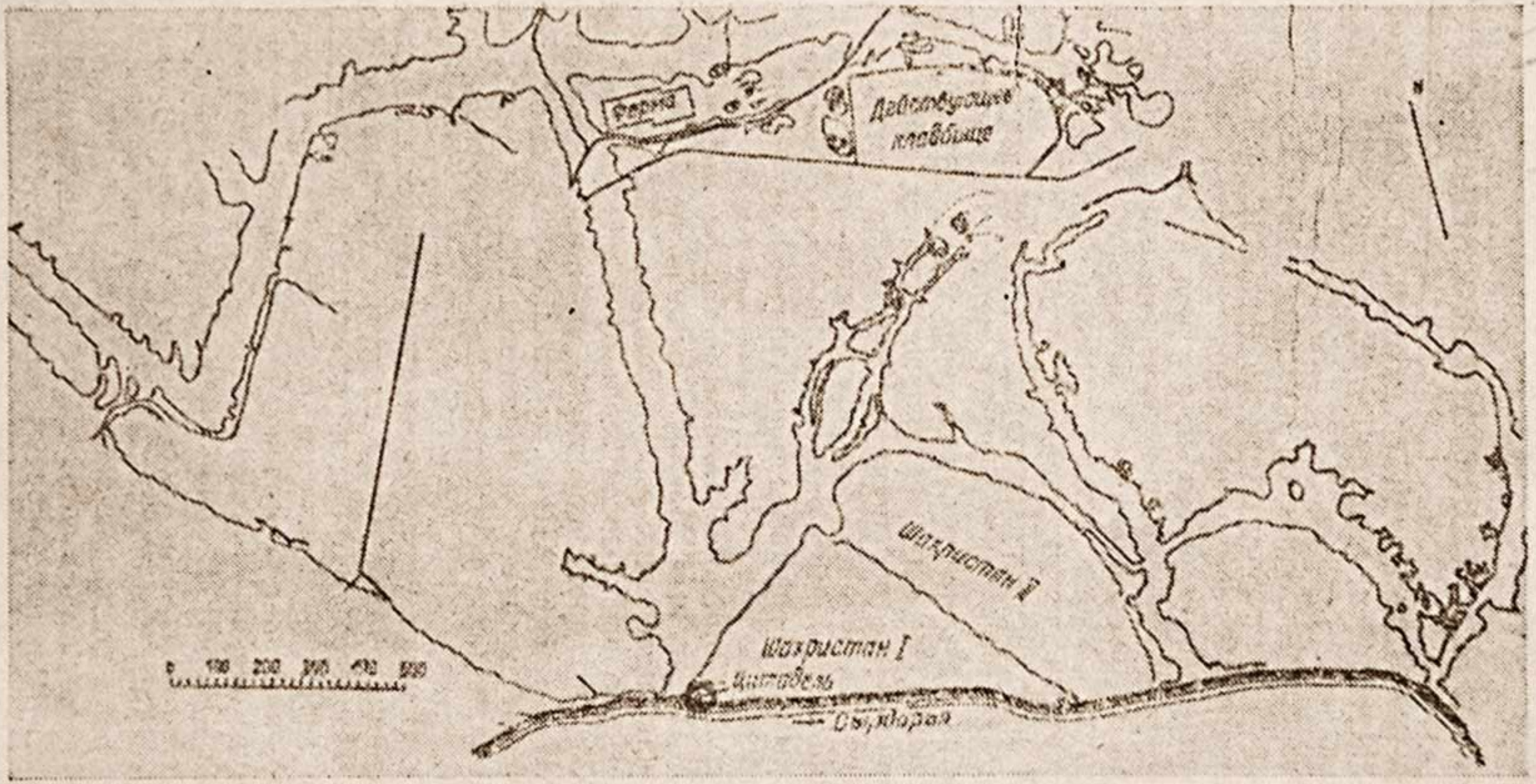

Рис. 1. Бенакет. План.

План вероятно
снят 1970-80 гг.?

дения в нее Ахангарана (рис. 1) (18, с. 134). Топографически в нем выделена возвышенная территория шахристана подтреугольной формы площадью около 20 га. С северо-запада и северо-востока она нависает над Шаркиясаем и пониженной в виде рва или улицы территорией городища, а с юга обрывается к Сырдарье, причем в обрывах зияют провалы обрушившихся стен домов, арка магистрального водопровода, сложенного из жженого кирпича. Культурный слой в разрезе — до 14—17 м. В западном углу — следы почти полностью смытой цитадели. Сформировавшийся в период древности шахристан первоначально, вероятно, представлял собой квадрат со стороной около 600 м с крупной цитаделью в юго-западном углу, общей площадью 35—36 га. Территория к северо-западу от него, отделенная Шаркиясаем, была обжита довольно слабо. Здесь слои, прослеживающиеся на площади до 50 га (площадь IV), были заняты в основном усадьбами с садово-огородными участками. Основные наслоения сосредоточены на овальной территории к северо-востоку от шахристана площадью в 30 га, окруженной подковообразной стеной с 26 округлыми и овальными башнями и проходящим вдоль нее Бахорсаем, впадающим на юго-востоке в Сырдарью (площадь II). Северо-восточнее Бахорсая, между ним и безымянным саем, обширная территория (до 80 га) связывалась нами с позднефеодальным этапом, пригородом Шахрухии XV—XVII вв. с керамическими и стеклодувными мастерскими на востоке и кладбищами на севере (площадь III). Участки за пределами безымянного сая были отнесены к сельской округе (площадь V). Таким образом, площадь средневекового Бенакета была определена в 140 га, в том числе Хисара примерно в 50 га (10, с. 28; 12, с. 61—67).

Развернувшиеся в последние годы стационарные работы заставляют оценить площадь рабада по-иному. Крупным ремесленным районом рабада является территория II к северо-востоку от шахристана. Раскопками 1983—1986 гг. здесь раскрыт квартал керамистов (раскоп 10), которые выпускали глазурованную и штампованную парадную посуду, специализировались на изготовлении чирагов с фигурно оформленными ручками, формовке и обжиге симобкузача. Раскрыто 12 керамических печей XI — начала XIII в. — однокамерных и двухкамерных, цилиндрических и квадратных в плане, получен керамический припас, орнаментированные калыбы для отливки частей сосудов в форме и украшения наверший ручек светильников. Выявляются жилые и производственные помещения гончаров. Границы квартала еще не определены, но площадь его занимала около 2 га*.

На его руинах вырос квартал керамистов XV—XVII вв. В то же время выяснилось, что территория II ни на востоке, ни на севере не ограничивалась Бахорсаем. При разрезе северной обо-

---

* Кварталу керамистов посвящена статья автора и В. И. Набокова, находящаяся в печати.

ронительной стены, возведение которой относится к концу XIV в., а ремонты к XV—XVI вв., под ее основанием были раскрыты остатки дома с полами, облицованными жженым кирпичом (22×14×3,5 см), линия водопровода из керамических труб, соединенных с вкопанным в пол округлым резервуаром*.

На площадке пола расчищено уходящее вниз водопоглотительное устройство, устье которого было оформлено с помощью перевернутого венчиком вниз хума с пробитым дном. На плечиках хума — две небольшие ручки. В основании хум опирался на жженые кирпичи такого же стандарта, как и выкладка пола. В поглотительном колодце найдены кости домашней птицы и животных, стеклянная кружечка с фигурной ручкой, бокал светло-зеленого стекла на высокой ножке, украшенный жгутовидным кольцом, донце стакана, выдувавшегося в форму с рельефным орнаментом, а также фрагменты керамических чаш — белофонных с расписным орнаментом и покрытых бледно-зеленой глазурью с процарапанным подглазурным орнаментом. Весь комплекс характерен для XI—XII вв.

Слои уходят на север и разрезаются Бахорсаем. При раскопках башни, расположенной восточнее данного разреза, под ее основанием выявлены погребения с мусульманским обрядом захоронения; подбой могильной ямы закладывался прямоугольным и квадратным кирпичом караханидского стандарта. Могилы врезаны в культурные слои с керамикой, покрытой темно- и бледно-зеленой поливой с процарапанным подглазурным орнаментом, характерной для XII в. Кладбище было не стационарным городским, а временным, возможно, даже одноразовым, так как все погребенные уложены на одном культурном уровне. Строители, вероятно не знали о нем. И слои. и погребения обрезаны рвом, окружавшим стену, т. е. в XII в., во время совершения захоронений, рва не было. Возможно, в XI—XII вв. через рабад проходил канал, снабжавший водой дома этой части пригорода. Захоронения могут быть отнесены к периоду борьбы с монголами, когда пришлось похоронить многих жителей города и, вероятно, где придется.

После этого территория Бенакета резко сократилась, нерегулируемый канал превратился в сай. И когда стали возводиться крепостные стены, они прошли по отвесному берегу бывшего канала, отрезав часть заброшенного рабада, а также захоронений.

За рвом к северо-востоку выявлено большое кладбище с редкими крупными всхолмлениями и окружающими их мелкими холмами.

Раскопки, начатые в 1986 г. (раскоп 14), показали, что кладбище — позднефеодальное, в основном XVI—XVII вв. Крупные холмы представляют собой наземные сырцовые мавзолеи с захо-

---

* Раскоп М. Р. Тихонина. Материалы находятся в печати.

ронениями знати, мелкие группируются, возможно, по родовому признаку.

Могилы врезаны в культурные слои XI—XII вв. Таким образом, рабад занимал всю площадь между Бахорсаем и безымянным саем.

При обследовании территории к северо-востоку от безымянного сая (площадь V), отнесенной нами к сельской округе и освоенной под современные поля, были выявлены следы стеклодувного производства с остатками сильно оплавленных, срезанных при пахоте производственных очагов-лунниц, кусками неочищенного стекла и комьями стеклянных обрезков, образовавшихся при формовке и выдувании сосудов. Вместе с ними встречена глазурованная керамика с полихромной росписью по белому фону, характерная для X в. н. э., и особенно широко — сосуды с зеленой глазурью и подглазурным штампованным и процарапанным орнаментом XI—XII вв. Вместе с ними были найдены отдельные монеты саманидо-караханидского чекана. В 1986 г. близ левого берега сая был получен уникальный клад медных фельсов, включавший 811 экз. По определению Б. Д. Кочнева*, 60 экз. принадлежат саманидскому чекану, 751 экз. — караханидскому. Клад оказался не только самым крупным из известных в научной литературе собраний медных куфических монет, но и самым эффективным по научной ценности. В нем представлен чекан ряда городов как центральных — Бухары и Самарканда, так и региональных. Имеются довольно редкие монеты. Помимо Шаша и Илака представлены эмиссии Испиджаба, Уструшаны и Ходженда, Ферганы, Узгенда, Оша, Нусрабада с массой новых типов и вариантов. Монеты вводят множество имен в картину исторической жизни конца X — начала XI в. и позволяют трактовать по-новому ряд политических событий сложного периода борьбы саманидов и караханидов. Монеты свидетельствуют о том, что Бенакет находился в центре этих событий. Находки на этой площади следов ремесла, керамики и монет показали, что перед нами не сельская, а ремесленная округа города, т. е. продолжение рабада (следы ремесленного производства обнаруживаются на площади более 20 га).

На левом берегу сая привлек внимание холм (15×20 м), частично снивелированный при современных работах, сохранившийся на высоту до 3,5 м**. В верхнем ярусе вскрыты три сильно разрушенные могилы. Наиболее полно сохранилось погребение взрослого мужчины. Могильная яма — с подбоем, перекрытым гуваляками и обломками жженого и сырцового кирпича прямоугольного стандарта (32×16×4—5 см), явно вторичного использования. Захоронение на спине, головой на северо-запад.

---

* Детальный анализ монет Б. Д. Кочнева, материалы находятся в печати.

** Раскопки были начаты в 1983 г. В. И. Набоковым и С. А. Ашировым, завершены в 1984 г. автором данной статьи и архитектором С. И. Фонаревым.

Вероятно, умерший был уложен в одежде и вооружении. Сохранились детали панцирных металлических нашивок на одежду от чешуйчатого панциря, крупный бронзовый умбон и бронзовые же полосы обшивки щита. Погребение частично деформировано в свя-

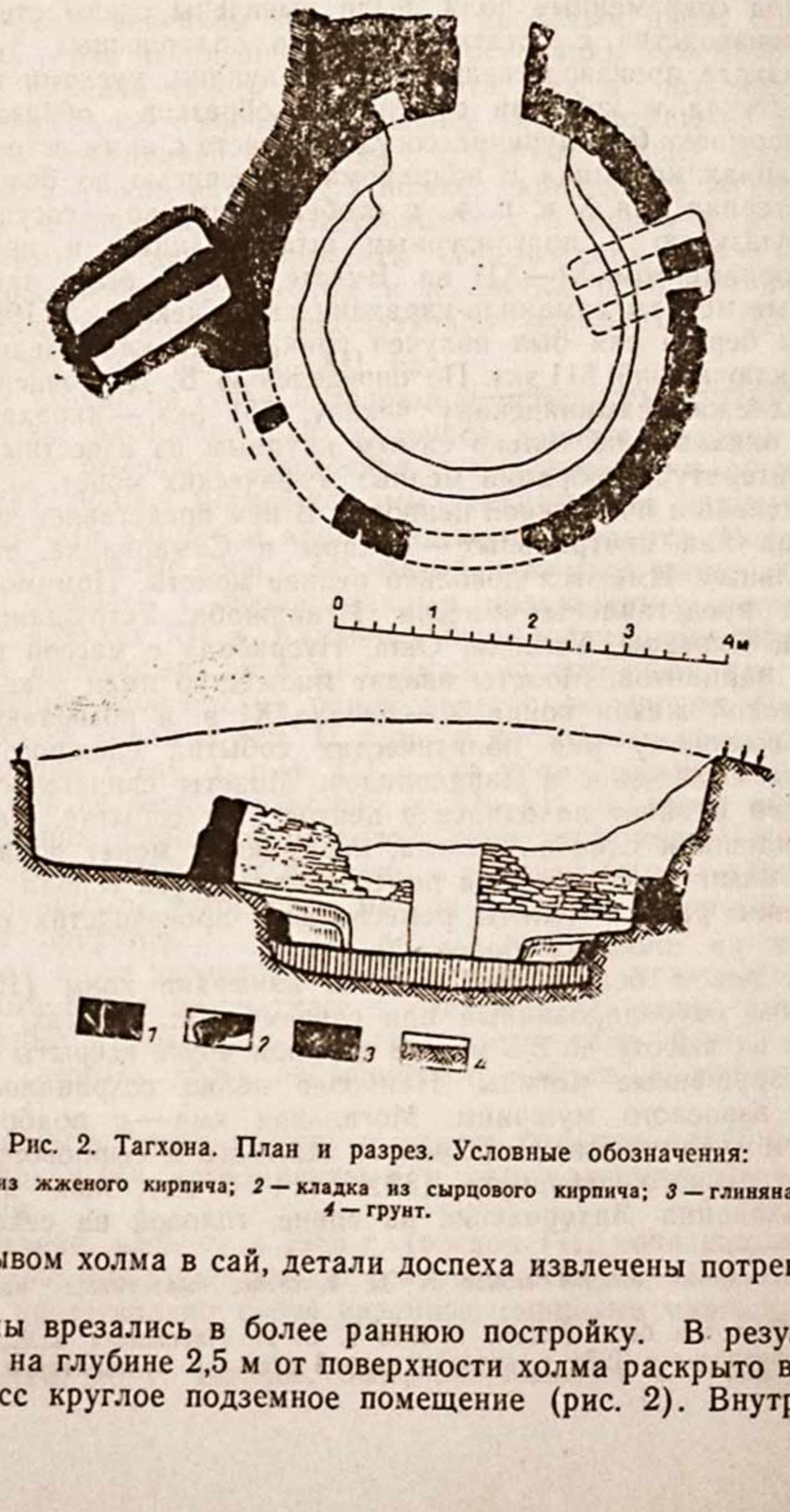

Рис. 2. Тагхона. План и разрез. Условные обозначения:
1 — кладка из жженого кирпича; *2* — кладка из сырцового кирпича; *3* — глиняная масса; *4* — грунт.

зи со смывом холма в сай, детали доспеха извлечены потревоженными.

Могилы врезались в более раннюю постройку. В результате раскопок на глубине 2,5 м от поверхности холма раскрыто врезанное в лесс круглое подземное помещение (рис. 2). Внутренний

диаметр его — 3,4 м. Нижняя часть стен — из материкового лесса. На высоте 45 см над уровнем пола расчищена сложенная из сырцового кирпича полка-суфа шириной 40 см. На высоте 85 см от этого пола в лессе стены вырезана вторая полка, шириной 35—40 см. С ее уровня диаметр помещения расширяется до 4,1—4,2 м и начинается выкладка стен и барабана помещения из жженого кирпича (32—33×16×5—6 см) на глиняном растворе, высота ее от 45 до 60 см. Выше, с началом перехода к куполу, применена кладка из кирпича (27—28×14×4 см) «в ёлочку». Она сохранилась на высоту до 100 см. Снаружи свод со всех сторон обложен обломками сырцового кирпича аналогичного стандарта и мокрой глиной с засыпкой сверху. В восточной части раскрыта прикладка из сырцового кирпича. Она могла образоваться либо за счет того, что вырытый котлован оказался не совсем округлым и вокруг цилиндра снаружи закладывался кирпичом, либо скорее всего с этой стороны было возведено обрушившееся впоследствии вытяжное устройство.

В юго-восточной части раскрыт проход шириной 70 см, оформленный утолщениями-пилонами, сложенными целиком из жженого кирпича. Первый пол утоптан на уровне верха первого кирпича пилона.

При раскопках внутри расчищены культурные слои мощностью 25 см. Четко читаются два уровня полов. Нижний — уплотненный, утоптанный, с выстилкой травы, верхний — с белесым слоем циновки. Ее перекрывают слои оплыва и завалов. В помещении найдено несколько фрагментов средне- и толстостенной керамической посуды, сформованной на гончарном круге быстрого вращения, фрагмент глазурованной чаши с коричневой росписью, характерной для XI в., обломки стеклянной посуды. Находки и стандарт кирпича позволяют датировать подземное здание XI—XII вв. Вероятно, из этого комплекса выбирались кирпичи на закладку могильных ям, появившихся, когда сооружение уже находилось в руинах, а купол его был разрушен. Отсюда же в засыпку одной из могильных ям попала медная караханидская монета.

Назначение здания определяется его конструкцией. Комплекс подземный, невысокий, но емкий, стены сочетают лессовую структуру и прочную кладку из жженого кирпича. Купол перекрыт, чтобы помещение было прохладным.

Подобную форму обычно имели сооружения, предназначавшиеся для концентрации воды или льда (сардоба) либо для длительного хранения овощей, фруктов и зерна (тагхона). И те, и другие в лессовых районах имели близкую форму. Сардоба углублялись в землю, иногда имели специальные ложа с подводившимися к ним водоводами и также перекрывались куполом (17, с. 36). Крупная сардоба, сложенная из жженого кирпича на алебастровом растворе (диаметром 7,1 м, глубиной 3,55 м), была расчищена в караван-сарае Талайхан-ата. Цилиндрическая емкость соединялась с поверхностью лестницей. С севера к ней

подходил желоб из жженого кирпича, оформленный в виде закрытого короба (13, с. 447—450).

Вариантом этого типа сооружений являются яхганга, в которых в утрамбованном виде сохранялся снег. Диаметр их колеблется от 8,5 до 17 м. Они также перекрывались куполами от сфероконической до многогранной и ульевидной формы (16, с. 92). От них отличаются также цилиндрические, купольные постройки, возводившиеся в жилых городских кварталах. Они выкапывались в основном в нижних слоях дворов под помещениями или в качестве самостоятельных построек. Значительное количество подобных строений раскрыто в средневековых слоях Афрасиаба (15, с. 58, 83). Назначение их определялось различно — чилляхона (комната сорокадневного поста) (14, с. 281), сардобхона — (комната прохлады) (20, с. 58), но наиболее точно — тагхона (хранилище, подвал). Т. И. Лебедева, обобщившая материал по Афрасиабу, выявляет их для VIII в. и определяет как овощехранилища горожан (15, с. 139). Хранилища различных типов прослежены в средневековых городах Чача (11, с. 171—172). Купольная постройка Бенакета, сооруженная в толще холма на окраине города, имеет в основании лессовые стены, устланные циновкой полы, полочки из кирпича, пристроенные к лессовой стене на глиняном растворе, не рассчитанные на соприкосновение с водой. Отсутствует обязательный для водохранилищ-сардоба водовод. Все это позволяет отнести исследуемую постройку к разряду тагхона — хранилищ сельскохозяйственной продукции. Очень близка к ней тагхона из цитадели позднесредневекового Самарканда, вскрытая в 1982—1983 гг.* Диаметр постройки — 5,1 м, высота более 2,5 м. Стены возведены из жженого кирпича в подземном котлбване. Сразу же от пола начинается сужение к сферическому куполу. На всех 10 уровнях полов отпечатки травяного настила. Найдены отдельные зерна и косточки винограда, арбуза, тыквы, дыни, персика, урюка. В слое заброса — тонкие перекрещивающиеся деревянные балки диаметром 5—6 см, служившие каркасом для подвешивания дынь и кистей винограда. Такое же устройство могла иметь и тагхона Бенакета. Экономичному использованию площади способствовали и полочки строения. Этнографические параллели позволяют считать, что в городских тагхона совместно хранились различные сельхозпродукты на полах, на специальных полках, некоторые подвешивались вдоль стен и внутри помещения на деревянном каркасе.

Постройка описанной тагхоны Бенакета на изолированном от жилья участке близ открытой площади, возможно, базара, ее крупные размеры позволяют предположить, что это хранилище не для семейного пользования, а для продуктов, предназначенных на продажу.

Таким образом, безымянный сай не был северной границей

---

* Раскопки проведены отрядом Самаркандского рабада Института археологии под руководстом Э. Ю. Буряковой. Материалы находятся в печати.

рабада. Детальное изучение его восточного отрезка показало, что и на востоке сай разрезает культурные слои с мощными (до 2 м) отвалами стеклянного производства. При предварительном обследовании они были отнесены к позднему этапу жизни Шахрухии, однако разрез, заложенный в 1987 г. (раскоп 15), показал в нижних слоях отвала среди обломков стеклянного шлака, обрезков стекла наличие фрагментов белофонной керамики с коричневой росписью, фрагментов штампованных сосудов и крышек, чирагов, т. е. материала, характерного для конца X—XII вв. С этим этапом и следует связать начало функционирования на восточной окраине пригорода мастерских ремесленников-стеклодувов. На первом этапе безымянный сай, возможно, был небольшим каналом, снабжавшим водой ремесленников восточного рабада, и лишь в период запустения нерегулируемый проток резко углубился и разрезал на отдельные участки когда-то единый рабад, в том числе мастерские и их отвалы.

Все эти материалы заставляют совершенно по-иному оценить площадь рабада Бенакета и города в целом.

Если древний и раннесредневековый Бенакет ограничивается в основном территорией шахристана, занимавшего площадь примерно 35 га, то в IX—XII вв. происходит его интенсивный рост за счет рабадов, развивающихся как на восток вдоль реки, так и на север по равнине правобережья. Площадь рабадов составляет 160—180 га, а общая площадь города — более 200 га. Таким образом, по размерам он почти не уступает Хараджкету, площадь которого чуть более 200 га (10). Если учесть, что Хараджкет, по данным источников, приравнивается к Шутуркету, то, вероятно, правы были авторы, сравнивавшие и Бенакет по размерам с последним.

В отличие от Хараджкета, где в X—XI вв. ремесленные мастерские концентрировались в крупном шахристане, в Бенакете при значительно меньших размерах шахристана многие территории рабада были связаны с ремеслом. Если территория IV северо-западного рабада вдоль Шаркиясая являлась, вероятно, в основном садово-огородной, то в северной части на территории II вырастает крупный квартал керамистов, формовавших бытовую, парадную и производственную посуду, светильники и т. д. Далее к северу, на территории III, занятой поздним кладбищем, восстановить характер застройки не удается, но севернее и восточнее ее (территория V) четко фиксируются и мастерская стеклодувов, и хранилище продуктов. Обилие монетных находок, включая клад, дает основание предположить существование здесь базаров. Бахорсай и безымянный сай, вероятно, служили каналами, обеспечивающими водой удаленные от реки ремесленные кварталы.

Бенакет X—XII вв. был крупным ремесленным и транзитным центром, через который проходила южная ветвь караванного пути, известного как бенакетская дорога. Потребителями сельскохозяйственной продукции были не только горожане, которые

запасали основную часть продуктов в осенний сезон, но и купеческие караваны. Вероятно, для розничной торговли и создавались специальные хранилища, к числу которых относится и вскрытое в рабаде Бенакета.

Средневековые источники включают в состав городов большую сельскохозяйственную округу с садами и огородами, принадлежавшими горожанам и входившими в территорию рабадов. Очень четко этот факт описан Ибн ал Факихом для Самарканда IX в. (9, с. 223). Крупные рабады с возделанными землями отмечены для городов Чач — Илака (3, с. 19). Полуаграрные города — явление, характерное для феодального Востока (6, с. 111) и не только для него. Рост городов Мавераннахра как ремесленно-торговых центров сочетался с разрастанием принадлежащих горожанам сельскохозяйственных угодий, наличие которых подтверждает высказанную К. Марксом мысль о неполном отделении феодальных городов от деревни и сельскохозяйственном производстве непосредственно для потребления горожан (1, с. 470).

После разгрома Бенакета в результате монгольского нашествия территория города резко сокращается, каналы не регулируются и размывают культурные слои рабада. В конце XIV—XV в. площадь пригорода обжита еще не полностью, в последующий период, в XVI—XVII вв. она осваивается почти целиком, причем несмотря на четко выраженный хронологический разрыв наблюдается определенная преемственность; на территории II керамисты обживают квартал керамистов X—XII вв. н. э., в восточном рабаде стеклодувы — кварталы стеклодувов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству// //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч 1.
2. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986.
3. Истахри. Китаб масалик ал-мамалик. МИКК. Т. 1. М., 1973.
4. Кудама. ВУА, III.
5. Макдиси. ВУА, III.
6. Ашрафян К. З. Феодализм Индии. М., 1977.
7. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. 1. М., 1963.
8. Бартольд В. В. Улугбек и его время//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964.
9. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
10. Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
11. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
12. Буряков Ю. Ф. Археологические материалы к топографии Шахрухии XIII—XVIII вв.//Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
13. Вишневская О. А. Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайханата// Труды ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
14. Вяткин В. Л. Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 8. Самарканд, 1906.

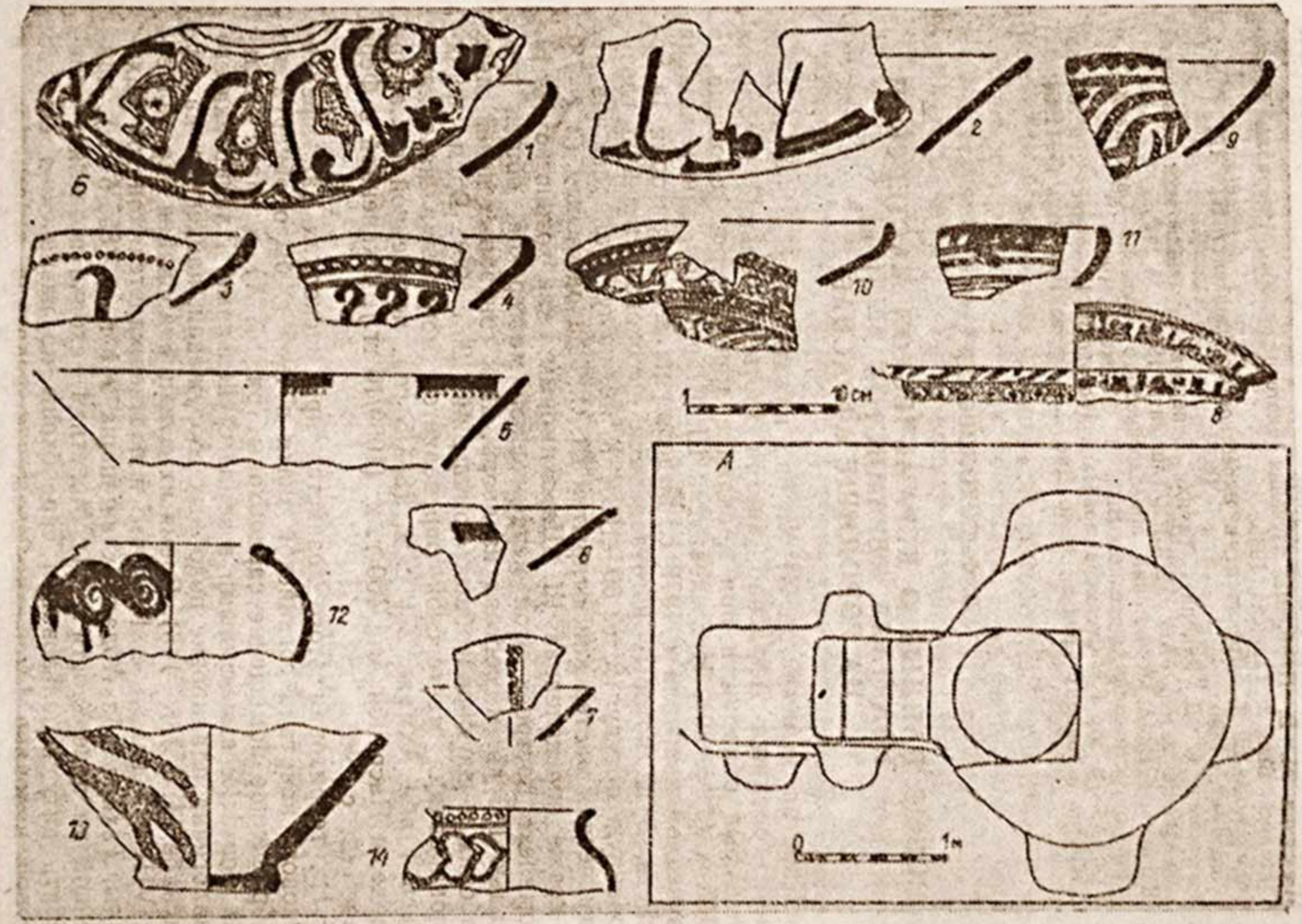
15. Лебедева Т. И. О самаркандских тагхона//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
16. Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — нач. XIX вв.). Ташкент, 1980.
17. Массон М. Е. Проблема изучения цистерн-сардоба//Материалы Узкомстариса. Вып. 3. Ташкент, 1935.
18. Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях Ташкента//ПТКЛА. Год 1. Ташкент, 1896.
19. Чехович О. Д. Рукопись Тарихи Бенакети из библиотеки хивинских ханов//Бюллетень АН УзССР. Ташкент, 1957. № 10.
20. Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
21. Булгаков Л. Г. Сведения арабских географов IX — нач. X в. о маршрутах и городах Средней Азии. Дис. ... д. ф. к. Рукопись. Л., 1954.

Л. Ф. СОКОЛОВСКАЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КЕРАМИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ КВАРТАЛА КЕРАМИСТОВ X—XI вв. НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ

Квартал керамистов X—XI вв., находящийся в центральной части городища Афрасиаб, внутри третьего кольца городских стен, был обнаружен при прокладке дороги через городище в 1947 г. (1, с. 39). Исследователь Ш. Шарахимов, занимавшийся изучением квартала с 1970 г., выделил на его территории 14 хозяйств, 5 из которых изготавливали высококачественную глазурованную посуду (2, с. 60—103). К их числу принадлежала керамическая мастерская, открытая Ш. С. Ташходжаевым (3, с. 78) и позже определенная Ш. Шарахимовым как хозяйство № 14. Комплекс построек этой керамической мастерской, общей площадью 133 кв. м, состоял из двора, двух гончарных печей, двух рабочих и двух подсобных помещений (2, с. 95). Время функционирования мастерской определяется монетными находками: Наср I ибн Ахмада 271 г. х. (884/5 гг.), чеканенной в Самарканде, и Наср ибн Али 400 г. х. (1009/10 гг.), чеканенной в Фергане (2, с. 96).

На территории этого хозяйства при раскопках раннесредневекового квартала согдийской знати в 1985 г. было обнаружено заброшенное помещение сардобхоны (рис. 1, *А*), в плане овальной формы, с высеченными в земле ступеньками. Планировка его аналогична планировке подобных сооружений, найденных на Афрасиабе (4, с. 136—146). Время их функционирования определяется VIII—IX вв. (5, с. 161), что и подтверждается монетой Тахизиды, Тахира ибн Абдаллах аш-шаша 241 г. х. (855/6 гг.), найденной на поверхности суфы. Монетная находка позволяет определить дату использования сардобхоны по назначению еще во второй половине IX в., до сложения квартала керамистов, в результате чего помещение сардобхоны и было заполнено отходами гончарной мастерской.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
10 cm
A
1m

Отвал керамического материала состоял из печных припасов (сепаи, штырей), полуфабрикатов, бракованных после обжига форм и большого количества глазурованной керамики с явным браком. Следы брака разнохарактерные: глубокие трещины на дне сосудов, вздувшаяся пузырчатая глазурь, налет патины на небольшой тарелке под щелочно-свинцовой глазурью (6, с. 140), спекшаяся сепая и негативные выпуклости на обратной стороне чаши, сильно пережженный фрагмент дна чаши.

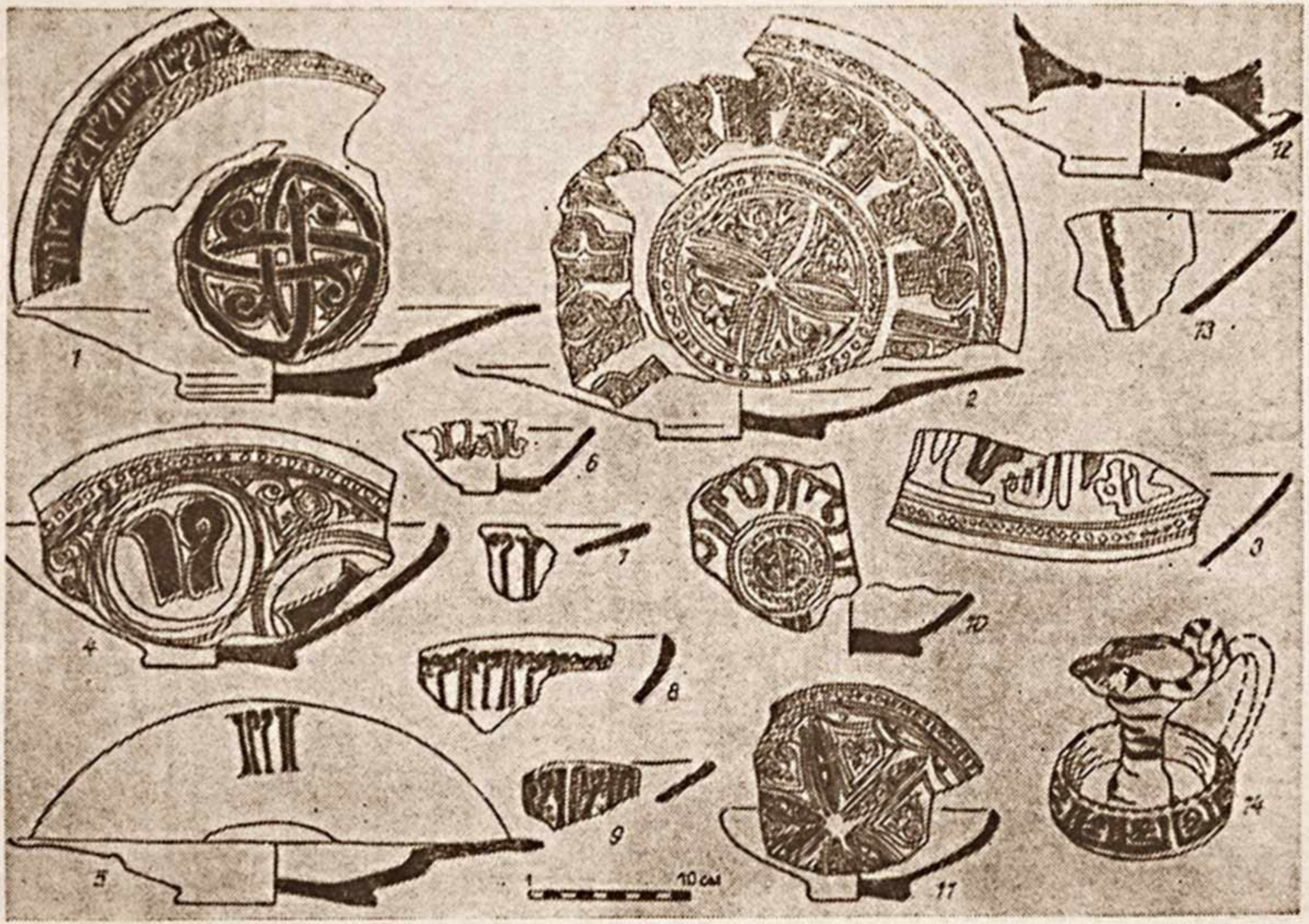
Как видно, керамическая мастерская изготавливала глазурованную посуду различных форм: чаши, блюда, тарелки, миниатюрные чаши, чираги и кувшины. Большую часть ее продукции (62%) составляет столовая посуда. Вся керамика сделана на гончарном круге с последующей подправкой поддона ножом, которая применялась только на чашах, кувшинах, миниатюрных чашах. Дно чирагов не подправлялось, отчего на них остались кусочки глины, покрытые глазурью. Черепок в изломе плотный, тонкодисперсный, имеет различные оттенки розового цвета, с равномерным в большинстве случаев обжигом. Корпус у чаш полусферической и конической форм со слегка отогнутым наружу венчиком. Блюда и тарелки полусферической формы с горизонтальным бортом, выделенным изнутри уступом, заканчиваются прямым венчиком. Поддоны у чаш и блюд дисковидной, слегка вогнутой формы. Вся столовая посуда с наружной стороны покрыта по черепку прозрачной глазурью до поддона, ангобированы только несколько чаш, тарелки и блюда. Роспись по ангобу подглазурная.

По стилю орнаментации керамика разделяется на две группы.

1 группу составляют сосуды с орнаментацией растительного и геометрического характера в сочетании с эпиграфическим орнаментом и без него. Фон посуды красный или черный. Композиции орнаментов чаще полосчатые. Борта чаш около венчика оставлены свободными или оформлены зубчатым бордюром (рис. 1, 9. 11). В полосах орнамента широко применялась нить с крапинами — «перлами» (1, с. 10; 3, с. 88), растительные побеги типа «ислими» с полупальметтами (рис. 1, *10*) (7, рис. 1, *37*; 8, с. 53, рис. 9, *33*), г-образный и s-образный орнамент, что Г. В. Шишкина называет крученым рисунком или скрученной тесьмой (1, с. 52). В центре чаш расположены различные варианты узлов (рис. 2, *1*), ромбы со спиралевидным завитком внутри (рис. 2, *10*) (3, с. 88, рис. 6, *г*), рисунком рыбки, заполненной усиками, четырех- или шестилепестковой розеткой (рис. 2, *2, 11*). Последний элемент орнамента — узколепестковая розетка — излюбленный в орнаментации керамики этой мастерской. В пространстве между узкими лепестками находятся

Рис. 1.

А — план сардобхоны; *Б* — 1—14 — керамика из заполнения помещения.

1
2
12
13
6
7
3
10
4
8
5
9
14
1
10 см
11

побеги стебля. Лепестки заполнялись зеленым или коричневым красителем, в некоторых случаях были двухцветными: зелеными в сочетании с коричневым. На них поставлено две точки белого цвета*. Такая композиция орнамента на чашах и блюдах малого диаметра (15 см) занимает всю ее внутреннюю поверхность, на чашах большого диаметра (37 см) только центральную ее часть — по борту проходит эпиграфический орнамент (рис. 2, *2*).

II группу составляет белофонная посуда с эпиграфическим орнаментом, проходящим полосой по диаметру, оставляя значительное пространство фона свободным. Надпись нанесена черным или темно-фиолетовым красителем. Посуды без эпиграфического орнамента среди белофонной нет. Такой стиль орнаментации используется на глазурованной керамике до конца X в. (17, с. 53).

Большинство посуды в комплексе I группы орнаментации — с очень ярким, даже пестрым декором, который характерен для посуды второй половины X в. (1, с. 53).

Насколько позволяют судить имеющиеся данные, основным украшением посуды как I, так и II группы является эпиграфический орнамент. Выделяются два фрагмента с пространными надписями-изречениями. Один из них — осколок сфероконической чаши — имеет пунктированный фон (рис. 1, *1*). Надпись «Кротость сперва горька на вкус, а конец слаще меда» сделана почерком, средним между куфи и керамическим курсивом. Стволы алифов почти вертикальные с отгибом вершины влево (10, с. 37, табл. 1, *г*). На фрагменте сохранилось только начало изречения. Чаша датируется концом IX — началом X в. Второй фрагмент принадлежал конической чаше с густым покрытием глазури. Надпись «Щедрость свойство праведников» выполнена почерком простого куфи, диакритические точки отсутствуют (10, табл. II, *г*; 11, с. 12, рис. 10). Чаша датируется X в. (рис. 1, *2*). Можно предположить, что эти два фрагмента не принадлежат к продукции данной керамической мастерской, тем более, что чаша с пунктированным фоном имеет сильный налет органических отложений. По-видимому, эти фрагменты относятся к поме-

---

* По предположению Г. В. Шишкиной, узкие лепестки розетки трактуются как рыбки, а в целом центральная композиция — как водоем (ср.: 6, с. 51, рис. 31, *3* и в настоящей статье — рис. *2, 2, 11*). Изображение рыбы у народов Средней Азии является символом плодородия, благополучия и богатства (9, с. 326—327). Появление его на керамике X в. не случайно, так как керамисты в поисках новых образов орнаментации довольно часто обращались к древней символике, характерной для искусства VI—VII вв. Правда, на части сосудов орнамент изображен в виде той же узколепестковой розетки, но посередине лепестков проходит белая полоса, придающая им вид листа. Интересно, что такая трансформация орнамента не изменила первоначального благопожелательного его смысла, и он остался излюбленным элементом в декорировке керамики.

Рис. 2.

1—14 — керамика из заполнения помещения.

щению сардобхоны IX в., что подтверждается стратиграфией последнего. Однако в комплексе встречена чаша, решенная в характерной для этой мастерской цветовой гамме, с надписью «Владельцу сего здравие». На фрагменте сохранилось только окончание изречения*. Надпись выполнена белым цветом на красном фоне, почерком простого куфи с очень широкими стволами букв. В пространстве между буквами находятся фигуры, но в отличие от предыдущей чаши с пунктированным фоном они не заполнены точками, а закрашены оливково-зеленой краской. Вполне допустимо, что эта чаща изготовлена в данной керамической мастерской.

Вся остальная посуда орнаментирована благопожеланием «ал-йумн» («благополучие»). Конструктивные изменения этой надписи во времени исследованы О. Г. Большаковым (10, с. 35—55; 12, с. 23—38; 13, с. 73—87), В. А. Крачковской (11, с. 3—27, 14, с. 38—60), на керамике Согда — Г. В. Шишкиной (7, с. 53—56), на посуде Чача — Л. Г. Брусенко (8, с. 57). Изменения надписи на изучаемом материале прослежены по последующим этапам стилизации. Было отмечено также, что этапы стилизации надписи «ал-йумн» начаты одновременно и на керамике с полихромной росписью, и на керамике с белым фоном, а так как посуда I группы появляется во второй половине X в. (7, с. 54—55), то весь комплекс рассматриваемого материала можно отнести к этому времени. Эта дата подтверждается морфологическим анализом и монетными находками, о которых говорилось выше. Не противоречит этим хронологическим рамкам и посуда II группы из комплекса. Изучение орнамента на этом комплексе материала и сравнительный анализ с ранее полученными изделиями этой керамической мастерской позволили установить ее специфику. Надписи на изучаемом материале помимо общих закономерностей имеют ряд стилистических особенностей. Так, например, надпись на белоангобной чаше, выполненная фиолетово-коричневым красителем. На фрагменте есть окончание благопожелания — буквы «мим» и «нун» и начало следующего слова — «алифа» и «ляма». Между словами поставлена точка. Буква «йай» снабжена диакритическими точками. Текст написан грамотно не всегда, гораздно чаще встречается слово, состоящее из повтора трех букв с пропуском «мим» (рис. 2, 7). Среди фрагментов можно отметить надпись на белофонной чаше фиолетово-черным красителем по ангобу (рис. 2, *9*). Буквы здесь имеют длинные, аккуратно выполненные отростки в форме потеков, придающие письму вид легкой небрежности. Слова разделены двумя крапинами светло-коричневого цвета. Интересным стилистическим вариантом слова «ал-йумн» является надпись на черноангобной миниатюрной чашечке, вписанная резервом по радиусу дна (рис. 2, *6*). Все линии букв одинаковой величины, окон-

---

* Помощь при прочтении надписей оказал Б. Д. Кочнев, за что автор выражает ему благодарность.

чания имеют горизонтальные отростки. Мастер ощущал потребность сделать написание слова более симметричным, в результате чего после буквы «нун» появилось два лишних ствола. Отогнутое в правую сторону окончание буквы «алиф» напоминает больше «ра» или «за», что совершенно неуместно. Такое написание благопожелания можно рассматривать как частный случай.

Последующий этап в процессе стилизации слова «ал-йумн» характеризуют надписи: оливково-зеленым цветом на красноангобном блюде, где эпиграфика сочетается с узколепестковой розеткой на дне (рис. 2, *2*), и на полусферических чашах с ромбом на дне, заполненным спиралевидным завитком, вокруг которого по борту располагаются четыре круглых медальона с надписью внутри (рис. 2, *4*); композиция завершена лентой перлов. В обоих случаях надпись состоит из повтора двух букв от «ал-йумн» — начальной «алиф» и конечной «нун», очень крутой поворот которой вертикально вверх видоизменил ее. Надпись выполнена одной из разновидностей почерка простого куфи, характерного для красноангобной и черноангобной керамики (13, с. 82). Линии букв сильно утолщены, в первом случае имеют расширенные треугольники в окончании (10, с. 79—83), во втором — заострены и подняты (11, с. 10). В обоих вариантах обведены белым контуром (11, с. 9).

В комплексе отмечены находки посуды, орнаментированной различными вариантами псевдонадписей. Имитация надписи проходит орнаментальной полосой поперек всей внутренней поверхности белофонного блюда (рис. 2, *13*), в другом случае — поперек дна, соединяя два букета (рис. 2, *12*), или имеет вид прерывающейся орнаментальной полосы по венчику опять же в сочетании с белым фоном (рис. 1, *5, 6*). На красноангобных чашечках псевдонадпись проходит вертикальной полосой до дна, на одной из них фон орнаментирован крупной крапиной в точечном кольце (рис. 1, *7*). Во всех описанных случаях очертания букв сильно искажены, иногда украшены растительными элементами, например, полупальметтами, выполненными почерком простого куфи с расщепами и довольно многочисленны (12, с. 35—38, табл. VIII, *б, в*). По характеру орнаментации их можно отнести к X в. (12, с. 35—38).

Среди посуды с вариантами псевдонадписей выделяется тарелка с полихромной росписью, где эпиграфический орнамент является подражанием надписи в стиле цветущего куфи, характерного для написания «ал-йумн» (10, с. 55). Очень интересным образцом имитации является надпись по бортику блюдца-подставки чирага (рис. 2, *14*), нанесенная белым по красному фону. Она выполнена почерком простого куфи, также характерного для написания «ал-йумн», и состоит из многократного повтора двух букв «алиф», пространство между которыми заполнено имитацией буквы. Вся композиция завершена лентой перлов, проходящей полосой по краю венчика блюдца-подставки. Такая форма чирагов на полой ножке, основанием которой служит блюдце-

подставка, характерна для второй половины X в. (7, с. 19). Остальные чираги в комплексе имеют форму плошек на выделенном плоском поддоне или скошенное ко дну тулово без поддона, в основном покрыты темно-зеленой глухой глазурью без эпиграфического орнамента.

Кувшины в комплексе представлены придонной частью на дисковидно-вогнутом поддоне, покрытом темно-зеленой одноцветной глазурью, но есть с потеками зеленого и ядовито-желтого цветов (рис. 1, *13*).

Рассматривая комплекс керамики, полученный в результате расчистки заброшенного помещения сардобхоны, можно сделать следующие выводы. Керамическая мастерская, определенная III. Шарахимовым как богатое хозяйство, изготавливала разнообразную глазурованную посуду. Формы ее продукции, особенно блюд и тарелок, характерны для рубежа X—XI вв. (7, с. 18—19). Цветовая гамма, элементы растительного и геометрического орнамента бытовали на посуде на протяжении всего X в. и были общими для всей среднеазиатской керамики (ср.: Чач (8, с. 51, 57) и Фергана (7, с. 69)). Некоторые элементы эпиграфического орнамента, встреченные нами на исследуемом материале, как, например, заостренные вверх окончания букв, обводка надписи белым контуром, появились на керамике не раньше XI в. (11, с. 9—10). На основании этого можно датировать керамическую мастерскую второй половиной X — началом XI в.

Столовая посуда составляет 62% всего керамического комплекса, почти в таком же соотношении находится посуда, украшенная эпиграфическим орнаментом, с другими видами декора. Эпиграфический орнамент на керамике X—XI вв. был одним из самых распространенных. Мастера из указанной керамической мастерской применяли его довольно широко в традиционной для этого времени манере исполнения. Продукция орнаментирована в основном благопожеланием «ал-йумн», которое в большинстве случаев состоит из повтора трех букв — на посуде с белым фоном (рис. 2, *5, 7, 8, 9*) или двух букв — на посуде с полихромной росписью (рис. 2, *4*). Вполне возможно, что вышеописанные надписи показывают процесс стилизации благопожелания керамистами мастерской, так как он прослежен на браке ее продукции и был начат одновременно и на белофонной посуде, и на посуде с полихромной росписью. По-видимому, использование эпиграфического орнамента было специфической особенностью данной керамической мастерской: даже тогда, когда стало модным как можно больше заполнять фон орнаментом (7, с. 55), здесь мастера продолжают применять элементы эпиграфики в украшении посуды. Сам эпиграфический орнамент имеет ряд индивидуальных элементов-дополнений: отростки-потеки, точки-крапины светло-коричневого цвета между словами, два лишних ствола после буквы «нун» на черноангобной миниатюрной чашечке и надпись из двух букв на полихромной посуде.

Полихромная посуда помимо эпиграфического орнамента украшена традиционными элементами растительно-геометрического, и сочетание этих элементов на посуде носит черты, указывающие на ее специфику, так как они имеют аналоги в ранее полученном материале из этой керамической мастерской (3, с. 78, рис. 2, *а*, 6, *б, г, д*, 7, *д*, 8, *в, д*, 10, *в*), хранящемся в фондах Государственного музея истории культуры и искусства г. Самарканда. Одна из чаш коллекции имеет медальоны с надписью из трех букв внутри и идентична трем бракованным чашам из исследуемого комплекса— с двумя буквами внутри и однохарактерным заполнением центральной композиции ромбом со спиралевидным завитком (А-б/н и рис. 2, *4*). Другая чаша орнаментирована узколепестковой розеткой и аналогична нескольким чашам из исследуемого комплекса (ср.: 15, А-458-11 и рис. 2, *11*). Многие мастера могли применять в орнаментации одинаковые варианты декора, заимствованные с готовой продукции, но расположение этих традиционных элементов на керамике было иным. Для этого времени характерно наличие в керамических мастерских высококвалифицированного рисовальщика, продукция которого становилась более предметом искусства, нежели ремесла (7, с. 68); сравнительно простые рисунки могли разрабатывать сами мастера-керамисты (7, с. 68). С конца X в. в продукции этой керамической мастерской наблюдается резкое снижение квалификации исполнителей расписного декора, что хорошо видно на краснофонных чашах с многократно повторенной одной буквой (рис. 1, *3. 4*), при одном и том же наборе элементов растительного и геометрического орнаментов. Это объясняется тем, что росписью теперь занимались не мастера-рисовальщики и каллиграфы, а гончары (7, с. 69). Однако даже при сухости рисунка и упрощении эпиграфического орнамента до одной буквы мастерская сохраняет индивидуальные особенности.

Найденная на городище Афрасиаб при дальнейших исследованиях керамика с вышеописанной орнаментацией может быть отнесена к продукции данной керамической мастерской и датирована второй половиной X — началом XI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишкина Г. В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
2. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
3. Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967.
4. Лебедева Т. И. О самаркандских тагхона//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
5. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда//ВДИ. 1950. № 4.
6. Бурнашева Ф. А. Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X—XII в.//ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
7. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

8. Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX—XII веков. Ташкент, 1986.
9. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
10. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв.//ЭВ. Вып. XVI. 1963.
11. Крачковская В. А. Эволюция куфического письма//ЭВ. Вып. III. 1949.
12. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв.//ЭВ. Вып. XII. 1958.
13. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв.//ЭВ. Вып. XV. 1963.
14. Крачковская В. А. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI вв.//ЭВ. Вып. X. 1955.
15. Фонды археологии Государственного музея истории культуры и искусства г. Самарканда. Коллекция А-458.

М. Р. ТИХОНИН

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ШАХДЖУВАРА

Городище Шахджувар расположено в высокогорной части Ташкентского региона, на надпойменных террасах долины р. Пскем, на ее левом берегу. Возникло в VI в. н. э. как пункт переработки руд цветных металлов, месторождения которых расположены поблизости (8, 11). С эксплуатацией этих рудников и связано развитие ремесла в X—XII вв. на Шахджуваре, который превратился в экономический центр верховьев Пскема (8, 13), лежащий на кратчайшем пути из Чача в средневековые культурные области Таласской долины (19, 60). Вьючные пути, проходя через горные перевалы, шли вдоль русел горных рек Майдантал, Чиралма и Ойгаинг, от слияния которых и образуется р. Пскем.

Шахджувар структурно состоит из сильно укрепленной цитадели площадью 2,25 га, подковообразной в плане, и обжитой территории с нерегулярной застройкой, расположенной на обширной территории между Пскемсаем и Анакызсаем (рис. 1, *1*).

В общей оборонительной системе города максимально использованы особенности горного рельефа, где система визуальных связей с населенными пунктами долины Пскема играла исключительную роль в случае военной угрозы.

Жилая застройка городища группировалась по краям надпойменных террас, что давало возможность использовать их территорию и для аграрных целей. Наличие каналов (8, 12) свидетельствует о развитии поливного земледелия на Шахджуваре (8, 13). Водоснабжение на территории городища осуществлялось с помощью кубурных линий (19, 62) — непременного элемента благоустройства средневековых городов Средней Азии в домонгольский период (2, 3).

Впервые городище отмечено И. В. Мушкетовым (14, с. 135).

В 1979—1981 гг. на памятнике были проведены раскопки, позволившие определить время функционирования городища: VI—XIII вв. (8, 12).

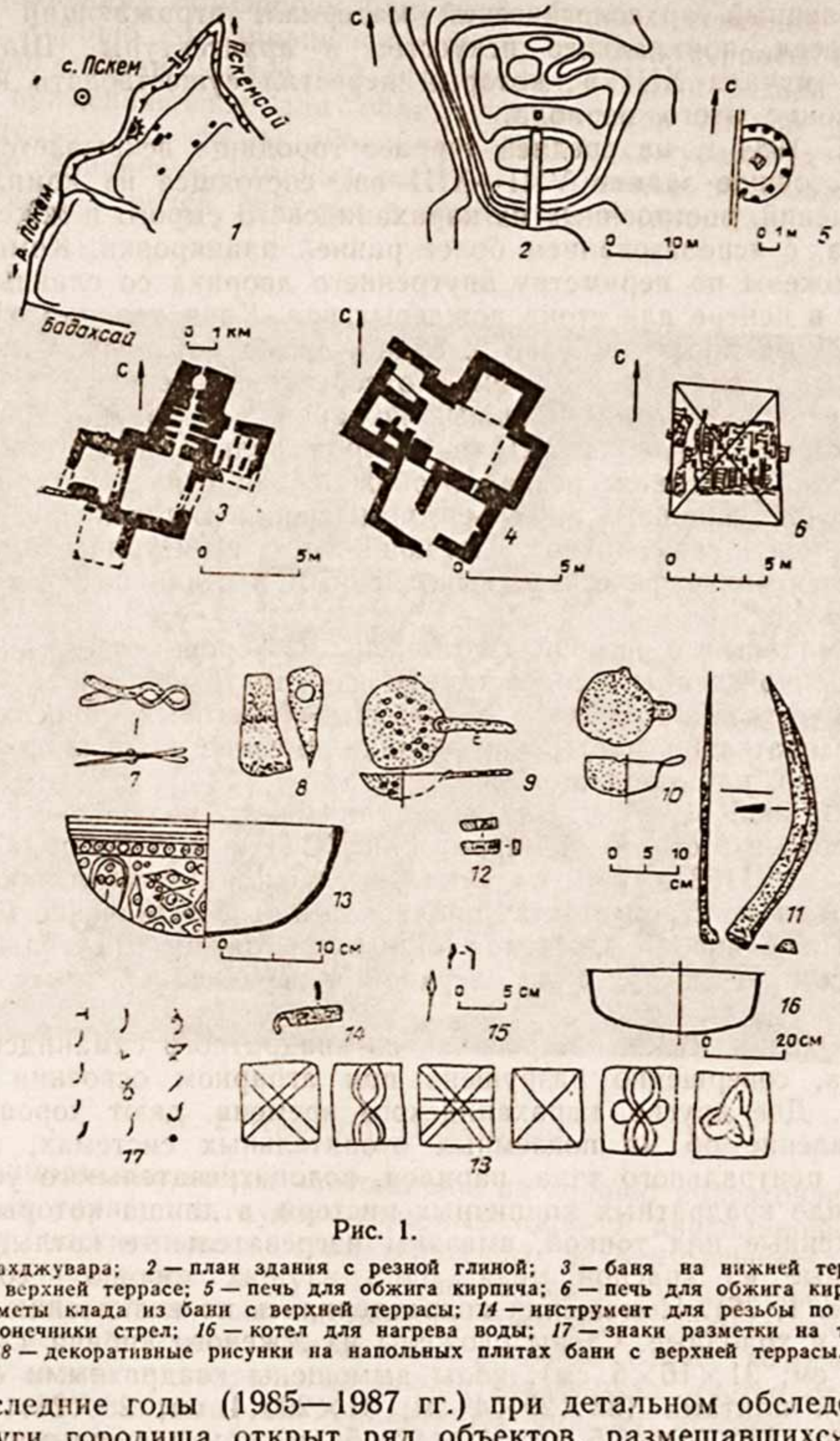

Рис. 1.

1 — план Шахджувара; *2* — план здания с резной глиной; *3* — баня на нижней террасе; *4* — баня на верхней террасе; *5* — печь для обжига кирпича; *6* — печь для обжига кирпича; *7—13* — предметы клада из бани с верхней террасы; *14* — инструмент для резьбы по дереву; *15* — наконечники стрел; *16* — котел для нагрева воды; *17* — знаки разметки на терракоте; *18* — декоративные рисунки на напольных плитах бани с верхней террасы.

В последние годы (1985—1987 гг.) при детальном обследовании округи городища открыт ряд объектов, размещавшихся за пределами предполагаемого неукрепленного предместья (8, 12).

Основные археологические работы были сосредоточены на трех раскопах, расположенных в границах этой округи и оказавшихся архитектурными объектами, прекратившими существование в начале XIII в. Благодаря этим работам получен многочисленный археологический материал, отражающий развитие ремесел, прикладного искусства и архитектуры Шахджувара XI — начала XIII в., который перестал существовать как город в конце этого периода.

С 1984 г. на средней террасе городища вскрывается отдельно стоящее здание VIII—XIII вв., состоящее из комплекса помещений, построенных из караханидского сырого и жженого кирпича, с использованием более ранней планировки. Комнаты расположены по периметру внутреннего дворика со сливным колодцем в центре для стока дождевых вод. Края колодца оформлены жженым кирпичом, дно сделано из сработанного мельничного жернова диаметром 90 см с отверстием посередине. На полах помещений, в слое сплошных пожаров, датированных керамикой конца XII — начала XIII в., собран редкий для ташкентского региона материал: резная необожженная глина, которая в виде панелей украшала интерьер помещений. Богатый растительный орнамент, гармонично сочетающийся с геометрическим, перемежается эпиграфическим, выполненным в стиле почерка цветущего куфи*.

Плакетки с резьбой изготовлены из хорошо отмученной и промешанной глины с содержанием извести. Такая глина в больших количествах встречается в глиняных береговых наносах Пскема. Следовательно, мастерская резчика по глине находилась непосредственно на городище.

В 1985—1987 гг. вскрыты три бани полуподземного типа, широко известного на территории СССР и в странах зарубежной Азии (9, 133). Бани на Востоке служили мерилом процветания города и их строительству придавалось особое значение (9, с. 133).

На плане Шахджувара они расположены треугольником в 1 км друг от друга на верхней и средней речных террасах (рис. 1, *1*).

Одна из бань, построенная из квадратного саманидского кирпича, совершенно разрушена при аграрном освоении территории. Две другие, караханидского времени, дают хорошее представление об их подземных отопительных системах, конструкции центрального зала, парилен, водонагревательного устройства в виде квадратных кирпичных цистерн, в днища которых, расположенные над топкой, вмазаны нагревательные котлы, изготовленные из красной меди; один из них хорошо сохранился (рис. 1, *16*). Помещения подразделялись по назначению на горячие и холодные. Стены сложены из жженого кирича (28×13,5×5 см; 31×16×5 см), полы вымощены квадратными обожженными плитами (33×29×4 см; 31×29×4 см; 28×28×4 см, а также 44×44×46,5 см; 43×42×5 см), украшенными разнооб-

---

* Определение В. Настича.

разными рисунками (рис. 1, *18*). Стены некоторых помещений сохранили конструкции купольных перекрытий, опирающихся на угловые тромпы.

В заполнениях помещений бань и особенно в северном углу наиболее хорошо сохранившейся бани с верхней террасы городища было собрано более 120 фрагментов панелей резной терракоты, применявшейся для облицовки фасадов зданий (19). Примечательно то, что на обоих раскопах шахджуварских бань некоторые фрагменты сходных по типу и технике изготовления терракотовых панелей найдены в кладке стен (рис. 2).

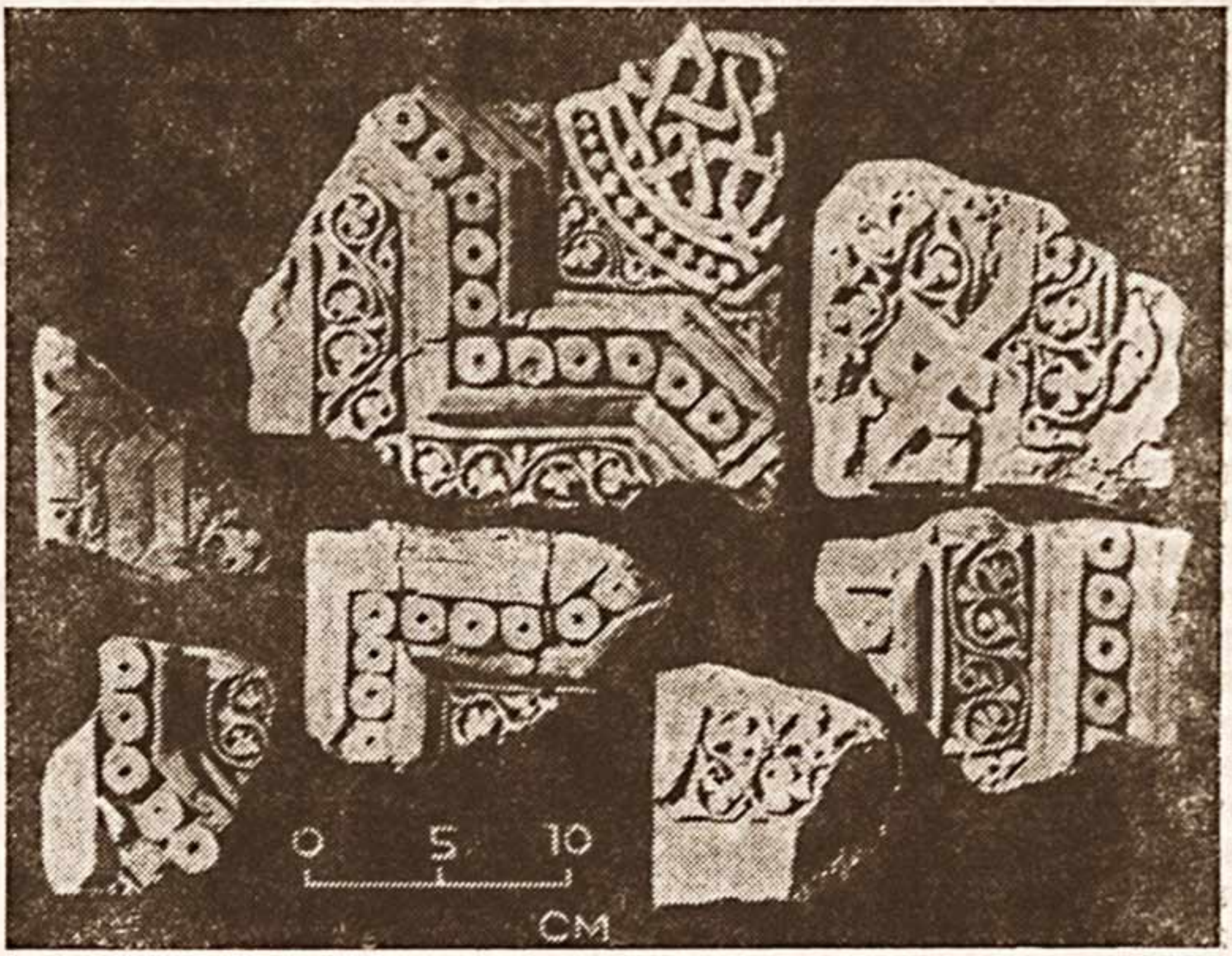

Рис. 2. Терракота Шахджувара.

Все облицовочные плиты изготовлены из хорошо приготовленной глины и украшены глубоким резным одно- и двухплановым орнаментом растительного, геометрического и эпиграфического характера, аналогичного тому, что применялся и на необожженной глине для оформления интерьеров помещений здания, описанного выше. Орнамент вырезался по сырой глине, которая затем разрезалась на отдельные блоки. На блоках мастер ставил знаки, необходимые для ориентации при их монтаже на фасадах здания. Затем блоки просушивались и обжигались (рис. 1, *18*). Зафиксировано пока 10 разновидностей знаков разметки на терракоте (рис. 1, *17*), собранной на верхней террасе

городища. Исследователи считают, что терракота стала использоваться как архитектурный декор в X в. (10; 12; 13).

Обжиг производился в печах, обнаруженных неподалеку от места основного скопления терракоты на верхней террасе городища. Раскопки двух печей показали совершенное их отличие друг от друга (рис. 1, *5, 6*).

Печь № 1 обнаружена в 50 м к югу от бани на верхней террасе с основным скоплением облицовочных плиток. Квадратная в плане (3,3×3,7 м), с частично сохранившейся топочной камерой, цилиндрический свод которой имеет семь жаропроводящих каналов в виде прямоугольных щелей. Печи подобной конструкции предназначались для обжига кирпича, известны для XI—XII вв. (3; 15). В ремесленном браке печи — отбросы производства из пережженных кирпичей (25—29×13—14×4—5 см), встречен и обломок ошлакованной терракоты.

Печь № 2 обнаружена и вскрыта в 4 м к юго-востоку от бани на верхней террасе. Округлая в плане, диаметром до 3 м. Верхняя камера — с купольным перекрытием, нижняя камера-топка заглублена в окружающий грунт и выложена прокалившимся сырцовым кирпичом (33×16×5 см). Сохранность стен топки — до 1,2 м. В остатках свода обнаружено 8 круглых жаропроводящих отверстий диаметром до 30 см, которые были выложены жженым кирпичом, местами ошлакованным до бесформенной массы. Жаропроводы под углом от центра печи выходили на под верхней обжигательной камеры, выложенной из жженого кирпича (29×14×5 см), сохранившейся в высоту до трех рядов. Под печи опирался на центральный, прямоугольный в сечении столб, выложенный из жженого кирпича, поверхность которого оплавлена. С северо-западной и юго-восточной сторон в стенах топки сделаны стреловидные арочные проемы, служащие для загрузки ее топливом. Заполнение печи представлено остатками рухнувшего свода с потеками шлака и стенок верхней камеры из ошлакованного жженого кирпича. При расчистке в завале печи обнаружен фрагмент терракотовой полуколонны, покрытой глубоким орнаментом в виде свастики, схожим с оформлением подобных полуколонн северного мавзолея в Узгене (6, рис. 33, 34). Отходами производства указанной печи являются жженые, бракованные кирпичи (24—29×13—14×4—5 см), среди которых встречен и один трапециевидный (22×16×15×4 см). Печи подобной конструкции — с центральным столбом — известны по материалам городища Канка в Ташкентской области (1), Ер-Кургана*, но они интерпретированы как печи XI—XII вв. для обжига керамики. В данном случае аналогичная конструкция впервые употребляется для обжига кирпича и терракоты.

При уточнении времени изготовления терракоты на Шахджу-

---

* Отчет Ер-Курганского отряда о работе в 1986 г. Архив Института археологии АН УзССР.

варе, а также строительства бань, следует учитывать следующее:

фрагменты терракоты однотипны по технике изготовления и по характеру орнамента с необожженной глиной;

в бане на нижней террасе она встречена в кладке стены топочного устройства в качестве строительного материала, заменяющего кирпич. В топке этой бани обнаружен фельс времени Саманидов, Нуха б. Мансура, город неизвестен; датирован 372/982—83 г., то есть концом X в. Ввиду того, что в монете имеется отверстие, какое-то время после обращения могла служить в качестве подвески и при строительстве бани попала в топочную печь, поэтому строительство бани на нижней террасе более точно и достоверно датирует найденный в отопительной системе зала караханидский дирхем Тафгач-хана, времени халифа Мустанджида, правившего в 1160—1170 гг., то есть в конце XII в.*

Судя по тому, что шахджуварские бани построены из аналогичного строительного материала — однотипной по качеству изготовления и сюжету терракоты, — время их постройки не может иметь больших расхождений.

Наибольшие аналогии шахджуварские бани имеют с баней средневекового Тараза (5), датированной XIII в. (16, с. 241—343), хотя обобщенно по конструкции они схожи с аналогичными общественными зданиями и других мусульманских городов средневекового Востока (9, с. 133—160).

Время разрушения бани на верхней террасе датируется встреченными по полу многочисленными фрагментами керамики с бледно-зеленой поливой и процарапанным подглазурным орнаментом. Эта керамика хорошо известна по материалам ташкентского региона именно для второй половины XII — начала XIII в. (20; 6, с. 97).

Не выходит за указанные хронологические рамки и клад металлических предметов, обнаруженный под напольными плитами южного, углового помещения бани, где в свое время были зафиксированы настенные росписи по водостойкой штукатурке (19, с. 61).

Клад представлен следующими предметами:

полусферическая чаша, диаметром 25 см, изготовленная методом холодной ковки из красной меди. Толщина стенок чаши от венчика-края к донной части сужается с 0,4 см до 0,1 см. Наружная часть украшена одноплановым геометрическим орнаментом техники неглубокой резьбы и чеканки. Центр геометрической композиции расположен в донной части и представляет восьмиугольную звезду, выполненную из двух квадратов с длиной стороны 9 см. Внутренний и внешний фон заполнен композициями из строенных и одиночных перлов с точками в центре. Звезда обрамлена двойной окружностью диаметром 13,5 см, которая как бы отделяет сферическое дно чаши от ее стенок, имеющих боль-

---

* Все нумизматические находки определены Б. Д. Кочневым.

шую крутизну. Стенки чаши продолжают орнаментальную композицию — разделенные на четыре части каплевидными, линейными фигурами они украшены противостоящими друг другу композициями из ромбов с перлами и парных восьмиугольных звезд, составленных квадратом, треугольниками и тремя ромбами. Венчик чаши оформлен четырьмя продольными полосами и одним рядом перлов. Перлы трех размеров, заполняя пространство вокруг и внутри основных элементов орнамента, насыщают фон и в то же время являются центрами каждой геометрической фигуры композиции. Внутренняя часть сосуда украшена более скромно и представляет центристскую композицию из мелких перлов в центре чаши, обрамленную двумя парными линиями-окружностями, условно отделяющими дно от стенок, и одной линией-окружностью, проходящей у самого венчика. Чаша лежала на слое зольного заполнения отопительной системы в северном углу помещения под напольной плитой венчиком вверх;

железный топор-колун с массивным обухом. Общая высота 15 см, лезвие серповидной формы, слегка оттянутое назад, имеет длину 8 см. Втулка коническая, расширяющаяся наружу для прочности насадки рукоятки, диаметром 2,5—30 см. Обух имеет следы расплющенности — видимо, топор употребляли и в качестве молота;

железные ножницы общей длиной 18,5 см, длина режущей части 7,5 см, скреплены железной клепкой, расплющенной с обеих сторон. Носят следы удара от рухнувших на них кирпичей свода перекрытия;

серп слабоизогнутой формы; длина режущей части 40 см, нижний конец имеет прямоугольный выступ-уступ, который переходил в несохранившийся черенок для крепления деревянной рукоятки. Ширина лезвия, имеющего боковой скос, 4 см, толщина спинки лезвия 0,5 см;

шумовка сферической формы, диаметром 13 см, с двумя заклепками, соединенная с П-образной в сечении железной ручкой длиной 12 см, сильно коррозирована;

массивный железный ковшик с оттянутым носиком-сливом, изготовленный как одно целое с небольшой, но массивной рукояткой. Диаметр 11,5 см. Резервуар глубиной 5,8 см имеет сферическое донце толщиной до 0,6 см при толщине боковых стенок 0,3 см. Ручка длиной 4 см, толщиной до 1 см и шириной 2,2 см расположена под углом в 42° к продольной оси резервуара. Возможно, что это льячка — ковшик для плавки небольших доз цветных металлов при литье в форму;

железный предмет в форме усеченной пирамиды с двумя сквозными отверстиями, меньший конец обломан. Длина — 6,5 см, толщина — 1,2 см, ширина — 2,5 см. Интерпретирован как приспособление для изготовления гвоздей.

На полу северо-западного помещения этой бани встречен железный инструмент (рис. 1, *14*), используемый до настоящего времени резчиками по дереву (18, прил. рис. 36). Спектральный

анализ металла показал его принадлежность к местной рудной базе.

Клад железных изделий обнаружен в центральной части того же помещения под слоем завала рухнувшего свода помещения, жженые кирпичи которого разрушили напольные плиты. Предметы лежали на зольно-угольном слое, заполнившем отопительную систему, расположенную под полом. Какая-то причина, скорее всего военные беспорядки, вынудила хозяина вещей спрятать их. Клад не был им вынут, и вскоре баню разрушил оползень, сошедший с близкорасположенного склона, след которого хорошо виден и в настоящее время*. Оползни — явление обычное в горах при наличии склонов из лессовых глин (12, 432), что и наблюдается на Шахджуваре.

Предметы из указанного клада имеют аналоги в археологическом материале ташкентского региона конца XII — начала XIII в. (8, с. 98—99) и являются находкой, отражающей развитие материальной культуры домонгольского Шахджувара, уточняющей время политических и природных изменений, которые привели к упадку городской культуры в верховьях долины Пскема, входящей в средневековую область Бискам арабских источников (7, с. 23).

Как показали исследования, все указанные объекты прекращают свое существование в начале XIII в., причем один из них — здание с внутренним двором, интерьеры которого были украшены резной сырой глиной, разрушен в результате военных действий. Об этом свидетельствует наличие завалов здания со следами сильных пожаров и находки в них наконечников стрел и фрагментов железных панцирей. Разрушение и запустение города следует связывать с монгольским нашествием, а также оползневыми сходами с близкорасположенного горного склона.

После этих событий городская жизнь на Шахджуваре не возродилась. Местность вошла в состав Чагатайского улуса, о чем свидетельствует обнаруженная на городище во время вспашки земель серебряная монета. На аверсе ее имеется тамга, вокруг которой в обрамлении из двойных рамок дана круговая надпись, не поддающаяся полному прочтению, но с упоминанием имени Насира. На обратной стороне большую часть занимает квадратное поле из надписи: «Власть принадлежит Аллаху. Слава Аллаху». По четырем сторонам квадратного поля дана легенда мелким курсивом: «Бита эта монета в Отраре в году 885/1286—87». Чекан анонимный, так как в легенде нет имени правителя**.

В тимуридское время на месте некогда цветущего города образовалось селение Шахджувар, которое было связано с железоплавильным и кузнечным производствами. Об этом селении в XIX в. делает упоминание И. В. Мушкетов. Старые торговые

---

* Определение А. А. Никонова, ведущего научного сотрудника Института физики Земли АН СССР.

** Определение Б. Д. Кочнева.

пути и в настоящее время служат скотопрогонными дорогами через перевалы в сторону Ферганы, Киргизии и Южного Казахстана.

Исследования, проведенные на городище, показали высокий уровень развития ремесел Шахджувара. Находка на городище слитка стекла, бракованной поливной посуды свидетельствует о том, что в домонгольском Шахджуваре были сконцентрированы разнообразные виды ремесленных производств: стеклоделательное, керамическое. Наряду с развитым поливным земледелием они благотворно влияли на экономику города, стоявшего на отрезке торговой караванной дороги, посредством которой Шахджувар был включен в общую экономическую и культурную жизнь средневековых городов Средней Азии и сопредельных исторических регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев К. Квартал керамистов городища Канка//ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1974.
2. Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981.
3. Ахраров И. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува//ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
4. Баруздин Ю. Д., Брыкина П. А. Археологические очерки Беткена и Ляйлона. Фрунзе, 1962.
5. Бернштам А. Н. Баня древнего Тараза и ее датировка//ТОВЭ. II. Ленинград, 1940.
6. Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950.
7. Бетгер Е. К. Извлечения из книги Абу-л Касыма ибн Хаукаля «Пути и страны»// Труды САГУ. Вып. 3. Ташкент, 1967.
8. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1987.
9. Воронина В. Л. Бани — хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежной Азии//Архитектурное наследство. М., 1988. № 3.
10. Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939.
11. Кожемяко П. Н. Раскопки жилища горожан X—XII вв. на Красноречинском городище//Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
12. Леггет Р. Города и геология. М., 1976.
13. Лунина С. Б. Резная глина в Средней Азии//История и археология в Средней Азии. Ашхабад, 1978.
14. Мушкетов И. В. Туркестан. Т. II. Спб., 1906.
15. Пацевич Г. И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике//КСКИНК. Вып. 6д. 1957.
16. Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы//ЮТАЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949.
17. Рempель Л. И. Художественная культура Средней Азии IX — нач. XIII в. и проблема «мусульманского исскусства»//Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв. Ташкент, 1938.
18. Руднев М. Искусство таджикской резьбы по дереву. Душанбе, 1978.
19. Тихонин М. Р., Фонарев С. В. Археологические находки горного Пскема//ОНУ. Ташкент, 1986. № 10.
20. Усманова З. И. Материалы по средневековой керамике Ташкента//Сб. студенческих работ САГУ. Вып. 10. Ташкент, 1955.

Б. Д. КОЧНЕВ

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ, ЧАСТЬ 10 (КАРАХАНИДЫ)

«Карлукская ставка» или «Счастливая ставка»? Из полусотни известных на сегодня караханидских монетных дворов есть один, для которого до сих пор не установлены окончательно ни чтение, ни местонахождение. Впервые его наименование встретил на монетах Х. М. Френч, прочитав как Кутлуг Эрку, хотя сомневался в чтении второго компонента этого имени (14, с. 134, № 46). Б. Дорн предложил несколько иное чтение — Кутлуг Орду (13, с. 724, № 69), а Ст. Лэн-Пуль — Кылыч Орду (15, с. 195, № 444). А. К. Марков читал то же название как Харлуг Орду, а Р. Фасмер принял такое чтение и привел еще одну форму того же имени, которую читал как Харлух Орду (16, с. 98—99, примеч. 3). Чтение Р. Фасмера было принято последующими исследователями, вошло в монументальный труд Э. Цамбаура о монетных дворах мусульманского мира (17, с. 111) и с тех пор как будто не подвергалось сомнению.

Специальную статью истории этого монетного двора посвятил М. Н. Федоров (12, с. 357—360). На основании единственной находки (!) серебряной монеты Харлух Орду на городище Афрасиаб в Самарканде он помещает эту «Карлукскую ставку» в Согде, «скорее всего, в его самаркандской части». По мнению М. Н. Федорова, этот монетный двор был создан с целью чеканить деньги специально для выплаты жалованья караханидскому войску, состоявшему преимущественно из карлуков, и «приурочивал свою работу ко времени выплаты войску жалованья (три или четыре раза в год)», чем и объясняется редкость его монет. Возможно, Карлуг Орду был «подвижным» денежным двором и передвигался вместе с войском.

Что касается написания этого имени, то мы проверили его на более чем полусотне монет, в основном серебряных. На некоторых из них начертание слитное, допускающее, следовательно, чтение Харлух (Харлуг) Карлуг. Однако в достаточно многочисленных случаях неслитного написания, при котором данное слово должно было бы делиться на две части (حر / فر и لع / لح), ясно видно соединение всех четырех букв — فلع / حلع / حلح , а не فرلع / حرلع / حرلح . Таким образом, от чтения Карлуг (Харлуг/Харлух) Орду следует отказаться, вернувшись к чтению Б. Дорна—Кутлуг (Хутлуг/Хутлух) Орду (قتلغ اردو/ختلغ اردو/ختلخ اردو), т. е. „Счастливая ставка".

Локализовать эту «ставку» позволяет уникальный неизданный дирхем из клада, найденного на Бешиктепе в Самарканд-

екой области и хранящегося в Государственном музее истории культуры и искусства УзССР в Самарканде (КП 4340). Если верить внешней круговой легенде л. ст. данного дирхема, он чеканен в 414/1023—24 г., но титулатура государя (Хан ал-Аджалл ас-Саййид Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла ва А'ду'д ад Дин 'Та'фгач Бугра Кара-Хакан), помещенная во внутренней круговой надписи л. ст. и характерная только для монет 423—26/1031—35 гг., не оставляет сомнений, что в дату вкралась описка (عشر вместо عشرين), и читать эту дату надо как 42/41032—33 г. Перед датой стоит наименование монетного двора — قتلغ ار دو الدو بوسية —, т. е. «Счастливая ставка ад-Дабусийа». Местоположение средневековой Дабусии хорошо известно, это был один из городов Самаркандского Согда, лежавший на пути в Бухару, в 17 или 18 фарсахах от Самарканда. Имя этого города сохранилось в названии городища Кала-и Дабус, имеющего площадь около 70 га (3, с. 148; 4, с. 187). Точная локализация Кутлуг Орду автоматически снимает домыслы М. Н. Федорова о назначении этого монетного двора, о его возможной нестационарности и т. д.

Возникает, однако, вопрос, почему Дабусия получила при Караханидах эпитет «Счастливой ставки». Чтобы ответить на него, надо вспомнить, кто и когда помещал на монетах этот эпитет. Хронологически такие монеты образуют очень компактную группу: они чеканились ежегодно в 423—28/1031—37 гг., т. е. в правление Али б. ал-Хасана (ум. в 426/1034—35 г.) и его сына Йусуфа б. Али (11, с. 359). Али, упоминаемый в рукописных источниках под именем Али-тегина, был совершенно самостоятельным владетелем Мавераннахра и регулярно чеканил монету в крупнейших мавераннахрских городах, Самарканде и Бухаре, но почти исключительно медную, тогда как его серебряный чекан Кутлуг Орду (Хутлуг Орду, Хутлух Орду) намного обильнее и многообразнее самаркандского. Если же учесть к тому же, что ни до, ни после Али б. ал-Хасана и его сына монетный двор с этим наименованием не функционировал, станет ясно: данный пункт имел для них какое-то особое значение, которое он приобрел, очевидно, со времени появления в монетных легендах этого имени, т. е. в 423/1031—32 г.

Весной этого года вассал Газнавида Масуда хорезмшах Алтунташ по приказу государя двинулся, поддержанный 15-тысячным султанским отрядом, на войну с Али-тегином. Али отступил к Дабусии, где решил дать сражение, располагая огромной ратью, в которую входили как его собственные силы, так и туркменское ополчение во главе с Сельджукидами. Ожесточенная битва длилась целый день, но добиться решающего успеха не удалось никому. На следующий день состоялись переговоры, после чего противники разошлись, причем смертельно раненый хо-

резмшах скончался еще до начала отступления (2, с. 432—444; 3, с. 357—358). Согласно официальной газнавидской версии, отраженной в «Истории Масуда», «Али-тегин потерпел поражение» (2, с. 418), однако из подробного рассказа Байхаки об этой войне видно, что рать Алтунташа была очень потрепана: «наши йаксуварыы сильно пострадали и потерпели очень жесткое поражение» (2, с. 440, 437)—и оказалась если не в критическом, то в очень сложном положении даже без учета смертельного ранения хорезмшаха; лишь опыт и самообладание этого испытанного воина плюс искусство его вазира, сумевшего скрыть известие о ране и смерти Алтунташа даже от собственного войска и организовать отступление, предотвратили катастрофу. Противники Али-тегина отступили, не добившись основной цели — изгнания его из Мавераннахра, тогда как Али, заставив их отступить, сохранил все свои владения. Таким образом, Али б. ал-Хасан, особенно когда узнал об истинных причинах отступления врага, т. е. гибели предводителя вражеской армии, имел даже большие, чем у Газнавидов, основания считать сражение у Дабусии победоносным для караханидской стороны. Присвоение Дабусии звания «Счастливой ставки», зафиксированное монетными надписями, и явилось, как нам представляется, отражением официальной караханидской точки зрения на события 423/1032 г.

Еще раз о последних караханидских владетелях Узгенда (Уздженда). Как известно, при Караханидах Узгенд был столицей Ферганы, в XII в. стал центром Ферганского каганата, а во второй половине XII — начале XIII в., когда внутри Ферганы обособились Касанский и Маргинанский уделы, являлся столицей крупнейшего из ферганских уделов — Узгендского (Уздженского). История позднекараханидской Ферганы очень основательно изучена по монетам Е. А. Давидович. Она, в частности, установила, что в 574/1178—79 г. владетель Узгенда Ибрахим б. ал-Хусайн перебрался в Самарканд, оставив престол какому-то другому правителю. Возможным преемником Ибрахима Е. А. Давидович считала Мухаммада б. Насра (5, с. 108), однако, как показывают другие его монеты, Мухаммад владел Касаном (9, с. 375). С 579/1183—84 г. начался тщательно исследованный Е. А. Давидович узгендский чекан Кадыр-хана, который, вероятно, непосредственно наследовал Ибрахиму, хотя лакуна в узгендском чекане между 574/1178—79 и 579/1183—84 гг. не позволяет считать этот вопрос окончательно решенным. Такое предположение тем более правдоподобно, что Кадыр-хан, как доказала Е. А. Давидович, был старшим сыном Ибрахима: на уздженских дирхемах 594/1197—98 г. Кадыр-хан назван сыном султана, а поскольку в то время из всех Караханидов султаном титуловался лишь Ибрахим б. ал-Хусайн, только он и мог быть отцом Кадыр-хана (5, с. 99—100).

М. Н. Федоров считает точку зрения Е. А. Давидович наиболее

вероятной, но допускает и иное решение, вспомнив предположение В. В. Бартольда о тождестве Кадыр-хана и упомянутого у Ауфи Куч-тегина, мужа сестры Усмана б. Ибрахима; будучи зятем султана Ибрахима, он на монетах будто бы мог именоваться «сыном султана» (12, с. 117). Для официальной титулатуры (а именно такой и была помещаемая на монетах) это вообще крайне сомнительно, в данном же случае совершенно невозможно: в 597/1201 г., когда Ауфи был в Мавераннахре, Кадыр-хан никак не мог носить княжеский титул Куч-тегин, за которым скрывается неизвестный нам царевич. Итак, мы не видим оснований подвергать сомнению установленную Е. А. Давидович генеалогию Кадыр-хана.

Большего внимания заслуживает допущение М. Н. Федорова, что преемник Кадыр-хана Махмуд б. Ахмад был его сыном, а значит Кадыр-хан носил мусульманское имя Ахмад (12, с. 117—118). Действительно, панегирист последних Караханидов Зийа ад-Дин Ходженди в одной из касид упоминает султана Джалал ад-Дунйа Ахмада (1, с. 137), а коль скоро из всех известных нам караханидских владетелей Мавераннахра второй половины XII — начала XIII в. титул «султан» в соединении с лакабом Джалал ад-Дунйа ва-д-Дин был только у Кадыр-хана, он-то и представляется наиболее вероятным претендентом на это имя. Итак, мы считаем, что Кадыр-хана звали Ахмад б. Ибрахим.

Давно уже обсуждается вопрос о том, когда именно и при каких обстоятельствах закончилось царствование Кадыр-хана. Еще В. В. Бартольд предположил, что он был в числе Караханидов, убитых по распоряжению Ануштегинида Мухаммада б. Текиша после казни Усмана б. Ибрахима 609/1212 г. (3, с. 431). Тот же вопрос подробно рассмотрела на нумизматических материалах Е. А. Давидович. Ей были известны следующие узджендские монеты: дирхемы 607/1210—11 г. с титулатурой Джалал ад-Дунйа ва-д-Дина Кадыр-хана; дирхемы 608/1211—12 г. («анонимные») с титулатурой Джалал ад-Дунйа ва-д-Дина Куч Арслан-хакана; дирхемы, битые, по мнению исследовательницы, в 609/1212—13 г. («двухименные»), с упоминанием Мухаммада б. Текиша и Муизз ад-Дунйа ва-д-Дина Куч Арслан-хакана Махмуда б. Ахмада. Считая, что при атрибуции «анонимных» дирхемов предпочтение следует отдавать не титулу, а лакабу как более устойчивому элементу всей титулатуры, Е. А. Давидович приписала их Кадыр-хану и стоящую за всеми этими монетами ситуацию реконструировала следующим образом. Видя усиление хорезмшаха и ослабление карахытаев (киданей), которым он прежде подчинялся, Кадыр-хан решил выразить покорность Мухаммаду, отказавшись от пышного титула «улуг султан» в пользу более скромного — Куч Арслан-хакан, но сделал это (ввиду большей территориальной близости к карахытаям, нежели к новому сюзерену) в осторожной форме, не проставив имени последнего. Такая половинчатость Мухаммада, видимо, не устроила; в 609/1212—13 г. он лишил Кадыр-хана трона, а может быть, и жиз-

ни, на узгендский же престол посадил послушного Махмуда, который стал помещать на монетах и имя сюзерена. Впрочем, и этот Караханид предался, очевидно, врагу, почему хорезмшах и расправился с ним, видимо, так же, как с его предшественником (5, с. 102—108).

Обратившись к тому же вопросу, мы привлекли новые «двухименные» монеты с упоминанием, кроме хорезмшаха, Джалал ад-Дунйа ва-д-Дина Куч Арслан-хакана Махмуда б. Ахмада, сочли, что для обоих вариантов «двухименных» дирхемов палеографически предпочтительнее дата 607/1210—11 г., а не 609/1212—13 г. (سبع , а не تسع), и атрибутировали Махмуду «анонимные» монеты 608/1211—12 г., так как у безымянного эмитента этих дирхемов и у Махмуда б. Ахмада оказались одинаковыми не только титулы, но и лакабы. Значит, Мухаммад б. Текиш сместил Кадыр-хана, вероятно, оказавшего ему сопротивление, и передал узгендский престол Махмуду не в 609/1212—13, а в 607/1210—11 г. Махмуд сперва признавал своим сюзереном хорезмшаха, но затем, уже в 608/1211—12 г., перестал помещать его имя на монетах, т. е. разорвал вассальные связи, за что вскоре и лишился трона. Иными словами, при новой атрибуции некоторых уздженских монет 607—09/1210—13 гг. точка зрения Е. А. Давидович на обстоятельстза падения власти Караханидов в Узгенде в целом подтверждается, только события оказываются несколько сдвинутыми во времени (8, с. 85—90).

Совершенно иначе представляет эти обстоятельства М. Н. Федоров. По его мнению, Кадыр-хан был столь преданным вассалом карахытайского гурхана, что тот, абсолютно ему доверяя, хранил свою казну в его столице, Язгенде. Когда взбунтовавшийся Кучлук найманский посягнул на эту казну, Кадыр-хан попытался ее защитить и «поплатился головой или троном», а коль скоро он «не вернулся» на узгендский престол, то значит и погиб во время разграбления казны 607/1210 г. То, что он не умер своей смертью, а именно погиб, подтверждается сообщением Джамала-ал-Карши о находившемся в Узгенде «мешхеде предпоследнего илека», которым был именно Кадыр-хан (12, с. 118).

Джувайни действительно говорит о разграблении Кучлуком казны гурхана в Узгенде, но уже после этого карахытайские войска покинули Самарканд, тамошний султан Усман б. Ибрахим в очередной раз сблизился с хорезмшахом, тот явился в Мавераннахр и вместе с Усманом выступил против киданей, разбив их в битве при Иламише, которая произошла в раби I 607 г. х. (3, с. 420—428), т. е. в начале года. Очевидно, расхищение узгендской казны должно было состояться во второй половине 606 г. х., а коль скоро Кадыр-хан чеканил в Узгенде монету еще в 607 г. х., то все домыслы М. Н. Федорова об обстоятельствах его «гибели» автоматически снимаются.

Еще в работе 1979 г. в связи с обнаружением нового варианта «двухименных» монет с упоминанием Джалал ад-Дунйа ва-д-Дина Куч Арслан-хакана Махмуда б. Ахмада Е. А. Давидович

коротко остановилась на атрибуции «анонимных» дирхемов 608/1211—12 г., битых Джелал ад-Дунйа ва-д-Дином Куч Арслан-хаканом, но оставила открытым вопрос об их принадлежности (Кадыр-хан или Махмуд), «ибо лакаб перестает быть для этого прочным основанием, а титул прочным основанием не является» (6, с. 209—210, примеч. 3). Наконец, совсем недавно, уже после появления нашей статьи с разбором уздженского чекана 607—609/1210—13 г. исследовательница выявила совершенно неизвестный тип дирхемов Узженда 607/1210—11 г. с упоминанием Мухаммада б. Текиша и Кадыр-хана, однако и теперь не считает возможным однозначно решить вопрос об атрибуции монет 608/1211—12 г. (Кадыр-хан или Махмуд) и датировке известных прежде «двухименных» дирхемов (607 или 609 г. х.) (7, с. 40—41).

Справедливость процитированного тезиса о ненадежности лакаба и титула для уверенной атрибуции монеты вполне подтверждается наличным материалом: у двух разных позднекараханидских правителей могли быть одинаковые титулы и лакабы, а у одного государя — разные лакабы и титулы. Тем не менее мы и теперь убеждены в принадлежности битых в 608/1211—12 г. дирхемов Джалал ад-Дунйа ва-д-Дина Куч Арслан-хакана именно Махмуду б. Ахмаду. Действительно, невозможно представить, чтобы Ахмад б. Ибрахим, на протяжении более четверти века неизменно титуловавшийся Кадыр-ханом (причем и до того, как он стал султаном, и после) и сохранивший этот титул и при Мухаммаде б. Текише в 607/1210—11 г., вдруг сменил бы его на другой — Куч Арслан-хакан. Что же касается даты «двухименных» монет — 607 или 609 г. х., то первый вариант представляется палеографически гораздо более предпочтительным; чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть хотя бы на реконструкции обеих разновидностей этих дирхемов (5, с. 104; 8, рис. 1, между с. 78 и 79).

Сказанное позволяет реконструировать события 607—09/1210—13 гг. следующим образом. По словам Ибн ал-Асира, после Иламишской битвы (607/1210 г.) «хорезмшах отправился в страну Мавераннахр и занял в ней каждый город и каждый край вплоть до Узгенда и поставил в них своих наместников» (10, с. 74). На узгендском престоле он на первых порах оставил Кадыр-хана Ахмада, но ограничил его власть, что выразилось, в частности, в появлении на его монетах упоминания Мухаммада б. Текиша в качестве сюзерена. Вопреки мнению М. Н. Федорова, слова Джамала ал-Карши о «мешхеде предпоследнего илека» не могут относиться к Ахмаду, титуловавшемуся ханом, а значит смерть Кадыр-хана могла быть и ненасильственной. Тем не менее общая военно-политическая ситуация позволяет предполагать, что Кадыр-хан, подобно своему двоюродному брату Билга-хану парабскому, в том же 607/1210—11 г. поднял восстание или только проявил мятежные намерения и был хорезмшахом лишен престола, а, может быть, и жизни. Так или иначе,

на узгендский трон в том же году был возведен его сын Махмуд б. Ахмад, который, во-первых, признавал себя вассалом Мухаммада б. Текиша, во-вторых, не титуловался, в отличие от отца, султаном. «Снять» с Махмуда султанский титул мог, конечно, и хорезмшах, но все же более вероятно, что здесь мы имеем дело с проявлением подмеченной Е. А. Давидович «субординации»: подобно тому, как Кадыр-хан не мог стать султаном, пока был жив его отец султан Ибрахим (5, с. 100), Махмуд не имел права на султанский титул при жизни своего дяди (т. е. представителя старшего поколения) султана Усмана. Махмуд б. Ахмад, очевидно, тяготился зависимостью от хорезмшаха и вскоре разорвал вассальные связи, выпустив в 608/1211—12 г. монеты только от своего имени, но и теперь не называя себя султаном (это и склоняет к предположению о «субординации»). За такой акт открытого неповиновения Мухаммад б. Текиш покарал мятежника, лишив его власти, а скорее всего (учитывая судьбу его родственников) и жизни. Низложение Махмуда могло произойти в 608/1211—12 г. На это намекают упоминающие только Мухаммада уздженские дирхемы с датой 608 г. х. на л. ст. и датой 607 г. х. (и именем хорезмшаха) на об. ст.*, произведенные сочетанием нейтральных политически аверсных штемпелей «безымянных» монет и «прокламативных» реверсных штампов «двухименных» дирхемов едва ли позже 608/1211—12 г. Если же это и не так, то крайне сомнительно, чтобы мятежный владетель Узгенда мог в 609/1212—13 г. избегнуть участи своих родственников, убитых после восстания Усмана по распоряжению Мухаммада б. Текиша. Следовательно, Кадыр-хан Ахмад б. Ибрахим, начавший царствовать не ранее 574/1178—79 и не позже 579/1183—84 г., правил до 607/1210—11 г., а Куч Арслан-хан Махмуд б. Ахмад — в 607—08/1210—12 гг.; нельзя исключать, что Махмуд удержался у власти еще некоторое время после этого, но потерял престол он никак не позже 610/1213—14 г., когда в Уздженде были выпущены дирхемы от имени одного Мухаммада б. Текиша (5, с. 105). Таким образом, узгендская ветвь Караханидов прекратила существование скорее всего в 608/1211—12 г., но не позднее 610/1213—14 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарих-и Масуди маруф би Тарих-и Байхаки-йи Абу-л-Фазл Мухаммад ибн Хусайн катиб Байхаки, ба мукабала-у тасхих-у хаваши-у талик-ат-и Саид Нафиси, III. Тихран, 1332/1954.
2. Байхаки Абу-л-Фазл. История Масуда/Пер. с перс., введ., комм. и прил. А. К. Арендса. Изд. 2, дополн. М., 1969.
3. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. 1. М., 1963.
4. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

* Монеты из собрания Государственного исторического музея КиргССР.

5. Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов//Нумизматический сборник. Ч. 2. (Труды ГИМ. Вып. XXVI). М., 1957.
6. Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
7. Давидович Е. А. Мухаммад б. Текеш и последние Караханиды (нумизматические коррективы)//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тезисы докладов. Ташкент, 1985.
8. Кочнев Б. Д. Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в.//Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.
9. Кочнев Б. Д. Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов// Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 1984.
10. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
11. Федоров М. Н. Редкий караханидский дирхем из Афрасиаба//СА. 1972. № 3.
12. Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в XII—XIII вв.// НЭ. Т. XIV. М., 1984.
13. Dorn B. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan //Melanges Asiatiques. T. VIII. 1880.
14. Fraehn Ch. M. Recensio numorum muhammedanorum... Petropoli, 1826.
15. Gane-Poole St. Catalogye of Oriental Coins in the British Museum. Vol. IX. Gnd., 1889.
16. Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden//Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin. Bd. XXXII. Brl., 1930.
17. Zambaur E. Die Münzpragunen des Islams. Bd. 1. Wiesbaden, 1968.

В. Д. РУЗАНОВ

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА МОГИЛЬНИКА ЧАККА

Могильник Чакка расположен на территории колхоза им. Энгельса в Самаркандском районе Самаркандской области. Открыт колхозником Х. Данияровым на приусадебном участке в 1975 г. Пока вскрыты три погребения, два из них исследованы сотрудниками Государственного Музея истории культуры и искусства УзССР г. Самарканда*.

Металлический инвентарь из погребений представлен только украшениями. Наиболее многочисленную их группу, не считая бусин, составляют браслеты (18 экз.). По оформлению лапок браслеты можно подразделить на два типа:

желобчатые, с заходящими друг за друга округлыми концами. Обнаружено 6 экз., у некоторых из них концы обломаны;

желобчатые, со спиральными концами. Найдено 12 экз., по 4 в каждом погребении. Большая часть браслетов коррозирована. Между собой различаются числом витков спирали, образующей конус.

У всех браслетов на внешней стороне имеется ребро.

---

* Автор приносит искреннюю благодарность М. Х. Урмановой, Л. Павчинской, Я. Крикису и Л. Соколовской, предоставившим неопубликованный материал.

В погребениях 1 и 3 обнаружено 6 бронзовых пластинок, обернутых золотой фольгой. Ею обернута также подвеска, состоящая из 5 колец в два оборота, вставленных друг в друга. В погребении 2 найден обломок кольца, принадлежащий, видимо, второй такой же подвеске. Иной тип подвесок представлен 6 находками из погребения 3. Они сделаны из желобчатой пластинки и имеют овальную форму. Концы их заходят друг за друга. В состав комплекса из погребения 3 также входят два накосника, изготовленные из пластинки ножевидной формы, один конец которой свернут во втулку, и предмет в виде стержня длиной 3 см с утолщенным и загнутым концами. В погребениях найдены пластинчатые пронизки и сравнительно большое количество бусинок, изготовленных из треугольной в сечении проволоки. В погребении 3 встречен бисер.

Статистико-графический анализ результатов спектроаналитических исследований 28 предметов (табл. 1) позволил разделить их на 5 химических групп, различающихся содержанием рудных примесей. Их выделение и характеристика химического состава демонстрируются на корреляционных графиках пар примесей серебро — висмут, сурьма — мышьяк и серебро — сурьма и сводных частотных гистограммах (рис. 1).

В группу 1 входят всего 2 предмета. Медь этих изделий, легированная оловом, характеризуется отсутствием висмута и пониженным содержанием сурьмы. Присутствие серебра фиксируется в интервале концентраций 0,01—0,015%.

Для группы 2, объединяющей 4 изделия, характерно отсутствие висмута, сурьмы и мышьяка. Серебро и никель отмечены соответственно только в десятитысячных и тысячных долях. Предметы изготовлены из оловянистых бронз.

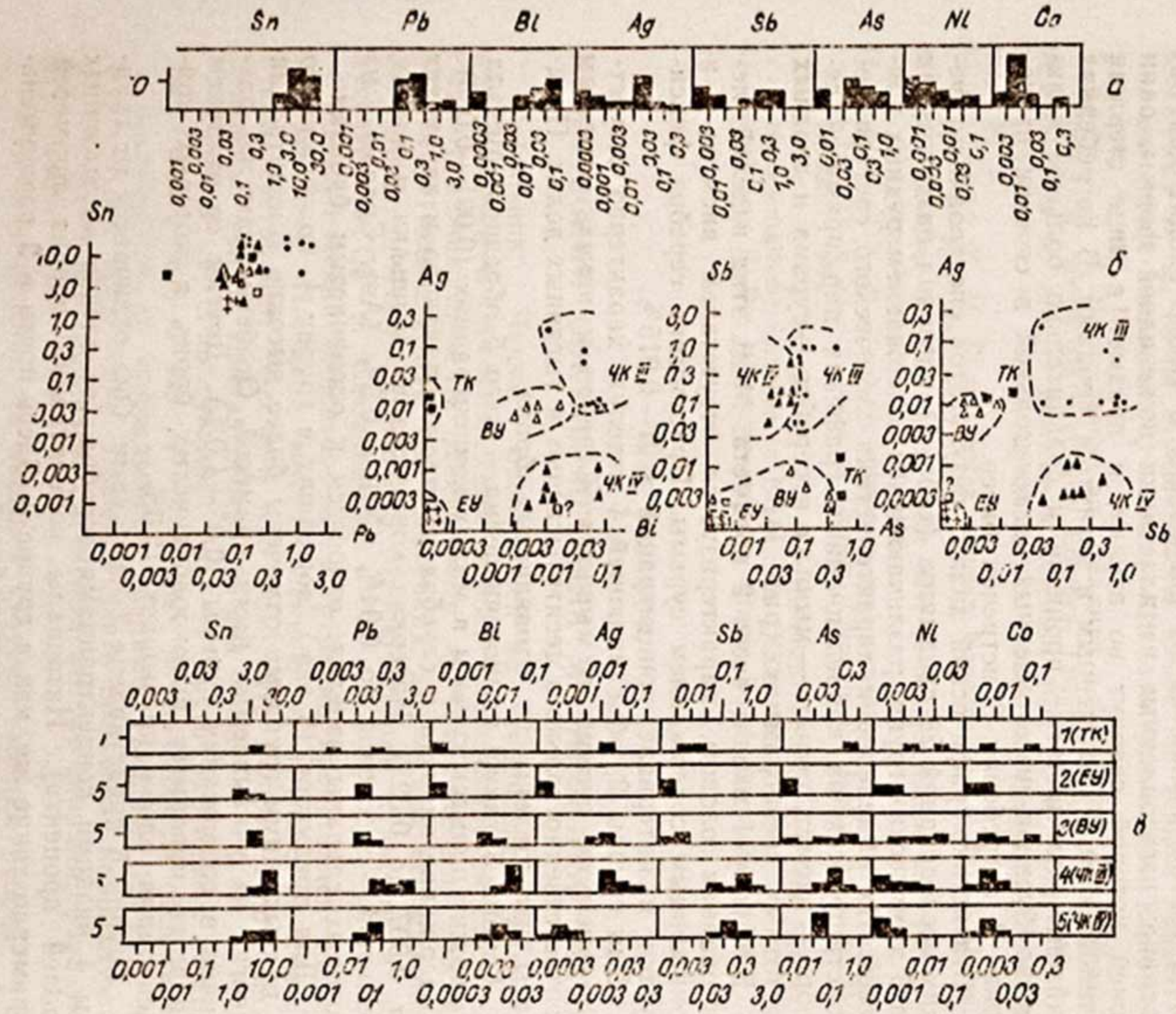
Группа 3 также немногочисленна — всего 5 образцов. Металл содержит примесь сурьмы в малых концентрациях (0,001—0,003). Содержание висмута и серебра примерно одинаково и варьирует от 0,007 до 0,02%. Интервал концентраций мышьяка и никеля большой — от следов до 0,04% (Ni) и 0,5% (As). Сплавы, из которых сделаны изделия, относятся к оловянистым бронзам.

Для предметов (9 экз.), вошедших в группу 4, по сравнению с предыдущими группами отмечены более высокие концентрации многих из учитываемых нами примесей. Особенно заметно различие в содержании сурьмы (0,05—1,0%). Другим ее отличием является приоритет высокооловянистых бронз, в которых концентрация олова превышает 10,0%.

Группа 5 представлена 7 находками. Она отличается от группы 4 низкими концентрациями серебра (от следов до тысячных долей процента). Интервалы концентраций прочих примесей примерно такие же, как в группе 4. Здесь почти в 2 раза уменьшена доля высокооловянистых бронз.

---

* Спектральный анализ изделий из могильника Чакка выполнен в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР.

Sn
Pb
Bi
Ag
Sb
As
Ni
Co
а
Sn
Pb
Ag
Bi
Sb
As
Ag
Sb
б
ТК
ЧК III
ЧК IV
ВУ
ЕУ
1(ТК)
2(ЕУ)
3(ВУ)
4(ЧК III)
5(ЧК IV)
в

Остановимся на химических параллелях исследованному металлу из этого могильника. Для сравнения нами были привлечены анализы находок эпохи бронзы из Средней Азии (1, с. 194—195; 2, с. 160, 206; 3, с. 105—109; 4), Казахстана (5, с. 143—147), Семиречья (6) и Волго-Уралья (7, с. 30—31).

Первые две группы сопоставляются с металлом химических групп, соответственно, ТК (ташказганской) и ЕУ (еленовско-ушкаттинской), сосредоточенных на Урале и в Нижнем Поволжье. Группа ТК является основной в коллекциях турбинской, баланбашской и отчасти абашевской культур. Металл группы ЕУ характерен для племен андроновской и срубной культур (7, табл. 5, с. 34). Срубники и особенно андроновцы пользовались также металлом ВУ (волго-уральская группа), с которым сходны бронзы группы 3 из могильника Чакка.

Группа 4 по составу примесей совпадает с металлом группы ЧК III (чаткало-кураминской). Ареал образцов ЧК III охватывает восточную часть Ферганской долины, Ташкентский оазис, Гиссарскую и Вахшскую долины. Таким металлом пользовались литейщики чустской и бургулюкской культур, а также племен, оставивших поселение Кангурттут и могильник Тандырйул в Южном Таджикистане*. Группа 5 коррелирует с медью ряда изделий группы ЧК IV, встреченных на территории Кайрак-Кумов в памятниках одноименной культуры.

Как видим, в химическом отношении спектрально исследованный металл из могильника Чакка различен по своему происхождению. Ряд предметов коллекции изготовлен из бронз, близких к характерным для степных культур Волго-Уралья, где зафиксированы источники сырья со сходным химическим составом (7, с. 38—42). Видимо, все эти вещи являются привозными. Не противоречат этому выводу типологичеекие аналогии, известные в Волго-Уральском регионе. Так, в металлических коллекциях западных памятников андроновской культуры представлен тот же разряд браслетов со спиральными концами (7, с. 71, рис. 61, табл. А; 8, рис. 24, *1*; 9, с. 111, рис. 37, *1, 2*; 10, с. 19—28, 60—63; 11, табл. XL, XLII, *14*), встречаются те же типы накосников и подвесок (*7*, с. 72, рис. 62, *10, 26*). Аналогичные браслеты найдены в памятниках поздняковской культуры (*7*, с. 71, рис. 61, *59—60*).

Отметим, что кроме Волго-Уралья подобные браслеты известны также в Центральном (12, с. 91—95) и Восточном (13, с. 84, табл. X, *2*) Казахстане. Химический состав металла этих нахо-

---

* Спектральный анализ металлических находок, поднятых сравнительно недавно при раскопках могильников Бустан 4 и 5 сапаллинской культуры, показал, что бронзы с подобным химическим составом бытовали также на территории Южного Узбекистана во второй половине II тыс. до н. э.

Рис. 1. Частотные гистограммы (а) и корреляционные графики (б) примесей меди могильника Чакка, сводные гистограммы химических групп (в).

Q.C.L. - N.Ver

Таблица 1

Результаты спектрального анализа изделий из могильника Чакка

Шифр лабор.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
21083	основа	6,0	0,05	0,001	0,003	0,007	0,004	0,15	0,06	0,01	0,025	<0,001
21084	—/—	5,5	0,06	0,005	—	<0,0001	—	—	0,1	<0,001	0,002	<0,001
21086	—/—	1,9	0,06	0,003	—	<0,0001	—	—	0,05	<0,001	0,001	<0,001
21088	—/—	2,0	0,08	0,004	—	<0,0001	—	—	0,08	0,001	0,003	<0,001
21090	—/—	2,0	0,06	0,003	—	<0,0001	—	—	0,1	0,001	0,003	<0,001
21092	—/—	6,0	0,07	0,01	0,008	0,007	0,002	0,3	0,1	0,03	0,12	<0,001
21093	—/—	2,5	0,2	0,006	0,015	0,0001	—	—	0,008	0,008	0,004	—
21094	—/—	6,0	0,09	0,004	0,008	0,01	0,003	0,5	0,15	0,04	0,12	<0,001
21095	—/—	9,0	0,15	0,004	—	0,01	0,003	0,5	0,15	0,03	0,15	<0,001
21096	—/—	4,0	0,08	0,004	0,02	0,01	0,009	0,07	0,01	0,005	0,003	<0,001
21097	—/—	5,0	0,005	0,001	—	0,015	0,018	0,5	0,001	0,007	0,008	0,003
21098	—/—	6,0	0,15	0,003	0,009	0,01	0,001	—	0,02	0,001	0,004	0,005
23611	—/—	>10,0	0,1	0,05	0,04	0,08	0,6	0,1	0,003	0,01	0,02	—
23612	—/—	>10,0	0,1	0,01	0,01	0,0003	0,15	0,04	0,003	<0,001	0,005	—
23613	—/—	>10,0	0,1	0,01	0,01	0,001	0,15	0,04	0,003	<0,001	0,005	—
23614	—/—	5,0	0,04	0,01	0,005	0,0001	0,05	0,03	0,005	<0,001	0,005	—
23615	основа	>10,0	1,5	0,01	0,04	0,01	0,9	0,15	0,001	<0,001	0,01	<0,001
23616	—/—	2,0	0,1	0,01	0,01	0,0003	0,15	0,04	>1,0	0,001	0,001	—
23617	—/—	6,0	0,2	0,01	0,01	0,0005	0,5	0,08	0,03	<0,001	0,005	<0,001
23618	—/—	>10,0	0,2	0,01	0,07	0,001	0,15	0,08	0,003	0,001	0,02	—
23619	—/—	5,0	0,05	0,03	0,07	0,0003	0,15	0,08	0,03	<0,001	0,005	—
23620	—/—	>10,0	0,1	0,1	0,07	0,01	0,9	0,2	0,01	0,001	0,005	—
23621	—/—	>10,0	1,0	0,03	0,01	0,2	0,05	0,1	0,003	0,005	0,005	0,002
23622	—/—	>10,0	0,5	0,01	0,07	0,01	0,5	0,1	0,01	0,001	0,005	0,002
23623	—/—	5,0	1,0	0,002	0,04	0,01	0,05	0,08	—	<0,001	0,001	—
23624	—/—	>10,0	0,1	0,01	0,04	0,01	1,0	0,08	0,65	0,001	0,005	<0,001
23625	—/—	>10,0	0,5	0,04	0,005	0,01	0,15	0,15	0,003	<0,001	0,005	—
23626	—/—	6,0	0,25	0,01	0,04	0,05	0,9	0,4	>1,0	0,005	0,005	0,002

Примечание. Браслеты со спиральными концами: ан. 21084—погр. 1; ан. 21086—погр. 1; ан. 21088—погр. 1; ан. 21090—погр. 1; ан. 21094—погр. 2; ан. 21092, 21095, 21097—погр. 2; ан. 23611—23614—погр. 3. Браслеты с заходящими друг за друга концами: ан. 21093, 21096—погр. 2; ан. 23615—23618—погр. 3; Бусинки: ан. 21083—погр. 1; ан. 23619, 23620— погр. 3. Проволоки: ан. 21098—погр. 2; ан. 23622—погр. 3. Наконечники: ан. 23624, 23625—погр. 3; Обломки неизвестных изделий: ан. 23621, 23625, 23626—погр. 3. Cu—медь, Sn—олово, Pb—свинец, Zn—цинк, Bi—висмут, Ag—серебро, Sb—сурьма, As—мышьяк, Fe—железо, Ni—никель, Co—кобальт, Au—золото; „основа"—основа сплава, „—"—элемент данным методом спектрального анализа не обнаружен, „<"—меньше, „ан".—анализ, „погр".— погребение, „>"—больше.

док нам неизвестен. Однако, если опираться на анализы прочих предметов (6, с. 143—147, табл. I, III), которые отличны от чаккинских, можно полагать, что чаккинцы не пользовались таким металлом и, видимо, не поддерживали контактов с литейщиками данных областей*.

Другая часть изделий из могильника Чакка явно местного происхождения. Их среднеазиатское производство устанавливается либо сходством металла по набору примесей с рудами месторождений Чаткало-Кураминского района (14, с. 62—63), либо химическими аналогиями, распространенными только на территории восточных среднеазиатских культур эпохи бронзы. Учитывая отсутствие в комплексах восточных памятников таких типов изделий, как кованые браслеты со спиральными концами и накосники ножевидной формы, можно полагать, что к чаккинцам поступали не сами вещи, а слитки бронз. Видимо, у населения Чакки было налажено собственное металлообрабатывающее производство. При выделке изделий чаккинские мастера придерживались западных форм, на что указывает типологическая близость комплексов. Они работали с металлом, который по-видимому, поставляли им литейщики кайраккумской и чустской культур. Не исключено, что какая-то часть металла проникала из юго-восточных районов, заселенных земледельческими племенами (Тандырйул, Кангурттут).

О распределении металлического инвентаря погребений могильника Чакка по химическим группам свидетельствуют следующие данные:

Место находки	*ТК*	*ЕУ*	*ВУ*	*ЧК III*	*ЧК IV*	*?*
Погребение 1	—	4	1	—	—	—
Погребение 2	2	—	4	—	—	1
Погребение 3	—	—	—	9	7	—

В комплексах погребений 1 и 2 представлен металл только западных химических групп, характерных для металлургических очагов Волго-Уралья. Для бронз этих погребений общей группой является ВУ, что позволяет сделать вывод об их синхронности. Диаметрально противоположно в химическом плане ориентирован металл из погребения 3, связанный с восточными среднеазиатскими источниками. Не находим здесь химических аналогов и западным бронзам. Пока трудно дать обоснованное объяснение подобным различиям. Возможно, они вызваны хронологической причиной или связаны с отличиями этнического характера. Может быть, это простая случайность. Чтобы выяснить этот вопрос, необходимо провести исследование всей коллекции металлических предметов, произвести более полное обследование могильника Чакка.

---

* В связи с малочисленностью опубликованного спектроаналитического материала по Центральному и Восточному Казахстану этот вывод носит предварительный характер.

Отмеченные ранее химические и типологические аналогии в материалах евразийского круга степных культур датируются в пределах второй половины II тыс. до н. э. Очевидно, к этому времени можно отнести и инвентарь вскрытых погребений могильника Чакка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов//Тр. ИИ АН ТаджССР. Душанбе, 1962.
2. Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана//Тр. ИИА УзССР. Ташкент, 1966.
3. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии//САИ В4-9. М., 1966.
4. Рузанов В. Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. дис. ... к. и. н. М., 1982.
5. Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана//СА. XV. 1951.
6. Копылов И. И. К вопросу о составе древних бронз Семиречья//Уч. зап. АГПИ им. Абая. Т. IX. 1955.
7. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья//МИА. М., 1970. № 172.
8. Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане// Казахи. Вып. 2. Л., 1927.
9. Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник//Тр. ГИМ. Вып. XVII. 1948.
10. Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане//МИА. 120. М., 1962.
11. Кузьмина Е. Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры//ПКБВЕ. М., 1964.
12 Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
13. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 88. М., 1960.
14. Рузанов В. Д. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры//СА. 1980. № 4.

Г. К. ХОДЖАЙОВА, М. И. МОЛДАВСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ К ПАЛЕОПАТОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА

На картине знаменитого художника Диего Веласкеса «Менины» (1656 г.) привлекает внимание изображение фигуры, отличающейся диспропорцией туловища, конечностей и головы. Подобное наблюдается при заболевании, носящем название «ахондроплазия» и являющемся наследственным заболеванием. Это только один из примеров того, как реалистическое произведение становится отражением заболевания человека, существовавшего задолго до наших дней. Общеизвестно изображение юноши с последствиями полиомиелита на египетской стеле, воздвигнутой около 3,5 тыс. лет назад. Полотна живописцев, хро-

ники, записанные на папирусе и пергаменте, донесли до нас из глуби веков сведения о туберкулезе, болезнях кожи, глаз, легких, щитовидной железы, кишечника, слоновости. Они — свидетельства древности болезней человека и один из источников сведений о болезнях древних людей. И все же их нельзя назвать летописью. Это только отдельные свидетельства. Наука о человеке испытывает необходимость в достаточно полном представлении о болезнях древних людей, их частоте, изменениях в ходе развития человеческого общества. В наиболее полном объеме этими сведениями располагает палеопатология.

Термин палеопатология был предложен в 1914 г. Раффером. Так называется раздел антропологии, который изучает болезни наших предков в отдаленные времена. Первые описания патологических изменений на костях человека были опубликованы только в 20-х годах XIX столетия. Эти наблюдения относились к отдельным находкам. Научный интерес к ископаемым патологически измененным костям возрастал как по мере улучшения методов распознавания особенностей костного материала, так и по мере его накопления. Палеопатология стала признанной дисциплиной, имеющей научно-медицинское, историческое и общекультурное значение. Исследование ископаемых костных материалов позволяет сделать выводы о патологических процессах, о продолжительности жизни в предшествующие исторические эпохи, темпе старения костно-суставного аппарата, частоте и характере его повреждений и заболеваний и особенностях их течения. Столетия и тысячелетия тому назад основные особенности, характерные для каждого патологического процесса, были такими же, как и в настоящее время, то есть они постоянны во времени. Это позволяет распознавать аномалии на скелетах людей любой эпохи начиная с каменного века до наших дней. До недавнего времени для этого в основном использовались анатомические и рентгенологические методы. С их помощью установлено, что у древних людей были частыми заболевания костно-суставного аппарата — деформирующий артроз, спондилоз, спондилоартроз, остеохондроз межпозвоночных дисков. Выраженность и протяженность этих изменений и количество пораженных костей в отдаленные эпохи были более значительны, чем у современных людей. Преждевременная инвалидность в результате тяжелых дегенеративно-дистрофических поражений опорно-двигательного аппарата представляла довольно частое явление в эпохи позднего неолита и бронзы. Скелеты с проявлением физиологического старения, характерного для пожилого и старческого возраста, встречались редко. Видимо, это связано с малочисленностью находимых в погребениях останков людей, доживших до старческого возраста.

В костях древних людей выявлены изменения, вызванные туберкулезом (эпоха поздней бронзы и раннего железа, античность, раннее и развитое средневековье). Некоторые больные туберкулезным спондилитом жили многие годы и даже десятки лет.

Нередки были остеомиелиты, отмечен тяжелый случай остеомиелита всей плечевой кости, закончившийся гибелью больного (1, с. 2—7). Найдены несомненные проявления сифилитических поражений костей — древнейшее наблюдение на территории нашей страны относится к середине II тыс. до н. э. (Забайкалье, район Селенги). Установлена древность уровской болезни (болезнь Кашина-Бека). Ареал эндемического поражения этой болезнью когда-то был очень значительным по сравнению с настоящим временем. Не являются редкостью на ископаемых костях как доброкачественные опухоли и опухолевидные образования, так и различные типы метастазов рака в кости (обычно множественные метастазы, главным образом в телах позвонков). Наиболее древние находки метастазов и остеосарком, ракового остеофитоза обнаружены в Северном Казахстане, Крыму, на Кавказе (2, с. 2). На костях диагностированы также лейкозы, аневризма аорты, хрящевые грыжи, асептические некрозы костей, наследственные деформации и врожденные аномалии развития, иногда уродства скелета (3, с. 111).

Много сведений о здоровье древних популяций дает зубная патология. В некоторых случаях отмечена высокая частота гипоплазии эмали, зубных камней, зубного флуороза у раннепалеолитического населения, в других популяциях доисторического периода (4, p. 188; 5, p. 148; 2, с. 4—5). Изменения в костях и зубах несут на себе следы врачебных вмешательств, производившихся в древние эпохи. С большим мастерством была выполнена ампутация пальцев рук женщины в мезолите. Следы трепанации черепа обнаружены у древних людей, населявших территорию СССР, Европы, Африки, Азии и Океании. Часто характер трепанационных отверстий свидетельствует о том, что люди жили после произведенных операций длительное время. Самый древний из трепанированных черепов с полным заживлением был найден в погребении, относящемся к эпохе мезолита. Видимо, после такой операции древние хирурги лечили больного травами и снадобьями, ограждая раневую поверхность от осложнений.

С помощью современных методов установлено, что для лечения болезней зубов древние майя использовали деревянную дрель с песком в качестве шлифовального материала. Интересными являются находки, по которым можно определить травмы конечностей и черепа. Рядом антропологов и археологов описаны повреждения костей скелета наконечниками от стрел. При раскопках женского захоронения был обнаружен бронзовый наконечник стрелы, засевший в грудинном конце левой ключицы. При попытке после ранения извлечь стрелу наконечник был сломан. Он оброс костной тканью и находился в кости продолжительное время, до смерти его носительницы. В погребениях также встречаются повреждения костей орудиями: палицами, различными острыми предметами. Их бывает трудно отличить от посмертных повреждений.

Данные палеопатологии используются антропологами для получения уникальных сведений. Обнаружение высокой частоты какой-либо наследственной болезни в группе древних жителей одного населенного пункта — чрезвычайно ценный материал об ограниченности брачных связей. В другом случае находка в захоронении большого числа костей с изменениями, вызванными проказой, позволила установить, что за четыре тысячи лет до раскопок на этом месте существовал лепрозорий. По состоянию костного материала можно составить представление о качестве питания древних людей. Высокая частота остеопороза, рахита, периостита у детей свидетельствует о плохом питании, о наличии цинги, белковой недостаточности. Изучение содержания микроэлементов в костях проливает свет на характер и тип питания. В частности, о соотношении мясной и растительной пищи в рационе древних людей можно судить по содержанию стронция и кальция в костях (6, с. 67—90).

Современной медициной установлено, что при многих заболеваниях, при которых не возникают болезни костей, в них все же развиваются определенные изменения. Порой они бывают настолько четкими, что по изменениям скелета можно установить общее заболевания организма. С применением современных биохимических, иммунологических методов у древних людей диагностированы такие заболевания, как проказа, малярия, гемоглобинопатия, железодефицитная анемия, заболевания легких.

В последнее время объектом палеопатологических исследований все чаще становятся копролиты — окаменевшее с веками содержимое кишечника. В них можно обнаружить яйца глист и определить вид паразита. Было установлено, что острицы, круглые черви, паразитирующие в кишечнике современного человека, существовали у людей, обитавших в пещерах много тысяч лет назад. Анализ копролитов позволяет судить также о составе пищи древних людей и ее эволюции.

Большой интерес для палеопатологии представляет исследование мумий, хранящихся в различных музеях мира. Этот интерес обусловлен тем, что в процессе создания мумий применялись смолы, сохраняющие химические соединения и строение тканей. Результаты этих изысканий используются для биохимического и гистологического исследования с целью установления заболеваний. Так были диагностированы охроноз — наследственное нарушение белкового обмена, сопровождающееся поражением кожи и костей, туберкулез, силикоз, паразитарные и бактериальные заболевания соединительной ткани, опухоли. В клетках папилломы кожи под электронным микроскопом были обнаружены вирусные частицы.

Остановимся на некоторых палеопатологических исследованиях, проводимых совместно Институтом археологии АН УзССР и Самаркандским медицинским институтом им. акад. И. П. Павлова.

На городище Токкала вблизи г. Нукуса при раскопках мо-

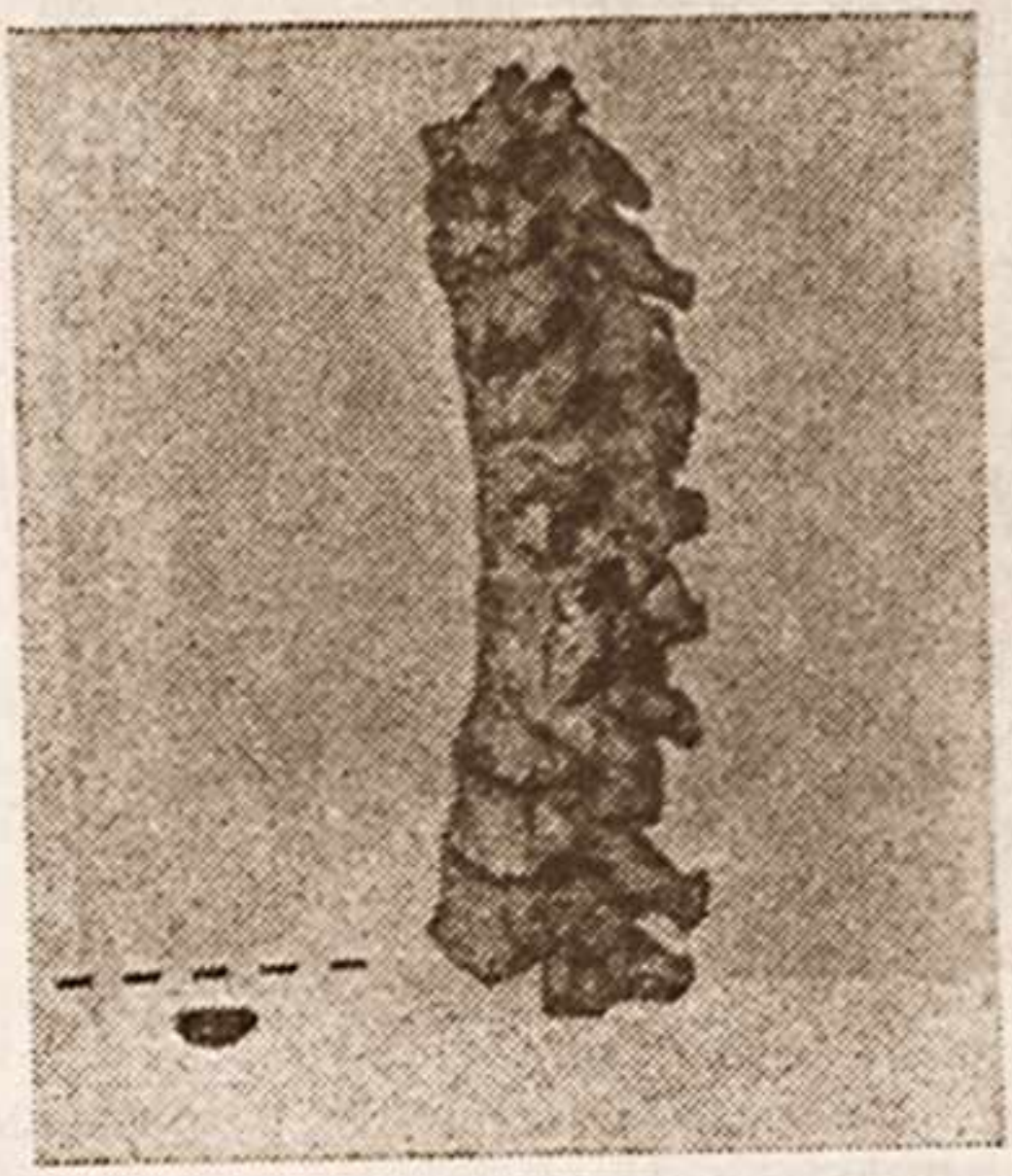
гильника VII—VIII вв. найден «костный конгломерат». Это были сросшиеся, патологически измененные кости локтевого сустава после внутрисуставного перелома плечевой кости. Имелось мощное костеобразование, превратившее локтевой сустав в неподвижное соединение костей. Аналогичное заболевание было изучено на материалах XIII в. из городища Утурликтепа в Сырдарьинской области. При раскопках городища Токкала был обнаружен скелет мужчины высокого роста и крепкого телосложения, у которого на обеих бедренных костях имелся перелом, кости в свое время не были соединены правильно и в результате ноги значительно укоротились, а на месте неправильного соединения костей образовалась мощная костная мозоль. Этот мужчина жил много лет после травмы, был инвалидом, видимо, сильно хромал вследствие укорочения обеих ног. Возможность многолетнего существования тяжелобольных и беспомощных инвалидов в древние времена свидетельствует об определенных общественных отношениях и условиях жизни.

В могильнике Миздахкан в Ходжейлийском районе ККАССР у женского черепа из гумбеза Оразымбетхана (XIX в.) была атрофирована нижняя челюсть без зубов. Суставные отростки этой челюсти находятся на уровне суставных бугорков в положении подвывиха. Мягкие ткани, окружающие нижнечелюстные суставы, окостенели. Эти изменения являются результатом невправленного вывиха с последующим окостенением кровоизлияния. Женщина, получившая такую травму, не могла размельчать пищу зубами, так как она не могла раздвигать челюсти. По-видимому, родственниками были приняты срочные меры по удалению передних зубов как с верхней, так и нижней челюстей. В результате этого образовалось отверстие, через которое ей вливалась жидкая пища. После такой тяжелой травмы женщина жила много лет, умерла в глубокой старости и, видимо, от другого недуга.

В зубах человека начиная с эпохи бронзы часто наблюдаются некоторые аномалии и патологические изменения. Из аномалий верхней челюсти следует отметить несрастание ее, то есть «волчью пасть». Среди различных заболеваний зубов и челюстей современного человека первое место занимает кариес зубов, он встречается у 40—50% населения. В среднекаменном и древнекаменном периодах в пище людей было мало раздражителей, портящих зубы и челюсти. Этим объясняется отсутствие или исключительная редкость кариозных зубов у палеолитического человека. Заболевание появляется у мезолитического человека (3,8%). В эпоху неолита встречаемость пораженных кариесом зубов не превышала 5%. Кариес молочных зубов в эпоху неолита наблюдается лишь в 0,8%, тогда как у современного человека он встречается в 24% случаев в детском возрасте. В эпоху бронзы и еще в большей степени в эпоху железа, когда состав пищи и техника обработки ее в той или иной мере

приблизились к современным, кариес зубов стал очень частым заболеванием.

Наиболее богатую коллекцию различных заболеваний дали костные останки людей первых веков н. э., захороненных в наусах Дальверзинтепа в Сурхандарьинской области (7). Выявленные болезненные изменения скелета объединены в несколько основных групп. Наблюдали хронический остеомиелит лучевой кости у мужчины из склепа № 2. Кроме того, у него выявлено воспаление сосцевидного отростка со свищевым дефектом, развившимся в результате перенесенного гнойного отита. В двух случаях обнаружен остеомиелит верхней челюсти в связи с кариесом зуба. Сохранился свищевой ход соединения зубной альвеолы

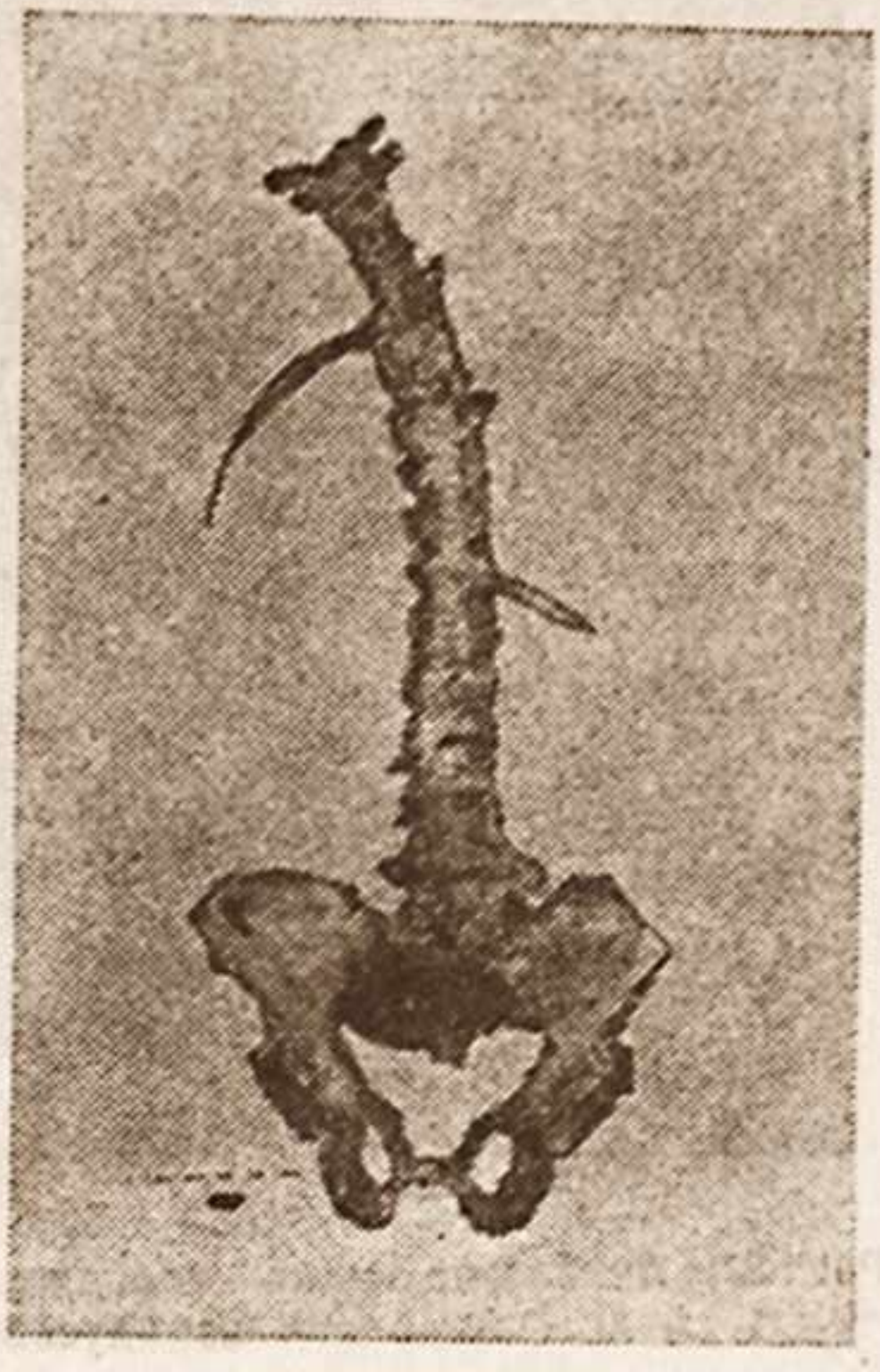

Рис. 1. Деформирующий спондилоз грудного отдела позвоночного столба мужчины из наусов Дальверзинтепа.

Рис. 2. Анкилозирующий спондилоартрит (болезнь Бехтерева) у мужчины из наусов Дальверзинтепа.

с гайморовой пазухой. В хорошо сохранившейся части грудного отдела позвоночного столба (склеп № 3) изменения были характерны для деформирующего спондилоза. На протяжении 25 см 10 позвонков грудной области фиксированы, а на связках межпозвонковых промежутков имеются костные выступы до 1 см. Пространства между телами позвонков сужены (рис. 1).

Довольно редким случаем является сочетание нескольких патологических изменений на скелете мужчины 18—20 лет

(рис. 2). Сколиоз в шейно-грудном отделе позвоночника. В нижнегрудном и поясничном отделах позвоночника (рис. 3) пространства заполнены костью, и позвоночный столб представляет собой единый искривленный костный массив (рис. 2, 3), образующийся при анкилазирующем спондилоартрите — болезни Бехтерева. Это довольно редкий случай: аналогичное заболевание было зафиксировано Д. Г. Рохлиным у мужчины 40—45 лет из погребения X—XIII вв. Саркел — Белая Вежа. Кроме перечисленных заболеваний у этого мужчины из Дальверзинтепа в теменной и лобной костях сохранились четыре дефекта: три линейных (12, 16 и 26 мм) и один (28 мм)неправильной формы (рис. 4).

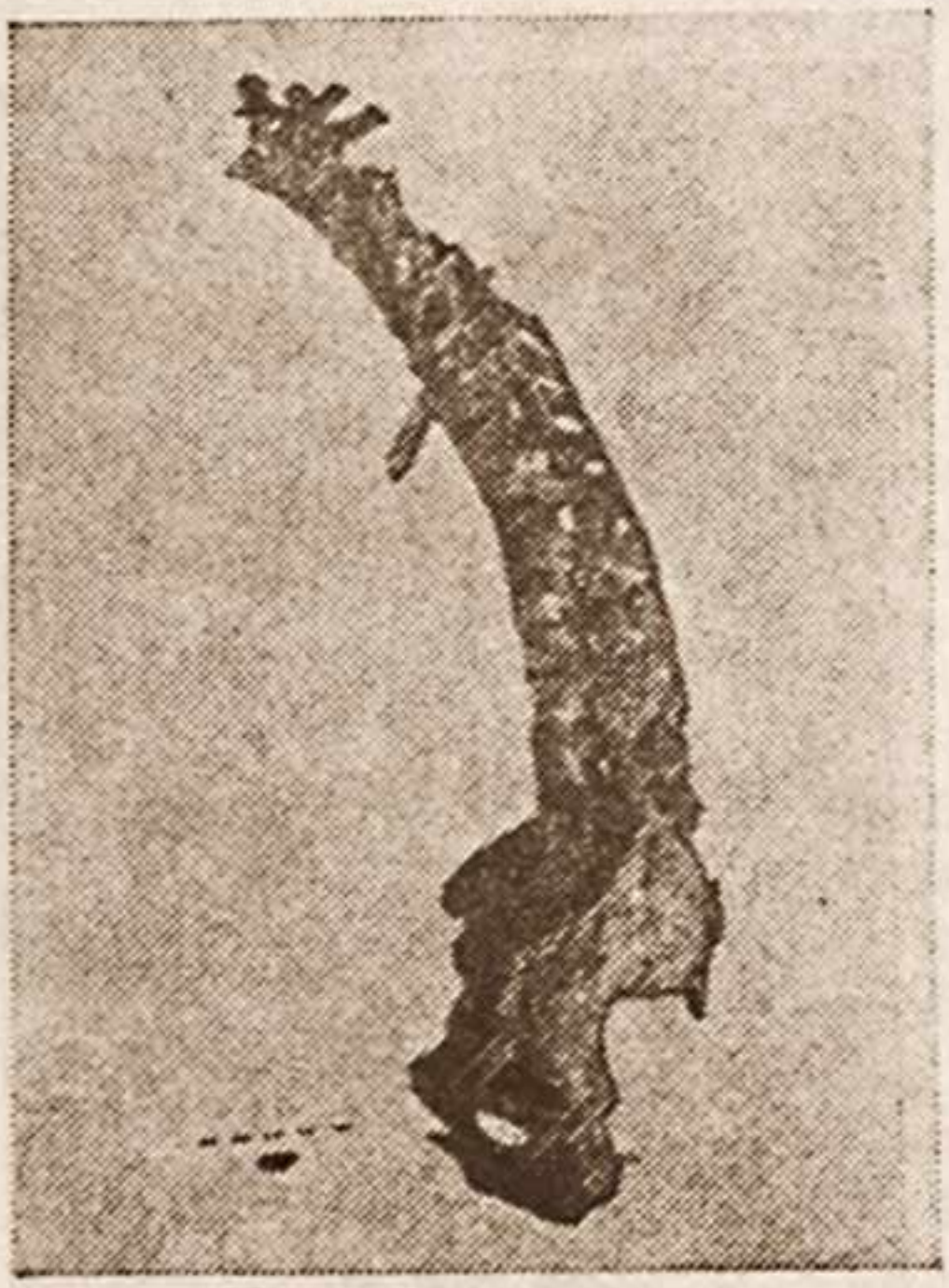

Рис. 3. Анкилозирующий спондилоартрит (болезнь Бехтерева) у мужчины из наусов Дальверзинтепа.

Рис. 4. Следы травм на черепе у мужчины из наусов Дальверзинтепа.

Затылочный мыщелок и глоточный бугорок затылочной кости сращены с передней дугой и боковыми массами первого позвонка-атланта. Кроме того, хрящевые части 5, 6 и 7 ребер справа и слева у грудины — окостеневшие (рис. 5). Большой вертел бедренной кости утолщенный, массивный, с деформированной неровной поверхностью. Шероховатая линия бедра утолщена. В нижней трети локтевой кости имеется сросшийся перелом.

Многочисленные изменения скелета отражают четыре группы болезненных процессов — поражения суставных поверхностей с анкилозом суставов, нарушения развития, деформацию костей и травмы. В данном случае у больного сочетается болезнь Бехтерева с деформацией черепа, травмой и врожденными наруше-

ниями грудины (8—9). У больного были постоянные боли, ограниченное движение и полная неподвижность пораженных суставов, поражения внутренних органов — сердца, почек, легких (10—11).

В 1964 г. на Миздахкане обнаружен череп женщины, датируемый ранним средневековьем, на лобной кости которого было трепанационное отверстие размерами 1,5×1,0 см с частично за-

Рис. 5. Следы травм и деформации грудины, ключицы и предплечья у мужчины из наусов Дальверзинтепа.

жившими краями. Не исключено, что эта женщина жила некоторое время после операции.

Проведенная нами работа позволяет считать целесообразным и перспективным продолжение многолетних комплексных палеопатологических исследований. Сопоставление антропологических, историко-археологических, анатомических, рентгено-диагностических данных способствует более глубокому изучению общества людей той или иной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рохлин Д. Г. Древность патологических процессов на ископаемых костях человека в СССР//VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
2. Бобин В. В. Палеопатологические находки последних лет в Крыму и на Северном Кавказе//VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

3. Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.—Л., 1965.
4. Lukose John R. Dentall bluorosis in Early neolithic Pakistan//Amer. Journ. Phys. Antropol. 1984. 63. N 2.
5. Costa R. Z. Dental Pathology of nineteenth century a prehistoric Labrador Eskimos//Amer. Journ. Phys. Antrop. 1984. 63. N 2.
6. Sillen Andrew, Kawanagh Maureen. Strontium a Pallodietary research: a review//Harb. Phys. Antropol. 1982. Vol. 25.
7. Ходжаев Т. К. Палеоантропология древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
8. Струков А. И., Бегларян А. Г. Патологическая анатомия коллагеновых болезней М., 1863.
9. Струков А. И. Патологическая анатомия. М., 1971.
10. Грицман Н. Н. Поражения сердца при коллагеновых заболеваниях. М., 1971.
11. Пермяков Н. К. Анкилозирующий спондилоартроз (спондилоартрит) //Руководство по патологической анатомии. М., 1962.

А. Р. БАТЫРОВ

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ПОСЕЛЕНИЯ ДЖАРКУТАН

Поселение Джаркутан расположено на левом берегу русла Бустансая на территории колхоза им. В. И. Ленина Шерабадского района Сурхандарьинской области и состоит из нескольких отдельно стоящих естественных всхолмлений. Оно раскинулось вдоль сая на расстоянии не менее километра. Общая площадь поселения более 100 га. Широкая надпойменная терраса берегов русла Бустансая представляет собой однообразные всхолмления с небольшими пологими ложбинами и сравнительно крупными оврагами (1), достигающими в длину несколько десятков метров, с отвесными стенами высотой местами более 5—10 метров. Отдельные участки оврагов использовались под загоны домашнего скота и, вероятно, отсюда и пошло название Джаркутан, что означает «загон для скота».

В 1975—1978 гг. были проведены раскопки на одном из бугров — Дж-4 (могильник), а в 1979—1980 гг. — на холме 5 Шерабадским отрядом под руководством А. А. Аскарова (2).

По археологическим данным, памятник Джаркутан датируется эпохой бронзы (конец II тыс. до н. э.). Масштаб раскопок сравнительно небольшой, но остеологический материал оказался довольно интересным. В результате исследования последнего выявлено 3045 фрагментов костей млекопитающих, принадлежащих минимально 426 особям домашних и диких видов (табл. 1).

На поселении выявлено 16 диких и 7 домашних видов млекопитающих, тогда как в могильнике выявлено лишь 2 вида домашних животных — собака, мелкий рогатый скот. Наибольшее количество костных остатков принадлежит мелкому рогатому скоту — более 60% общего числа. Характер обнаруженных костей мелкого рогатого скота показывает, что сохранились все части скелета,

но в очень раздробленном виде — это связано, видимо, с извлечением древними людьми костного мозга.

Среди исследуемых костных остатков наиболее малочисленными оказались стержни рогов овец и коз. Выявлено лишь 2 стержня рогов, принадлежащих овцам, и 3 — козам. После просмотра обнаруженных фрагментов черепов овец поселения Джаркутан не были обнаружены следы рогатости.

В. И. Громова (3) при изучении фауны млекопитающих из городища Каунчитепа также отмечает камолость овец. А В. И. Цалкин (4, с. 213—244; 5, с. 108—157) пишет, что в

Таблица 1

Видовой состав и количество костей животных Джаркутана, шт.

Вид животных	Могильник Дж-4		Пос. Джаркутан P_1	
	количество			
	кости	особи	кости	особи
Домашние				
1. Собака	1	1	180	27
2. Лошадь	—	—	52	19
3. Осел	—	—	24	7
4. Свинья	—	—	3	3
5. Верблюд	—	—	6	2
6. Крупный рогатый скот	—	—	194	46
7. Мелкий рогатый скот	500	100	1325	158
Неопределяемые трубчатые кости	—	—	568	—
Всего	501	101	1784	262
Дикие				
8. Длиннохвостый сурок	—	—	4	2
9. Дикобраз	—	—	8	3
10. Тушканчик Северцова	—	—	4	2
11. Малый тушканчик	—	—	6	2
12. Тамарисковая песчанка	—	—	3	1
13. Краснохвостая песчанка	—	—	52	10
14. Волк	—	—	13	3
15. Лисица	—	—	5	3
16. Барсук	—	—	16	4
17. Степная кошка	—	—	3	1
18. Кулан	—	—	29	7
19. Кабан	—	—	2	2
20. Олень	—	—	23	8
21. Первобытный тур	—	—	5	2
22. Джейран	—	—	15	9
23. Уриал	—	—	8	4
Всего	—	—	196	63
Итого	501	101	2544	325

древнем Хорезме преобладали камолые овцы (80%). Не исключено, что в пос. Джаркутан самки и часть самцов овец были камолыми. В то же время у коз как самцы, так и самки были с рогами. Такое явление прослеживается в хозяйствах и в настоящее время.

Для определения процентного соотношения овец и коз нами были произведены подсчеты по наиболее диагностичным костям, в числе которых — стержни рогов. метаподиальные кости, кости фаланг и наиболее целые фрагменты посткраниального скелета (6, с. 123). Предварительные подсчеты дали следующий результат: по стержням рога 86,6% стада оказались козами, 13,4%—овцами, а по костям конечностей 21,5% — козами и 78,5% — овцами. По нашему мнению, результаты подсчета конечностей ближе к истине. Фактический материал (кости конечностей), географические условия обитания и хозяйственная целесообразность подтверждают преобладание овец над козами.

Исследование 26 целых нижних челюстей дало некоторые сведения о возрастном составе мелкого рогатого скота в пос. Джаркутан (P_1):

Состояние системы коренных зубов	*Возраст, мес.*	*Кол-во исследованных челюстей, шт.*	%
Отсутствует M_1	до 3	3	11,5
Есть M_1—отсутствует M_2	3—12	6	23,1
Есть M_2—отсутствует M_3	12—14	10	38,5
Есть M_3 . . .	старше 24	7	26,9
	Итого	26	100,0

Приведенные данные свидетельствуют о том, что основную массу мелкого рогатого скота, используемого древними джаркутанцами, составляли овцы и козы в возрасте от года до двух лет.

Анализы исследований показывают, что 34,6% общего числа исследуемых челюстей составляют кости мелкого рогатого скота до годового возраста. Животных этой возрастной группы древние джаркутанцы использовали, вероятно, для следующих целей:

употребляли в пищу. Особо ценилось мясо молодых ягнят в возрасте от 6 до 8 месяцев. Эта возрастная группа называлась ширвозами;

изготовляли смушку (каракуль?). Обоснования предположения об изготовлении древними джаркутанцами (или вообще в эпоху поздней бронзы) смушек не имеется, но судя по наблюдениям в процессе раскопок и по анализу остеологического материала, при высоком развитии земледелия, преобладании придомно-скотоводческого хозяйства, мелкого рогатого скота, вполне допустимо, что во второй половине эпохи бронзы население занималось изготовлением смушек. Шкуры обрабатывались, вероятно, примитивными методами.

При выделке смушек использовались кислое молоко, которого у скотоводов было достаточно, и предметы для зачистки шкур — нож, скобель и др. из бронзы, камня, кости, кремня. Бронзовые

ножи различной формы были обнаружены в процессе раскопок на Сапаллитепа, Джаркутане, Кучуктепа. Каменный серповидный нож был обнаружен на пос. Кучуктепа (7, с. 94);

использовали в культово-ритуальных обрядах.

Все обнаруженные костные остатки из погребений принадлежали исключительно годичным овцам. В захоронениях часто оставлялись задняя и передняя ноги мелкого рогатого скота. Сравнительно реже клали в могилу грудинку вместе с ребрами. Мясо оставлялось, в основном, в керамических вазах и ляганах, а также, вероятно, в плетеной посуде. В погребениях № 368 и № 632 были обнаружены полные скелеты молодых ягнят. Целые животные обычно погребались в кенотафных могилах вместо пропавших без вести. Особый интерес представляют находки астрагалов (100 шт.) в погребении № 333, лежавшие между ногами юноши. 40% астрагалов были отшлифованными. Это свидетельствует о широком применении их древними людьми юга Узбекистана в играх (ошик).

Таблица 2

Некоторые промеры костей мелкого рогатого скота

Промеры	Джаркутан		
	n	Предел	Средний
Альвеолярная длина ряда нижнекоренных зубов	3	76,0–82,5	78,5
Ширина нижнего эпифиза плечевой кости	13	33,5–40,0	36,0
Ширина нижнего эпифиза берцовой кости	4	28,5–30,0	29,3
Общая длина пяточной кости	21	51,0–70,0	59,8
Общая длина астрагала	87	24,5–38,5	32,5
Ширина астрагала	81	15,5–23,5	20,0
Общая длина пясти	3	127–163	143,3
Ширина верхнего эпифиза	6	21,0–31,0	26,9
Передне-задний диаметр верх. конца	6	19,0–21,0	19,3
Ширина нижнего эпифиза	4	26,5–28,0	27,2
Передне-задний диаметр нижнего конца	4	17,0–18,0	17,5
Наименьшая ширина диафиза	4	18,5–19,5	19,0
Общая длина плюсны	1	157,0	—
Ширина верхнего эпифиза	1	21,0	—
Передне-задний диаметр верх. эпифиза	1	23,0	—
Ширина нижнего эпифиза	1	26,0	—
Передне-задний диаметр нижн. эпифиза	1	18,0	—
Наименьшая ширина диафиза	1	14,0	—
Общая длина I фаланги	26	31,0–45,0	39,8
Общая длина II фаланги	4	24,0–29,0	26,0

Целых костей скелета и черепов сравнительно мало. Для морфометрического анализа нами использован в основном посткраниальный скелет — фаланги пальцев, астрагалы, проксимальные и дистальные концы трубчатых костей, а также отдельные целые метаподиальные кости и нижние челюсти (табл. 2).

Морфометрические измерения показывают, что стадо мелко-

го рогатого скота состояло из двух пород овец: каракульской и курдючной, основу составляли каракульские овцы.

Второе место по количеству костных остатков занимает крупный рогатый скот. Определено 194 костей 46 особей. Костные остатки сильно раздроблены, целыми сохранились лишь те части скелета, в которых меньше всего костного мозга: первая и вторая фаланги, астрагал и пяточная кость. Для измерения оказались пригодными также проксимальные и дистальные концы метаподиальных костей.

О морфологических признаках некоторых костей крупного рогатого скота свидетельствуют следующие данные:

Промеры	*n*	*Предел*	*Средний*
Общая длина пяточной кости	1	134.0	—
Общая длина астрагала	8	60,0—73,0	66.6
Максимальная ширина астрагала	7	39.0—45,0	41,8
Общая длина пясти без нижнего эпифиза	1	180,0	—
Ширина верхнего эпифиза пясти	1	63,0	—
Передне-задний диаметр верхнего эпифиза	1	35,0	—
Наименьшая ширина диафиза	1	35,0	—
Общая длина I фаланги	7	60,0—69.0	62,8
Общая длина II фаланги	8	35.5—46,6	41,4
Общая длина III фланги	1	55.0	—

Костные остатки домашней лошади на территории Средней Азии обнаруживаются для эпохи бронзы (8, с. 94—95; 10, с. 205—232). На территории Узбекистана они отмечены нами в слоях эпохи поздней бронзы на поселении Кучуктепа и в слоях Чустской культуры в Фергане.

Костные остатки лошади в пос. Джаркутан занимают третье место (52 кости 19 особей). Основная масса обломков костей является, несомненно, кухонными остатками, чем и объясняется чрезвычайно сильная их раздробленность. Исключением являются кости фаланг, астрагалы, пяточные, запястные, предплюсновые и реже метаподии.

В отдельных случаях (ком. 32) встречалась даже нижняя часть передней конечности (пясть с фалангами). Наибольшая длина пястных костей 228,0—228,5 мм. Наибольшая ширина верхнего и нижнего эпифиза составляет соответственно 50 мм и 52 мм, а ширина диафиза 39,5—40,0 мм. Общая длина I фаланги 89,0—89,5 мм, II фаланги — 44,0—49,0 мм.

По данным В. И. Цалкина (6), в древнем Хорезме длина пястных костей составляет 210—231 мм, в среднем 221,65 мм. Наибольшая длина I фаланги — 79—93, в среднем 86,12 мм. Сопоставление этих цифр показывает некоторое сходство пород. Имеющиеся в остатках фрагменты нижней челюсти, коренных зубов и обломков трубчатых костей позволяют определить возраст лошадей (5—10 лет). Эти данные свидетельствуют об ис-

пользовании животных в хозяйственных работах и для верховой езды.

Костные остатки осла из пос. Джаркутан немногочисленны (24 кости 7 особей). Сохранность обнаруженных костей хорошая, имеются целые метаподии и фаланги пальцев. В центре ком. 32 обнаружена целая передняя конечность осла в анатомическом порядке. Осел, видимо, не употреблялся в пищу, о чем

Таблица 3

Некоторые промеры черепа и костей скелета собаки из пос. Джаркутан

Промеры	n	Предел	Средний
1. Общая длина черепа	2	191,0; 185,5	188,2
2. Кондилобазальная длина	2	173,0; 172,5	172,7
3. Основная длина	2	162,5; 163,0	162,7
4. Верхняя мозговая длина	2	81,5; 92,0	86,7
5. Лицевая длина	2	122,5; 110,5	111,5
6. Альвеолярная длина ряда верхнекоренных зубов	3	64,0— 68,0	66,3
7. Длина ряда моляр	3	21,0— 28,5	23,7
8. Длина ряда премоляр	3	48,0— 51,0	49,8
9. Длина носовой кости	2	60,0; 58,0	59,0
10. Общая длина нижней челюсти	4	126,0—144,0	135,0
11. Альвеолярная длина ряда нижнекоренных зубов	5	70,5— 75,0	72,8
12. Длина ряда премоляр	5	36,5— 39,0	37,7
13. Длина ряда моляр	5	35,5— 42,0	37,5
14. Длина M_1	4	21,5— 25,5	23,2
15. Общая длина бедренной кости	3	161,5—195,0	179,6
16. Ширина верхнего эпифиза	2	34,0; 37,5	35,75
17. Ширина нижнего эпифиза	4	29,0— 35,5	31,75
18. Ширина диафиза	3	12,0— 15,0	14,0
19. Общая длина плечевой кости	3	153,5—170,0	160,0
20. Ширина верхнего эпифиза	2	31,0; 34,0	32,5
21. Ширина нижнего эпифиза	5	30,0— 37,5	33,9
22. Ширина диафиза	3	10,0— 14,0	12,0
23. Общая длина лопатки	2	128,5; 129,5	129,0
24. Ширина суставной впадины лопатки	2	25,5; 25,5	25,5
25. Общая длина берцовой кости	3	174,5—179,5	176,3
26. Ширина диафиза	3	16,0— 19,0	17,5
27. Общая длина лучевой кости	4	161,0—182,0	174,5
28. Общая длина пяточной кости	5	44,5— 52,0	48,8
29. Общая длина астрагала	4	28,5— 34,5	30,75

свидетельствует целостность обнаруженных трубчатых костей. Найдены две целые пясти длиной 190 мм и 176 мм. Ширина диафиза 26,0 мм; 24,5 мм. Ослы использовались в транспортных целях.

В пос. Джаркутан (P_1) также были найдены единичные кости верблюда (6 костей 2 особей) и свиньи (3 кости 3 особей). Свиньи в поселении, видимо, питались различными отходами, чем и объясняется малочисленность этого вида животных.

Из выявленных семи видов домашних животных в пос. Джаркутан третье место занимают костные остатки собак (180 костей 27 особей). Во многих среднеазиатских археологических памятниках (в частности узбекистанских) встречаются кости собак, но, в отличие от рассматриваемого поселения, в ограниченном количестве. В пос. Джаркутан были обнаружены даже целые скелеты, но очень плохой сохранности. В одном месте (ком. 1) обнаружено захоронение 5 собак. Черепа собак, отделенные от тела, лежали на скоплении костей скелета, обращенные друг к другу. Затылочные отверстия не были соединены с первым шейным позвонком-атлантом. Под давлением почвы черепа сильно деформированы. Особенно раздавлены мозговые части черепов. Небольшое скопление посткраниального скелета собаки было обнаружено и под каменной дорожкой, ведущей к алтарю огня. Судя по зубной системе, по швам мозгового черепа и сращенности эпифизов к диафизу костей собак, они принадлежали взрослым особям, но не старым.

Для морфометрического изучения оказались пригодными два черепа и небольшая серия костей посткраниального скелета (табл. 3).

В пос. Джаркутан определены костные остатки 16 видов диких млекопитающих (табл. 1). Основными охотничье-промысловыми видами были кулан, джейран, олень, уриал и, очевидно, барсук. Кости оленя и джейрана представлены фрагментами посткраниального скелета и обломками стержней рогов. Джейран по количеству особей занимает первое место среди диких млекопитающих. Это свидетельствует о высокой численности джейрана в прошлом. Остатки кулана сохранились сравнительно хорошо. Встречаются нижние челюсти, астрагал и пяточные кости.

Единичность костных остатков первобытного тура и уриала свидетельствует о малочисленности этих видов уже в эпоху бронзы. Необходимо отметить наличие фрагмента скелета сурка. В настоящее время сурки встречаются в горном ландшафте, в древности его ареал охватывал и предгорные районы.

Несмотря на незначительность костных остатков барсука в поселении, их численность была больше, так как условия для обитания этого животного в окрестностях Джаркутана благоприятны (наличие больших оврагов и возвышенностей).

На пос. Джаркутан обнаружены также костные остатки волка, лисицы, степной кошки и дикобраза. Но число обнаруженных костей этих видов, как и на большинстве археологических памятников, единично. Костные остатки грызунов — малого тушканчика, тушканчика Северцева, краснохвостой и тамарисковой песчанки — в культурный слой попали, очевидно, в результате роющей деятельности зверьков, без вмешательства человека. В культурных слоях обнаружены кости (18 шт.) кур и воробьев.

У древнеземледельческих племен юга Узбекистана (культура Сапалли) в хозяйстве преобладали виды домашних животных (9, с. 135—138; 1). В пос. Джаркутан они составляли по кост-

ным остаткам 90,1%, по особям 80,7%. Как уже говорилось, первое место занимал мелкий рогатый скот—60,3%, наблюдалось увеличение количества крупного рогатого скота и частично лошади.

Впервые на древнеземледельческом памятнике юга Узбекистана отмечается большое скопление костных остатков собак (10,3%). Вероятно, это связано с культом (?) — имеются подтверждающие материалы археологии и архитектуры данного памятника.

Охота в обеспечении джаркутанцев мясными продуктами занимала второе место. По костным остаткам дикие млекопитающие составляли в Джаркутане 9,9%, по особям — 19,3%.

Из выявленных 16 их видов 12 связаны с охотничьей деятельностью человека, 4 попали в культурный слой без его участия.

Единичными экземплярами представлены костные остатки хищников — волка, лисицы, кошки и др.

Особое место на поселении занимают костные остатки диких копытных (табл. 1). По их количеству преобладал кулан, тогда как по количеству особей — джейран. Одно из последних мест по количеству костных остатков среди копытных животных занимает кабан.

Обнаруженные виды диких млекопитающих указывают на то, что окрестности пос. Джаркутан были широкой подгорной равниной, местами имелись и тугайные заросли. В настоящее время в результате антропогенного воздействия на этих территориях вымерли кулан, бык-тур, исчезли сурок, барсук, джейран. Благодаря организации заповедника Ороп-Пайганбар в ограниченном количестве сохранился бухарский олень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
2. Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983.
3. Громова В. И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии//Каунчи-тепа (раскопки 1935). Ташкент, 1940.
4. Цалкин В. И. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1945—1948). Т. 1. М., 1952.
5. Цалкин В. И. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии. Древнейшее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии// МИА. 135. М., 1966.
6. Громова В. И. Остеологические отличия родов Сарга (козлы) и Ovis (бараны)//Тр. комис. по изуч. четвертич. периода. Т. 10. Вып. 1. М., 1953.
7. Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
8. Батыров Б. Х. Фауна млекопитающих городища Кучук-тепа юга Узбекистана//Материалы 23 научной конференции профессорско-преподавательского состава биологического факультета СамГУ. Самарканд, 1966.
9. Батыров Б. Х. Фауна поселения Сапаллитепа//ИМКУ. Вып. 11. Ташкент, 1974.
10. Ермолова. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркменистана//Каракумские древности. Вып. 3. Ашхабад, 1970.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПИ — Алма-Атинский государственный педагогический институт
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПКБВЕ — Памятники каменного и бронзового веков Евразии
САИ — Свод археологических источников
СА — Советская археология
Тр. ИИ АН ТаджССР — Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ИИ АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР

СОДЕРЖАНИЕ

У. И. Исламов, М. Х. Годин, К. А Крахмаль. Хайдаркаиская, котловина в нижнечетвертичном периоде 3
В. И. Ионесов. Некоторые данные о могильнике Джаркутан-4В . 8
Т. Ширинов. «Виноделыня» Джаркутана — памятник эпохи бронзы юга Узбекистана 18
М. Хужаназаров. Колесницы Каракиясая 29
Ю. П. Манылов. Могильник Джузкудук-2 раннесакского времени в горах Букантау 33
М. И. Филанович, Х. Дуке. О древнейшем поселении на Шаштепе в Ташкенте 39
Ш. Р. Пидаев. Археологические работы на юго-восточном холме Зартепа 50
К. Абдуллаев. Об одном буддийском образе в коропластике Бактрии — Тохаристана 59
А. А. Анарбаев, О. Н. Иневаткина. Стратиграфическое изучение шахристана I городища Эски Ахси 70
М. Х. Исамиддинов, С. Р. Баратов. Новые раскопки мугхона в Гавасае 86
Г. И. Богомолов, П. И. Гендельман. Металлические изделия с городища Канка 93
Н. Ю. Нефедов. Некоторые итоги раскопок дворцового комплекса Еркургана 107
С. Н. Воробьева. Об одной группе женских терракот с городища Еркурган 116
В. А. Пырин. Предварительные результаты изучения квартала металлистов Еркургана 121
И. Д. Иваницкий. Жилой дом VIII в. в Самаркандском Согде . 126
Э. Ю. Бурякова, Т. И. Лебедева. Средневековые замки юго-западной окраины Самарканда 134
Д. П. Вархотова. Керамика VII—VIII вв. с городища Кува . . 144
О. А. Папахристу, Л. С. Баратова. Керамика из стратиграфического раскопа № 9 городища Эски Ахси (Ахсикет) . . 158
С. Р. Ильясова. Ахсикетские чираги 172
Ю. Ф. Буряков. Рабады средневекового Бенакета 179
Л. Ф. Соколовская. Новые данные о керамической мастерской квартала керамистов X—XI вв. на городище Афрасиаб . . 189
М. Р. Тихонин. Некоторые моменты из истории материальной культуры средневекового Шахджувара 198
Б. Д. Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 10 (Караханиды) 207
В. Д. Рузанов. Химический состав металла могильника Чакка . 214
Г. К. Ходжайова, М. И. Молдавский. Материалы к палеопатологии Узбекистана 220
А. Р. Батыров. Фаунистические остатки млекопитающих поселения Джаркутан 228
Список сокращений 236

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 24

Утверждено Ученым советом Института археологии, Бюро отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *И. Я. Ильясова*
Художник *А. И. Бахрамов*
Технический редактор *Г. П. Негматова*

ИБ № 5278

Сдано в набор 20.08.90. Подписано к печати 20.09.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 1000. Заказ 220. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

В Издательстве «Фан» УзССР выходит в свет монография:

А в а н е с о в а Н. А. **Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям).**

В монографии впервые дан полный свод металлических изделий скотоводческих племен, населявших огромные просторы степей, лесостепей и полупустынь Средней Азии, Казахстана, Сибири и Урала.

Всего на рассматриваемой территории, занятой племенами андроновской культурно-исторической общности, учтены сведения о 600 орудиях труда и предметах вооружения, 500 украшениях (не считая бус и бисера), более 20 литейных формах. Это материалы 96 могильников, 14 поселений, 10 кладов и некоторых случайных сборов. Впервые представлена их типологическая классификация, разработанная методами технико-морфологического метрического исследования.

Для археологов, этнографов, студентов исторических факультетов вузов.

Заявки направлять по адресу:
700029, Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73.
Среднеазиатская контора «Академкнига».

Ва .50к.]